

UNIVERSITY OF TORONTO

3 1761 00324480 3

Purchased for the
LIBRARY of the
UNIVERSITY OF TORONTO
from the
KATHLEEN MADILL BEQUEST

р. 62203

у номеру солидного японского
за 1934 г. была разослана кни-
. Эта «Хрестоматия» составлена
стороны советской жизни и на-
матия» может служить прекрас-
кой литературы о СССР. Тон
в подавляющем большинстве не
ых даже дружественный. Но од-
м» 2—3 махровых антисоветских
военного министерства И. Хо-
ного мрачные «впечатления» от
сь нейтрализовать то выгодное
ре может сложиться у читателя
Хоригэ попытается набросить тень
в роли возможного инициатора
Россия без прикрас», Хоригэ
ателя, что «современная Совет-
во, к которому нужно отнестись
ему миру Хоригэ видит... в пре-
пишет:

ия армия.—Е. Ж.) превосходит
в количественном отношении.
вки она превосходит любую ар-
ей армии. С любой точки зрения
армий великих держав. И эта
аявления Советской страны, не

30

ДУМЫ И ШЪСНИ

Д. Д. МИНАЕВА

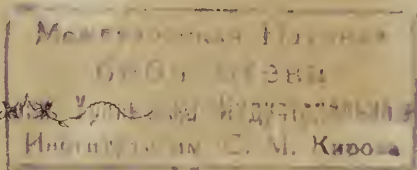
II

ЮМОРИСТИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

ОБЛИЧИТЕЛЬНАГО ПОЭТА

(ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА).

ИЗДАНИЕ ТИПОГРАФИИ В. ГОЛОВИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи В. Головина, у Владимірской церкви, домъ барона Фредерикса № 15.

1864.

См. 6220

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 ноября 1864 года.

PG

3467

M484 A17

1864

Обличи ихъ во дни!...

Go, Soul, the body's guest....

Поэтъ! не для пѣсенъ «къ природѣ»
Тебя человѣчество ждетъ.
Иди ты смиренно въ народъ,
Когда-жь попадуться въ народѣ
Льстецы, шарлатаны, ханжи —
Обличи ихъ во дни!...

Иди, укажи ты вельможѣ,
Какъ ползаетъ ищій въ пыли;
Скажи филантропамъ земли,
Что рѣчи ихъ — съ дѣломъ не схожи,
А крикнуть тебѣ: докажи!
Обличи ихъ во дни!

Тиранамъ скажи безъ боязни:
Величiе ваше — миражъ,
Единственный памятникъ вашъ

Однѣ лишь кровавыя казни.
 Когда-жъ возразятъ палачи —
 Ихъ во лжи обличи.

Скажи трудолюбію — ты хило,
 Любви — ты давно растлена.
 Всѣмъ людямъ скажи, что дана
 Имъ въ будущемъ только могила,
 А крикнуть тебѣ: докажи!
 Обличи ихъ во лжи!

Скажи красотѣ: ты увянешь;
 Ты, честность, погнивъ сердца.
 У ногъ золотого тельца,
 Обманывать, ползая, станешь,
 А крикнуть тебѣ: докажи!
 Обличи ихъ во лжи!

Скажи всѣмъ изношеннымъ фразамъ,
 Что близокъ ихъ скорый конецъ,
 Скажи, мудрецамъ, наконецъ,
 Что умъ ихъ заходитъ за разумъ,
 А крикнуть тебѣ: докажи!
 Обличи ихъ во лжи.

Наукѣ скажи: ты старуха,
 Которая бредитъ сквозь сонъ.
 Скажи: ты безсиленъ, законъ,
 И ты, правосудіе, глухо.
 А крикнуть тебѣ: докажи!
 Обличи ихъ во лжи!

Скажи, что безмысленно счастье,
 Природа скупа и нѣма,
 Что дружба продажна сама,

И пѣтъ въ милосерды — участы;
А кригнуть тебѣ: докажи!
Обличи ихъ во лжи!

Скажи горожанамъ: вы пали
Въ глубокой, постыдный развратъ,
И что добродѣтели кладъ
Напрасно бы въ мѣрѣ искали.
А кригнуть тебѣ: докажи!
Обличи ихъ во лжи!

Но если свои идеалы
Ты пичилъ въ прихожихъ вельможъ,
Гдѣ самъ проповѣдывалъ ложь,
То лучше слагай мадригалы,
Дразня и желанья и слухъ
У перевозныхъ старухъ.

Осенній день.

Осень быстрымъ полѣтомъ къ намъ снова пришла,
Остывая, кончалося лѣто...
Надъ землею всталъ туманъ и недвижная мгла
Ледяного, свинцового цвѣта,
И не смѣлъ проглянуть, пробиваясь сквозь тучь,
Солнца лѣтняго теплый, живительный лучъ.

Только дождикъ сѣчетъ, да пронзительный плачъ
Слышенъ вѣтра, какъ стоны изъ груди...
Вотъ плетутся съ возами послѣдними съ дачь
Невеселые, блѣдные люди,
Да шарманка вдали, надрываясь, визжитъ,
Да толпа занятая куда-то бѣжитъ ..

Я на улицѣ; воздухъ и влаженъ и сыръ.
Озабоченъ ищущи я квартиры...
Много видѣлъ я пышныхъ, роскошныхъ квартиръ
Въ шумныхъ улицахъ нашей Пальмиры,
Да не тѣхъ было нужно, и я отыскалъ
Отдаленный, глухой, позабытый кварталъ.

Много видѣлъ пріютовъ я тѣмныхъ, сырыхъ:
 Стѣны въ плѣсени, сгнившія рамы, —
 Гдѣ не разъ, среди нуждъ и заботъ трудовыхъ,
 Совершались незримыя драмы,
 Не одна надломилась разбитая грудь,
 Не одинъ трупу въ могилу сошелъ отдохнуть.

Я оставить спѣшилъ этотъ темный кварталъ
 Угнетеннаго, лицаго міра.
 Вижу домъ; надъ воротами я прочиталъ
 На доскѣ: «отдается квартира».
 Отъ чего-же не взглянуть? Домъ какъ слѣдуетъ — домъ,
 И пустился на-верхъ я параднымъ крыльцемъ.

Вотъ шестнадцатый номеръ... Миѣ встрѣчу, въ дверяхъ,
 Появилась старуха сѣдая
 Въ сѣромъ теплому капотѣ, въ огромныхъ очкахъ, —
 Да собачка мохнатая, лая;
 Запахъ жжёнаго кофе въ лицо миѣ пахнулъ...
 Я пошелъ за старухой, квартиру взглянулъ:

Мебель старая; въ мутныя стекла окна
 Свѣтъ едва проходилъ; мрачно, пусто
 Въ темной комнатѣ, — въ нишѣ овальной видна
 Полка книгъ, а надъ нею два бюста,
 Да въ тѣни, гдѣ стояла въ простѣнкѣ рояль —
 Два портрета висѣли — Жоржъ-Занда и Сталь.

«Мебель эта чужая и скоро свезутъ
 Все отсюда», — сказала старуха.
 — «Здѣсь съѣзжаютъ еще»? я спросилъ. «Нѣтъ, ужь тутъ
 На кладбище отѣхали!».. глухо
 Отвѣчала она, «нынче ровно семь дѣнь,
 Какъ на Волково гробъ постоялки свезенъ».

Какъ извѣстно — развязень языкъ у старухъ.
И мои любопытныхъ два слова
На печальныйъ разговоръ ее вызвали вдругъ.
Все въ той повѣсти было не ново,
Все знакомо, и каждому, вѣрно, не разъ
Приводилось услышать подобныйъ разговоръ.

«Здѣсь дѣвица одна проживала, — вотъ годъ
Скоро минеть», — болтала старушка:
«Институткой звалась, говорить — ея родъ
Былъ дворянскій; собой не вертушка,
Съ нравомъ тихимъ такимъ, — я жила съ ней въ ладу,
Да попуталь вотъ грѣхъ и попала въ бѣду.

«Къ ней все ѣздить одинъ, — баринъ, видно: носиль
Только бороду — значить, по модѣ,
Онъ сюда на квартиру ее и сманилъ
Отъ родныхъ; ну и жили въ свободѣ,
Жили мирно и тихо на первыхъ порахъ,
День-деньской цѣловались, да съ книжкой въ рукахъ

«До разсвѣта сидѣли... въ театры возиль
Онъ ее, — словно, счастливы были.
И всегда миѣ, какъ мѣсяцъ къ концу подходиль,
За квартиру исправно платили.
Такъ полъ-года прошло безъ бѣды, а потомъ
Вѣтеръ новый подулъ и пошло все вверхъ дномъ.

«Пересталь онъ къ ней ѣздить, — любовь-то прошла, —
Видно новыя встрѣтилъ примашки,
Надоѣла!.. Извѣстно: на то вѣдь пошла!
Незавидная жизнь содержанки.
Стала таять, бѣдияжка, дни, почи...безъ сна,
Да какъ разъ письмецо получила она, —

«Такъ и грохнулась объ полъ; чуть-чуть я ее
 Не свезла въ это время въ больницу.
 Къ ней сожитель писалъ, что иное житье
 Долженъ выбрать и бросить столицу,
 Противъ, будто бы, воли, а ей высылать
 Будеть деньги по почтѣ и письма писать.

«Ну, мнѣ было хлопотъ! Тутъ въ постелю слегла,
 Чуть живая моя постоялка;
 Стала бредить, метаться, горячка пришла, —
 На больную взглянуть было жалко.
 Какъ свѣча вдругъ сторѣла, при мнѣ умерла...
 Такъ угодно квартиру? Я съ васъ бы взяла

И дешевле»... Но быстро я выбѣжалъ вонъ,
 А на улицѣ тѣмно и глухо,
 И все мнилъся мнѣ женскій, болѣзненный стоиъ,
 Бѣлый гробъ и сѣдая старуха,
 И разбитая жизнь, и разбитая грудь,
 Этотъ — многихъ несчастныхъ безрадостный путь, —

Тѣхъ, чьей жизни любовью никто не согрѣлъ,
 Но смутилъ и стыдомъ и боязнию
 И чье имя презрительно каждый умѣлъ
 Забросать оскорбленія грязью,
 Надъ чьимъ гробомъ шептать съ дерзкой злостью спѣшать
 Безпощадное, страшное слово «разврать».

Я бѣжалъ, чтобъ тоскливую боль превозмочь...
 Вѣтеръ также все стонеть да плачетъ,
 День туманный смѣняетъ туманная ночь,
 Да всё дождь въ брызгахъ улицей скачетъ,
 Да шарманка вдали, надрываясь, визжитъ,
 Да толпа занятая куда-то бѣжитъ.

Лѣвой-Правой!

Свѣжъ, завить, причесанъ гладко,
Въ парикъ съ двойнымъ проборомъ,
Улыбается такъ сладко,
Мало занять разговоромъ.
Въ чистыхъ дѣвственныхъ перчаткахъ,
И въ услугахъ безконечень,
Онъ начальствомъ въ беспорядкахъ
Никогда не былъ замѣченъ.
Съ нимъ молчанье неразлучно,
Но за то, какъ воинъ бравый,
Онъ, гдѣ нужно — крикнетъ звучно:
— Лѣвой-правой, лѣвой-правой!..

Кавалерамъ бывши дамскимъ,
Чуждъ онъ моднаго трезвона,
И обѣдаетъ съ шампанскимъ
Очень часто у Донона;

Свѣта высшаго скиталець
 Знаеть точно онъ науку,
 Чтò подать кому — гдѣ палець,
 Гдѣ два — три, а гдѣ всю руку.
 На бильярдѣ, кію вѣрный,
 Подвизается со славой,
 Ходить съ выправкой примѣрной —
 Лѣвой-правой, лѣвой-правой!.....

Трудъ считая лишней ношей,
 Изо всей литературы,
 Объ одной онъ Ригольбоши
 Перечитываль брошюры.
 Аплодироваль Ристори,
 Увлекался Марковецкимъ,
 И сидѣть при шумномъ спорѣ
 Онъ съ молчаніемъ мертвецкимъ.
 И въ прогрессѣ и въ наукѣ,
 Передъ гласностью лукавой
 Умываль всегда онъ руки —
 Лѣвой-правой, лѣвой-правой!..

Былъ вездѣ онъ скромно весель,
 И, — поклонникъ всѣхъ балетовъ —
 Въ бенефисъ бралъ пару кресель:
 Для себя и для букетовъ.
 Надъ ковромъ его кровати,
 Съ увлеченіемъ поэта
 Муравьевой и Розатти
 Два повѣшено портрета.
 Онъ гордился безконечно
 Межъ актрисъ почетной славой,
 Но принципъ его сердечный —
 Лѣвой-правой, лѣвой-правой!...

Безъ душевныхъ бурь и ломки
Опъ судьбой своей утѣшенъ;
Подъ надзоромъ экономки
Сонъ его всегда безгрѣшенъ.
Подъ атласнымъ одѣяломъ
Грезить онъ, — сны ясны, тихи —
О невѣстѣ съ капиталомъ,
О стотысячной купчихѣ, —
Лишь порой, въ просонкахъ, громко,
Крикнетъ въ позѣ величавой,
Такъ что вздрогнетъ экономка:
— Лѣвой-правой, лѣвой-правой!..

Два заката.

Солнце; день чудесный; вѣтъ мглой и жаромъ;
Улицы пустыни, — кой-гдѣ тротуаромъ
Промелькнетъ прохожій, да, порой, на клячѣ
Ломовой извозчикъ проѣзжаетъ съ дачи.
У окна сижу я, — предо мной печальный
Подъ окномъ проходитъ поѣздъ погребальный.
Въ пышномъ катафалкѣ, въ золотѣ, съ гербами,
Гробъ везутъ вельможи, а за нимъ рядами
Тянутся кареты, въ нихъ мелькають лица,
Ясныя, живыя, словно ихъ возница
Мчитъ на балъ, на раутъ, а не на помники —
Ни на чьихъ глазахъ я не видалъ слезники.
Говоръ, смѣхъ и шутки... Слезъ святая влага
Вѣрно надъ тобою не прольется, скряга!
Вѣрно эти слезы съ несдержимой силой
Не всегда струятся надъ чужой могилой!
Жилъ ты, какъ и умеръ... Старая ужь повѣсть,
Путь, гдѣ безъ боренья загрязнилась совѣсть,
Гдѣ молчали чувства проблески съ издѣтства...
Но теперь оставилъ внукамъ ты наслѣдство,

Капиталь огромный имъ достался въ руки;
 Какъ на праздникъ ѣдутъ на кладбище внуки!
 Весело проводить, весело схоронять,..
 И изъ глазъ слезинки ни одной не сронять...
 Вотъ проѣхалъ поѣздъ, — но картина эта
 Привела на память мнѣ иное лѣто.
 Также солнце грѣло, таялъ воздухъ мгlistый,
 Городъ былъ закутанъ пылью золотистой;
 Узкимъ переулкомъ, на рукахъ несли мы
 Гробъ простой и бѣлый, — и неудержимы
 Были наши слезы надъ цвѣтами гроба;
 Голова горѣла... Желчь, рыданья, злоба —
 Прожигали мозгъ мой, грудь мою давили:
 Чуждое созданье мы похоронили.
 Бѣдное созданье... Женщина святая,
 Велика была ты, даже умирая!..
 Жребій твой печальный — жребій очень многихъ:
 Отъ родныхъ надутыхъ, закрубѣлыхъ, строгихъ
 Съ бѣднякомъ ушла ты... и любовь и воля! —
 Да не то сулила горемычной доля.
 Встрѣтила васъ бѣдность, нужды, голодъ, стужа,
 Скоро схоронила ты больного мужа
 И одна осталась; сердце-жь было твердо:
 Ты на всѣ исканья отвѣчала гордо,
 Не упала въ пропасть, гдѣ въ потокѣ грязномъ
 Столько жертвъ убито роковымъ соблазномъ;
 Ты боролась долго, но судьба сломила
 И разбилась, сгибла молодая сила...
 И теперь, предъ гробомъ дряхлаго вельможи
 Образъ твой прекрасный, чище и моложе
 Всталъ передо мною, блѣдный и безгласный,
 И не въ радость былъ мнѣ этотъ воздухъ ясный,
 Это утро мая, яркая денница
 И во мглѣ недвижной мертвая столица.

Прогрессъ.

(Изъ Барбье).

Напрасно столѣтя встають передъ нами
И предковъ угрюмыя лица;
Напрасно пугаетъ кровавыми снами
Исторіи прошлой страница!

Какіе уроки въ кострахъ погребальныхъ
Отжившаго гнета и муки!
Но ту же дорогу отъ дѣдовъ печальныхъ
Наслѣдуютъ блѣдные внуки...

Давно-ли, оковы обвинши цвѣтами,
Какъ дѣти, въ невѣдѣньи дивномъ,
Съ восторженнымъ плескомъ, омыты слезами,
Свободу мы встрѣтили гимномъ?

Но чудная дѣва съ улыбкой страданья
Прошла, какъ волшебная сказка,
Лишь памятна намъ роковыя лобзанья
И дѣвы мертвящая ласка.

Гдѣ-жь сны золотые? гдѣ новое знамя
Народнаго счастья и славы?
Надъ нами въ дыму, сквозь зловѣщее пламя
Всталъ призракъ свободы кровавой.

Дни черныя встали: свистъ ядеръ, картечи,
Вопль смерти взывающій внятно,
И труповъ простертыхъ безъ звука и рѣчи
Багровыя, черныя пятна.

Кровавой рѣзней опьяненные люди,
Убійць не дрожавшія руки,
Штыками пробитыя женскія груди,
Дѣтей окровавленныхъ муки...

Все дряхлое, сгнившее стараго міра
Опять поднялось сквозь обломки,
И стонуть, какъ предки, у праха кумира
Кумиръ свой разбивши потомки.

Я м б ы.

(Изъ Барбье).

I.

Въ дни, когда мнѣ въ сердце желчь не заплзала
И некаль я въ небѣ вѣры, идеала,

И душа съ сомнѣньемъ дерзкимъ не боролась —
Вдругъ съ лазурной выси я услышалъ голосъ:

«Перестань, безумецъ! Не ищи кумира
Въ томъ безстрастномъ царствѣ мертваго эмира,

Гдѣ лишь тучи вьются, снѣгъ и дождикъ сѣя.
Гдѣ замреть беззвучно вызовъ фарисея,

Гдѣ на стоишь и вопли бѣднаго народа
Смотрить безучастно вѣчная природа...

Воздвигая храмы древнимъ истуканамъ,
Люди не подкупятъ неба фиміамомъ,

И дымокъ ничтожный купленныхъ курений
Вѣтеръ вкругъ развѣетъ въ нѣсколько мгновений...

Гдѣ былъ садъ Олимпа — тамъ теперь пустыни,
Свергнуты все боги, все его богини,

Марсы, Аполлоны сбиты съ колесницы —
Рухнули кулисы дряхлой небылицы

И сквозь ихъ лохмотья мысль людей прозрѣла
Бездну безъ границы, бездну безъ предѣла,

Вѣчное пространство съ тьмою неизмѣнной,
Океанъ бездонный, темный гробъ вселенной»...

II.

Нѣтъ опоры въ небѣ... Гдѣ-жъ искать опоры?
И къ землѣ невольно обращаешь взоры.

Вотъ онъ, этотъ омутъ грязи и разврата,
Гдѣ за лоскутъ платья брать идетъ на брата,

Гдѣ голодной смертью надъ сухою костью
Издыхаютъ люди съ скрежетомъ и злостью,

Гдѣ кипитъ торговля совѣсти и чести
На толвучихъ рынкахъ нищенства и лести,

Гдѣ лишь преступленьемъ страшенъ и громаденъ
Смрадный мѣръ шипящихъ, ползающихъ гадинъ.

Вотъ приютъ безстыдства: буйные, хмѣльные
Слышны только крики, шутки площадные,

Пятна черной крови видны подъ ногою,
Циникъ шеть, обнявшись съ женщиной нагою.

Тамъ, съ пеленъ утративъ стыдъ отроковицы,
Ласками торгуютъ наглыя блудницы,

Тамъ порокъ въ наслѣдство получаютъ внуки
И предъ святотатетвомъ не трепещать руки,

Тамъ и у ребенка сонъ одинъ проклятый —
Гробъ скорѣй увидѣть матери богатой,

Гробъ старушки нѣжной, свято такъ любившей,
И столкнуть въ могилу трупъ ея остывшій.

Деньги, деньги, деньги — эта язва вѣка
Всюду зачумила сердце человѣка

И въ житейской тинѣ дрызговъ и волненья
За однимъ другое гаснетъ поколѣнье.

III.

Брось же ты, безумецъ, дѣтскія надежды,
Брось ихъ какъ худыя, ветхія одежды, —

Такъ негодный посохъ, взятый на забаву,
Мы бросаемъ молча въ первую-жъ канаву, —

И потомъ, ни разу не вздохнувъ о прошломъ,
О какомъ-то счастьѣ, о довольствѣ пошломъ,

Проходи безъ цѣли по тропинкѣ темной,
Ты, земныхъ волнений зритель хладнокровный.

Заморозивъ слезы, этотъ даръ вдовицы,
Не давай имъ падать съ высохшей рѣсницы,

И съ остывшимъ сердцемъ, сберегая силы,
Такъ иди безстрастно до дверей могилы.

Если-жь часъ наступитъ, и среди дороги
У тебя въ безщельи подогнутся ноги,

И въ усталомъ тѣлѣ кровь заledenѣтъ,
И дыханье смерти холодомъ повѣтъ,

Братъ мой утомленный! закрывая очи,
Посмотри безъ страха въ тьму могильной ночи,

И безъ угрызений, безъ тоски, безъ боли,
Своротн съ дороги на пустое поле,

Лягъ подъ первымъ камнемъ, вытянись бодрѣ,
И какъ песъ голодный издыхай скорѣ.

Прологъ.

(Изъ Барбье).

Пусть риторы кричатъ, что рѣзкій стихъ мой золъ,
Что грязь на немъ видна, да кровь, да желчи пѣна,
Что предъ кумирами народными я шель,
Безъ преклоненія, съ цинизмомъ Діогена,
Что съ хохотомъ встрѣчалъ я золотыхъ тельцовъ,
И не дрожалъ рабомъ предъ прихотью тирановъ...
Пусть раздается крикъ всѣхъ пасквилей—творцовъ,
Умъ растлѣвающихъ безстыдныхъ шарлатановъ.
Какое дѣло мнѣ! — пусть паѳосомъ не разъ,
Торгуя по грошамъ, всѣ вопятъ о развратѣ
И пляшутъ въ мишурѣ, на полѣ громкихъ фразъ
Они — какъ гаеры на вздернутомъ банатѣ.
Да, стихъ мой грубъ, и не сдержимъ разбѣгъ
Словъ проклинающихъ и слезъ негодованья,
Но тѣмъ моимъ слезамъ рыданьемъ вторить вѣкъ,
Съ моими воплями слышисъ его страданья.

Вотъ почему, порой, такъ пѣнитъ гнѣвъ и кровь
Мой желчный, рѣзкій стихъ, всё разорвавшій узы,
А между тѣмъ не злость, а кроткая любовь
Дрожитъ въ рыданіяхъ моей суровой музы.

IV Я м б ъ.

(Изъ Барбье).

Есть дни тяжелые: душа болитъ и поетъ,
Въ мозгу, въ больной груди бунтуетъ желчь и ядъ;
На небѣ мракъ лежитъ, тоскливо вѣтеръ воетъ
И волны мутныя клубятся и кипятъ.
Стволъ дерева, какъ трупъ нагой и обнаженный,
Дрожитъ, и вѣтвями засохшими поникъ,
А гдѣ-то тамъ, вдали, томящій, похорошннй
Все стонетъ колоколь, какъ передемертный крикъ...
Вотъ тащутъ чей-то гробъ на дорогахъ безобразныхъ,
За гробомъ нищіе, ихъ страшень дикій вой;
На улицѣ — толпа, но лицъ не встрѣтишь праздныхъ, —
Всѣ пасмурны, больны, измучены хандрой.
И если въ тѣ часы, подъ кровъ уединенный
Захочешь ты бѣжать, — забыться, отдохнуть,
И къ груди женщины любимой, неизмѣнной,
Склонить усталую, измученную грудь,

То даже тамъ, въ тиши, гдѣ такъ теплы объятья,
Гдѣ дышетъ съ женскихъ устъ дыханіе любви,
Какой то тайный духъ сомнѣнья и проклятья
Съ злобѣщимъ хохотомъ спугнетъ мечты твои,
И въ миломъ образѣ — безстрастный и всецѣльный —
Въ атласѣ пѣжныхъ щекъ, въ живой игрѣ лица —
Заставитъ чувствовать холодный трупъ могильный
И черепъ высохшій съ скелета мертвеца. —

Изъ Барбье.
(La Popularité.)

La popularité! c'est la grande impudique
Qui tient dans ses bras l'univers.

То славолюбья страсть, объявшая народъ!
Смотрите: вотъ она, какъ юная блудница,
Нагая, безъ одеждъ, съ руками на отлётъ,
При знойномъ блескѣ дня, властительная жрица,
На ложе жаркое весь міръ къ себѣ зоветь.
То — море тихое, за часъ до грозной бури,
Когда нѣтъ облачка на теплыхъ небесахъ,
И солнце жгучее глядитъ съ высотъ лазури,
Играя искрами алмазными въ струяхъ,
И волны робкія, ласкаясь какъ рабыни,
Съ любовнымъ шепотомъ ложатся средь песковъ,
И какъ любовница — безбрежныхъ водъ пустыня
Лелѣетъ сладкій сонъ безпечныхъ моряковъ;
То море — въ бѣшенствѣ морского урагана,
Когда, подъ гулъ громовъ, могучая волна
Вдругъ вспрянетъ ярая, какъ призракъ великана,

И море темное готово взрыть до дна;
Иль онѣмѣвъ на мигъ, взлетя на верхъ горою,
Со стономъ рушится морской гигантскій валъ,
И груди волнъ, сбѣгаясь межъ собою,
Хохочуть и режутъ у ногъ прибрежныхъ скалъ;
То море — какъ боець, въ остервененьѣ гнѣва,
Крутясь, неистово вокругъ себя все рветъ,
И съ пѣною вокругъ усть, упавъ на землю чревомъ
Рукой кровавою песокъ морской деретъ;
То море, наконецъ, вакханкой иступленной,
Въ изнеможеніи упавшей отъ страстей,
Безъ силъ, смиряется, волною изнуренной
Бросая на берегъ, то трупъ окровавленный,
То кость иль остовы растерзанныхъ людей.

К I А Я.

Из Барбье.

(Посвящ. Н. Е. Симакову).

Поэтъ и рыбакъ.

Поэтъ.

Ты счастливъ, другъ-рыбакъ, средь вольной нищеты.
Завидую тебѣ! желалъ бы я, какъ ты,
Тянуть морской канатъ вдоль тихаго залива,
И неводъ мокрый свой, развѣсивъ на кусты,
На солнцѣ, жаркимъ днемъ просушивать лѣниво!
Завидую тебѣ! Когда багряный день
Въ туманныхъ сумеркахъ утонетъ за горами,
Слѣдишь ты съ палубы, какъ мягко ночи тѣнь
Безмолвнымъ призракомъ всплываетъ надъ волнами.
А я, — о, добрый другъ, пойми мою печаль:
Мнѣ берегъ родины сталъ берегомъ изгнанья;
Дворцы Неаполя, небесъ родныхъ эмаль,
И солнца яркѣй блескъ, и роцъ благоуханья

Уже не радуютъ, не веселятъ мой взоръ, —
 Все здѣсь мнѣ говоритъ про общій нашъ позоръ,
 Напоминаетъ мнѣ, что здѣсь я — чужестранецъ.
 Вы — небо теплое, вершины снѣжныхъ горъ,
 Садовъ душистыхъ миртъ и пышный померанецъ,
 День свѣтомъ залитой и вечера румянецъ,
 И воздухъ тающій и волны пышныхъ нивъ,
 Везувій пламенный и здѣсь у ногъ, зеркальный,
 Подъ нѣжный шопоть струй стихающей заливъ,
 Вы — счастья прежняго послѣдній слѣдъ печальный,
 Меня не грѣте, я сталь и слабъ и хилъ;
 Перо не слушаетъ; лишь кисть возьму съ боязнью—
 На бѣломъ полотнѣ выходятъ краски грязью,
 И я съ проклятіемъ треножникъ свой разбилъ
 И лиру мертвую отбросилъ съ неприязнью.
 И вотъ, въ полдневный жаръ, неволи общій рабъ,
 Брожу я по полямъ, сожженнымъ солнцемъ жгучимъ.

Рыбакъ.

Я понимаю, другъ, какимъ ты горемъ мучимъ,
 Я знаю, отчего ты бродишь вялъ и слабъ,
 Понутивъ голову, закутанъ въ плащъ дырявый,
 По почвѣ каменной, залитой жаркой лавой.
 Я знаю все, мой братъ, и хоть мой грубъ языкъ,
 Но сердце теплое подъ грубымъ платьемъ бѣтается;
 И я, какъ ты, поэтъ, отъ радостей отвыкъ,
 Да и кому теперь жизнь ясно улыбнется?
 Кто наряжается? кто въ праздникъ надѣвать
 Рѣшится на себя вѣнокъ изъ винограда?
 Кто пѣть начнетъ изъ насъ и весело плясать
 Въ тотъ часъ, какъ спустится вечерняя прохлада?
 Нѣтъ, не до пѣсенъ намъ; глухихъ рыданій стоишь
 Напѣвы нѣжные гнететь и подавляеть,
 И наша жизнь, мой другъ, какъ выжатый лимонъ,

Своею горечью насъ всюду отравляетъ.
 Мы — дѣти матери свободной съ давнихъ поръ,
 Должны ярмо влачить съ терпѣніемъ ослицы,
 Подъ игомъ пришлецовъ краснѣть за свой позоръ
 И лить кровавый потъ съ денницы до денницы.

Поэтъ.

Ты все-жь счастливѣе; тебѣ въ удѣлъ дано
 Всегда свободное, какъ этотъ воздухъ, море,
 И если на землѣ все зломъ заражено,
 И если съ берега къ тебѣ пахнуло горе, —
 Ты можешь броситься въ свой легкой, быстрый челнъ;
 Два сильныхъ взмаха рукъ — и темный берегъ тонетъ
 Въ туманѣ, назадъ, лишь рядъ жемчужныхъ волнъ
 Вокругъ тебя, рыбакъ, лаская, вѣтеръ гошитъ;
 Тамъ, голову поднявъ, ты можешь отдохнуть,
 Забывъ тотъ міръ земной, что грязенъ такъ и тѣсенъ,
 И можешь облегчить надломленную грудь
 И горе высказать въ порывахъ страстныхъ пѣсенъ;
 Тамъ станешь плакать ты, своихъ не пряча слезъ,
 Ихъ капли теплыя съ рыданьемъ примутъ волны.
 Но мы, возросшіе подъ тѣнью нашихъ лозъ,
 Земли изгнанники, мы, тайной злобой полны,
 Должны всю боль души, гной нашихъ ранъ скрывать
 Подъ палкою гостей незванныхъ и безчестныхъ,
 И двадцать разъ на дно безмолвно умирать
 Съ невозмутимостью животныхъ безсловесныхъ;
 Должны крикъ ужаса тогда въ себѣ давить,
 Когда-бы закричалъ отъ боли самый камень,
 И гдѣ нибудь въ углу, украдкой слезы лить,
 Глотая этихъ слезъ горячій, острый пламень.
 Измѣны всюду здѣсь боятся и дрожатъ
 Въ семьѣ, въ кругу друзей, въ любви, въ самомъ
 развратѣ,

И если говорить начнеть съ тобой твой братъ —
Боишься ты найти предателя и въ братъ.

Рыбакъ.

Но будетъ не всегда-жь противный вѣтеръ дуть
И рвать намъ паруса... Не все-жь бѣды да слезы,
Дождемся наконецъ и мы когда ишбудь
Безбурныхъ, теплыхъ дней; губительныя грозы
Какъ тучи пролетятъ надъ нашей головой,
И всѣ мы, отдохнувъ отъ голода и боли,
Въ лохмотьяхъ рубища, съ дырявою сумой
Не станемъ, ползая, нести весь стыдъ неволи;
Не все же намъ, влачась подъ сумракомъ ночей,
Въ сору, въ грязи канавъ, въ кварталъ отдаленномъ,
Для нашихъ плачущихъ отъ голода дѣтей
Объѣдки отрывать съ рыданьемъ затаеннымъ;
Не все-жь тяжелый гнетъ, на камнѣ сонъ тупой,
Неблагодарный трудъ и плачь во всю седмицу,
Не все-жь раздавленнымъ суровой нищетой
Намъ умирать ходить въ холодную больницу...
Надеждѣ вѣрю я, и любо мнѣ терпѣть,
Лежать на берегу и съ моря ждать погоды,
Иль, бросивши весло, закинуть въ море сѣть
Въ тотъ часъ, когда заря зальетъ румянцемъ воды.
Не даромъ вѣрю я, что день тотъ не далекъ,
Который ловлею окончу я счастливой,
И изъ моихъ сѣтей, изъ глубины залива,
Стряхая съ косъ серебряный песокъ,
Свобода выплыветъ, смѣла и горделива...

Поэтъ.

Она, рыбакъ, она, свобода, дочь морей,
Сестра богини волнъ, ногою ступить бѣлой

На зыбкую корму, въ кругъ старыхъ рыбарей?
 О, я боюсь; мой братъ, чтобы твой голосъ смѣлый
 Не прозвучалъ въ пустынь!.. Гости этой грудь,
 Ея объятія съ любовью всеѣмъ раскрыты,
 Но нашъ народъ ей чуждъ, къ нему закрыть ей путь...
 Чтò стали мы теперь? — Тупые сибариты,
 Которыхъ идеаль — безсмысленный развратъ,
 Пріапа храмъ, вино и вакханалій пляска,
 Въ которыхъ мысль и воля дружно спать,
 И со щетки давно стыда сбѣжала краска.
 Въ мамонѣ сердце ихъ и въ головѣ — мамонъ;
 Валяясь на спинѣ отъ соку винограда,
 Они, кощунствуя, глядятъ на небосклонъ...
 Обжорство — вотъ ихъ богъ, ихъ муза, ихъ награда,
 А если въ тяжкій годъ придется взять имъ мечъ,
 Они безмолствуютъ...

Рыбакъ.

О, не вини народа,
 Котораго ты сынъ. Къ-чему проклятыя рѣчь,
 И гордость генія? Повѣрь мнѣ, что природа
 Твоей земли не такъ скудна; вѣрь мнѣ: народъ
 Твоей почвы не такъ скучен; въ ней скрито много силы,
 Въ ней сѣмя истины безъ пользы не умретъ,
 Лишь былъ-бы свѣтлый. Той силѣ нѣтъ могилы;
 Она безъ-устали всегда невидимо живетъ,
 Добромъ платя за зло, за мщеніе наградой,
 Роститъ могучій дубъ, намъ людямъ мощь даетъ
 И вѣчно трудится съ любовью и отрадой.
 Той силы мы вездѣ встрѣчаемъ слѣдъ живой,
 Вездѣ ея рука и сильный, звучный голосъ:
 Она среди пустынь плодъ нѣжитъ наливной,
 На почвѣ каменной роститъ златистый колось.
 Какъ ни дави ее, ни мучь, ни унижай,

Она прорвется вновь могучею струею,
 Усталый духъ людей и цѣлый падшій край
 Вдругъ освѣжить здоровою волною, —
 И тотъ народъ, бессмысленный отъ сна,
 Въ порокъ гбнувшій и ползавшій когда-то,
 Дастъ міру, наконецъ, изъ омота разврата
 Людей прославленныхъ святыя имена.

Поэтъ.

Ахъ, еслибы ты зналъ, какъ тяжело мысль скрывать,
 Когда она жжетъ мозгъ и черепъ давить-давить,
 Ты началъ бы, какъ я, со злобой проклинать.
 Но жизнь твоя проста, и что меня печалить,
 Мутитъ все желчь мою и сердце тайно жалить,
 Ты не поймешь, рыбакъ! Тебѣ нельзя понять,
 Какъ возмутительно не смѣть обняться съ братомъ,
 Тянуться къ солнцу, къ дню и мракомъ быть объ-
 тымъ,

Имѣть крыло у плечъ, всѣ силы на полетъ,
 И ползать здѣсь въ грязи, какъ связаннымъ орлятамъ.
 А жизнь не ждетъ межъ тѣмъ, за годомъ годъ идетъ,
 Мы вялы и больны подъ старческою гнилью,
 На сердце нѣтъ надеждъ и мечъ насъ не зоветъ,
 Въ ножнахъ съѣдаемый и ржавчиной и пылью.
 Такъ съ каждымъ днемъ могила ближе къ намъ,
 Бесиліе души и тѣло убиваетъ,
 И гордый геній нашъ, какъ бесполезный хламъ,
 Въ забытыхъ сундукахъ подъ плѣсенью сгниваетъ.
 Для генія, старикъ, необходимъ просторъ,
 Какъ пьяницѣ нужна съ виномъ большая чаша,
 И я... я ждать усталъ; то горе, то позоръ
 Убили духъ во мнѣ, — чужда мнѣ почва наша.
 Что пользы ждать теперь и рваться? Такъ кастратъ
 Дрожитъ надъ дѣвою въ безсилыи иступленномъ...

О, если здѣсь ни въ комъ, въ народѣ утомленномъ
Нѣтъ силъ на подвиги, и если всё здѣсь спятъ —
Уйду отсюда я къ друзьямъ иноплеменнымъ.

Рыбакъ.

О, какъ нетерпѣливъ ты, пламенный поэтъ;
Съ душою пылкою, ничѣмъ неудержимой,
Дитя капризное на утрѣ дѣтскихъ лѣтъ,
Умѣй терпѣть и ждать — усталый и гонимый.
Но если насъ тебѣ покинуть суждено,
Для лучшихъ береговъ, для новыхъ впечатлѣній,
Ты сбереги въ душѣ — то, что душѣ дано,
Не измельчай тогда въ самолюбивой лѣни.
Ты не забудь о томъ, что грудь твою согрѣлъ
Рокъ не напрасно же таланта чуднымъ жаромъ,
Всѣхъ выше головой поставленъ ты не даромъ,
И если ты падешь — каковъ же нашъ удѣлъ?
Терни-жь пока, поэтъ! На подвигъ твой великій
Дастъ силы новыя великая душа.

Поэтъ.

Ты сердцемъ добръ, старикъ, но, гнѣвъ свой заглуша,
Ты вѣрно позабылъ, что только камень дикій,
Да тощую траву найдешь среди нашихъ нивъ,
Гдѣ не даютъ плодовъ посаженныя зерна,
Гдѣ человѣкъ сталъ мелокъ и лѣнивъ,
Безсильна мысль, добро и только зло упорно!
Дай руку мнѣ, старикъ! Иду отсюда я,
Быть можетъ навсегда Неаполь оставляю,
Къ тебѣ, къ тебѣ теперь, Калабрская земля,
Несу остатокъ силъ и руки простираю!
Поклонъ свой шлю тебѣ, далекій, чуждый кровъ,
Съ челомъ нахмуреннымъ съдой утесъ Гаргано,

Вамъ, скалы дикія съ подножіемъ лѣсовъ,
 Увитыхъ ризою нагорнаго тумана!..
 Прошу, прошу у васъ дать страннику пріютъ,
 Въ ущельяхъ темныхъ горъ, въ лѣсахъ, въ степяхъ
 раздольныхъ...

О, пусть моя душа и силы отдохнуть
 Опять среди племенъ кочующихъ и вольныхъ,
 Гдѣ жизнь не растлѣна и простъ людей языкъ,
 Гдѣ каждый человѣкъ, природѣ лишь послушный,
 Блистая красотой, свободенъ и великъ.
 Сживяся съ той средой, дѣлать-бы съ ней привыкъ
 Я всѣ труды свои и черствый хлѣбъ насущный,
 Я сталъ бы, какъ орелъ заоблачныхъ высотъ,
 Несвязанъ и могучъ въ полетѣ мысли смѣлой;
 Когда же смерть ко мнѣ украдкой подойдетъ —
 Не свяжетъ тѣла мнѣ въ могилѣ саванъ бѣлый,
 Не станетъ узкій гробъ давить своей доской,
 Но прахъ мой грудь земли возьметъ къ себѣ, ревнуя,
 И, убаюканный Циббелою съдой,
 Въ ея объятіяхъ съ улыбкою засну я;
 Изчезну вдругъ, какъ дымъ, какъ мимолетный звукъ,
 Какъ молнія въ ночи, какъ лучъ скользнувшей свѣта,
 И никогда ногой не ступитъ гордый внукъ
 На остовъ моего забытаго скелета.

Сцена изъ Фауста.

Изъ Марло, драматическаго писателя XVI вѣка.

Мефистофель.

Теперь, философъ, наше знанье
Ты испытай.

Фаустъ.

Одинъ вопросъ:
Гдѣ это царство жгучихъ слезъ,
Жилище вѣчнаго страданья,
Гдѣ нѣтъ любви и состраданья,
Ни райскихъ сновъ, ни райскихъ грѣзъ,
Гдѣ мрачный адъ?

Мефистофель.

Подъ небесами!

Фаустъ.

Опять играешь ты словами!
 Но, бѣсъ, я шутокъ не люблю.
 Скажи, гдѣ адъ, я говорю,
 Гдѣ именно и подъ какой
 Онъ широтой и долготой?

Мефистофель.

Мудрецъ вопросъ, мой другъ мудреный!
 Среди таблицъ, среди лаидкартъ
 Мы не найдемъ кромешный адъ.
 Брось циркуль свой мудрецъ ученый!
 Гдѣ адъ? вездѣ, гдѣ есть дыханье,
 Гдѣ люди падшіе живутъ,
 Гдѣ преступленья и страданья
 Обнявшись братьями идутъ...
 Гдѣ безъ надеждъ, безъ упованья
 Проходятъ дни, вѣка бѣгутъ...
 Но мѣста ада не найдутъ
 Твои прозорливыя очи.
 Его границы иѣту мочи
 Опредѣлить. Могучій адъ
 Схватилъ весь міръ въ свои объятья,
 И безъ разбора, безъ изъятья
 Во все впустилъ свой тонкій ядъ.
 Мы—дѣти ада, дѣти власти,
 Завоевали шаръ земной,
 У насъ въ рукахъ людскія страсти,
 Ихъ наслажденья, ихъ покой...
 Когда-жъ межъ дряхлыми мірами
 Падутъ обломки міріады —
 Все, что не будетъ небесами —
 Поглотитъ все собою адъ.

Фаустъ.

Останови рассказъ ужасный,
И сатаническій твой бредъ:
Въ немъ смыслу, Мефистофель, нѣтъ;
Морочь другихъ иди...

Мефистофель.

Напрасно!

Увидишь самъ — пора придетъ
И опытъ собственный докажетъ,
Тогда посмотримъ, что-то скажетъ
Нашъ мудрый Фаустъ!

Фаустъ.

Сатана!

Твоя угроза мнѣ смѣшна.
Что-жь мнѣ сулишь ты?

Мефистофель.

Знаешь самъ:

Свою ты душу продалъ намъ,
И состоишь у Люцифера,
Какъ подъ опекою...

Фаустъ.

Химеры!

Тѣ дни горячей, пылкой вѣры,
Мечты незрѣлыхъ дѣтскихъ лѣтъ,
Давно прошли, давно ихъ нѣтъ...
Пора прошла былыхъ сомнѣній

И аскетизма и любви,
 И мнѣ не страшны, мрачный геній,
 Софизмы адскіе твои.
 Избавь меня правоучеій,
 Теперь сталъ пусть мой прежній храмъ
 И не курю я фиміамъ
 Ни Зевсу, ни твоимъ бѣсамъ.
 И этой допотопной сказкой
 Ты думалъ, чортъ, меня смутить, —
 И снова школьную указку
 Хотѣлъ философу вручить?

Мефистофель.

Ну пусть въ тебѣ угасла вѣра
 И къ Зевсу и къ самимъ чертямъ,
 Не надо лучшаго примѣра —
 Здѣсь предъ собою дьяволь самъ.
 Самъ дьяволь, слышишь ли, изъ ада,
 Съ хвостомъ, съ рогами предъ тобой,
 Съ огнемъ всевидящаго взгляда
 Съ неумирающей душой.

фаустъ (сѣ волнень)

Довольно! вѣрю, вѣрю бѣсъ!
 А! ты достойный житель ада,
 Соперникъ сумрачный небесъ!
 Но — все равно!... Моя отрада —
 Земная жизнь; земные сны
 Давно мнѣ пошлы и смѣшны.
 И жизни стоитъ ли названья
 Разбитый умъ, тревожный сонъ
 Бесилья нравственнаго стонъ?
 Нѣтъ, путь безъ цѣли, безъ сознанья

Не лучше вашего страданья,
И мрачный адъ не устрашить
Души, которая ужь спить.
Но прочь о томъ воспоминае!
Еще успѣемъ!.. Слушай, бѣсъ:
Хочу, чтобъ ты сейчасъ принесть
Ко мнѣ прекрасное созданье
Небесной чистой красоты.
Найди красавицу мнѣ ты
И принеси въ мои объятя,
Пока подъ тяжестью проклятя
Я не погибъ, не изнемогъ
Увидя тартара порогъ!

(Бѣсъ исчезаетъ).

П у б л и к а.

(Съ нѣмецкаго).

Публика — это есть самъ чловѣкъ,
Сильный на многое, слабый весь вѣкъ;

Публика — женщина: дай ей гремушки,
Дай ей обшвы, цвѣты да игрушки;

Публика — это ворчунья старуха:
Слабая память и крѣпкое ухо;

Публика — это рабыня всегда:
Дѣлаеть то, что велять господа;

Публика — это весь міръ Божій разомъ:
Смысль идіота и гениа разумъ.

Я никому не колю этимъ глазъ:
Вѣдь — и не публика каждый изъ насъ.

Тьма.

Изъ Байрона.

I had a dream, which was not all a dream.

Я видѣлъ сонъ, но сномъ онъ будто не былъ.
Угасло солнце въ небѣ неподвижномъ
И звѣзды безъ лучей, безъ блеска, сбившись
Съ своихъ орбитъ носились; льдяной глуби
Земля висѣла въ мглѣ пѣмой; надъ міромъ
День не вставалъ, однѣ смѣнялись зори...
Объяты ужасомъ, какъ тѣни, мрачно
Въ чаду пылающихъ костровъ, безъ мысли,
Безъ страстей бродили люди; всѣ сердца
Слилися въ вопль, въ одну мольбу о свѣтѣ.
Вотъ вспыхнула земля: дворцы и храмы,
Селенья, города — пылали. Люди
Ихъ подожгли, чтобъ не остаться въ мракѣ
И у пылающихъ жилищъ, толпами
Сходились, чтобъ узнать въ лицо другъ друга;
Былъ счастливъ тотъ, кто у жерла волкана
Ключекъ земли найти могъ для пріюта;
Тоскливый страхъ — вотъ все, что было въ мірѣ...
Зажгли лѣса, но пламя съ жадной силой
Ихъ истребляло въ пепельныя груды:

Мгновенный блескъ — и снова царство мрака.
 При заревѣ трепещущихъ пожаровъ,
 Какъ призраки, въ борьбѣ тѣней и свѣта,
 То здѣсь, то тамъ людей вставали группы.
 Тѣ — робко ползали въ слезахъ, безъ звука,
 Закрывъ глаза; съ улыбкой дикой — тамъ,
 Въ конвульсіяхъ, сжавъ голову руками,
 Сидѣли люди тупо; съ хриплымъ воплемъ
 Иные бѣгали, въ кострахъ угасшихъ
 Напрасно раздувая чахлый пламень,
 Глядѣли въ небо — темно было небо —
 Могильный кровъ скончавшагося міра.
 И съ скрежетомъ зубовъ, съ проклятьями, въ пыли
 Крутились, выли люди; птицы съ крикомъ
 На землю пали, билися, не смѣя
 Взмахнуть крыломъ, и дикій звѣрь сталъ робокъ
 И змѣи ползали въ толпѣ, съ шипѣньемъ
 Не смѣя жалить, — ихъ душили люди
 И пожирали. Стихшая на время
 Рѣзня опять зажглась; цѣною крови
 Обѣдъ голоднымъ покушался; дико
 Другъ друга каждый бѣгалъ, чтобъ трапезу
 Свершить кровавую. Любви не стало
 Въ сердцахъ людей; лишь смерти страхъ и голодъ
 Мучительный, палящій всѣхъ томили
 И рвали внутренность. Неумолимо
 Вставала смерть — и умирали люди,
 И трупы ихъ лежали безъ могилы.
 Полуживой глодалъ скелеть собрата,
 Какъ дикій звѣрь хрипя; голодной стаей псы
 Въ куски рвали тѣла своихъ хозяевъ;
 Лишь песъ одинъ, надъ трупомъ измозженнымъ
 Стоялъ, какъ стражъ, упорно защищая
 Его отъ псовъ, людей остервенѣлыхъ,
 Лишь онъ одинъ, изъ всей голодной стаи

Надъ трупами кровавыми издохшей,
 Забыль о голодѣ, и съ слабымъ лаемъ,
 Съ протяжнымъ воемъ руку трупа долго
 Лизалъ, ласкалъ, легъ рядомъ съ нимъ и — умеръ.
 Громадный городъ вымеръ весь; лишь двое
 Еще спаслись отъ смерти, но то были —
 Враги. И подползли они къ божницѣ,
 Въ погасшій пепель гдѣ, нахально, въ грудяхъ
 Вещей священныхъ сброшены обломки.
 Руками тощими напрасно теплый пепель
 Враги, стеная, разрывали; въ напряженьѣ
 Послѣднихъ силъ — ихъ слабое дыханье
 Огонь раздуло въ пеплѣ; пламя скудно
 Сверкнуло разъ — и два: враги взглянули
 Въ лице другъ другу, вскрикнули и пали
 Безъ жизни. Видъ ихъ былъ такъ мертво-страшенъ,
 Измученъ голодомъ, что, не узнавъ врага
 Одинъ въ другомъ, они упали мертвы
 Отъ отвращенья оба...

Міръ опустѣлъ.

Могучій, шумный миръ — пѣмой могилой сталъ,
 Безъ жизни, времени, растений — глыбой
 Холодной. Всюду мракъ, хаосъ!.. Озера,
 Моря, и океанъ — сковались смертью
 Неумолимой, неподвижной, мрачной
 И ихъ покой ничто не возмущало.
 Лишь гнили корабли въ моряхъ; ихъ мачты,
 Обломками гнилыми разсыпаясь,
 Не шевелились въ мертвой безднѣ моря;
 Зачахли волны, замерли приливы
 Съ тѣхъ поръ, какъ мѣсяць скрылся съ небосклона;
 Вѣтръ не дышалъ въ эфирѣ неподвижномъ
 И тучъ не стало; мракъ вставалъ отвсюду:
 Весь миръ былъ тьма, и тьма была всеѣмъ міромъ.

Три дороги.

Съ Пльецкаю.

Геній.

Куда идешь, поэтъ?

Первый поэтъ.

Туда,

Куда вползти змѣей не можетъ
Людская мелкая вражда,
Въ могилы темныя, гдѣ гложеть
Въ землѣ безжизненный костякъ
Одно лишь время, да червякъ, —
Туда, гдѣ смерть сидитъ ревниво
У изголовья мрачныхъ плитъ,
И тѣ приюты сторожитъ,
Гдѣ непробудно, молчаливо
Отжившій міръ безстрастно спитъ...
Что для меня весь міръ живущій?
Его страданья и борьба?

Милѣ мнѣ вашъ прахъ гниющей
 Нѣмые прошлаго гроба.
 Раскроетъ темная гробница
 Мнѣ тайны страшныя отцовъ,
 И сбросивъ саванъ, встанутъ лица
 Мною оживленныхъ мертвецовъ;
 Скелеты ихъ — согрѣетъ пламень,
 Въ нихъ вспыхнетъ жизнь и красота,
 Расскажетъ повѣсть каждый камень
 И съ стертой надшесью плита.

Геній.

А ты. пѣвецъ?

Второй поэтъ.

Бѣгу я въ горы.
 Пусть мѣръ купается во злѣ,
 Пусть казнь и смерти приговоры
 Встрѣчаютъ люди на землѣ, —
 Мнѣ нужно солнце, нужно море,
 И блескъ небесъ и эхо горъ
 Гдѣ усладитъ земное горе
 Съ одной природой разговоръ.
 Бѣгу туда, гдѣ люди — фавны,
 Гдѣ непонятны и забавны
 Волненья жизни городской,
 Гдѣ братъ въ крови не тонетъ брата,
 Гдѣ не стоитъ кумиръ разврата
 Съ своей ужасной красотой.
 Пусть дряхлый мѣръ въ борьбѣ кровавой
 Изнемогаетъ какъ старикъ,
 Пусть кровь бѣжитъ горячей лавой
 И надрываетъ сердце крикъ

Несчастливыхъ жертвъ, — въ мою пустыню
 Томящій вопль не залетитъ,
 И не спугнетъ и не смутитъ
 Покой — души моей святыню.
 Я чары пѣсенъ сберегу,
 И гдѣ нибудь въ часы пролады
 Подъ тѣнью павшей колоннады
 Я буду пѣть на берегу
 Лишь для задумчивой Наяды.

Третій поэтъ.

Я не пойду за вами вслѣдъ.
 Я человѣкъ, но не скелетъ.
 Закаменѣли ваши груди,
 Когда тотъ міръ, гдѣ стонутъ люди
 Вамъ не съ родни... Нѣтъ, я поэтъ
 Одной земли и бѣдныхъ братій,
 И съ дѣтства ранняго привыкъ
 Любить ихъ слезы и языкъ
 Ихъ торжества или проклятій;
 Привыкъ ихъ нужды узнавать,
 Ловить ихъ первыя молитвы...
 Мнѣ съ ними весело страдать,
 И падшимъ руку подавать
 И звать для мести и для битвы.
 Я брошусь въ міръ борьбы идей
 Въ міръ плача, скорби и мученья,
 И въ тѣмъ глубокой, для людей
 Мое заблещетъ вдохновенье.
 И тамъ, гдѣ властвуетъ порокъ
 Явлюсь я гнѣвною Медузой,
 И задрожать предъ строгой музой
 Предатель, тать и лже-пророкъ.
 Я навѣщу больныхъ въ больницѣ,

Утѣшу узника въ темницѣ
И въ смрадной бѣдности, въ чаду
Разврата грязнаго, въ блудницѣ
Я сердце женщины найду.

И думалъ Геній:

«Всѣ вы правы,
Но, сынъ толпы, пѣвецъ борьбы,
Ты завоюешь у судьбы
И больше слезъ, и больше славы».

МОТИВЫ ИЗЪ ГЕЙНЕ.

I.

Раба.

(STÜCK MENSCHEN VIEN).

И праздникъ, и солнце. На землю глядитъ
Роскошное утро сія,
И колоколь въ воздухѣ мѣрно гудитъ,
Къ молитвѣ людей призывая.

По улицамъ ходитъ нарядный народъ,
На лицахъ — ни тучки, ни тѣни,
И юная мать надъ ребенкомъ поётъ
Его опустивъ на колѣни...

Зачѣмъ же въ тюрьмѣ, на соломѣ, одна,
Прекрасна, какъ почъ Лузіаны,
Лежитъ негритянка и стонетъ она,
Слезами смочивъ свои раны?

И штатъ Лузіаны намъ мрачно гласить:
 «Законъ нашъ рабовъ не прощаетъ.
 Когда господина раба оскорбитъ, —
 Её эшафотъ ожидаетъ.»

Невольниковъ этихъ причисля къ скотамъ,
 По милости кожи ихъ черной,
 Велятъ подчиняться ременнымъ кнутамъ,
 И кланяться плети позорной.

Она жь, негритянка, побой не снесла,
 Ударивъ жену властелина...»
 И казни публичной въ темницѣ ждала
 Невольница черная Дина.

Но смертная казнь для нея не страшна,
 Пугала ее не могила,
 Но новое чувство пугало: она
 Подъ сердцемъ младенца посила.

Давно ли её обольстилъ, какъ рабу,
 Плантаторъ, заплывшій въ развратъ,
 И вотъ раздался въ тюрьмѣ, какъ въ гробу,
 И стоны и крики дитяти.

Но сына отъ груди пришли оторвать...
 Безстрастны злодѣйскія лица...
 Напрасно рыдая металася мать,
 Какъ львѣнка лишенная львица;

Напрасны безумныя клятвы и плачъ!..
 Запоры вдругъ падаютъ снова,
 И вотъ къ эшафоту угрюмый палачъ
 Влечетъ негритянку сурово.

А тамъ, на площадку сбѣжался народъ,
Толпа весела и нарядна:
Когда задымитя въ крови эшафотъ,
Она дожидается жадно.

II.

Загадка.

Въ гостиной, за чашкою чаю,
Они о любви толковали —
Мущины съ практическимъ тактомъ,
А дамы — что чувства винушали.

— «Любить платонически нужно» —
Князь въ спорѣ интимномъ увлекся,
Но грозно взглянула супруга:
Онъ чуть кипяткомъ не обжегся.

Вотъ пасторъ: «любовь въ чловѣкѣ
Есть бѣса лукаваго дѣло!»
Тутъ барышня что-то шепнула
И вся до ушей покраснѣла.

Графиня промолвила страстно:
— «Любви мы подвластны законамъ,»
И тутъ же спросила барона —
Не хочеть-ли чаю съ лимономъ.

— «Любовь,» молвить лысый профессор:
Мѣшаетъ работѣ разсудка;
То слушала, тайно вздыхая,
Съ букетомъ въ рукахъ институтка.

Самъ Марсъ крикнулъ съ бравой осанкой:
«Въ любви я не вижу порока,
Объ этомъ толкуеть не мало
Последній романъ Поль-де Кока.

Я слушалъ ихъ пошлыя фразы,
Огонь поправляя въ каминѣ,
И вспомнилъ невольно тогда я
О милой швеѣ въ магазинѣ.

Порой, вечеркомъ, зашивая
Разорванный шовъ на перчаткѣ;
Она мнѣ одна разрѣшала
Весь смыслъ ихъ смутившей загадки.

III.

Берта.

(В. В. М—ой).

Что за чистый былъ ребенокъ!
Ей подобныхъ мало въ свѣтѣ.
Почеркъ писемъ былъ такъ тонокъ:
Я храню всѣ письма эти.

Дописались мы до сватьбы,
Но родня шепнула Бертѣ:
«Подождать-бы! Подождать-бы!»
Берта струсила до смерти!

Богъ съ тобой, моя малютка!
Вѣдь я самъ довольно кротокъ:
Я — послушался разсудка,
Ты — послушалася тетокъ.

И осталась та же дѣва.
 Честь тебѣ, хвала и слава!
 Я — отправился на лѣво,
 Ты — отправилась на право.

Не встрѣчаться, вѣрно, намъ ужь
 Для вторичнаго урока,
 Но когда ты выйдешь за мужъ —
 Одного прошу у рока:

Чтобъ безъ краски, не робѣя,
 Вслѣдъ за брачнымъ договоромъ,
 Запаслась — шепну тебѣ я —
 Ты хорошимъ акушеромъ.

IV.

На глаза ненаглядные дѣвы
 Музыкальныя пѣль я канцоны,
 На улыбку коралловыхъ губокъ
 Отвѣчалъ я цѣртною звучной,
 Я о бархатѣ розовыхъ щечекъ
 Распѣвалъ вдохновенные стансы,
 А когда-бъ у ней сердце нашлося —
 Я сложилъ-бы сонетъ превосходный.

ТИРОЛЬСКІЯ ЭЛЕГІИ

въ пѣсняхъ къ мѣсяцу

Гавличка. *)

I.

Ахъ, свѣти, румяный мѣсяць,
Съвозъ туманъ и мракъ;
Развѣ нѣ любовь тебѣ Бриксенъ,
Что ты хмуренъ такъ?

*) Имя Гавличка — одно изъ лучшихъ и свѣтлыхъ именъ чешской литературы. Поэтъ, любимый своимъ народомъ, редакторъ «Народныхъ Новинъ», лучшей чешской газеты, по своему вліянію на чеховъ, Гавличекъ возбудилъ неудовольствіе и опасенія австрійскаго правительства. Въ 1851 г. его схватили и отправили въ крѣпость Бриксенъ, въ Тироль, гдѣ онъ въ продолженіе 5 лѣтъ досидѣлся до чахотки, и былъ наконецъ прощенъ, но, возвратившись въ Прагу, чрезъ нѣсколько времени умеръ.

Переведенныя мною элегіи Гавличка пользуются у Чеховъ огромною популярностью. Въ этихъ пѣсняхъ поэтъ, смѣясь ядовитымъ смѣхомъ оскорбленнаго, рассказываетъ лунѣ, какъ его взяли австрійскіе жандармы и повезли въ тюрьму. Среди жесткаго смѣха и проиическаго веселья — въ пѣсняхъ Гавличка вырываются порой чрезвычайно-теплые, задушевные, поэтическіе звуки. Удалось-ли мнѣ въ переводѣ передать характеръ и духъ этихъ пѣсенъ — не знаю; по возможности, я держался какъ-можно ближе къ подлиннику, даже въ самомъ размѣрѣ пѣсень.

Не закатывайся въ тучку,
 Рано, красный, спать:
 Я-бъ хотѣлъ съ тобой немного,
 Мѣсяцъ, поболтать.
 Не бѣги; я изъ далѣка,
 Здѣсь чужой всѣмъ, братъ;
 Я не treu und bieder. Въ Бриксенъ
 Я *въ науку* взять.

II.

Я изъ края музыкантовъ *);
 Тамъ-то мой тромбонъ,
 Видишь, — все у вѣнскихъ пановъ
 Безпокоилъ сонъ.
 Дѣловые люди паны!
 Свой храня покой,
 Съ полицейскими карету
 Выслали за мной.
 Полночь. Спалъ я; но когда же
 Третій часъ пошелъ, —
 Съ «добрымъ утромъ» поздравляя,
 Вдругъ жандармъ вошелъ.
 А за нимъ, въ парадной формѣ
 Полицейскихъ рядъ, —
 Шарфъ на брюхѣ, а мушдиры
 Золотомъ горять.
 «Вамъ поклоны шлютъ изъ Вѣны,
 Бахъ цѣлуетъ васъ,
 Вы здоровы-ль — знать желаетъ

*) Намекъ на Чехію, гдѣ почти каждый чехъ — музыкантъ.

И свой шлетъ приказъ».

Добръ на тощій я желудокъ,

Нѣтъ игры страстямъ.

«Виновать я... я въ рубашкѣ...»

Я сказалъ гостямъ.

Но мой Джекъ — бульдогъ свирѣпый,

Дерзкій грубіянь,

Бъ страннымъ выходкамъ способенъ:

Онъ изъ англичанъ.

Лишь одинъ параграфъ стали

Гости мнѣ читать,

На жандармовъ — подъ кроватью

Началь Джекъ рычать.

Бросилъ я въ него законникъ *),

Нѣтъ сильнѣй угрозы,

И — не даромъ, я догадливъ:

Сталь какъ мертвый песь.

III.

Вѣрный долгу гражданина

И порядку дѣлъ,

При собраньѣ — торопливо

Я чулки надѣлъ,

А потомъ прочелъ бумагу.

Вотъ она — со мной;

Если слогъ казенный знаешь,

Прочитай, родной.

*) Законникъ — Reichsgesetzbuch — собраніе австрійскихъ законовъ и постановленій.

Бахъ, какъ докторъ *), пишетъ: редень
 Будто воздухъ мнѣ
 Нашей Чехи, что лучше
 Жить въ другой странѣ;
 Будто въ Чехи мнѣ душно,
 И туманъ и смрадъ, —
 Что мое теперь здоровье
 Онъ поправить радъ.
 И за тѣмъ, за мной карету
 Онъ съ поклономъ шлетъ,
 Что могу я въ путь пуститься
 На казенный счетъ;
 А жандармамъ далъ приказъ онъ —
 Убѣдить маня,
 Если, въ скромности, предъ ними,
 Заупрямлюсь я.

IV.

Каюсь! глупая привычка!
 Нужно же сказать:
 Не могу съ штыкомъ жандарму
 Въ просьбѣ отказать.
 Торопилъ меня Дедера **)
 Бхать, чтобъ за мной,
 Пробудившись, не бѣжалъ-бы
 Цѣлый Бродъ ***) толпой.

*) Поэтъ играетъ словами: Бахъ, бывший австрійскій министръ, имѣлъ степень доктора.

**) Имя полицейскаго чиновника.

***) Бродъ — городъ въ Чехи.

И просилъ Дедера — сабли
 Чтобы не бралъ я,
 Что они оружье взяли
 Охранять меня;
 А пока межъ чеховъ ѣдемъ —
 Былъ я нѣмъ и глухъ,
 Чтобъ по Чехіи тревожный
 Не пронесся слухъ.
 Мнѣ совѣтовъ панъ Дедера
 Много мудрыхъ далъ,
 И какъ Баха пациентъ, я
 Кротко имъ внималъ.
 И манилъ меня Дедера,
 Какъ сирену звалъ,
 Я-жь межъ-тѣмъ штаны съ жилетомъ,
 Шубу надѣвалъ.
 У крыльца жандармы, кони
 Сбруею гремятъ...
 Братцы! двѣ еще минуты —
 И я ѣхать радъ.

V.

Мѣсяць красный! Ты не даромъ
 Свѣтишь съ высоты!
 Силу женскихъ ласкъ горячихъ
 Знаешь вѣрно ты.
 Ты не разъ, мой красный мѣсяць,
 Въ полуночный часъ
 Серебрилъ слезу разлуки
 На ресницахъ глазъ.

Мать, жена и дочь Зденчинка!
 Помню ихъ испугъ,
 Слезы тихія и трепеть
 Задрожавшихъ рукъ.
 И хоть былъ солдатъ я старый,
 Посѣдѣлъ въ бою, —
 Слезы очи затемняли,
 Рвали грудь мою.
 Я нагнулъ *подъбратку* *)
 Глубже на глаза,
 Чтобъ не тѣшила жандармовъ
 Ни одна слеза.
 У моихъ дверей стоялъ ихъ
 Неподвижный строй,
 Декораціей зловѣщей
 Сцены грустной той.

VI.

Рогъ трубитъ, бѣгутъ колеса;
 Мы въ Иглавъ. Въ рядъ
 За каретою жандармы
 Съ грохотомъ спѣшатъ.
 Вотъ на горкѣ церковь Божья;
 Золоченый крестъ
 Грустно смотритъ, провожая
 Изъ родимыхъ мѣстъ.
 Будто молвить: «Ты-ли это?
 Помню твой разцвѣтъ,

*) Шапка, которую послали чехи-патріоты, названная такъ въ память чешскаго героя Юрія Подѣбратекаго.

Какъ училъ тебя Викарій,
 И согбенъ и сѣдъ;
 Какъ ты выросъ и свѣтильникъ
 Правды въ руки взялъ,
 И въ крою родномъ дорогу
 Братьямъ освѣщаль.
 Видишь, какъ промчались годы,
 Ровно тридцать лѣтъ...
 Но... зачѣмъ жандармы скачутъ
 За тобою велѣдъ?»

VII.

Проѣзжая чрезъ Иглаву,
 Я все думалъ о Шпильбергѣ,
 А за Лицемъ, право, Куфштейнъ
 Въ головѣ моей былъ только.
 Но когда Куфштейнъ остался
 Назади пасъ, — тутъ ужъ альпы
 Мнѣ казались веселѣе
 И привѣтнѣе глядѣли.
 Но глупѣй ѣзды нѣтъ въ свѣтѣ,
 Если самъ не знаешь — скоро-ль
 Будетъ пристань. Рогъ возницы
 Тутъ плохое развлеченье.
 То — путь сталъ за перепряжкой,
 То — за смазкою оси. Въ Вѣнѣ
 Лучше-бъ было перепречь имъ
 И колеса съ осью смазать!
 Благо — есть хоть телеграфы.
 Вотъ такъ выдумка! Повсюду
 Впередъ они разпосятъ

Очень точно приказанья:
 Чтобъ полиція, мать наша
 Вездѣсущая, могла-бы,
 Насъ повсюду ожидая,
 Нагрѣвать теплѣй камины.
 Не забуду я Будейвиць:
 Тамъ услужливый Дедера
 Предложилъ мнѣ на дорогу
 Три мельницкаго бутылки.
 То — движенье патріота;
 Или, можетъ-быть, онъ думаль,
 Что въ парахъ вина, какъ въ Летѣ,
 Схороню я память чеха.
 Но мельницкое я выпилъ,
 Нилъ вино я итальянцевъ;
 Но въ винѣ и въ томъ и въ этомъ
 Хмѣль одинъ бурливый бродить.

VIII.

Ну, мой мѣсяць! Не могу я
 Больше пѣть элегій. Тонемъ
 Героическимъ хочу я
 Воспѣвать свой путь дальнѣйшій.
 Знаешь трактъ отъ Рейхенгалля
 До Вайдринга? Трактъ чертовскій!
 Конституцію удобнѣй
 Перестроить можно — вѣрь мнѣ!
 Скалы голая громадиѣй
 Лучшей глупости народовъ,
 Тутъ-же пропасти бездонны,
 Какъ расходъ на войско. Темно,

Ночь мрачнѣй католицизма;
 Мы съ горы, какъ вихрь, несемся.
 «Стой, держи!» кричитъ Дедера.
 Глядь на козлы — пусты козлы.
 Свищетъ вѣтръ, карета мчится,
 Словно дьяволъ нашъ возница,
 Почтальонъ-же гдѣ-то сзади
 Зажигаетъ трутъ для трубки.
 Спускъ съ горы — отвѣснѣй башни;
 Внизъ летимъ мы... Духъ занялся...
 Что ни шагъ — то словно пропасть
 Съѣсть гостей незванныхъ хочетъ.
 Ахъ, я славныя минуты
 Испыталъ, и съ наслажденьемъ
 Наблюдалъ я, какъ тряслася
 Стража вся моя отъ страха.
 Вспомнилъ я (Завѣтъ-же Ветхій
 Я читалъ), какъ былъ Юпа,
 Для смиренья грозной бури,
 Съ корабля отправленъ въ воду.
 «Бросимъ жеребій, сказалъ я:
 Есть межъ насъ великій грѣшникъ,
 Пусть онъ выскочетъ, и всѣ мы
 Отъ гибели спасемся».
 Лишь сказалъ я полицейскимъ,
 Какъ они не тратя время
 Въ покаянѣ, — дверцы настезъ
 И маршъ-маршъ всѣ изъ кареты.
 Ахъ, ты свѣтъ, свѣтъ наизнанку!
 Стража, въ шарфахъ, вверхъ ногами
 Поскакала, а преступникъ
 Въ экипажѣ ѣдетъ важно.
 Ахъ, вы дряблыя австрійцы!
 На шурукъ вести народы
 Вы хотите, а за возжи

Лошадей сдержать не въ силахъ!..
 Такъ во мракъ, безъ возницы,
 Безъ возжей и безъ жандармовъ,
 Только съ бездной подъ ногами,
 Я до альпъ лѣтѣлъ, какъ вѣтеръ.
 Мчались кони. Миѣ-ли было
 Имъ не ввѣрить долю Чеха?
 Гражданинъ вѣдь я австрійскій,
 Что-жь могло случиться хуже!
 Такъ, съ холодной головою
 И съ дымящейся сигарой,
 Съ быстротою русской почты
 Я на станцію пріѣхалъ.
 Тамъ, какъ честный я преступникъ,
 Сѣлъ за ужинъ, — и ужъ поздно
 Пришлась за мною стража
 Съ перебитыми носами.
 Спалъ я славно, но жандармамъ
 Эта ночь была плохая:
 Ихъ спина совсѣмъ не гнулась, —
 Вѣдь ужаснѣйшій нѣтъ несчастья!
 Тутъ конецъ и эпопей.
 Въ ней все правда, кто не вѣритъ —
 Можетъ справиться въ Вайдрингъ
 У почтмейстера Дальрупа.

 IX.

Такъ пріѣхали мы въ Бриксенъ,
 Въ Бриксенъ и стали;
 Обо мнѣ Дедеръ тотчасъ
 Тамъ росинску дали.

И уѣхалъ онъ съ бумагой,
Выданной властями,
А меня орелъ австрійскій
Давить здѣсь когтями.
Такъ раскрылась надо мною
Вѣчная обитель,
Гдѣ одинъ жандармъ зловѣщій
Ангель мой хранитель.

II.

ТА ИЛИ ЭТА?

ПОЭМА.

Та или эта?

(Поэма).

I.

Лишь надъ городомъ зимней порой
Ночь морозная выплыветъ разомъ,
Тамъ, въ туманѣ, двойной полосой
Загорятся всѣ улицы газомъ.
Мимо пышныхъ и темныхъ палатъ,
Мимо лавокъ, вокругъ залитыхъ блескомъ,
Въ перегонку куда-то спѣшать
Все кареты — кареты на Невскомъ,
На каретахъ мелькають гербы,
А за стеклами блѣдныя лица,
Ветхихъ старцевъ нависшіе лбы
Или взбитые локоны львицы.
Тамъ толпами летитъ молодежь,
Рысаковъ дорогихъ загоняя...
Что, бѣднякъ, ты съ дороги нейдешь,
Вкругъ усталые взоры роняя...
Вѣдь задавить, пожалуй, какъ разъ!
Намъ такія потѣхи не диво...

Сторонись — и отъ буйныхъ проказъ
 Въ темный уголь забейся пугливо...
 Но куда жь эти люди спѣшать?
 Гонить, вѣрно, ихъ спѣшное дѣло!
 Вѣдь извѣстно: намъ мода велѣла
 Жить, какъ истый живетъ демократъ,
 И кричать возмутительно смѣло:
 Дорогъ намъ погибающій братъ.
 Дорогъ! да, господа, вѣдь не такъ ли?
 Въ пользу бѣдныхъ мы ѣздимъ въ спектакли,
 Сочиняемъ балы, пикники.
 Разоряться для нихъ не устанемъ
 И, пожалуй, гуманно протянемъ
 Мѣщанину три пальца руки...
 Пусть вамъ на-слово бѣдность не вѣрится,
 И какойнибудь скептикъ-бѣднякъ,
 Забираясь въ свой темный чердакъ,
 Тайно думаетъ: мнѣ лицомъ вѣрится, —
 И, въ окно свое глядя на васъ,
 На проспектъ, гдѣ вашъ поѣздъ несется,
 Сардонически-горько смѣется —
 Не смущайтесь!.. И вновь на показъ,
 Чтобъ почтила васъ бойкая пресса,
 Наслаждайтесь въ пользу прогресса...

И въ туманной, морозной пыли
 Экипажи какъ тѣни летѣли,
 А по гладкой, широкой панели
 Шла толпа... люди разные шли...
 И въ тотъ часъ, — его знаетъ столица, —
 Тамъ, при блескѣ ночныхъ фонарей
 Женщинъ чахлая, блѣдныя лица
 Словно кажутся вдвое блѣднѣй.
 Всѣмъ въ глаза онѣ смотрятъ такъ жадно,
 Такъ открытъ, откровененъ ихъ торгъ.

Чтò поймешь, какъ толпа плотоядна,
 Покупной принимая восторгъ!..
 О, какъ нравственны тутъ не въ примѣръ вы,
 Моралисты!.. какъ грозенъ вашъ видъ!..
 Проходите жь... суровѣй Минервы,
 Вы испортите свой аппетитъ
 Иль растроите слабые нервы...
 Проходите-жь... Безстрастны, какъ сталь,
 Вы готовы — примѣры не рѣдки —
 Добродѣтели книжной мораль
 Декламировать падшей сосѣдкѣ,
 И казнить, и казнить, и казнить,
 Не смягчаясь предъ жертвой порока,
 И, рисуясь предъ нею, ходить
 Подъ мишурнымъ вѣнкомъ лже-пророка!..

 II.

Если поздняя, зимняя ночь
 Застаетъ меня въ темномъ кварталѣ,
 Не могу я тоски превозмочь
 И какой-то зловѣщей печали.
 Безъ слезы надрывается грудь,
 А надъ ухомъ, какіе-то звуки,
 Раздражительно-полные муки,
 Ни на мигъ не даютъ отдохнуть.
 Какъ гроба, вокругъ безмолвныя зданья
 Цѣпью длинной встаютъ вокругъ меня;
 Ихъ сковало глухое молчанье:
 Послѣ шумнаго, зимняго дня.
 Точно спитъ этихъ зданій громада.

Развѣ гдѣ нибудь, тамъ, въ вышинѣ,
 Съ чердака тускло свѣтитъ лампада,
 Да мелькнетъ чья-то тѣнь на окнѣ.
 Гдѣ нибудь, сквозь оконныя рамы
 Чей-то профиль усталый скользнетъ...
 И я вижу незримыя драмы,
 Блѣдный призракъ корить и зоветъ...
 Мнѣ все чудится въ мертвомъ молчаньѣ,
 Въ плачѣ вѣтра, подавленный крикъ,
 И мольбы, и глухія рыданья,
 И несвязной молитвы языкъ;
 И межъ тѣмъ, какъ роскошныя грезы
 Стерегутъ твое ложе, богачъ,
 За стѣной твоей — голода слезы,
 Скорбь паденья, насилья — и плачъ
 Тѣхъ несчастныхъ, что въ омутѣ грязномъ
 Жизнь встрѣчаютъ, какъ тяжкій урокъ,
 Гдѣ, въ величѣ своемъ безобразномъ,
 Нищету, окружая соблазномъ,
 Торжествуя хохочетъ порокъ...
 И становится страшно и больно. —
 Вопль и скрежетъ — куда не иди,
 И трепещешь, пугаясь невольно,
 Словно сердце рыдаетъ въ груди...
 Все, что бѣдно, забито и сирю,
 Изъ подваловъ, изъ темныхъ угловъ
 Точно стонетъ и молить безъ словъ
 Подъ лохмотьями нищаго міра.
 Вотъ одинъ невеселый рассказъ...
 Онъ пронзительной нотою въ уши
 Пусть звучитъ, отомщая за васъ,
 Міра темнаго падшія души.
 Если искру любви до конца
 Онъ въ порочную грудь не заронитъ,
 Можетъ быть, молодыя сердца

Новымъ чувствомъ взволнуешь и тронешь.
 Хоть въ немногихъ запавахъ, можетъ быть,
 Тамъ, у двери житейскаго рая,
 Онъ научить прощать и щадить,
 Онъ научить любить, проклиная.

 III.

Жертва пошлой мірской суеты,
 И голодной, больной нищеты,
 И цѣней золоченыхъ разврата, —
 Тѣнью блѣдной явилась мнѣ ты!..
 Образъ женскій, знакомый когда-то,
 Я въ душѣ своей тайно сберегъ,
 Я люблю его злою любовью,
 Какъ протестъ нашъ, написанный кровью,
 Какъ язвительный жизни упрекъ...
 На яву и во снѣ сквозь просонокъ
 Мнѣ все чудится кроткій ребенокъ,
 Безсловесный, пугливый, больной,
 Исхудалый, забитый семьей,
 Приученный къ побоямъ съ пленокъ.
 Онъ отъ ранняго дѣтства не знаетъ,
 Какъ теплы поцѣлуй и ласки,
 И молитвы и дѣтскія сказки,
 Надъ ребенкомъ никто не шепталъ.
 Безъ призора, въ семьѣ безобразной
 Не привыкъ онъ участія встрѣчать:
 Билъ отецъ его, старый приказный,
 Вѣчно пьяный, угрюмый и грязный,
 Была злая и вздорная мать.

И никто этой дѣвочки хилой,
 Съ впалой грудью, и съ блѣдной щекой.
 Не ласкалъ дружелюбной рукой.
 Жизнь явилась ей темной могилой
 Съ безысходной, глубокой тоской!..
 Годы дѣтства — печальные годы
 Ей казались смутно потомъ
 Лишь какимъ-то туманнымъ пятномъ
 Безразсвѣтно-забитой свободы,
 Поруганьемъ ребяческихъ грезъ
 И средой, гдѣ однѣ колотушки
 Доводили ребенка до слезъ,
 Затаенныхъ на дѣтской подушкѣ.
 Лишь ей помнились, будто сквозь сонъ,
 Пѣсни грубыя, крики и звонъ
 То стакановъ, то рюмокъ разбитыхъ,
 И отца, межъ какихъ-то небритыхъ
 Раскраснѣвшихся, буйныхъ гостей.
 Въ лихорадкѣ, забившись въ свой уголь,
 Дочь, съ пугливостью робкихъ дѣтей,
 Ихъ боялась, какъ сказочныхъ пугалъ,
 И ждала, что, шатаясь, отецъ
 Иль пинкомъ ее скинетъ съ постели,
 Иль, уставъ ее бить, наконецъ
 Броситъ на ночь въ холодныя сѣни.
 И еще одинъ день сберегла
 Память дѣвочки... Дочь не забыла
 Темный вечеръ... ненастье и мгла...
 Дождь въ окно барабанилъ уныло.
 Вдругъ отца ея мертваго трупъ
 Принесли... на постель положили...
 Взглядъ недвижный безсмысленъ и тупъ,
 И изгибы холодныя губъ
 Въ неестественной корчѣ застыли.
 «Утонулъ!» ей звенѣло въ ушахъ.

И она, словно листъ, задрожала
 И, за шкапомъ забившись въ потьмахъ,
 До зори своихъ глазъ не смыкала,
 Безучастно смотрѣла, какъ въ гробъ
 На другой день отца положили,
 Какъ куда-то свезли, и какъ попь
 И дьячекъ на обѣдъ приходили...
 Такъ безъ горя отца схоронивъ,
 И домой возвратясь на поминки,
 Все не плакаль ребенокъ, слезинки
 Ни единой по немъ не сронивъ.
 Вѣдь любви это сердце не знало!..
 Поняла она дѣтской душой,
 Что въ отцѣ ничего не теряла,
 Что отецъ для нея былъ чужой.
 И не разъ её мать поносила
 И гнала беззащитную: «прочь!...
 Ты отца своего не любила
 И, не плача, его хоронила —
 Ты, проклятая, гадкая дочь!..»

Такъ мелькнуло ужасное дѣтство
 Для Наташи, оставивши ей
 Чувство вѣчнаго страха въ наслѣдство
 Съ тайной скрытностью робкихъ дѣтей.
 Молчаливая дома и въ школѣ,
 Беззаботныхъ подругъ далека,
 Ей хотѣлось-бы прыгать на волѣ,
 Но была она въ людяхъ дика.
 Сердце дѣтское жаждало ласки
 И привѣта просило давно,
 А большіе и строгіе глазки
 Часто такъ говорили умно,

Вдругъ такой загорался въ нихъ разумъ,
 Чтò пугали и нѣжили разомъ.

Нѣтъ, отъ жизни напрасно ждала
 Эта дѣвочка жадно чего-то...

Лучше бь съ этого сердца, какъ мгла,

Никогда не сходила дремота,

Лучше бь страсть эту душу не жгла!...

Коротко было счастье Наташи!

Коротка ея жизни весна:

Такъ, какъ многія женщины наши,

Въ мiрѣ пошлости пала она.

Омутъ тѣмень... напрасны усилья...

Жизнь капризна, какъ дряхлый старикъ,

И обломить безсильныя крылья,

И задавить мучительный крикъ.

Для чего же сосѣда уроки

(Онъ умень былъ, ученъ и хорошъ).

Ты любила, дитя? Для чего-жь

То поэта волшебныя строки

Онъ шепталъ тебѣ нѣжно въ саду,

То въ волненьѣ любви, какъ въ чаду,

Тайнымъ жегъ твое сердце признаньемъ,

То дивилъ краснорѣчьемъ и знаньемъ?

Для чего жь онъ твой сонъ нарушалъ,

И, склонясь къ твоему изголовью,

Рисовалъ, вдохновленный любовью,

Человѣка святой идеаль?

Нѣтъ, иначе вѣдь мать разсудила,

На губахъ твоихъ замеръ отвѣтъ:

За работой ты вздохъ подавила,

И съ позоромъ былъ прогнанъ сосѣдъ,

Въ печь заброшены книги и ноты..

Но еще испытала не все ты

И не весь еще выпила ядъ
 Изъ корыстной руки старушенки.
 Пусть глаза твои ярко глядятъ,
 Пусть черты такъ плѣнительно тонки,
 Пусть роскошной, пахучей волной
 На плечо твое падаетъ локонъ —
 Берегись и смотри: мимо оконъ
 Въ фаетонѣ, развратникъ больной
 Подъѣзжаетъ къ квартирѣ старухи.
 Руки гостя костлявы и сухи,
 Но на нихъ бриліанты горять,
 Краска жизни давно въ немъ убита
 И во всемъ существѣ сибарита
 Лишь съ подагрою спорить развратъ.
 Чтожь дрожишь ты, ребенокъ пугливый?
 Что головкой печально поникъ?
 Въдь истасканный этотъ старикъ
 Все сулитъ тебѣ жребій счастливый...
 Пусть, сгибаясь змѣей предъ тобой,
 Онъ здѣсь ищетъ не брачнаго ложа,
 Но наложницу ищетъ .. такъ что же?
 Вотъ послушай старухи сѣдой,
 Посоветуйся съ ней въ тихомолку
 И, сломивъ трудовую иголку,
 Одѣвайся и въ бархатъ и въ шелкъ...
 Позабудь свои дѣтскія грезы:
 Слушать старшихъ — послѣдній твой долгъ.
 Затаи-жь набѣжавшія слезы
 И заставь замолчать какъ нибудъ
 Накипѣвшую ужасомъ грудь.
 Рѣшено... бесполезны всѣ муги:
 За тебя взять задатокъ впередъ,
 И торговки дрожащія руки
 Прячутъ страшныя деньги въ комодъ...
 Совершилось ужасное дѣло!..

И лишь видѣла темная ночь;
 Какъ, рыдая, весна отлетѣла
 Отъ поруганной дѣвушки прочь,
 Какъ съ порокомъ бороться не смѣла
 Оскорбленная, падшая дочь.

IV.

Вечеръ. Длинная, свѣтлая зала...
 Шумъ и говоръ, звенящій хрусталь,
 И разбитая въ залѣ рояль,
 Какъ разбитая грудь, замирала.
 Щеголяли своей наготой
 Женщинъ блѣдныхъ открытыя плечи
 И носились межъ пестрой толпой
 Лишь цинически-смѣлыя рѣчи.
 За клавишами нѣмецъ-тапёръ
 Дразнить ухо аккордомъ канкана...
 Но кого это встрѣтилъ мой взоръ
 Тамъ въ тѣни на подушкѣ дивана?
 —Посмотри, словно на ухо мнѣ
 Такъ шепталь въ этотъ часъ Мефистофель, —
 Посмотри, вотъ дрожить на стѣнѣ
 Этотъ чистый задумчивый профиль.
 Полюбуйся и знай, что не мы
 Раздавили покой этой груди.
 Пощадили бѣ ее духи тьмы,
 Не щадили одни только люди!
 Полюбуйся, какъ вѣчно жестоко
 Человѣкъ къ беззащитнымъ созданьямъ,
 Но пойми, что и самый пороко
 Сжечь не могъ своимъ мертвымъ дыханьемъ

Этой дѣтски-прекрасной души,
Хоть твердилъ ей весь міръ съ поруганьемъ,
Съ рѣзкимъ крикомъ: грѣши и грѣши!...

И въ фигурѣ безмолвно-прекрасной
Я тоскливо Наташу узналъ:
Въ ту минуту тотъ праздникъ ужасный
Мнѣ еще отвратительнѣй сталъ.
Эти люди... злобѣщая сфера...
И въ грязи той, несчастная, ты!
Вотъ оцѣнка твоей красоты!
Вотъ твоя золотая карьера!..
Между женщинъ мишурныхъ, одна,
Какъ мертвецъ холодна и блѣдна,
Тамъ вокругъ озирается дико,
Посреди изступленья и крика,
Все сносить и смѣяться должна...
Нѣтъ, забудь міръ скорбей и печалей!
Тутъ не кстати твой дѣтскій испугъ:
Межъ раскрашенныхъ, наглыхъ подругъ
Позабудься въ чаду вакханалій.
Вотъ вино, пей, заблудшая, пей...
И вино она жадно глотала,
И, смущая весельемъ гостей,
Какъ-то дико и зло хохотала.
Но мгновенье — и бредъ улеталъ,
И блудница тряслася пѣмая,
Разбивала въ осколки бокаль
И кидалася въ уголь, рыдая.
И межъ тѣмъ какъ ломала она
Свои блѣдныя, тонкія руки,
Доносились къ ней хохота звуки
И позорное слово: «пьяна!»

Задави же свой стонъ, задави,
 Въсь на золото жаръ поцѣлуй,
 И за прахъ оскорбленной любви
 Ненавидѣть учись негодуя.
 Но когда же общественный судъ
 Призоветъ тебя къ нравственной казни,—
 Гордо встань и иди безъ боязни.
 Пусть паденьемъ тебя упрекнутъ,—
 Брось въ глаза имъ ихъ общую повѣсть,
 Гдѣ не разъ ихъ преступная совѣсть
 Обличала продажныхъ людъ.
 Тотъ — всѣхъ грабилъ забывши законы,
 Сироту въ міръ пустилъ не одну,
 Тотъ женитьбою—бралъ милліоны,
 А въ приданое къ деньгамъ — жену.
 Тамъ — въ торговомъ холодномъ развратѣ
 Кровь сосалъ бѣдняка откупщикъ,
 Здѣсь — послѣднее чувство утрата,
 Надъ ребенкомъ ругался старикъ;
 Тамъ — всѣмъ лъстя и потворствуя ловко
 Брали наглостью мѣдные лбы,
 Дочерей продавала торговка,
 Постъ держала и фла грибы.

 V.

Вотъ внизу, на примѣръ, въ бель-этажѣ,
 Въ нѣгѣ, въ роскоши дама живетъ.
 Ужь съ утра у воротъ экипажи,
 А въ пріемныхъ толпится народъ,
 Ужь съ утра до заката денницы

Тонко лестъ ей курить өміамъ,
 Львы блестящіе — роскошь столицы
 На поклонъ къ ней съѣзжаются тамъ.
 Для чего же толпы эпиграмма
 Это темное имя щадить?
 Кто она — благородная дама
 Съ добродѣтелью, взятой въ кредитъ!
 Первый мужъ ея въ петлѣ банкрота
 Умеръ, нищимъ не ставши едва,
 Въ тотъ же годъ молодая вдова,
 Чтобъ мотать капиталъ идіота,
 Вышла замужъ — гласила молва;
 Что жъ? развратъ такъ изяцно приличень,
 И закономъ и модой прикрытъ,
 И для насъ съ колыбели привыченъ...
 Такъ кого же она удивить?
 Никого!.. Тайна брачнаго ложа
 И загадочна всѣмъ и темна,
 И не вѣдаетъ даже она,
 Что кого изъ толпы молодежи
 Завтра выбрать счастливецемъ должна,
 Молодежи столичной осадки!
 Лишь становится гадко за васъ,
 Что смѣнялись вы столько же разъ,
 Сколько львица смѣняла перчатки.
 Но отъ нихъ-ли услышишь упрекъ
 Ты, новѣйшихъ временъ Мессалина?
 Подарилъ тебѣ сына твой рокъ —
 Ты съ проклятьемъ отвергла и сына.
 Онъ попалъ въ воспитательный домъ,
 Къ вамъ, забытыя, сирья дѣти,
 А она, съ вѣчно яснымъ лицомъ,
 Вновь явилась царицею въ свѣтъ.
 Отъ порывовъ любви и огня
 Застраховано сердце вѣдь это, —

И она — было сказано гдѣ-то, —
 Лишь покой своей груди цѣня,
 Берегла эту грудь... для корсета.
 Но при томъ не чужда ей была
 И чувствительность первая дамы:
 Въ пятомъ актѣ любой мелодрамы
 Пролить она слезы могла.
 Разъ, взглянувъ на статую Сатурна,
 Изъ груди ея вырвался стонъ,
 И едва съ ней не сдѣлалось дурно,
 Да нашелся со спиртомъ флаконъ...

Что же судьи? Ее отчего-жь вы
 Не рѣшаетесь гласно карать!
 Нѣтъ, способны вы всё цѣловать
 Даже слѣдъ ея узкой подошвы
 И въ ногахъ ея милости ждать.
 Такъ смирите-жь проклятiя ваши
 Предъ разбитою жизнью Наташи!
 Вамъ казнить такъ легко, ни почему!..
 Вѣдь съ запасами мертвой морали
 Наслажденiе — быть палачомъ,
 Тѣхъ, кого мы съ пеленъ развращали,
 Тѣхъ, въ комъ чувства священнаго жаръ,
 Мы давили безъ сердца, безъ краски,
 И — въ нихъ видя лишь красный товаръ,
 На общественный гнали базаръ
 Продавать непродажныя ласки.
 Но, когда превратимъ ихъ въ табунъ,
 Сердце выжжемъ и жизнь изломаемъ,
 Вотъ тогда-то мы съ шаткихъ трибунъ
 Въ нихъ холоднымъ проклятьемъ бросаемъ...

И напрасно-бъ, терзая сердца,
 Униженная жертва искала

Первый образъ того идеала,
 Что поруганнымъ былъ до конца,
 Но вездѣ бы, повсюду встрѣчала
 Оскорбительный хохотъ глупца
 И циническій вызовъ пахала.
 Вопль ея ни на мигъ не смутить
 Филантроповъ недвижныя лица,
 И одинъ приговоръ прозвучить:
 «Нѣтъ тебѣ покаянья, блудница!»

О, какъ въ гнѣвѣ своемъ хороши
 Вы, каратели язвы публичной,
 Убѣжденій своихъ торгаши,
 Подъ румянами маски двуличной!
 Приговоръ вашъ: слова и слова...
 Въ громкихъ фразахъ — вамъ милы обновы
 И вчерашнихъ боговъ вы готовы
 Завтра всѣхъ истребить на дрова.
 Безпощадны вы такъ для чего же?...
 Нѣтъ, постойте, вѣдь эта жена,
 Что толпѣ продаетъ свое ложе,—
 Васъ достойна: и вы, какъ она,
 Честь на карту поставите тоже;
 Какъ она, вы, порою, не прочь
 Низко пасть, обезчестить собрата,
 Воспитаньемъ растлить свою дочь
 И толкнуть на дорогу разврата.
 Не спѣшите-жь?.. Васъ кара найдетъ
 Межъ людей-ли, въ своемъ кабинетѣ-ль,
 И такихъ же блудницъ въ васъ побьетъ,
 Подвязную сорвавъ добродѣтель.

ЮМОРИСТИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

ОБЛИЧИТЕЛЬНОГО ПОЭТА.

(ТЕМНОГО ЧЕЛОВѢКА.)

МЕЛКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

ALBERT EINSTEIN

На всѣ руки.

Оставивъ скромность вялымъ дѣтямъ,
Мы, съ картой Зуева въ рукѣ,
Слѣдя за краемъ тѣмъ и этимъ,
Съ немалой гордостью замѣтимъ,
Что слѣдъ Европы даже встрѣтимъ,
Въ иномъ уѣздномъ городкѣ.
Всѣхъ европейскихъ лучшихъ націй
Въ насъ выражается экстрактъ;
Во всемъ: въ прогрессѣ спекуляцій,
Въ чаду журнальныхъ операций,
Въ мотивахъ оперныхъ варьяцій —
Европы лоскъ, Европы тактъ.

Съ французомъ мы къ сближенью скоры;
Второй Парижъ ему готовъ:
Вездѣ французскіе уборы,

Рессоры, моды, куаферы,
 На языкъ Корнели споры
 И легкость правовъ и умовъ.
 Мы пьемъ шампанское безъ мѣры,
 Сжились съ канканомъ въ краткій срокъ,
 Въ честь Ригольбошъ — своей гетеры;
 У насъ въ Сюзора много вѣры,
 И изъ Ліона инженеры
 Сбирали щедрый съ насъ оброкъ.

Глубокомысленный германецъ,
 И тотъ намъ близокъ, какъ пенать,
 И вмѣстѣ съ нимъ въ ученый танецъ,
 Смѣнявъ на знаніе румянецъ,
 Любой вотякъ иль астраханецъ
 Готовъ идти съ грозой цитать.
 И въ перегонку, съ чувствомъ рьянымъ
 Всѣ одураемъ жадно мы,
 Какъ строгимъ слѣдуетъ славянамъ,
 Баварскимъ пивомъ съ кукельваномъ,
 Берлинской мудрости туманомъ
 Свои россійскіе умы.

Для англичанина любого
 Большой просторъ среди нашихъ нивъ,
 Для боксовъ — поприще готово,
 Для чтенія — «Лѣтопись» Каткова;
 Намъ на Руси цѣнить не ново
 Равно Шекспира и ростбифъ.
 Хоть мы не сходны въ идеалахъ,
 Но въ чемъ другомъ — намъ близокъ Бритъ:
 На скачкахъ бойкихъ, въ спичахъ вялыхъ,
 Какъ онъ упрямъ мы въ скандалахъ,
 Какъ у него, въ иныхъ журналахъ
 Бой пѣтуховъ у насъ открыть.

Въ честь Гарибальди мы давно-ли
 Рядили въ шляпы нашихъ женъ,
 И споръ вели, по доброй волѣ,
 То о Ратацци повой роли,
 То о паденьи Рикасоли,
 То о тарелкѣ макаронъ.
 Въ театрѣ мы, какъ въ лихорадкѣ,
 Когда являлась Лагруа;
 Все рукоплещеть въ безпорядкѣ.
 Въ патриотическомъ припадкѣ
 Мужчины рвутъ свои перчатки,
 Ломають дамы веера.

И къ ней, къ Испаніи лѣнливой,
 Презрѣнья гордаго въ насъ нѣтъ,
 Кастильской страстности приливы
 Межъ нашихъ дамъ могли бѣ найти вы,
 И на «Испанскіе мотивы»
 У насъ особый есть поэтъ.
 Самой Америки побранка
 Въ насъ пробуждаеть страсти дрожь:
 Въ Мъщанской улицѣ, близъ Банка
 Какъ Свѣта Новаго приманка,
 Давно-ль одна американка
 Плѣпяла нашу молодежь.

Нашъ край обленъ и пространенъ
 И принимаетъ всѣхъ къ себѣ;
 У насъ, какъ дома парижанинъ,
 Туманъ глотаетъ англичанинъ,
 Гаремъ находитъ персіанинъ
 И негръ — собрата по судьбѣ.
 Къ чему жь бѣжать намъ — я не знаю —
 Въ Берлинъ, въ Парижъ, въ Неаполь, въ Римъ.

Иль въ Ливерпуль? — Не понимаю.
Но лишь съ сомнѣньемъ восклицаю:
Къ какой же націи и краю
Мы, наконецъ, принадлежимъ?

Ода прогрессу.

О, зачѣмъ не дала мнѣ судьба
Кисть Микѣшина, стихъ Розенгейма,
Для чего не по силамъ борьба
Мнѣ въ кругу прогрессивнаго сейма!
Пусть на доброе дѣло Зевесъ
Дастъ мнѣ краски и строгую лиру,
Чтобъ вездѣ по російскому міру
Я прославилъ російскій прогрессъ.

Надъ собою самимъ наблюдая,
Вѣка новаго чувствую духъ:
Всюду звонкія фразы кидаю,
Я дивлю стариковъ и старухъ.
Обскуранту въ полемикѣ жаркой,
Становлюсь я во всемъ въ перерѣзъ,
Обращаюсь гуманно съ кухаркой...
Это ты, нашъ великій прогрессъ.

Пошлыхъ львовъ, что живутъ для омаровъ,
 Я громилъ съ озлобленьемъ не разъ,
 Если жь книгу издастъ Костомаровъ
 Не прочту, но разрѣжу тотчасъ.
 И, неся современности бремя,
 Бью неправду, застой на отвѣсъ,
 О народности брежу, какъ «Время»...
 Это ты нашъ великій прогрессъ!

Въ русскихъ дамахъ гражданства примѣты
 Я нашелъ и воскликнулъ: пора!
 За ланцеты, mesdames, за ланцеты!
 Въ доктора, въ доктора! въ доктора!
 Чтобъ расходы на женскія тряпки
 Снять съ себя — я жеиѣ далъ совѣтъ,
 Поступить въ повивальныя бабки
 Или женскій открыть лазаретъ...

Такъ себя наблюдая повсюду,
 Наконецъ я невольно призналъ,
 Что въ себѣ я — таишься не буду —
 Гражданина нанель идеаль.
 Хоть портретъ свой чертилъ не хитро я,
 Но большой ли вамъ въ немъ интересъ?
 На такого, какъ самъ я, героя
 Не скупитесь россійскій прогрессъ.

Мертвый городъ.

Этотъ городъ рѣшительно страшень
Для тебя, гражданинъ. Не смотри,
Что обманчиво онъ изукрашень
Рядомъ замковъ, и арокъ, и башень...
Не снаружи онъ страшень, — внутри.
Отъ Морской, съ ея спѣсью примѣрной,
Гдѣ развѣшанъ мишурный обманъ,
До Коломны, Песковъ и Галерной,
Всюду, всюду, рукой чьей-то вѣрной
Нашей жизни разставленъ капканъ.

Здѣсь, на улицѣ, въ вихрѣ содома
Дыпломъ прямо въ твой цѣлятся лобъ
И раздавать, пожалуй, какъ гнома;
Тамъ карнизы параднаго дома,
Обвалившись, сулятъ тебѣ гробъ.
Ты духовную дѣлай заранѣ,
Приготовься идти на цюгость,
Если вступишь въ угарныя бани,
Если сядешь на яликъ Тайвани,
Иль зѣвая пойдешь черезъ мостъ.

Здѣсь туманомъ и дождикомъ вымыть,
 Ты узнаешь, измученъ и худъ,
 Этотъ невскій плѣнительный климатъ,
 Гдѣ лишь мертвые «срама не имутъ»,
 А живые — въ больницы идутъ.
 Всѣ болѣзни насъ ловятъ съ дороги,
 Забираются въ каждый этажъ,
 Сторожатъ у дверей, на порогъ,
 И однѣ погребальныя дроги
 Самый модный у насъ экипажъ.

Мы сырыя квартиры дровами
 Не натопимъ весь день въ январѣ;
 Заростають всѣ стѣны грибами,
 Но за то въ зеркалахъ, подъ коврами
 Наши лѣстницы, наши *антре*.
 Всѣ бѣды перечтемъ мы едва-ли:
 Мостовой можно шею сломать,
 Букельваномъ опиться въ Bierhalle,
 Захлебнуться въ родимомъ скандалѣ, —
 И нельзя никуда убѣжать —

Отъ банкротствъ, отъ разбитыхъ панелей,
 Отъ свалившейся съ крыши доски,
 Отъ наемныхъ журнальныхъ свирѣлей,
 Отъ погоды, отъ жадныхъ камелій,
 А ужъ больше всего отъ тоски...
 Это онъ, этотъ городъ могучій,
 Гдѣ соблазны влекущаго зла
 Ждутъ съ послѣдней расплатой колючей,
 Гдѣ, что шагъ, представляется случай
 Умереть, коль охота пришла!

Догадливый эмансипаторъ.

До яснаго сознанія
Дойти не мудрено:
Для женщинъ — воспитаніе —
Спасеніе одно.

Мое перерожденіе
Случилось безъ труда...
Вы въ наше положеніе
Войдите, господа!

Съ людьми встрѣчаясь разными,
Теперь моя жена
Великими соблазнами
Вездѣ окружена.

Вертява удивительно!
Пять лѣтъ за ней слѣдилъ,
Но болѣе рѣшительно
Слѣдить не стало силъ.

Сушруга только мучая,
 Мнѣ въ вѣрности клялась...
 До перваго лишь случая,
 А случай тутъ какъ разъ:

Больна, — къ врачу посланіе:
 «Лежу — моль, мочи нѣтъ»,
 Врачу-жь, какъ въ наказаніе
 Всего-то двадцать лѣтъ.

Прискачетъ. «Развлеченія
 Побольше».., говоритъ.
 Какое-жь тутъ лѣченіе:
 Весь вечеръ съ ней сидитъ!

На балъ спѣшитъ — такъ явится
 Французикъ куаферъ,
 Крутится, какъ пѣвица,
 А вздоръ-то мелеть, вздоръ!...

А тамъ учитель пѣнія.
 Съ ума меня онъ свель:
 «Пѣлъ въ Римѣ, въ Дуврѣ, въ Вѣнѣ я...»
 Да и пошелъ, пошелъ...

А лавочниковъ грація!...
 Съ башмашникомъ расчетъ!
 Пѣтъ, нѣтъ! эмансипація
 Одна меня спасетъ!...

Ахъ! временами тѣми я
 Смущенъ не по лѣтамъ:
 Когда же академія
 Откроется для дамъ?

Покой, труды келейные...
 О, въ тотъ переворотъ
 И жизнь моя семейная
 Иначе потечеть.

Врача сгоню, какъ ворга,
 Гроша не заплачу,
 Платить хоть буду дорого,
 Да женщи́нъ-врачу.

Пѣвцу съ его Италией
 Такихъ задамъ я ноть...
 Пусть съ нѣмкою Амаліей
 Жена моя поеть!

Чтобъ не было и говора —
 Лакея прогоню,
 И кучера, и повара,
 И дворника смѣню.

Весь полъ мужской изъ дому я
 Повыгоню въ толчки, —
 Башмашницы знакомья
 Шить будутъ башмаки.

Свои мистификаціи
 Забудеть же жена!...
 Когда-жь эмансипаціи
 Наступятъ времена?

Д у м а.

Послѣ долгихъ наблюденій я
Заклучить могъ на вѣрнякъ,
Что всѣ мы, безъ исключенія,
Итальянскаго движенія
Наблюдаемъ каждый шагъ.
Спала гидрой съ насъ апатія,
Страстью въ жилахъ кровь зажглась.
Непонятная симпатія
Къ вамъ, далекіе собратія,
Пробудилась разомъ въ насъ.

Видѣлъ часто, въ каждомъ мѣстѣ я,
Дома, въ людяхъ, межъ гостей,
Какъ читають съ благочестіемъ
Иностранныя извѣстія
На столбцахъ вѣдомостей;
Всѣ: и фать съ двумя проборами,
И угрюмый бюрократъ,
Офицеръ, гремящій шпорами,
Правовѣдь, дивящій спорами, —
За газетами сидятъ.

Въ ресторанъ зайдешь — названія
Итальянскія у блюдь,
И скажу, для указанія:
Разъ, въ одной семейной банѣ я
Итальянскій зрѣлъ этюдъ.
Въ клубѣ, въ циркѣ и на балѣ я
Встрѣтилъ толки лишь одни:
Гарибальди, да Италия
Аспромонте и такъ далѣе...
Вотъ что слышно въ наши дни.

Оттого-то наша критика,
Журналистика слаба,
Что по всюду — разсудите-ка —
Занимаетъ насъ политика
И Италии судьба;
Даже слѣдуя той манѣ,
Дѣти малыя во снѣ,
Видя бѣдствія Кампаніи,
Всѣ лепечуть безъ сознанія:
«Папа, папа!» въ тишинѣ.

Современной женщинѣ.

Когда съ ораторскимъ экстазомъ
Тебѣ сулятъ гражданскій рай,
И прославляютъ женскій разумъ,
Пожалуйста, ты этимъ фразамъ
Цѣны особой не давай.
Забудь прогрессъ, его надежды,
Эмансипаціи порывъ,
И сладко спи, закрывши вѣжды...
Повѣрь мнѣ: — тихій сонъ невѣжды
Покоень, ясенъ и счастливъ.

Въ развитѣ женскомъ мало прока,
Въ томъ убѣдишься ты сама...
Болтай въ кадрили, какъ сорока,
Читай романы Поль-де-Кока
И сказки милья Дюма.

И до могилы отъ пеленокъ
 Дать волю чувству не посмѣй;
 Служанокъ бей, ласкай болонокъ,
 И въ жизнь вступаая, какъ ребенокъ,
 Страхись порывовъ и страстей.

Какъ язвы мысли каждой бѣгай,
 Ее въ зародышѣ души;
 Твоимъ блаженствомъ, счастьемъ, нѣгой
 Всей жизни — альфой и омегой
 Пусть будетъ мертвый сонъ души.
 Твой женскій путь — рядъ длинныхъ паузъ,
 Гдѣ-бъ только могъ будить твой жаръ —
 Привозный клѣтчатый канаусъ,
 Порой — въ воксалѣ съ скрыпкой Страусъ,
 Порою — въ циркѣ Леотаръ.

Грѣша въ невѣдѣннѣ глубокомъ,
 Ты будешь всеми прощена;
 Ни порицаньемъ, ни упрекомъ
 Ни педантическимъ урокомъ
 Не будешь ты оскорблена.
 Но если смѣло изъ рабыни
 Ты станешь женщиною вдругъ,
 То будетъ голосъ твой и нынѣ
 Гласъ воіющаго въ пустынѣ,
 Одинъ пустой и мертвый звукъ.

Твой каждый шагъ, твой міръ домашній,
 Ославить первый идіотъ
 Съ своею наглостью всегдашней,
 И жизнь тюрьмой, пустою башней
 Тебя задавить и затреть.

Свѣтъ въ наказаніи неистовъ,
Какъ лютый звѣрь, какъ частный приставъ,
И такова твоя судьба,
Что только въ книжкахъ утопистовъ
Ты человѣкъ, а не раба.

ДѢтямъ.

Розги необходимы, какъ энергическіе мотивы жизни.

П. Юркевичъ.

Розогъ не бойтесь, дѣти!
Знайте — ученымъ игривымъ
Прутья ужасные эти
Названы жизни мотивомъ.

Пусть вырастаютъ березы,
Гибкіе отпрыски ивы, —
Вы, улыбаясь сквозь слезы,
Молвите — это мотивы!

Если-жь случится вамъ нынѣ
Съ плачемъ снести наказанье —
Что-жь? и мотивы Россіи
Будятъ порою рыданья.

Дѣти! отрите-же слезы!
Можете строгость снести вы:
Прежде терпѣли-жь вы лозы,
Такъ и стерпите *мотивы!*...

Господа, не хотите-ли?

Все впередъ, да впередъ! Не
лучше-ли повернуть назадъ?

Одинъ изъ публицистовъ.

Все впередъ, да впередъ! Не хотите-ли
Повернуть и назадъ, господа?
Вѣдь живали-жь безъ васъ, просвѣтители,
Наши дѣды и наши родители,
Такъ и мы проживемъ безъ труда!

Жизнь стариннаго, русскаго барина,
Какъ хотите, а по-сердцу намъ:
Крѣпкій сонъ, послѣ бани испарина,
Да идейки Оаддея Булгарина,
Да ходьба по лакейскимъ скуламъ!

То оброкомъ тяжелымъ, то взяточною
Припѣваючи жили мы встарь:

Съ мужичкомъ пили водочку сладкую,
Съ нимъ дрались, развлекались присядкою,
И читали одинъ календарь.

За рѣшеткой балкона чугунаго
У дѣвиць прогонялася грусть
Созерцаніемъ вечера луннаго
И Бернета стихи и Трилуннаго
Знали твердо онѣ наизусть.

Жены заперты въ комнаты тѣсныя,
Привыкали къ чулку, да къ чепцамъ,
У мужей были псарни чудесныя,
А ужъ гласность и школы воскресныя
И не грезились нашимъ отцамъ.

Не являлись тогда обличители....
Что-жь? ужъ если безъ бурь, безъ утратъ,
До ста лѣтъ жили наши родители,
Такъ и вы, господа, не хотите-ли,
Повернуть по-легоньку назадъ?

Отрывки изъ современной поэмы.

I.

Отъ російскихъ поэтовъ всё ждали давно
Замѣчательной, строгой поэмы,
Но они, кака на зло — прелѣивый народъ —
Остаются недвижны и нѣмы.

А ужъ если начнутъ вдохновенно творить,
То затянуть старинныя нотки:
Всѣхъ героевъ у нихъ засосала среда,
Героини же мрутъ отъ чахотки.

Какъ услышишь высокій, торжественный слогъ —
Самъ не знаешь — во снѣ, на яву-ли,
Передъ вами точь-въ-точь балаганный актеръ
На высокія ставшіи ходули.

Или плакать начнутъ, точно слезы они
 Сберегаютъ въ особомъ бассейнѣ,
 А ужь если стихи переводить иной —
 То всю жизнь переводить изъ Гейне.

А межъ тѣмъ вѣдь талантовъ у насъ не искать
 Есть творцы для поэмъ, для комедій;
 На публичныя чтенья теперь на показъ
 Ихъ выводятъ какъ бѣлыхъ медвѣдей.

И притомъ стихотворцемъ и выгодно быть!
 Посидить за конторкою ночью,
 А на утро, глядишь, отъ редактора онъ
 По полтиннику просить за строчку,

Хоть положимъ: — полтинникъ — презрѣнный металлъ,
 И поэтъ не торгашъ вдохновенья,
 Но за то вѣдь невольно вездѣ назовутъ
Дорогими его пѣснопѣнья.

А безъ этихъ ничтожныхъ, презрѣнныхъ монетъ
 Путь поэтовъ куда не спокоенъ!
 Ихъ безъ денегъ не пустятъ въ любой ресторанъ
 И съ квартиры прогонитъ Воронищъ.

По полтиннику строчка!.. Поэты — друзья!
 Ужь вы слишкомъ безсребренны право...
 Если ваши таланты не стоятъ похвалъ —
 Безкорыстію вашему — слава.

По полтиннику строчка! А пишете вы
 Въ годъ не болѣе сотни куплетовъ,
 Да и то, говорить, достается съ трудомъ
 Для лирическихъ нашихъ поэтовъ.

Лишь одинъ Розенгеймъ, слышалъ я, плодovitъ,
 И стихи продаетъ на аршины,
 Да поетъ о любви всѣхъ возможныхъ родовъ
 Авторъ «Пѣсенъ весеннихъ» и «Фрины»...

Господа стихотворцы! простите меня,
 Что пишу не по старой методѣ,
 И поэму слагаю для добрыхъ людей
 Совершенно не въ вашемъ ужь родѣ.

Прихотливъ и отрывистъ мой будетъ рассказъ
 И капризенъ, какъ жизнь и природа:
 Вѣдь на старые очерки «лишнихъ людей»
 Миновала, по счастію, мода.

Я ужь слышу вопросы: такъ кто-жъ вашъ герой?
 Чинъ и званье его и примѣты?
 Что на немъ: иль очки, или только рince-nez,
 И какіе онъ носитъ жилеты?

«Къ этой точности насъ — всюду слышится мнѣ —
 Приучили писатели нынѣ...
 Также кто героиня въ поэмѣ у васъ?»
 Вѣдь нельзя же не быть героинѣ!..

Но вотъ въ томъ и бѣда, что героя-то нѣтъ
 Въ этихъ пѣсняхъ, — читатель, посѣтуй,
 Но пойми, что я вовсе не думалъ писать
 Жизнь славянскихъ Ромео съ Жюльетой.

Я пишу произвольно о чемъ захочу,
 Что ни встрѣчу — все будетъ мнѣ тѣмой,
 Хоть на зло всѣмъ риторикамъ пѣсни мои
 Я и назвалъ капризно поэмой.

Мнѣ завязкой послужить сегодняшній день,
 Мысль навѣтъ — послѣдняя книга,
 Для охотниковъ даже — ручаться нельзя —
 И любовная будетъ интрига.

Можетъ быть, не окончу и первой главы,
 (Я въ предвидѣннѣ, право, не зорокъ!)
 А случится — чего я ужасно боюсь —
 Напишу пѣсень двадцать иль сорокъ.

II.

Между тѣмъ, какъ въ Италіи грѣтъ апрѣль
 И на солнцѣ лимоны созрѣли,
 А по улицамъ Кіева ходитъ Фонъ-Юнгъ
 Въ очень легкой весенней шинели,

Я въ холодномъ вагонѣ катилъ изъ Москвы,
 Весь закутанъ въ родные елоты,
 И порывистый вѣтеръ съ обѣихъ сторонъ
 Пѣлъ совѣмъ невеселыя ноты;

А налѣво, направо бѣлѣли поля,
 Неподвижны подъ саваномъ снѣжнымъ,
 И какъ будто молили, чтобъ Майковъ опять
 Ихъ воспѣлъ своимъ теноромъ нѣжнымъ.

Отъ весеннихъ красотъ этихъ мертвыхъ равнинъ,
 Я чуть-чуть ужъ не сдѣлался боленъ,
 Но пришелъ мнѣ на умъ нашъ родной календарь,
 И въ душѣ я остался доволенъ.

Онъ увѣрилъ меня, что дыханье весны
 Надъ пустыней прошло снѣговою,
 И апрѣльское солнце и нѣжить и жжетъ
 Гдѣ-то тамъ, надъ моею головою.

Отчего жь, въ самомъ дѣлѣ, мой толстый сосѣдъ,
 Въ теплой шапкѣ и шубѣ бобровой,
 Улыбается молча до самыхъ ушей
 Въ созерцаньѣ природы суровой?

Отчего нашъ кондукторъ такъ вѣжливъ и милъ?
 Всѣ такъ кротки и полны вниманья?
 Вѣдь не гласность же наша смирила ихъ всѣхъ:
 То весеннаго солнца вліянье.

О, спасибо тебѣ, дорогой календарь!
 Ты природу исправить умѣешь,
 И когда еще властвуетъ русскій морозъ —
 Ты весеннія грезы навѣшь...

Вотъ сосѣдка моя — такъ была холодна
 И къ веснѣ и къ весеннимъ картинамъ,
 Надъ дорожнымъ портъ-сакомъ лѣниво склоняясь,
 Занималась она апельсиномъ.

Изъ-подъ капора выбились кольца волосъ,
 На рукахъ двѣ вились браслетки...
 И отъ скуки дорожной я началъ смотрѣть
 На лицо моею бойкой сосѣдки.

За обѣдомъ я съ нею въ бесѣду вступилъ,
 Угощая ликеромъ ванильнымъ,
 А она предложила мнѣ два леденца,
 Улыбаясь, съ кокетствомъ умильнымъ.

Я политики даже коснулся, узнавъ,
Что блондинка — училась въ Смольномъ,
И съ большою подробностью ей объяснилъ,
Какъ Гордонъ осужденъ былъ Линкольномъ.

Но убилъ меня вовсе сосѣдки вопросъ:
«Гарибальди — военный иль статскій?»
О, какой бы тогда ей прочелъ монологъ
Ты, старинный знакомецъ нашъ, Чацкій!

Но на самомъ-то дѣлѣ лишь я былъ смѣшонъ,
И кусалъ въ озлобленіи ногти:
Вѣдь охота жъ съ хорошенькой дѣвочкой мнѣ
Толковать о Мадзини, о Фохтѣ!...

Пусть невѣдѣньемъ спутницы милой моей
Возмущаются добрыя дѣти:
Мы невѣжество лучшее можемъ найти
И въ любой прогрессивной газетѣ.

П р о сь б а.

Я, жены сѣвера, нынѣ съ участіемъ
Къ вамъ обращаюсь съ благими совѣтами,
Ваше развитіе считая несчастіемъ,
Вашу ученость — дурными примѣтами.

Пусть передъ мудростью женскою — мужъ иной
Радъ предаваться въ душѣ умиленію, —
Встрѣтись съ Авдотьей Никитишной Кукшиной,
Къ новому я прихожу убѣжденію.

Женщины сѣвера, въ помыслахъ строгія,
Анны, Варвары, Лукеры и Софіи!
Бойтесь вы физики, эмбриологіи,
И математики, и философіи.

Бойтесь, какъ язвы, *якшаться* съ студентами,
Въ Думѣ на лекціяхъ, въ аудиторіи;
Но развлекайтесь нарядами, лентами,
Вмѣсто всеобщей и русской исторіи.

Лучше держитесь порядка вы стараго!
Скучно вѣдь думать и чувствовать за-ново.
Замужь идите — но не за Базарова,
А ужь скорѣе за Павла Кирсанова.

Знайते, о женщины: эмансипація
Лишь унижаетъ сословье дворянское;
Вдругъ въ васъ исчезнетъ опрятность и грація,
Будете пить вы коньякъ и шампанское.

Сбросивъ наряды душистые, бальные,
Станете ногти носить безобразные,
Юбки, манишки, бѣлье некрахмальное
И разговаривать, точно приказные.

Нѣтъ, позабудьте всѣ преня бесплодная,
Будте довольны, какъ прежде, рутинною,
Вѣчно нарядныя, вѣчно свободныя
Бойтеся встрѣтиться съ мыслью единою.

Чѣмъ утомляться въ ученыхъ вамъ преніяхъ,
Лучше хозяйкою быть полнокровною,
«Дамой, пріятной во всѣхъ отношеніяхъ»
Или «Коробочкой, Дарьей Петровною».

Надъ урной.

Ахъ, неужель ты кинулъ свѣтъ
Хозяинъ мой сѣдой?
Такихъ людей ужь больше нѣтъ
Подъ нашею луной.
Ты состояніе съ трудомъ
Всю жизнь свою копилъ,
У Покрова построилъ домъ,
А въ домъ жильцовъ пустилъ.

Съ процентомъ скромнымъ капиталъ
Пуская частно въ ростъ,
Разъ въ годъ ты нищимъ помогаль,
Бѣлъ постное весь постъ.
Умѣлъ узнать ты стороной
Кто деньги занималь
И ежедневно на Сѣнной
Самъ мясо покупаль.

Хотя ты былъ не изъ числа
Чувствительныхъ сердець,

Но отъ тебя не вѣдалъ зла
 Домовый твой жилецъ.
 До самой смерти не женать
 И чуждъ семейныхъ узъ,
 Носилъ ты ватошный халатъ
 И плюсовый картузь.

Ты самъ себѣ приготавлиалъ
 Лукулловскій обѣдъ:
 Картофель съ свеклою мѣшалъ
 Въ роскошный винегретъ.
 Безъ темныхъ думъ, безъ тайныхъ мукъ
 Добрѣль до позднихъ лѣтъ;
 Всегда съ тобой былъ твой чубукъ
 И вязанный кисеть.

Съ чухонцемъ дворникомъ былъ строгъ,
 Журить его слегка;
 Ходилъ ты изрѣдка въ раѣкъ
 Смотрѣть «Жизнь игрока».
 Порою, чтобъ себя развлечьъ,
 Ты почитать любилъ:
 Тобой прочитанъ былъ весь Гречъ
 И Зотовъ — Рафаилъ.

Я на потухшій твой закатъ
 Безъ слезъ смотрѣть не могъ,
 Какъ, снявъ свой ватошный халатъ,
 Ты въ гробъ сосновый легъ.
 Съ тѣхъ поръ, какъ ты покинулъ свѣтъ,
 Я все твержу съ тоской:
 — Такихъ людей ужъ больше нѣтъ
 Подъ нашею луной!

Передъ кометой.

Темной ночью, на балконѣ,
Взявъ бинокли и лорнеты,
Мы слѣдили въ небосклонѣ
За теченіемъ кометы.
— «Вотъ она! О, душка, просто!...
«Delicieuse!...» пицатъ дѣвицы:
«Посмотрите: хвостъ-то, хвостъ-то,
Длинный, модный, какъ у львицы».
— «Дрянь — звѣзда!» кричитъ въ азартѣ
Ветеранъ, угрюмъ и важенъ:
Вотъ при первомъ Бонапартѣ
Хвостъ былъ ровно въ десять сажень».
Франтъ, склоняся къ сосѣдкѣ ближе,
Шепчетъ ей: «поймите это —
Я — вамъ хвостъ безсмѣнный, вы-же,
Вы — вездѣ моя комета».
— «Не къ добру она, повѣрьте»,

Шепчетъ старецъ богомолкъ:
 «Я всего боюсь до смерти
 Начитавшись лѣтомъ «Пчелки».
 Саранча, пожары, бури,
 Градобитье, злое лѣто...
 Пишутъ въ «Волгѣ» и «Амурѣ»...
 Все комета! все комета!»...

*
* *
*

Въ небо все глядятъ бинокли,
 Въ верхъ, въ нѣмую глубину ту,
 И слѣдя за ними могъ-ли
 Я не думать въ ту минуту:
 Ахъ, когда-бъ средь этихъ аховъ,
 Недомолвокъ, замѣчаній,
 Вдругъ предсталъ философъ Страховъ
 Для пророческихъ сказаній.
 Вы хотите-ль, не хотите-ль,
 Онъ тотчасъ-бы вамъ повѣдалъ,
 Какъ живетъ кометы житель,
 Чѣмъ онъ дышетъ, какъ обѣдалъ,
 Кто въ театрѣ тамъ ставитъ драмы,
 Какъ ведутъ себя мужчины,
 Также-ль тамошнія дамы
 Носятъ шлейфъ и кринолины,
 Есть-ли тамъ «отцы и дѣти»,
 Книжки, сплетни, развлечения...
 Опъ-бы все вопросы эти
 Разрѣшилъ намъ безъ сомнѣнья.

Въ Сентъ-джемсъ-скверѣ.

Стали загораться звѣзды въ темномъ небѣ —
Съ выставки вернулся я въ наемномъ кэбѣ,
И за каталогомъ часъ, по крайней мѣрѣ,
Все сидѣлъ недвижно въ самомъ Сентъ-Джемсъ-скверѣ.

Преда мной носился на плафонѣ зальной
Выставки всемирной образъ колоссальный,
И въ дыму сигары, купленной въ Гайдъ-Паркѣ,
Словно, какъ въ натурѣ, поднимались арки,

Куполь, галереи новаго колосса, —
Все, что видѣлъ утромъ — все вдругъ поднялося.
Хоръ земныхъ всѣхъ націй слился въ общій клиросъ —
Все богатство міра предо мной раскрылось...

Вотъ выходитъ первый: борода обрита,
Платье и походка обличаютъ Брита.

«Lee how,» сказалъ онъ: «намъ конкурсъ не страшень;
Золото британца, сила нашихъ машинъ

Сдѣлались владыкой и грозой свѣта»...

Вотъ во слѣдъ за бритомъ, въ юбкѣ корд'балета,
Съ пѣсней водевильной, съ пляской Ригольбоши,
Франція явилась съ грузомъ модной ноши.

Платье изъ атласу, ткани изъ Ліона,
Вышивки Гоблена, бюсть Наполеона,
Кольца, фермуары щедро разсыпала.
Далѣ, германка плавно выступала

И, сентиментальныхъ не забывъ привычекъ,
Предлагала пачку лучшихъ сѣрныхъ спичекъ.
Вотъ и итальянка съ образомъ Мадоны,
Ставить мозаики, статуи, коконы;

Римъ благочестивый тоже вышелъ въ залу
Съ книжкой, подаренной папой кардиналу.
Вотъ и уроженка пламенной Севиллы
Дамамъ предлагаетъ кружева, мантильи.

Здѣсь — часы швейцарцевъ, шляпы и шарманки,
Тамъ — лежать полотна и вѣсы голландки,
Пики австралійцевъ, пальмы Арканзаса,
Мраморъ изъ отчины дальней Фидіаса.

Тамъ лѣнивый турокъ снесъ свои кальяны,
Прихоти гарема, шали, оттоманы.
Рядомъ Русь-славянка, юная особа
(Но о ней должны мы говорить особо).

Далѣ китайскій есть экранъ отъ солнца
И канатъ, сплетенный изъ волосъ японца,

Ласточкины гнѣзда прямо изъ Сіама,
Рѣдкости Канады, Перу и Богама,

Платье африканки, нѣжное какъ роза,
Изъ роскошныхъ листьевъ «rhoenix spinosa»,
И Ньюфоундлена пухъ, мѣхъ и звѣри...
Все я вновь припомнилъ, сидя въ Сентъ-Джемсъ-скверѣ,

Въ ресторанѣ Джемса, гдѣ ѣдятъ сердито
Ростбифъ свой кровавый франты Реджентъ-Стрита.
Созерцая призракъ, мной неуловимый,
Началъ забывать я сѣверъ свой родимый,

Вдругъ... звукъ русской рѣчи... ходять съ шумомъ, съ
громомъ...

Чувствую: запахло русскихъ черноземомъ.
Кто они? Изъ Вятки-ль, Тулы, изъ Орла-ли?
Русскихъ экспонентовъ я увидѣлъ въ залѣ,

Утолившихъ жажду и кричавшихъ живо,
Что ужасно плохо англійское пиво,
Что оно хоть крѣпко и довольно пьяно,
Но за чѣмъ родного нѣтъ въ немъ кукельвана!...

Выставочные эскизы.

(Воспоминаніе о мануфактурной выставкѣ въ Петербургѣ въ 1861 г.).

I.

Я слышу патриотомъ горячимъ
 И остриженъ по-русски въ кружегъ,
Я въ поддевкѣ гуляю по дачамъ,
 Прославляя повсюду востокъ.

Образъ мыслей моихъ благороденъ —
 Жду отъ запада много я зла,
И всегда говорю, какъ Погодинъ,
 Что Европа давно ужь сгнила.

Пусть твердитъ громко житель приневскій,
 Что его идеаль — Маколей,
Но Михаилъ Ивановичъ Семеновскій
 Для меня, признаюся, милѣй.

Пусть о выставкѣ бредить всемірной,
 Возвратившись домой, нашъ туристъ,
 Я-жь на родинѣ тихой и мірной
 Посылаю заморщинѣ свистъ.

Свой восторгъ ощущая заранѣ,
 И мурмолку надѣвъ на главу,
 Я на яликѣ пестромъ Тайвани
 Съ дѣтскимъ трепетомъ къ биржѣ плыву.

II.

Я видѣлъ выставку издѣлій .
 Въ толпѣ зѣвающихъ людей,
 Въ толпѣ любителей, камелій,
 Фельетонистовъ и дѣтей.

Я видѣлъ всё и, въ удивленьѣ
 Невольно раскрывая ротъ,
 Твердилъ въ понятномъ увлеченьѣ :
 Я патріотъ! я патріотъ!

Когда на биржѣ я увидѣлъ
 Плоды богатыхъ русскихъ силъ,
 То западъ вновь возненавидѣлъ,
 Какъ записной славянофиль.

Но не канаты *Казилета*,
 Не шляпки дамскія *Брюно*,
 Не кисло-сладкій хлѣбъ буфета,
 Не съ Дона красное вино,

Нѣтъ, не телѣга отъ *Гризара*,
Не знаменитый русскій квасъ,
Не гений творческій Плюшара
Меня плѣняли въ этотъ часъ.

Я видѣлъ: чудная картина!
На память будущимъ вѣкамъ,
Въ сто тридцать пудъ изъ стеарина
Колонну вылитую тамъ.

Я полчаса стоялъ на стражѣ,
Принявши самый скромный видъ...
Клянусь! въ самомъ Египтѣ даже
Такихъ нѣтъ больше пирамидъ.

Пускай озлобленныя рѣчи
Кругомъ встрѣчаютъ дивный трудъ,
Пусть стеариновыя свѣчи,
Какъ прежде, таютъ и текутъ,

Я встану гнѣвной Немезидой,
За тотъ безсмертный мавзолей,
И передъ новой пирамидой
Заставлю ницъ упасть людей.

III.

Три на выставкѣ чуда
 Для російскаго люда
 Я нашель, пробираясь въ народѣ.
 — «Міръ нашъ русскій не спръ-же!»
 Говориль я на биржѣ:
 «Чтò подобное есть въ этомъ родѣ?»

Чудо первое было —
 Столь, сваренный изъ мыла:
 Это — Кибера нѣмца проказа;
 И изъ мыла (его же),
 Для забавы вельможи
 Превосходная, бѣлая ваза.

На Руси прежде мыло
 Только руки намъ мыло,
 Да считалось лѣкарствомъ отъ жабы,
 А теперь мыловары
 Мебель шлють въ будуары...
 Прежде въ томъ усомнился и я-бы!...

Вотъ и диво второе:
 То издѣлье родное —
 Весь изъ войлока домигъ-игрушка,
 Прочепъ, свѣтель и ровень
 И ужъ вовсе безъ бревень, —
 И съ печами, и съ крышей избушка.

Въ годы прежніе, въ оны
 Войлокъ шель на попоны,
 Да въ стѣнѣ забивали имъ щели,

А теперь по дорогѣ
 Будутъ строить чертоги
 По новѣйшей Бордовскихъ модели.

Диво третье же было,
 Ужь не урна изъ мыла,
 Не изъ войлока хата съ трубою, —
 Но для лѣта отрада,
 Два такіе снаряда,
 Чтò грозили всѣмъ мухамъ бѣдою.

Въ управленіи ловки
 Были двѣ мухоловки
 Тамъ подъ литерой *Вьди* и *Буки*,
 Чтобы мухи не льнули
 Къ намъ подъ пологъ въ іюлѣ —
 Тѣмъ снарядомъ ихъ ловятъ отъ скуки.

Я глядѣлъ молчаливо
 На три чудныя дива,
 Смявъ въ комокъ каталоги *Piana*;
 Сердце билось и ныло...
 Вкругъ толпа уходила,
 Мнѣ-жь идти все казалось рано.

Дома-жь я, въ самомъ дѣлѣ,
 Лишь прилежъ на постели
 Все не зналъ — на землѣ я? на небѣ-ль?
 Разумъ вдругъ помутился —
 Домъ Бордовскихъ мнѣ снился
 И изъ мыла сваренная мебель.

То я видѣлъ Кускова,
 То того мухолова,
 Чтò для мухъ изобрѣлъ гильотину,

То я, будто бы, даже
Въ вдохновенномъ куражѣ
Самъ особую сдѣлалъ машину...

Такъ три славныя чуда
Для російскаго люда,
На яву и во снѣ мнѣ все снились;
Сердце грѣло мнѣ что-то,
А изъ глазъ патріота
Слезы гордости градомъ катились.

Сомнѣніе.

Тысяча лѣтъ!... Неужели?
Вѣрить или нѣтъ?
Точно-ль прожить мы успѣли
Тысячу лѣтъ?
Хоть и не вѣрится какъ-то —
Взглянешь назадъ:
Факты, и факты, и факты
Вѣрить велятъ.
Прочь недоувѣрія мина!
Надписи слѣдъ
Всюду на лбу славянина:
«Тысяча лѣтъ!»

Тысячелѣтія опытъ,
Смерть откуповъ,
Дѣвочки-гласности шепоть
Ясный безъ словъ.

Грамотность волей-неволей
 Входитъ въ почётъ,
 Близкій конецъ монополій
 Чуетъ народъ.
 Взятчикъ стонетъ и плачетъ, —
 Выходу нѣтъ, —
 — Сколько-жь мы прожили? — Значить —
 Тысячу лѣтъ.

Пресса казнить понемножку
 Всякое зло,
 Къ сердцу народа дорожку
 «Время» нашло...
 Рѣчи изъ Сивцева-вражка
 Жгутъ безъ огня...
 Нищихъ московскихъ поблажка
 Съ голоса «Дня»,
 Коршъ Валентинъ въ Петроградѣ...
 Тучи газетъ...
 Кто-жь не повѣритъ, что сзади
 Тысяча лѣтъ?...

Всѣмъ весело!...

Пусть по ночамъ до денницы
Прыгаетъ вся молодежь,
Все населенье столицы!
Что-жь?

Пусть веселится, кто можетъ!
Пусть процвѣтаетъ танцклассъ!
Что-жь такъ гнѣвить и тревожить
Насъ?

Нуженъ-ли спросъ: «для чего ты
Плянешь, столица?» Отвѣтъ:
— Значить на сердцѣ заботы
Нѣтъ.

Пляшутъ. Кого же осудимъ?
Судъ здѣсь безмысленъ и нѣмъ:
Значить, ужъ весело людямъ
Всѣмъ.

Юность кружится. Ни слова!
 Можно-ль кого обвинять?
 Гдѣ-жь ей занятья другого
 Ждать?

Если же старость сѣдая
 Пляшетъ подъ склонъ своихъ дней,
 Значить душа молодая
 Въ ней.

Значить мы дѣти Европы,
 Значить характеръ нашъ живъ,
 Значить у насъ мизантропы —
 Мнѣ.

Прыгаемъ мы до разсвѣта, —
 Думаемъ мало за то,
 Кто-жь не похвалитъ за это?
 Кто?

Мысль лишь задвигнется — строги
 Къ ней мы всегда — здѣсь и тамъ,
 Только развязаны ноги
 Намъ.

Пусть же всю ночь до денницы
 Гонитъ хоть танцами грусть
 Все населенье столицы:
 Пусть!..

Театральная пѣсня.

Когда я видѣлъ, какъ «Торцова»
Игралъ Бурдинъ, — сквозь шумъ и гулъ:
«Великолѣпно! Образцово!!...»
Я восклицалъ, ломая стулъ.

Когда я былъ въ тоскѣ и горѣ,
Чѣмъ горе разгонялъ я, чѣмъ?
Я шелъ смотрѣть, какъ въ «Ревизорѣ»
Играешь ты, Максимовъ М.

Когда пасхальныхъ балагановъ
Нигдѣ не строили пока —
Любилъ смотрѣть я, какъ Степановъ
Ломался въ «Жизни игрока».

Свою чувствительность не выдавъ
Еще нигдѣ, я весь дрожалъ,
Когда громовый Леонидовъ
Намъ «Ермака» изображалъ.

Когда, порой, я брови хмурилъ,
Я шелъ смотрѣть — и хохоталъ —
Какъ Марковецкій каламбурилъ
И роль свою перевиралъ.

Я увлекался очень скоро,
Не встати хлопалъ, хлопалъ зря,
Когда Григорьева-актера
Встрѣчалъ въ хламидѣ короля.

Я зрѣлъ Самойлова въ Гамлетѣ
И наслажденіе вкусилъ,
И все шепталъ въ минуты эти:
— Вотъ кто Шекспира раскусилъ!...

Шемаевъ! Нильскій!... Нѣтъ, завѣсу
Я опущу, сказавъ одно:
Давайте имъ любую пьесу —
Сыграютъ живо и умно.

С О В Ъ Т Ъ .

«Въ собственномъ сердцѣ и умѣ
человѣка должна быть внутренняя
полиція....»

И. Павловъ.

Отъ удивленій, ошибокъ горячаго вѣка
Только «полиція въ сердцѣ» спасетъ человѣка;

Только тогда уцѣлѣетъ его идеаль,
Если въ душѣ онъ откроетъ безсмѣнный кварталъ.

Мысль, напримѣръ, разшалится въ тебѣ не на шутку —
Тотчасъ ее посади ты въ моральную будку;

Въ голову-ль вдругъ западетъ неприличная блажь —
Пусть усмирить ее сердца недремлющій стражъ;

Кровь закипитъ, забуянитъ въ тебѣ черезъ мѣру,
Съ ней, не стѣсняясь, прими полицейскую мѣру,

Стань обличителемъ собственной злобы и лжи
И на веревочкѣ умъ свой строптивый держи.

Знайте-жь, россійскіе люди и старцы и дѣти:
Только «съ полиціей въ сердцѣ» есть счастье на свѣтѣ.

Маскарадные мотивы.

Изъ подъ таинственной холодной полу-маски
звучалъ мнѣ голосъ твой, отрадный какъ мечта.

М. Лермонтовъ.

I.

Изъ подъ таинственной, холодной полу-маски
Я слушалъ голосъ твой и слишкомъ звонкій смѣхъ,
Я видѣлъ край щеки и сѣренькіе глазки,
Съ лукавой бойкостью глядѣвшіе на всѣхъ.
За длиннымъ ужиномъ замѣтилъ я невольно
Прозрачный рядъ зубовъ и блѣдный цвѣтъ ланитъ.
Мнѣ было весело смотрѣть и вмѣстѣ больно
На твой не женственный, о маска, аппетитъ!
И создалъ я тогда въ моемъ воображеньѣ,
По легкимъ признакамъ, красавицы портретъ,
И съ той поры, предвидя разоренье,
Боюсь ходить я съ масками въ буфетъ.
И все казалось мнѣ, бродя съ той маской въ залъ,
Что зналъ ее давно, давно когда то я,
И кто-то мнѣ шепталъ — что скоро на шпигъ-балѣ
Мы вновь увидимся, какъ старые друзья.

II.

Яркимъ свѣтомъ залить залъ,
 За толпой ходить я слѣдомъ,
 И коломенскимъ Манфредомъ
 Пышный праздникъ созерцать:

Люстры, перья, женщинъ плечи,
 Въ черныхъ фракахъ молодежь,
 И въ тѣни закрытыхъ ложъ
 Чьи-то сдержанныя рѣчи.

Говоръ, шумъ, несносный жаръ,
 И вдали, какъ-бы въ туманѣ,
 Въ доморощенномъ канканѣ
 Вьются тѣни рѣзвыхъ паръ.

А изъ ложъ, какъ василиски,
 Львицы съ завистью глядятъ.
 Какъ болтають и шалятъ
 Развеселыя модистки.

Львиць остуженная грудь
 Сжата модой и бездѣльемъ,
 Имъ циническимъ весельемъ
 Такъ и хочетсядохнуть.

А внизу кипить и вьется
 Пестрой лентой маскарадъ,
 И въ подагрѣ бюрократъ
 Съ маской подъ руку плетется.

Безконечный гулъ растеть...
 Звукъ шпоръ, сверканье касокъ...
 Ни единая изъ масокъ
 Лишь ко мнѣ не подойдетъ,

Ни одна изъ нихъ съ отвагой
 Мнѣ руки не дастъ... О, нѣтъ!
 Но съ другимъ пойдетъ въ буфетъ
 За шампанскимъ и малагой.

Словно въ васъ какой-то даръ
 Непонятнаго прозрѣнья,
 Граціозныя творенья!
 Вамъ не юный нуженъ жаръ,

Но ходячіе скелеты,
 Что дарятъ за вашу блажь,
 Перлы, новый экипажъ
 И кредитные билеты...

Одиноко я шагаль.
 Отъ меня вѣдь взятки-гладки.
 Что я дать могу? Перчатки,
 Да дешевый мадригаль.

Тактомъ двѣ обезоружень,
 Оцѣнилъ я ихъ привѣтъ:
 Двѣ улыбки — за браслетъ
 И лобзаніе — за ужинъ...

И горѣлъ огнями заль
 За толпой ходилъ я слѣдомъ
 И коломенскимъ Манфредомъ
 Пышный праздникъ созерцаль.

Весенняя серенада.

Воздухъ мая нѣгой таетъ,
Гуще мракъ ночной...
Гдѣ-то песь на мѣсяць лаеть —
Спи, городской!

Кто-то крадется сторонкой,
Узель подъ полой,
Вѣеть снами воздухъ тонкій, —
Спи, городской!

Промаячилъ безъ удачи
Ванька день-деньской,
И шажкомъ ползеть на клячѣ —
Спи, городской!

Возвращается гуляка
Съ пѣснею домой...
Гуще, гуще тѣни мрака —
Спи, городской!

Кто-то плачетъ, кто-то стонетъ
Въ тишинѣ нѣмой,
Но за тучкой мѣсяцъ тонетъ —
Спи, городской!

Изъ проулка крикъ несется:
«Карауль, разбой!»
А надъ будкой греза влетѣла —
Спи, городской!

Это ты весна!

(Мелодія.)

По рѣкѣ вездѣ ломаетъ
Синій ледъ волна;
Майскій воздухъ холодаетъ —
Это ты весна!

Въ сундукахъ почили шубы,
Муфта не нужна;
Вагенгеймъ рветъ людямъ зубы —
Это ты весна!

Вкругъ разносчики запѣли;
Отъ ѣзды — нѣтъ сна;
И шарманки заскрипѣли —
Это ты весна!

Отъ Полюстрова до Лахты
Невская волна
Носить съ грузомъ лодки, яхты, —
Это ты весна!

Веселѣй прохожихъ лица,
Но больныхъ полна
Всѣмъ открытая больница —
Это ты весна!

Воздухъ мягче, небо чище...
Вижу изъ окна:
Дроги ѣдутъ на кладбище —
Это ты весна!

Въ «Библіотекѣ для чтенья»
Трели Зорина...
«Это ты мое мученье»,
Это ты весна!

X Пѣснь титулярной совѣтницы.

Время настало, ей-Богу, престранное!

Міръ — точно лѣсъ...

Вкругъ о гуманности рѣчи туманныя,

Споръ за прогрессъ!

Всѣмъ заѣдаетъ любовь въ деревенщинѣ,

Чванится хамъ....

Просто, житья нѣтъ порядочной женщинѣ!

Горе и срамъ!

Въ гости пріѣдешь — все пища скромная,

Какъ у татаръ;

Дратся захочешь — прислуга наемная...

Просто базарь!...

Рядомъ сажаютъ съ безстыжей прелестицей,
Чина не чтуть,
Будь хоть дѣйствительной статской совѣтницей —
Мимо пройдутъ!

Дачная элегія.

Тонетъ день въ закатѣ аломъ,
Воздухъ сыръ, но въ Тиволи,
Жизнь считая идеаломъ,
Я дрожу подъ одѣяломъ,
Полонъ мира и любви.

Пусть мнѣ холодно въ постели,
Въ тѣлѣ дрожь и зубъ стучить,
Пусть ужъ, ровно двѣ недѣли,
Въ окна, съ крыши, въ щели, въ двери,
Дождь струится и бѣжитъ;

Но во имя романтизма,
Получить я не боюсь,
Съ хладнокровіемъ дендизма,
Боль шального ревматизма,
Лихорадку или флюсъ.

Демонъ вѣка.

Въ тѣ дни, когда намъ были новы
Всѣ впечатлѣнья раннихъ дней,
Плѣнялъ поэтовъ шумъ дубровы
И звонкій курскій соловей;
Когда ихъ пѣсни съ пыломъ чувства
Встрѣчали мы съ припѣвомъ — bis,
Когда «искусство для искусства»
Быль неизмѣнный нашъ девизъ;
Когда, во всѣхъ лишь видя гномовъ,
Отъ сна раскрыть не въ силахъ глазъ,
Съ вѣнками свѣжими Обломовъ
Всходилъ съ одышкой на Парнасъ, —
Слѣды невинныхъ наслажденій,
Желая съ сердца отогнать,
Тогда какой-то злобный геній
Сталъ насъ все чаще навѣщать.
Печальны были встрѣчи эти:
Его улыбка, жестъ руки....

Бѣжали прочь съ испугомъ дѣти,
Дрожали молча старики.
Онъ обливалъ намъ душу ядомъ;
Сталъ мѣръ и мраченъ и суровъ,
И только пѣли предъ посадомъ
Все обличающіе рядомъ
И Розенгеймъ и Кушнеревъ.
Умоляли нѣжныя цѣвницы,
Протесты сдѣлали набѣгъ,
И лишь по улицамъ столицы
Ловилъ скандалы Левъ Камбекъ.

С т а н с ы

на будущій литературный юбилей автора «Чиновника» и
„La nuit de St-Sylvestre“.

Впередъ твой праздникъ юбилейный
Прозрѣли мы въ туманѣ лѣтъ,
Когда почтить кружекъ семейный
И твой закатъ и твой разсвѣтъ.
И будетъ пиръ на-диво міру,
Гдѣ воспоетъ съ слезами Гречь,
Тобой оставленную лиру,
Тобой завѣщанную рѣчь.

Полжизни, бывъ аристократомъ,
Литературѣ ты отдалъ;
Ты литератора собратомъ
Когда-то даже называлъ.
За-то, Россія на Парнасѣ
Тебя включила въ первый классъ,

И, развѣзжая въ тараптасѣ,
Твой не забыли «Тарантасѣ».

Въ средѣ поэтовъ бывъ номадомъ,
Въ давно былыя времена
Печаталъ съ Пушкинымъ ты рядомъ
Въ двухъ альманахахъ Смирдина;
И если вяло Музъ и Феба
Воспѣлъ въ минувшіе года —
Ты геральдическаго неба
За то былъ яркая звѣзда.

Не предался ты вялой лѣни,
Но пищу далъ двойной молвѣ:
Былъ русскимъ баринномъ на Сенѣ,
Парижскимъ денди на Невѣ.
Когда-жъ у насъ тебя забыли:
Москва, Рязань, Бѣлградъ, Малмыжъ, —
Ты въ это время водевили
Возилъ на выставку въ Парижъ.

И оттого въ нашъ вѣкъ скандальный
Ты въ общей складкѣ уцѣлѣлъ,
Что «тканью рѣчи идеальной»
Прикрылъ свой собственный пробѣлъ.
Ты понялъ грязь гуманныхъ топей,
Насъ растлѣвающій прогрессъ,
И не глоталъ туманъ утопій
Подъ сводомъ сѣверныхъ небесъ.

Прійди же праздникъ юбилейный!
Тебя-жъ двухъ націй сынъ родной
Почтимъ слезой благоговѣйной,
Мы вилоть отъ Сены.... до Сѣнной,

И въ залѣ англійскаго клуба,
Скрѣпивъ свой дружескій союзъ,
Помянуть графа Соллогуба
Равно и русскій и французъ.

Два сотрудника.

Они писали другъ съ другомъ въ убогой газетѣ,
Съ такою любовью и дружбою рѣдкою въ свѣтѣ;
И какъ друзья, постоянно и нѣжно, при встрѣчѣ,
Одинъ для другого готовили теплыя рѣчи.
Они разстались, лишь пало изданье больное,
И долго, безъ встрѣчи, по разнымъ журналамъ блуждали;
И годъ прошелъ; наступило свиданье иное, —
Но въ *Русскомъ мѣрѣ* другъ друга они не узнали.

Ахъ, гдѣ та сторона?...

Ахъ, гдѣ та сторона,
Гдѣ былъ нѣмъ сатана
Вѣка?

Гдѣ знавалъ старъ и младъ
Наизустъ Аммалатъ —
Бека?

Гдѣ нашъ ярый прогрессъ
Былъ для всѣхъ темный лѣсъ —
Братцы,

И всю Русь обучалъ
Дѣдъ Кайдановъ, какъ, зналъ —
Вбратцѣ;

Въ одахъ ставилъ поэтъ
Вмѣсто Феба въ куплетъ —
Фебусъ.

А князь Рюрикъ не мнилъ
Что въ наукѣ онъ былъ —
Ребусъ;

Не пугались мы мглы,
 Не стучали столы
 Юма,
 Гласность въ люлькѣ спала
 Хоть и съ гласнымъ была
 Дума;
 Акцій бурный потокъ
 Вырывать намъ не могъ,
 Ямы,
 И на свой идеаль,
 Новый Несторъ писалъ
 Драмы;
 Не смущались умы,
 Какъ пѣлъ Глинка псалмы
 Слѣзно,
 И насъ трагикъ плѣнялъ,
 Какъ порой, завывалъ
 Грозно,
 Къ преньямъ гласнымъ суда
 Мы не были когда
 Падки;
 И съ крестьянъ становой
 Дралъ весной и зимой
 Взятки;
 Взятки были въ ходу,
 Жилъ исправникъ въ ладу
 Съ рокомъ,
 Зимній вѣтеръ не зналъ,
 Что Невой онъ гулялъ
 Бокомъ; *)
 Дни, когда нашу рѣчь
 Мужъ грамматики — Гречь
 Правиль,

*) См. стихотв. Случевского: Ходить вѣтеръ избочась
 Вдоль Невы широкой...

А Булгаринъ Ѳаддей
Сильныхъ міра людей
Славиль.

Въ этотъ вѣкъ золотой
Нашъ смущали покой
Рѣже.

Гдѣ же та сторона?
Други! тѣ времена
Гдѣ же?

Педагогическій приговоръ.

(Ороографическая легенда).

Посреди огромной залы,
Гдѣ скользятъ вечерній свѣтъ,
Грамотѣи-радикалы
Собралися на совѣтъ.
Бродитъ мысль по лицамъ важнымъ,
Хмуры брови, строгій видъ, —
И лежалъ предъ мужемъ каждымъ
Буквъ россійскихъ алфавитъ.
Чась насталь, — звонокъ раздаля,
И суровый, какъ законъ,
Передъ обществомъ поднялся
Предсѣдатель Паульсонъ.
Двери настезь — и кварталный
Вводитъ связанную рать —
Буквъ россійскихъ рядъ печальный —
Счетомъ ровно тридцать пять.
Для позора, для допросовъ
Привели на стыдъ и срамъ

Буквы тѣ, что Ломоносовъ
 Завѣщаль когда то намъ.
 Не скрывайте-жь тайныхъ мукъ вы,
 Не сжимайте блѣдныхъ губъ;
 Не одной прекрасной буквы
 Мы увидимъ хладный трупъ.
 Первый врагъ вашъ есть Кюдинскій.
 Онъ, о ужасъ! (смѣхъ и крикъ);
 Думаль шрифтъ ввести латинскій
 Въ благородный нашъ языкъ;
 И отвергнутый совѣтомъ
 Чуть не пролилъ горькихъ слезъ...
 Но постойте: въ залѣ этомъ
 Начинается допросъ.
 — «Буква ѳ!»

И мѣрнымъ шагомъ,

Глазъ не смѣя вверхъ поднять,
 Передъ всѣмъ ареопагомъ
 Появилась буква *ѳ*.
 Какъ преступница поникла
 И, предвидя свой позоръ,
 Отъ повѣйшаго Перикла
 Слышитъ смертный приговоръ:
 «Буква жалкая! Бродягой
 Ты явилась въ нашъ языкъ,
 Самъ подъячій за бумагой
 Проклинать тебя привыкъ,
 За тебя лишь называли
 насъ безграмотными всѣхъ;
 Тамъ, гдѣ люди ѳ писали,
ѳ поставитъ было грѣхъ.
 Даже избранную братью
 Педагоговъ (крики: воиъ!)

Допекали буквой *ятью*
 Съ незапамятныхъ временъ:
 Такъ въ тебѣ гермофрита
 Мы признали, — и теперь
 Выдти вонъ изъ алфавита
 Приглашаемъ въ эту дверь!»
 Ницъ склонясь, какъ хилый колосъ,
Ять уходитъ.

— «На мѣста!»

Раздается новый голосъ:
 — «Шагъ впередъ, мадамъ *Theta!*
 «Такъ какъ съ русскимъ человѣкомъ
 Кровной связи нѣтъ у васъ,
 То ступайте къ вашимъ грекамъ...»
 Но *Theta* вдругъ уперлась:
 — Миръ ко мнѣ неблагодаренъ!»
 Дама рвется, вся въ поту:
 «Даже самъ *Theta* Булгаринъ
 Вѣкъ писался чрезъ *Theta*.
 Вашу вѣрную служанку
 Не гоните-жь...» (рѣзкій звонъ).
 И несчастную гречанку
 На рукахъ выносятъ вонъ.
 Та же участь ожидала
 Букву *Э* и *Ъ* и *Б*:
 Стража вывела изъ зала
 Ихъ въ распахнутую дверь.
 Потерявъ красу и силу
 Всѣмъ имъ въ гробъ пришлось лечь,
 И теперь на ихъ могилу
 Ходитъ тайно плакать Гречь.

Жалоба уѣздной красавицы.

Элегія.

Х Что это, тетенька, просто, — мученіе
Новыя книги читать!
Нѣтъ никакого почти развлеченія:
Такъ и захочется спать.

Повѣсть раскроешь — герои все штатскіе;
Нѣтъ интересныхъ двухъ лицъ,
Все разговоры такіе дурацкіе —
Скука одна для дѣвиць.

А уже критики — вотъ наказаніе!
Словно туманъ въ головѣ;
Нѣтъ и примѣтъ благороднаго званія,
Тонъ — настоящій *мове*...

Очень вѣдь нужно порядочной женщиной
Знать, какъ живутъ мужики.
Слышите: чувство нашли въ деревенщинѣ,
Сердце нашли.... Пустяки!...

Бьютъ ихъ! Такъ чтоже? за дѣло и слѣдуетъ,
Такъ говорить самъ *nana*,
Чтожь сочинитель-то тутъ проповѣдуетъ —
Я и сама не глупа.

Нѣтъ, погадаю ужь лучше о суженомъ...
Просто заснешь у носка!...
Хоть бы лѣсничій пришелъ передъ ужиномъ!
Господи! что за тоска!...

Пѣсня о стульяхъ на Невскомъ проспектѣ.

(Уличное воспоминаніе).

Стулья на Невскомъ печально стоятъ,
Словно прохожихъ на отдыхъ манятъ.

«Вы бы присѣли хоть на пять минутъ!»
Только прохожіе мимо идутъ.

Мимо проходитъ съдой генераль.
«Сядь-ка, голубчикъ! ты вѣрно усталъ».

Старець на дерзкихъ не поднятъ и глазъ,
Только плечами сурово потрясъ.

Мимо чиновникъ съ портфелемъ бѣжалъ.
«Сядь-ка, голубчикъ, ты вѣрно усталъ!»

— Времени, стульчики, времени нѣтъ,
Дома жена меня ждетъ за обѣдъ.

Мимо рисуется модный нахаль.

«Сядь-ка, голубчикъ, ты вѣрно усталъ».

Франтъ имъ въ отвѣтъ посылаетъ слова:

— Нужно бы васъ изрубить на дрова.

Мимо служивый широко шагаль.

«Сядь-ка, голубчикъ, ты вѣрно усталъ».

— Съль бы, родные, да, значить — солдатъ;

Ходить начальство: сидѣть не велятъ.

Мимо камелія съ шлейфомъ идетъ:

«Сядь-ка, голубка, взгляни на народъ».

«Ist es wohl möglich! *На этомъ мѣстамъ*

Състь не должна благородная дамъ.

Мимо слуга пробирался въ подвалъ:

«Сядь-ка, голубчикъ, ты вѣрно усталъ».

— Състь бы, пожалуй, я былъ и гораздъ:

Баринъ увидить — затрещину дастъ.

Стулья на Невскомъ пустыя стоятъ,

Но ужь прохожихъ и звать не хотятъ.

Закулисная элегія.

(Изъ губернскихъ театральныхъ воспоминаній.)

Лысый, свѣжій, ловкій, гибкій,
Всѣхъ плѣнялъ ты очень скоро
Обольщающей улыбкой
И умомъ антрепренёра,
Будто вижу, какъ межъ кресель,
Руку жмешь съ ужимкой мнѣ ты,
Иль считаешь, гордо весель,
Самъ за кассою билеты.

Ты отцомъ былъ нѣжнымъ самымъ
Для актрисъ и для актеровъ,
Ладилъ съ трагикомъ упрямымъ,
И терпѣлъ суфлера поровъ.
Парики свои изъ пакли
И театръ, не внявъ разсчетамъ,
Подъ дворянскіе спектакли
Отдавалъ ты по субботахъ.

Старичковъ водилъ къ актрисамъ
И, по мягкости лишь чисто,

Угощаль пол-бенефисомъ
 Незвѣстнаго артиста.
 Объ удобствахъ труппы даже
 Мысля — нѣжный по натурѣ —
 Ты сулилъ ей экипажи
 И возилъ въ жидовской фурѣ.

Спаль и думаль о театрѣ,
 Имъ съ любовью занимался,
 И на всѣ, бывало, на три
 Репетиціи являлся.
 Какъ знатокъ, терпѣль Шекспира,
 Въ немъ не видя исполна,
 И на сцену вмѣсто «Лира».
 Чаще ставилъ «Уголино»!

Не любилъ ты, очень здраво,
 Умъ воспитанный въ актерѣ,
 Говоря всегда: вѣдь право,
 Намъ съ такимъ артистомъ горе...
 То пальто на немъ не ново,
 То на сценѣ дуетъ въ ноги,
 То въ Гамлетѣ Полеваго
 Критикуетъ монологи...»

Хоть терпѣль, порой, обманъ ты,
 Но, всё вѣдая лазейки,
 Поощряль кругомъ таланты...
 Не платя имъ ни копѣйки.
 Бѣдняка увидя блѣдность,
 Нищеты его свидѣтель,
 Ты всегда твердилъ, что бѣдность
 Не порокъ, а добродѣтель

Есть два слова.

Есть два слова; не вѣримъ ихъ силѣ
Мы-ли?

Словъ иныхъ, размежающихъ свѣтъ
Нѣтъ.

Хочешь сдѣлать скандалъ ты великій —
Шикай,

Но кричи, чтобъ враги не нашлись:
Bis!

Свистъ доводить людей до раздора
Скоро;

«Нѣтъ» — опасно, но мило всегда —
«Да.»

Если съ книгой кто явится дикой —
Шикай,

Если-жъ авторъ ползень, клянись:
«Bis!»

Тамъ, гдѣ нужно, сгибаяся аркой,
 Шаркай,
 А гдѣ чувствуешь верхъ надъ людьми —
 Жми.
 Взятку мелкую встрѣтишь съ уликой —
 Шикай,
 Милліонъ пропадетъ — умились:
 «Bis»

Въ честь грѣховъ, освященныхъ Европой —
 Хлопай,
 Но преслѣдуй пороки нищеты
 Ты.
 Постоянно на гений великій
 Шикай,
 А бездарнымъ кричать не стыдись:
 «Bis!»

Провинціальнымъ Фамусовымъ.

Люди взгляда вышшаго
Книгъ вы захотите-ли!
Пусть для класса низшаго
Пишуть сочинители.
Для чего вамъ болѣе
Все людское знаніе?
Не того сословія —
Чтобъ читать изданія!

Нынѣче — травля славная,
Завтра — скачка тройками;
То обѣдъ, гдѣ — главное —
Угостятъ настойками.
То къ роднѣ отправишься,
Съ дворнею — мученіе...
Ясно, что умаешься, —
Тутъ ужъ не до чтенія.

Пусть зубрятъ приказные
Тѣ статьи ученя,
Гдѣ идеи разныя
Очень развращенныя.
Мы-жь, допивъ шампанское,
Спросимъ съ удивленіемъ:
Дѣло-ли дворянское
Заниматься чтеніемъ?

Гласность.

(Посв. Льву Камбеку).

Поить-ли откупъ насъ водой,
Береть-ли взятки становой,
Дерется-ль баринъ въ Моховой,
 На всякій ключъ,
Блеснувъ косою роковой,
 Родишь ты спичъ.

Ты — казнь общественныхъ грѣховъ,
Обскурантизма тѣмныхъ ковъ,
Въ литературѣ пошлыхъ словъ;
 Пусть дремлетъ вѣкъ, —
Не дремлешь ты одна.... Таковъ
 И ты Камбекъ.

Московская легенда XIX вѣка.

Другъ друга любили они съ безкорыстіемъ оба;
Казалось — любви бы хватило съ избыткомъ до гроба!

Онъ былъ славянинъ — и носилъ кучерскую поддевку,
А ей сарафанъ замѣнялъ и корсетъ и шнуровку.

То платью обоимъ казалось и краше и проще,
И въ немъ они вмѣстѣ гуляли по марьиной рощѣ.

Читалъ онъ ей Гегеля, пѣсни Якушкина, сказки,
Цѣлуя то въ губки, то въ щечки, то въ синіе глазки.

И въ ней развивалъ онъ вражду къ молодымъ либе-
раламъ,
Къ прогрессу, къ Европѣ, ко всѣмъ петербургскимъ
журналамъ.

Онъ ей по-французски болтать запретилъ совершенно
И съ ней о народности онъ говорилъ вдохновенно,

Суровый завѣтъ для нея былъ житейской веригой,
Но Кирша Даниловъ у ней былъ настольною книгой.

Такъ дни проходили — ихъ счастье все шире да шире,—
Казалось четы нѣтъ блаженнѣй, довольнѣе въ мірѣ.

Но счастья лучи не всегда одинаково жарки:
Ужасную вѣсть отъ сосѣдней болтуни-кухарки

Узналъ славянинъ, весь исполненъ грозы и испуга,
Что носить украдкой корсетъ съ криңолиномъ подруга!

Узналъ — не спасла, не пошла вѣрно въ прокъ про-
паганда —
Что ночью славянка.... читала романы Жоржъ-Занда.

Узналъ онъ и, вѣрный принципу Московскихъ собратій,
Любовь свою предалъ всей силѣ суровыхъ проклятій.

Угрюмо и мрачно всегда проходилъ онъ Лубянкой,
Страшась повстрѣчаться съ коварною псевдо-славянкой.

Другъ съ другомъ навѣки они такъ разсталися оба,
А счастья, казалось, обомъ хватило-бъ до гроба.

НѢ МОСКВѢ.

О, пусть кричатъ трибуны злые —
Мы вѣримъ сердцу своему —
Жива Москва — сильна Россія,
И Божій свѣтъ разсвѣтъ тьму.

Аполлонъ Майковъ.

Городъ праздныхъ разговоровъ,
Ты въ свою вмѣщаешь грань
Магазины куаферовъ
И руины старыхъ бань.
Въ огородахъ бродятъ гуси,
Люди дремлютъ въ теремахъ...
Сколько Руси, сколько Руси
На семи твоихъ холмахъ!
Ты не разъ былъ въ битвахъ раненъ,
За врагомъ валился врагъ, —
Былъ ты мудръ, какъ «Москвитянинъ»
И настойчивъ, какъ «Маякъ».
Кто Москвичъ — тотъ всюду годенъ,

И о васъ гремитъ молва —
 Гротъ, и Павловъ, и Погодинъ:
 Это матушка Москва!
 Съ чѣмъ твоя сравнится сила,
 Кровь великая славянъ?
 Кто съ плеча славянофила
 Снять осмѣлится кафтанъ?
 Кто твое осилитъ племя?
 Кто задавитъ ярый «День?»
 Кто теперь на «Наше время»
 Занесетъ въ бою кистень?
 Ты не гнула крѣпкой шеи
 Предъ Европою гнилой,
 За застой, какъ за траншеи
 Никла старой головой.

Ты внимала — слухъ твой вѣренъ, —
 Бѣлокаменная,
 Какъ читалъ тебѣ Чичеринъ
 Рѣчи пламенные;
 Но урокамъ ты внимала
 Не отъ всякаго,
 И за ужиномъ читала
 «День» Аксакова.

Почивай же межъ кургановъ,
 Городъ звона и рѣчей,
 Городъ чусекъ, сарафановъ,
 Сасекъ, бань и калачей.

Nocturno.

Не широка,
Не глубока,
Шумить,
Бѣжить

Москва рѣка.

Въ сонномъ воздухѣ все тихо,
Въ небѣ крадется луна,
Чу! московская кунчиха
Распѣваетъ у окна.

Не широка,
Не глубока,
Шумить,
Бѣжить

Москва рѣка.

Скинь корсетъ свой, ангелъ милый,
И явись, какъ ясный «День»,

Молятъ всѣ славянофилы:
Сарафанъ родной надѣнь!
 Не широка,
 Не глубока,
 Шумить,
 Бѣжить
Москва рѣка.

Покайтесь!...

Осенняя ода.

(Подражаніе И. Аксакову).

Гдѣ ты, народная сила желанная?
Ветхость — куда ни пойдешь.
Жизнь намъ растлила одна иностранная
Ложь.

Кривду назвали прогрессомъ мечтатели,
Бредить имъ вся молодежь,
И проповѣдуютъ громко писатели
Ложь.

Все: просвѣщенье, идей контрафакція,
И обличенія ножъ,
Всѣхъ нечестивыхъ журналовъ редакція —
Ложь.

Насъ не балуешь здоровыми зёрнами,
Ты, колосистая рожь,

Западъ навѣялъ къ намъ съ мыслями черными
 Ложь.

Эта Европа насъ дразнить на старости,
 Точно сама Ригольбошъ;
 Мы жь повторяемъ въ ребяческой ярости
 Ложь.

Въ разныхъ одеждахъ, подъ разными звуками
 Эту неправду найдешь;
 Дрогнули предки, что править ихъ внуками
 Ложь.

Въ книги заглянешь: такъ гласности фурія,
 Бюхнера мысли пайдешъ,
 Въ немъ, по писанью Самарина Юрія,
 Ложь.

Наша торговля? Хромаетъ ей родина,
 Нѣту кредита на грошъ,
 Въ нашемъ богатствѣ, по слову Погодина,
 Ложь.

Всѣ тѣ напасти, явленія бурныя,
 Всѣ тѣ бѣды отчего-жъ?
 Все оттого, что насъ губить мишурная
 Ложь.

Полно! покайтеся падшія братія!
 Сердце сжимаетъ мнѣ дрожь!
 Знайте! ужаснѣй, чѣмъ сонъ и апатія —
 Ложь.

Журнальное Бородино.

Древняя баллада.

Скажи-ка дядя, вѣдь не даромъ,
Въ Москвѣ открылась съ новымъ жаромъ
Журнальная война?

Къ погрому брошены перчатки,
И вдругъ пошли такія схватки,
Что вѣрно сны въ Москвѣ не сладки,
И дрогнула она?

— Да, «Русскій Вѣстникъ», «Наше время»
Не то, что нынѣшнее племя,
Богатыри — не вы;
Что «Современникъ», «Время», «Слово»?
Что ваша южная Основа?
Не будь въ Москвѣ у насъ Каткова —
Не видѣть бы Москвы.

Мы долго молча отступали
И свисту невскому внимали.
Ворчали старики:
Что-жь мы боимся свистопляски?

Не смѣемъ что-ли для острастки
 Съ лицъ свистуновъ сорвать ихъ маски?
 Боимся-ль ихъ руки?

И вотъ озлоблены и ѣдки,
 «Литературныя замѣтки»
 Пустили грозно въ ходъ,
 Трудились всѣ не изъ за денегъ, —
 Явились съ паѳосомъ полемикъ
 Погодинъ самъ, и академикъ
 И литераторъ Гротъ.

Пѣль о Прудонѣ Молилари
 И Лонгиновъ забылъ въ ударѣ
 Работу межъ гробницъ.
 Проснулось Вяземскаго слово,
 И типографія Грачева
 Съ книгопечатнею Каткова
 Трудились въ потѣ лицъ.

Сперва мы были въ перебранкѣ
 Вплоть отъ Мясницкой до Лубянки,
 Но боя ждали мы;
 Твердили даже въ «Русской рѣчи»:
 — Пора добратся до картечи, —
 И вотъ на станъ журнальной сѣчи
 Покровъ спустился тьмы.

Прилежъ вздремнуть я до разсвѣта
 И слышалъ, тамъ, далеко гдѣ-то
 Свистки въ туманной мглѣ,
 Но тихъ былъ нашъ бивакъ журнальный,
 Тотъ факель правилъ погребальный,
 Тѣмъ Альбионъ все силея дальній,
 Пролить Па-де-Калэ...

Арієргарды, авангарды
Тутъ все взялось за алебарды
И отрицающіе барды
Смутились борьбой.

«День» вышелъ... были все готовы
Заутро бой затѣять новый,
Заутро двинуть рать.
Вотъ задрожали балаганы,
Но отступили англомены,
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да «Русскій Вѣстникъ», «Наше время»
Не то, что нынѣшнее племя,
Богатыри — не вы,
Что «Современникъ», «Время, «Слово»?
Что ваша блѣдная «Основа»?
Не будь въ Москвѣ у насъ Каткова —
Не видѣть бы Москвы.

Венеціанскій альбомъ.

I.

День сгорѣлъ. Зори румянецъ
Хочетъ сумракъ превозмочь,
И таинственную ночь
Чутко ждетъ венеціанецъ..

Вскрыты дверцы на балконъ,
И мелькаютъ въ нишахъ оконъ
Женскій профиль, женскій локонъ....
Ожила со всѣхъ сторонъ

Riva degli Schiavoni *).
Какъ на праздникъ, всѣ спѣшать
Подъ кантаны, въ темный садъ
Изъ кофейни Донадони.

*) Единственная порядочная улица въ Венеціи.

Шумъ весла и плескъ волны...
Ночь тепла, благоуханна,
Только вы лишь, леди Анна
Къ этой ночи холодны.

Только вы! Австрійцы даже
Эту ночь, не безъ причинъ
Не сажая въ карантинъ,
Пропустить велѣли стражѣ.

Улыбнетесь-же хоть разъ,
Грудь отъ страсти опорожня?
Ахъ, австрійская таможня
Снисходительнѣе васъ.

II.

Жарко, душно, какъ въ пустынь,
Зной клубится по Лагунамъ.
Ради Бога, Vetturini,
Принеси кусочекъ льду намъ.

Только леди нѣтъ причины
Прохлаждать себя отъ зноя:
Вмѣсто сердца ужъ давно я
Въ ней нашелъ осколокъ льдины.

III.

Площадь Марка блещетъ газомъ,
Мѣсяць льетъ лучей снопы...
Я прислушиваюсь къ фразамъ,
Къ смѣху, къ говору толпы.

Что за видъ при лунномъ блескѣ!
Точно брызги серебра
Окропили эти фески,
Фраки, шляпы, кивера,

Эти пестрые наряды
Разныхъ націй и племенъ,
Эти стройныя громады
Къ небу взброшенныхъ колоннъ.

Что за смѣсь! Британцы, янки,
Группы дамъ, Парижа львы,
Звонкій шагъ венеціанки,
Литераторъ изъ Москвы,

Каски, дѣланныя въ Вѣнѣ,
Въ Вѣнѣ дѣланный народъ...
Все скользитъ, какъ по аренѣ,
Шепчетъ, споритъ иль поетъ.

Что за ночь! въ ней новый жаръ мы
Почерпаемъ... Горе прочь!..
Даже вѣнскіе жаңдармы
Милы миѣ въ такую ночь.

IV.

Убѣгу отъ васъ я, леди.
 Вы безгрѣшны, какъ пресвитеръ,
 И огня въ подобной Ледѣ
 Не зажегъ бы самъ Юпитеръ.

Нѣтъ, любовь моя потѣшна...
 Я пойду въ салонъ миссъ Мери:
 Ахъ, она по крайней мѣрѣ
 Хороша и — не безгрѣшна.

V.

No, signore.

Въ Alla Luna шумъ и звонъ.
 Межъ столовъ, подобно гончимъ,
 Слуги бѣгають. Сэръ Джонъ
 Улыбается за «Пончемъ».

Кончивъ скромный свой обѣдъ,
 Барниъ, съ ленточкой на груди,
 Поднялъ на ноги буфетъ
 Изъ-за двухъ пропавшихъ скуди.

Не смущень скандаломъ тѣмъ,
 Отъ усилья радъ заплакать,
 Тамъ въ углу поэтъ А. М.
 Ищетъ рѣшъ на слово: слякоть.

Чтожъ мнѣ дѣлать? злость взяла.
 Въ Корсо — рано, душно въ морѣ...
 — Мальчикъ, есть у васъ «Пчела».
 Новый нумеръ? — «No, signore».

— Нѣтъ? такъ старый дай. Ну что жъ?
 «No, signore».. Постоянно
 Эта фраза, леди Анна,
 Бьетъ меня, какъ острый ножъ.

Помню: васъ спросилъ я въ морѣ:
 — Леди, любите-ль меня?
 Вы-жъ, спокойствіе храня,
 Мнѣ сказали: «No, signore».

VI.

Въ душу вѣрилъ я когда-то,
 И въ душѣ былъ очень радъ,
 Часто слыша отъ собрата:
 — Ты глупецъ и ретроградъ.

Нынче.... нынче безпрестанно
 Сталъ себѣ я измѣнять:
 Стоитъ знать васъ, леди Анна,
 Чтобъ души не признавать.

VII.

Та Венеція иль эта
Хороша? рѣшить нѣтъ мочи.
Та-ль, гдѣ геній Тинторета,
Тиціана, Саптакроче,

Веронеза и ди Впичи
Расточаль живыя краски,
Или та, что видимъ нынче
Подъ орломъ австрійской каски?

Какъ кому! Но въ новомъ блескѣ
Мнѣ милѣй картина эта —
Какъ площадкой Piazzetta
Стройно движутся tedesки,

Какъ равняясь скачуть мимо
Съ барабаннымъ грознымъ боемъ,
Какъ проходитъ строй за строемъ
Вдоль *Sanita maritima*.

Мнѣ лица не разжигаетъ
Краска гнѣвнаго румянца,
Какъ, порой, палашь взлетаетъ
Надъ спиною итальянца.

Муза! полно пѣть свободу!
Дай мнѣ майковскую лиру,
Чтобъ австрійскому мундиру
Я слагалъ за одой оду.

VIII.

Этотъ край обѣтованный,
Съ вѣчнымъ солнцемъ небеса,
Кавальгады съ леди Анной,
Южныхъ красокъ чудеса,

Мнѣ всю жизнь — скажу короче —
Будутъ памяты оши —
Эти бархатныя ночи,
Эти блондовые дни.

ВЪ ГОСТЯХЪ, КАКЪ ДОМА.

Изъ путевыхъ впечатлѣній маэстро Верди.

(Съ итальянскаю).

Хотя въ Россіи я былъ только мимолѣтомъ,
Но мнѣ за многое сталъ милъ російскій край.
Меня встрѣчали тамъ съ такимъ большимъ почетомъ
Что даже, кажется, хватили черезъ край.
Какую оперу туда не занеси я,
Смотрѣть ее тотчасъ сбѣжится вся Россія
И рада мнѣ вѣнокъ изъ пышныхъ лавровъ свить.
У русскихъ, говорятъ, повсюду хлѣбосолюство,
Иначе — есть талантъ во всемъ пересолить;
Само — какъ слышалъ я — японское посольство
Славянскіе хлѣбъ-соль не можетъ позабыть.
И вообще скажу: судя по русской прессѣ,
По блеску внѣшнему — намъ русскихъ чтить пора:
Тамъ о народности, о почвѣ, о прогрессѣ
Дозволили писать открыто цензора.
Полемики газетъ ведутся не безъ такта,
Съ примѣрной выдержкой съ начала до конца:

Гдѣ прямо можно бы поставить «подлеца»,
 Тамъ едѣлають намѣкъ, и необидно какъ-то.
 А нравы грубые? Тамъ нѣтъ ихъ и слѣда,
 Тиранство, варварство — не русскіе недуги:
 Съ своей прислугой тамъ гуманны господа,
 И въ господахъ своихъ души не чають слуги.
 Рекомендательными письмами снабженъ,
 Я часто въ русскіе заглядываль салоны:
 Мужья — премилые; не бьютъ не только жонъ,
 Но даже ихъ самихъ къ рукамъ прибрали жоны.
 Дѣвицы — нравственны; замужство — вотъ ихъ страсть,
 Въ «законный» бракъ вступить — у нихъ иныхъ нѣтъ
 цѣлей,

И дѣвы при одномъ лишь имени камелій
 Готовы въ обморокъ торжественно упасть...
 Гражданкамъ поприще открыто въ Петербургѣ,
 И могутъ всѣ онѣ занять мѣста гражданъ:
 Учиться — такъ учись и поступай въ хирурги,
 А хочешь танцовать — танцуй всю жизнь канканъ.
 Прогрессъ своей Петербургъ отстаиваетъ гордо,
 Въ торговлѣ, въ обществѣ, въ собраньяхъ пышныхъ
 залъ;
 Тамъ каждый будочникъ глядитъ, какъ радикаль,
 И взглядъ Юпитера бросаетъ Держиморда.
 Общественную жизнь я также наблюдалъ
 Какъ высшей публики, такъ и народной массы:
 Въ столицѣ, что ни домъ — то вывѣска: «шницъ-балъ»,
 Что ни гостинница — то шумные танцклассы.
 Хоть Ригольбоши тамъ, положимъ, не пайдешъ,
 За то тамъ Фокинъ есть — во фракъ Ригольбошъ...
 Въ театрахъ я бываль. Театръ для славянина
 Потребноѣтъ главная, и онъ искусство чтить;
 Тамъ такъ поставлена «La forza del destino»,
 Что лопнуть съ зависти и Вѣна и Мадритъ.
 Скажу по истинѣ — столичные театры

Подражаніе

современнымъ лирикамъ.

Мнѣ былъ не страшенъ жизни холодъ,
Когда я съ ней вдвоемъ сидѣлъ:
Блаженъ, кто съ молоду былъ молодъ,
Блаженъ, кто во время созрѣлъ!
При взглядѣ дѣвы черноокой
Я былъ нѣмымъ ея рабомъ.
Бѣлѣтъ парусъ одинокій
Въ туманѣ моря голубомъ.
Но легче призрака Ундины
Она явилась и ушла.
Скажи мнѣ, вѣтка Палестины,
Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла?
И все мнѣ снилась ночь свиданья.
Скалистый берегъ подь луной,
Печальный демонъ, духъ изгнанья.

Въ прежніе годы...

Въ прежніе годы мы вмѣстѣ чудесили,
Помните?

Вы занавѣски мнѣ сами развѣсили
Въ комнатѣ!

Ночи со мной проводя, вы не слушали
Крѣстнаго,
Даже постомъ для меня вы не кушали
Постнаго.

Гдѣ-жь вы? Любовь скоро-ль ласками дружными
Скажется?

Вы мои зубы все звали жемчужными,
Кажется!...

Гдѣ-жь вашъ румянецъ? глаза съ поволокою?
Талія?

Иль вы мнѣ молитве съ грустью глубокою:
— Та-ли я?

Да, вы не тѣ! Отцвѣли ваши милыя
 Прелести,
 А у меня безъ зубовъ мои хилыя
 Челюсти!

Да, вы не тѣ! Вамъ не мило участіе
 Нѣжное,
 И не поймать ужь зубами миѣ счастье
 Преемное.

Баль.

Залить баль волнами свѣта;
Благовоніемъ нагрѣта,
Зала мѣбеть, какъ букетъ.
Упоительно-небрежно,
Зажигательно-мятежно
Поетъ скрипка и кларнетъ.
Въ вихрѣ звуковъ, въ морѣ жара,
Съ сладострастіемъ угара
Въ вальсъ скользитъ за парой пара,
Опьяненія полна,
Въ ураганъ огненалющій,
Вулканически летящій,
Грудь взрывающій до дна.
Вотъ она, царица бала:
Раздраженная смычкомъ,
Быстро сбросивъ покрывало,
Въ танцѣ бѣшеномъ летала,
Припада ко мнѣ плечемъ.
Кудри змѣями сбѣгали,

Волновались, трепетали
И, играя предо мной,
По щекамъ меня хлестали
Ароматною волной.
Мы неслись — мелькали люди,
Рядъ колоннъ и рядъ гостей,
Фермуары, плечи, груди,
Лампы, люстры, блескъ свѣчей,
Косы, жемчугъ, брилліанты,
Дымки, кружева, атласъ,
Банты, франты, аксельбанты
И алмазь горящихъ глазъ.
Мы неслись — кружилась зала,
Я дрожалъ, какъ кровный конь,
Весь былъ жаръ я, весь огонь,
Въ жилахъ лава пробѣгала,
И корсетъ ей прожигала
Воспаленная ладонь.

Проселкомъ.

Разъ, проселочной дорогою
Ѣхаль я — передо мной
Брель съ котомкою убогою
Мужичекъ, какъ лунь съдой.

На ногахъ лаптишки смятые,
Весь съ заплатками армякъ
Вѣрно доля небогатая
Тебѣ выпала, бѣднякъ!

Подпираясь палкой длинною —
Путь-то, вѣрно, былъ далекъ, —
Брель онъ съ пѣсней заунывною.
— «Дядя, сядь на облучекъ!»

Сѣлъ старикъ. Съдую бороду
Только гладить. — «Ты куда?»
— Пробираюсь, баринъ, къ городу,
Ждутъ оброка господа,

Крѣпко староста наказываль...
 Вотъ бреду, болить сина...
 И, склонившись, мнѣ разсказываль
 Свою повѣсть старина.

— «Погоди, дѣдь! Съ тяжелой болюю
 Ты не ляжешь умирать,
 На отчизну Божьей волею
 Сходитьъ миръ и благодать;

Послѣ лѣтъ долготерпѣнія,
 Безконечнаго труда,
 Подъ лучами просвѣщенія
 Смолкнетъ лютая нужда.

«Отъ Его Превосходительства
 Слышалъ я, — а онъ мнѣ зять, —
 Что теперь само правительство
 Будетъ слабыхъ защищать».

Въ мужикѣ сердечный пламень я
 Этой рѣчью оживилъ,
 И старикъ честное знаменье
 Съ благочестьемъ сотворилъ.

Еврейско-русская мелодія.

Приходи, моя желанная!
Ночь темна благоуханная,
Люди спятъ, лишь мы съ тобой, мой другъ, не спимъ.
Только звѣзды разгораются,
Только страстно заливаются
Соловы въ саду.... мы мѣлемъ и дрожимъ.

Ты со мною подъ темной ложницею,
Вкругъ куренья несутся волнами...
За лобзашье — плачу я сторицею,
И молю, чтобы утро денницею
Заиграло позднѣе надъ нами.

О, забудь же салоны гвардейскіе,
И гвардейца того молодого,
Что шепталъ тебѣ рѣчи злодѣйскія:
Я спою тебѣ пѣсни еврейскія
По-еврейски не зная ни слова.

Весною.

Утро розовое млѣть,
Солнце брызнуло лучами,
И надъ вешними полями,
Вся увитая цвѣтами,
Фея дня незримо рѣть.

Даль обвита тонкой дымкой,
Какъ прозрачнымъ, влажнымъ газомъ,
День взбѣжалъ на небо разомъ,
И на солнце, какъ алмазомъ,
Каждый листъ сверкнулъ росинкой.

Даль звенить; бѣгутъ туманы,
Тая пылью золотистой,
Полонъ звуковъ воздухъ мглистый
И стезей лазурной, чистой
Мчатся тучекъ караваны.

Сонъ поэта.

По ночамъ, когда звѣзды алмазныя
Загорятся, — лишь лягу въ кровать —
Все мѣшаютъ мнѣ сны безобразныя
Спать.

Мнѣ мерещатся сцены потѣшныя,
Подъ чарующей грезой весны,
И ложатся въ стихи мои вѣсныя
Сны:

Ночь; морозъ; тройка съ холода бѣсится;
Мчится съ милою лѣсомъ возокъ,
А въ выси всплыть серебряный мѣсяца
Рогъ.

Твой ящикъ, о подруга, рѣшительно
Такъ вздыхалъ и глядѣлъ, что тебя,
Къ ящику ревновать сталъ мучительно
Я.

Словно мавръ предъ своей Дездемою,
 Гналь съ души́ я мучительный гнетъ,
 А съ меня лить струею холодною
 Потъ.

Не пайда въ сердцѣ помысла чистаго,
 А одинъ лишъ безумный капризь,
 Я подушку сжималъ и неистово
 Грызъ.

Отрывокъ

изъ романа, который никогда не напечатается.

Неужели, такъ поздно?
Лѣнливо, удаляясь прочь,
У башень спрашиваетъ почь:
Который часъ?
— Да ужь девятый,
Звонить ей Спасская въ отвѣтъ.

Я. Полонскій.

Потухъ послѣдній лучъ зари,
Туманы сизые упали
И звѣзды, будто фонари,
Въ саду у Излера, мерцали.
Роса на листьяхъ, какъ алмазь,
Слезами крупными дрожала,
А въ небесахъ луна, какъ тазъ,
Суконкой вытертый сейчасъ,
Надъ темнымъ городомъ всплывала.
— Куда-жь мнѣ дѣться? молвилъ день,
Спросивъ у стража нарвской части;
Но стражъ молчалъ... лишь въ блескъ власти,

Надъ нимъ всплывала ночи тѣнь.

— Который часъ, кума?

«Не рано!...»

И изъ жилетнаго кармана,

Ночь, вынимая свой брегеть,

Дню шлетъ рѣшительный отвѣтъ:

— Иди! ужь часъ пошелъ десятый,

Дремотой сладкой, міръ объятый

Теперь весь мой...

И мнилось мнѣ:

Въ тотъ часъ, по мрачному эфиру,

Надѣвши темную порфиру,

Ночь при звѣздахъ и при лунѣ,

Гнала день палкой по спинѣ...

Будто-бы изъ Гейне.

Разуваясь, ходять въ небѣ
Звѣзды ножками босыми,
Чтобъ земля не пробудилась
Подъ туманами ночными.
Я давно люблю васъ, звѣзды,
И во всемъ вамъ подражаю,
И теперь въ глухую полночь,
Сапоги съ себя снимаю.
Прoberусь тихонько къ милой
Прямо на ногу босую,
Чтобъ во снѣ не потревожить
Тетку старую, сѣдую.
Ходять звѣзды босоножки,
Надъ землей сны вѣють кротко,
И въ пикетъ во снѣ играетъ
Подозрительная тетка.

Монологъ художника въ драмѣ Джуліано Бер- тини, или терновый вѣнокъ генія.

Я весь въ жару, какъ въ первый день признанья.
Души моей натянуты струны.
Готовы вдругъ однимъ пѣвучимъ хоромъ
Отвѣтить небесамъ мелодіею звуковъ.
Чело горитъ, струится въ жилахъ пламень,
Я чувствую приливы вдохновенья
Во имя чистаго великаго искусства!..
Искусство!

(падаетъ на колѣни).

Весь я твой — и ты мое искусство!
Вотъ здѣсь, въ груди божественная искра
Горитъ огнемъ небеснаго вѣнья,
Тревожитъ, жжетъ меня, и я, небесъ избранникъ,
Весь трепещу подъ чарой вдохновенья.

(Быстро встаетъ и начинаетъ импровизировать).

Я расторгнулъ жизни путы!
Вдохновенный, безъ границъ,

Въ тѣ великія минуты,
 Люди, люди-лиллипуты,
 Предо мной падите ницъ.
 На колѣни! пѣснопѣній,
 Для грядущихъ поколѣній,
 Я пролью за звукомъ звукъ.
 Вы — толпа, я — свѣтлый геній,
 — Я — рожденъ для вдохновеній,
 Вы — для мелкихъ бѣдъ и мукъ.
 Для дѣтей погибшихъ міра
 Я пою, — смиряетъ лира
 Горе, скорби и печаль.
 Съ именами Гёте, Данта
 Имя новаго гиганта
 Люди впишутъ на скрижаль.
 Душно, душно!.. міръ мнѣ тѣсенъ...

(сбрасываетъ съ себя галетухъ и сюртукъ)

Муза, муза! лиру мнѣ!
 Нужно звуковъ, рюмъ мнѣ, пѣсенъ —
 Я горю, я весь въ огнѣ...

(Обезсиленный и облитый холоднымъ потомъ, опускаясь на коверъ, поддерживаемый музой).

Чувство грека.

Мы на ложахъ сидѣли пурпурныхъ,
Въ благодатной тѣни сикоморы;
Ароматы курилися въ урнахъ
И гремѣли пѣвучіе хоры.
И Элады живые напѣвы,
Какъ вино нашу кровь разжигали,
На коврахъ іонійскія дѣвы
Съ нѣгой южною насъ щекотали.
Цѣловала меня Навзикая,
На груди волновался гиматій,
И, устами къ устамъ приникая
Ожидала отвѣтныхъ объятій;
Но ни ласка, ни пѣсня, ни шутка
Миѣ не милы отъ дѣвы Элады:
Мальчикъ розовый — дивный малютка

Привлекать мои жадные взгляды;
Я внималъ, какъ лились не смолкая
Его пѣсни согласные звуки,
И рыдала вдали Навзикая,
Опустивъ свои смуглыя руки.

Изъ римскихъ воспоминаній.

Грезится небо миѣ Рима,
Очерки стѣнь Коллизея;
Тучки проносятся мимо,
Въ воздухѣ тая и мѣля.

Грезится площадь миѣ Марка,
Стройныя храма колонны...
Грезится — будто кухарка
Ставить на столъ макароны.

Нанна.

Для чего тутъ размышленья?
Мысль — немногихъ чудный даръ.
Послѣ пляски, опьяенья,
Подъ аккордъ двухъ — трехъ гитаръ,
Мнѣ отдай безъ сожалѣнья
Поцѣлуя первый жаръ.

Полно думать, медлить, Нанна!
Что тутъ медлить, что тутъ ждать?
Свѣжъ мой одръ благоуханный;
Спитъ отецъ; уснула мать;
Но не спитъ твой другъ желанный:
Мнѣ клопы мѣшаютъ спать.

Разгуль.

Говоръ, рюмокъ дребезжанье,
Скрипки визгъ и вой;
Женскій смѣхъ и звукъ лобзанья,
Маятника бой;
Пиръ, вакхическія рѣчи —
Рѣчи безъ конца...
Рядъ бутылокъ, пробки, свѣчи;
Кони у крыльца...
Брудершафтъ, безсвязный шопоть,
Все вокругъ темнò...
И объятія, и ропоть —
И пьяно — пьянò...

Удѣль поэта.

(Стихотворцу, писавшему въ прошломъ тысячелѣтіи).

Разъ, когда спустилась
Ночь, въ звѣздахъ горя,
Муза мнѣ явилась
Тихо говоря:
«Гадовъ безобразныхъ,
Мухъ и пауковъ,
Насѣкомыхъ разныхъ
Пой себѣ, Кусковъ»!

Съ думой исполнскою,
Полный новыхъ грѣзъ,
Я на берегъ финскій
Лиру перенесъ.
Съ этимъ талисманомъ...
Началъ путь земной:
Городъ подъ туманомъ
Всталъ передо мной.

Пѣль о злѣ скандаловъ
 Мрачный публицистъ,
 Нѣсколько журналовъ
 Испускали свистъ.
 Дамы отъ Ристори
 Были безъ ума,
 Журналисты съ горя
 Строили дома.

Въ идеалѣ миѳъ мы
 Видѣли въ чаду,
 Съ Розенгеймомъ риѳмы
 Не жили въ ладу.
 Въ рынкахъ дорожали
 Мясо и крупа,
 Богу отдавали
 Душу откупа.

Гласности сказанья...
 Обличенья рогъ...
 Эти шумъ и брань я
 Вынести не могъ:
 Звуками проклятья
 Не смущая слухъ,
 Началь воспѣвать я
 Комаровъ да мухъ.

Мошекъ всѣ разряды,
 Страсти пауковъ,
 Юныхъ блохъ наряды,
 Тайны муравьевъ,
 Жизнь букашки строгой
 Пѣль въ поту лица,
 И облекся тогой
 Русскаго пѣвца.

Пусть другіе стали
Обличать гражданъ:
Музы! музы! Я-ли
Перейду въ ихъ станъ.
Пусть ихъ сердце глухо,
Для меня-жь, порой,
Героиня — муха,
А паукъ — герой.

АКЦИОНЕРНЫЕ МОТИВЫ.

ALPHABETICAL LIST OF NAMES

Золотыя сѣти.

Элегія.

(Съ французскаю).

Ночь. Недвиженъ воздухъ марта,
Гаснетъ въ Сенѣ блескъ зари,
Даже къ ложу Бонапарта
Сонъ спустился въ Тюльери.
Спитъ Парижъ. Пусты бульвары...
Но, постойте: тамъ въ тѣни...
Слышенъ шопоть нѣжной пары
На бульварѣ Saint-Denis.
Женскій станъ... изъ-подъ вуаля
Смотритъ бойко черный глазъ...
Тò — звѣзда Пале-рояля
Изъ Café de la Terrasse,
А предъ ней, вертлявѣй бѣса,
Вдохновенъ, какъ Ламартинъ,
Промотавшійся повѣса
Нѣжно шепчетъ:
«Нѣтъ причинъ

Не любить меня!... Богата
 Вся родня моя была,
 Дѣдъ мой пѣромъ былъ когда-то,
 Бабка въ золотѣ жила;
 На меня съ портретныхъ рамокъ
 Предки важные глядятъ,
 И у насъ фамильный замокъ
 Былъ въ Палермо, говорятъ.
 Самъ я нѣкогда, въ забаву,
 Промоталъ свой капиталъ,
 Но частицу *де*, и славу
 Я еще не промоталъ».

Но молчить лукаво Клара,
 Замеръ вѣтеръ межъ вѣтвей
 И опять въ тѣни бульвара
 Парижанинъ шепчетъ ей:

«Знай же, Клара: мы съ тобою
 Ненадолго — бѣдняки, —
 Я въ Австраліи отворю
 Золотые рудники.
 Кораблей моихъ армада
 Весь покроетъ океанъ,
 И новѣйшимъ эльдорадо
 Удивлю я парижанъ.
 И банкиръ и пролетарій,
 Жены, дѣти, весь народъ
 Отъ обоихъ полушарій
 На поклонъ къ тебѣ придетъ.»

Но подруги ликъ туманень,
 Ницъ склонилась голова,
 И опять ей парижанинъ
 Шепчетъ нѣжныя слова:

«Клара! Вотъ моя карьера:
 Принимаю я на срокъ
 Чинъ и званье инженера
 Въ «главномъ обществѣ дорогъ».
 Тамъ, гдѣ геній Адельсона
 Всѣхъ въ смущеніе повергъ,
 Тамъ, гдѣ орденъ Легіона
 Носить съ честью Бларамбергъ,
 Гдѣ на ставки, на очныя,
 Инженеры не идутъ,
 Гдѣ чиновники ночныя
 Колинъона стерегутъ,
 Гдѣ въ долгу за Мондезиромъ
 Сумму крупную зачли,
 Гдѣ какимъ-то элексиромъ
 Лѣчитъ врачъ madame Жюли, —
 Тамъ, межъ премій безпримѣрныхъ,
 Нищеты забывши страхъ,
 Въ міръ продѣлокъ инженерныхъ
 Я пойду на всѣхъ парахъ.
 Рокъ смиритъ свои удары,
 Мы услышимъ денегъ звонъ,
 И къ ногамъ прекрасной Клары
 Положу я милліонъ.
 Клара! будь же благосклонна...»

Смолкъ — и вспрынула она:
 Какъ вандомская колонна,
 Величавая и стройная.
 Эта новая приманка
 Къ ней закралась прямо въ грудь,
 И шептала парижанка:
 «Я твоя!... скорѣе въ путь...»

Ночь прошла. Туманы пали,

Въ небесахъ заря зажглась...
 Но съ тѣхъ поръ ихъ не встрѣчали
 Ни въ садахъ Пале-рояля,
 Ни въ Café de la Terrasse.

Прощаніе Гектора съ Андромахою.

(изъ откупной антологіи).

Андромаха.

Что ты, Гекторъ, смотришь хмуро?
И на праздникахъ Амура
 Чѣмъ душа твоя объята?
Мыслью въ мракъ не пари-же!...
Жить хочу я, какъ въ Парижѣ
 Жили мы съ тобой когда-то.

Гекторъ.

До тебя-ль мнѣ, Андромаха!
Я дрожу теперь отъ страха:
 Близки новыя системы;
Насъ пугаютъ страшнымъ словомъ,
Насъ пугаютъ горемъ новымъ:
 Гибнетъ откупъ! гибнемъ всѣ мы!

Я смущаемъ — не капризомъ,
 Но карающимъ акцизомъ...
 Знай, судьбы не умолимъ!
 Мнѣ грозятъ пучины Стикса,
 И изъ дома Фредерикса
 Переѣдемъ на Пески мы!...

Андромаха

Какъ? Карету отъ Гризара,
 Блескъ и роскошь фермуара,
 Домъ и ложу бенуара
 Больше дать не въ силахъ мнѣ ты?
 Такъ пускай акцизь караетъ,
 И измѣнникъ погибаетъ
 Подъ волнами темной Леты!
 Такъ иди-жь къ брегамъ стигійскимъ,
 Мнѣ же, въ «Обществѣ Россійскомъ»
 Не дадутъ погибнуть боги,
 И съ опорой миллионной
 Я найму на Милліонной
 Вновь роскошные чертоги.

Отъ Θεодосіи до Курска.

(Дорожные стансы г. Легетра).

(Съ французскою).

Пускай, не зная сладкой нѣги,
На солнцѣ жарясь, какъ ракъ,
Въ Россіи скачетъ на телѣгѣ
Нуждою загнанный бѣднякъ;
Я-жь по Руси быстрѣ вѣтра
Летѣлъ, торжественный, какъ громъ,
И получалъ изъ рукъ Легетра
Ямщикъ рубль двадцать серебромъ.

Для чемодановъ и поклажи,
Для переѣзда восемь дней
Миѣ запрягали въ экипажи
Вездѣ двѣнадцать лошадей.
Изъ Θεодосіи старинной
Я мчался въ Курскъ съ своимъ добромъ,
И всѣмъ на водку съ позой чинной
Бросалъ рубль двадцать серебромъ.

При мнѣ смотритель станціонный
 Въ дугу сгибался, точно котъ,
 И пѣлъ мнѣ пѣсни полусонный
 Ямщикъ все ночи на пролетъ.
 На каждой станціи въ прихожей
 Я подносилъ прислугѣ ромъ,
 Меня возничій звалъ вельможей
 За тѣ рубль двадцать серебромъ.

Лишь заиграло счастья солнце,
 Кругомъ я золото бросалъ;
 Како́й расчетъ — два, три червонца,
 Когда въ грядущемъ капиталъ:
 Предвидя блескъ иной карьеры,
 Послѣдній грошъ мой шель ребромъ:
 Отвѣтятъ мнѣ акціонеры
 За тѣ рубль двадцать серебромъ.

Въ свою карьеру вѣря много,
 Я зналъ, живя, какъ сибаритъ:
 Θεодосійская дорога
 Мнѣ все съ лихвою возвратитъ.
 Мой кошелёкъ забылъ чахотку,
 Я гнать велѣлъ по всемъ — по тремъ,
 И ямщикамъ бросалъ на водку
 Вездѣ рубль двадцать серебромъ.

Завѣщаніе акціонера.

Наединѣ со мною, братъ,
Побудь на этотъ разъ:
Акціонерамъ, говорятъ,
Пришелъ послѣдній часъ.
Поѣдешь ты въ Симбирскъ весной,
Въ губернской городъ, мнѣ родной...
Да — впрочемъ — я не слишкомъ
Тѣмъ занять городишкомъ.

Тамъ если спросить, напримѣръ...
Ну, кто бы не спросилъ, —
Скажи, что я акціонеръ
Несчастный самый былъ,
Что прожилъ свой послѣдній грошъ,
Что невскій климатъ не хорошъ,
И что отъ кукельвана
Я умеръ очень рано.

Моихъ родныхъ увидишь ты...
Тамъ тетки есть и дяди,
Они ужасные скоты:
Бѣги ихъ, Бога ради.
А спросить — говори: вамъ онъ
Оставилъ пару панталонъ,
Безцѣнныхъ акцій груду
Да битую посуду.

Пріятель тамъ одинъ живетъ,
Безъ денегъ и безъ мѣста,
Онъ даже дня не проведетъ
Не написавъ протеста.
Всю правду ты скажи ему,
Дай пищу праздному уму:
Пускай протестъ напишетъ...
Онъ этимъ только дышетъ.

Д в а в ѣ к а.

(Изъ хроникъ будущаго столѣтїя).

I.

«Дѣла давно минувшихъ дней
Преданья старины глубокой».
На берегу Невы широкой,
Межъ двухъ высокихъ пристаней,
Гдѣ волны прядали сердито
У ногъ недвижнаго гранита, —
Акціонеръ одинъ стоялъ
И въ даль глядѣлъ. Предъ нимъ, какъ львица,
Рѣка неслася. Городъ спалъ.
Безмолвна шумная столица.
Вдоль береговъ суда стоятъ,
Не мчатся лодки, гички, яхты,
Пустынны площади, — и спятъ
Дома, казармы, гауптвахты,

Трактиры, будки, кабаки,
 Аптеки, лавки, рестораны,
 И утра ранняго туманы
 Прозрачны, влажны и легки
 Бѣгутъ надъ городомъ. Венера
 На свѣтломъ небѣ чуть видна...
 И въ этотъ часъ не зналъ лишь сна
 Пытливый умъ акціонера
 Водопроводовъ. Думалъ онъ,
 Любуясь площадью свободной:
 — Большой бассейнъ водопроводный
 Здѣсь будетъ нами заложонъ;
 Проектъ огромный, строгій, важный,
 Палибинъ въ «общество» внесетъ,
 И бельведеръ семи-этажный
 На диво внукамъ возведетъ...
 Мы перероемъ городъ въ ямы,
 И запрудимъ горою трубъ...
 Откупщики, банкиры, дамы
 Въ водопроводный вступятъ клубъ.
 Весь Петербургъ придетъ въ движенье,
 Гражданскій подвигъ нашъ хваля,
 И въ члены нашего правленья
 Введутъ героя Шамяля.
 Потомъ въ него войдутъ попарно
 Иные члены: Пель, Ильинъ,
 Друзья Палибина, Веймариа —
 За гражданиномъ — гражданинъ.
 Посредствомъ ловкости и силы,
 Которыхъ тратить намъ не жаль,
 Мы водяныя пустимъ жилы
 Во всѣ концы чрезъ *магистраль* *),

*) Названіе самой большой и главной трубы.

И жилы тѣ, въ двѣ-три недѣли
 Столицу всюду обовьютъ:
 Такъ точно нервы въ нашемъ тѣлѣ
 Віясь и путаясь, бѣгутъ.
 И скоро чудную картину
 Увидятъ жители, когда
 Черезъ водоемную машину
 Взбѣжить прозрачная вода,
 И потечетъ подземнымъ ходомъ,
 Заглянетъ въ каждый бѣдный домъ, —
 Вездѣ усталымъ пѣшеходамъ
 Открытый будетъ водоёмъ.
 И пронесется не однажды
 Отраднѣйшій крикъ по Руси всей:
 «Такъ свой народъ спасалъ отъ жажды
 Въ степи когда-то Моисей».
 И наше «общество» до вѣка
 Прославитъ нищій и калѣка,
 Толпа сиротъ, больныхъ, вдовицъ,
 И даже въ хроникѣ — Громека
 Намъ посвятитъ пять-шесть страницъ.

II.

Прошло сто лѣтъ.

Иное племя
 Въ столицѣ сѣвера живетъ,
 «Пчелу» и «Почту», «Наше Время»,
 Забылъ безчувственный народъ.
 Не пѣлъ Заринъ о ласкахъ «милой»,
 Сразилъ Чичерина недугъ,

И надъ Скарятина могилой
 Ходилъ поплать добрый вѣнокъ;
 Громеки старыя сказанья
 Уже не помнила молва,
 И только «Свѣжаго преданья»
 Явилась новая глава.
 Какъ прежде, былъ прогрессъ нашъ ломокъ,
 Безмолвна гласность, жизнь скупа,
 И лишь Краевского потомокъ
 Хвалилъ въ газетѣ откупа;
 Какъ прежде, люди брали взятки,
 Вели гуманный разговоръ,
 Жилъ въ отдаленной нашей Вяткѣ
 Такой, какъ прежде, прокуроръ.
 Какъ прежде, въ азбукѣ живъ *ерикъ*,
Оита и *гжица* жива,
 Какъ прежде, въ свой гранитный берегъ
 Волнами предаеть Нева,
 А близъ Невы стоятъ руины
 Какой-то башни. Старики
 Смотрѣть не могутъ безъ кручины
 На это зданье. Двѣ доски
 Прибиты на глухо у входа,
 Стѣна надтреснула едва
 И заросла кругомъ трава
 Подъѣздъ и дверь водопровода.
 Обломки трубъ со всѣхъ сторонъ...
 Одинъ край башни былъ отшибенъ,
 На немъ начертанъ рядъ именъ:
 Пель, Окель, Веймарнъ и Палибинъ,
 Ильинъ, Овсянниковъ и Кронъ....
 Прошло сто лѣтъ. Стоять обломки,
 Гниютъ въ канавахъ трубъ ряды,
 И все, какъ прежде, ждутъ потомки

Водопроводовъ и воды,
Какъ прежде, въ городѣ, на дачѣ,
Въ іюльскій день, зимой въ морозъ,
На изнуренной, чахлой клячѣ
Развозить воду водовозъ.

С Ц Е Н Ы.

110307

Странное порученіе.
(НЕВОЗМОЖНАЯ СЦЕНА).

Одинъ изъ многихъ.

Мнѣ скучно, бѣсъ.

Мефистофель.

Такъ невскій берегъ
Оставь хоть на годъ — мой совѣтъ.
Живи въ Москвѣ, — тамъ шуму нѣтъ....
Тамъ жизнь есть ужинъ иль обѣдъ...
Такъ отъ приливовъ и истерикъ
Врачъ лѣчитъ тучную вдову
И шлетъ на жительство въ Москву,
Гдѣ черезъ свахъ, безъ предразсудка,
Идетъ всегда удачный ловъ
Купчихъ — невѣстъ и жениховъ.
Женись и ты.

Одинъ изъ многихъ.

Плохая шутка!

Найди мнѣ средство, чтобъ я могъ
Себя разсѣять.

Мефистофель.

Ну, урокъ!..

А вспомни то, что шепчетъ совѣсть:
«*Quieta non movere*»

(то есть —

Не нарушай покоя). Лѣнь
Тебя влечетъ ко сну, къ лежанкѣ,
Ты даже не заглянешь въ «День») —
И, — и не слыхивалъ о Бланкѣ.
Я — психологъ... Я наблюдалъ
Какъ притупилъ свои ты чувства...
Поклонникъ «чистаго искусства»,
Скажи, когда ты не дремалъ?
Подумай, поищи. Тогда ли,
Когда о жителяхъ планетъ
Статьи въ журналахъ помѣщали,
А вашъ глухой, мѣщанскій свѣтъ
Въ пыли забвенья оставляли?
Тогда-ль, какъ началъ ты читать
Поэму «Свѣжее преданье»,
Не смѣя въ тайнѣ сознавать
Труда такого наказанье?
Тогда-ль, какъ умъ свой возбуждалъ
Ты важно Страховымъ и Кантомъ?
Тогда-ль, какъ лекціи читалъ
Цедантъ-старикъ съ ученымъ кантомъ?
Но вспомни, именно въ тотъ разъ,
На дачѣ — въ Красномъ, въ Петергофѣ-ль,

Тобой былъ названъ Мефистофель
 Лѣчитъ отъ умственныхъ проказъ.
 Твоимъ же слѣдуя совѣтамъ,
 Возилъ тебя я по буфетамъ,
 Поилъ виномъ высокихъ цѣнъ,
 Питалъ и Вяземскимъ и Фетомъ,
 И — да простятъ мнѣ въ мѣрѣ этомъ —
 Носилъ романы Ольги Н.
 И что-жь? Прогулки, вина, ямбы,
 Весь ихъ лиризмъ, а проще — бредъ,
 Не развлекли-жь тебя, и намъ бы
 И вспоминать о томъ не слѣдъ.
 Въ тѣ дни, когда за корку хлѣба,
 За шагъ земли — несется крикъ,
 Лежи и спи, поклонникъ Феба,
 И одного проси у неба —
 Лебяжій, мягкій пуховикъ.

Одинъ изъ многихъ.

Бѣсъ, перестань... Ахъ, эти черти
 Несносны... Что же дѣлать мнѣ?

Мефистофель.

Вотъ экземпляръ «Весенней смерти»,
 Читай. Но только къ сатанѣ
 Не посылай поэмы этой:
 Я не приму ее — не сѣтуй...
 Бѣсъ облеченъ — вѣка бѣсъ,
 Иной работой я заваленъ,
 Изъ-за твоихъ опочиваленъ
 Не видѣнъ русскій мнѣ прогрессъ.
 Средь вашей пестрой косморамы
 Мой вѣчный духъ не знаетъ сна,

Не успѣваетъ эпиграммы
 Ковать и сыпать сатана.
 Тебѣ-жь, лимфатикъ, дѣла мало!
 Еще-ль ты спишь, идеалистъ?
 Такъ точно юный гимназистъ,
 Увидя сонъ, подъ одѣяло
 Запрятавъ голову, дрожить
 И лобъ украдкою крестить....
 И такъ простимся. Безъ сомнѣнья,
 Тебѣ въ постель давно пора....

Одинъ изъ многихъ.

Сокройся, адское творенье!
 Я ужъ не тотъ, что былъ вчера.

Мефистофель.

Иду. Но прежде на удачу
 Задать мнѣ долженъ ты урокъ:
 Какъ твой безсмѣнный педагогъ,
 Я даромъ времени не трачу.

Одинъ изъ многихъ.

Что тамъ бѣлѣетъ? говори.

Мефистофель.

Журналъ московскихъ англомановъ
 Съ заразой лондонскихъ тумановъ,
 «День», правнукъ «Утренней зори»,
 И обскурантовъ новыхъ племя,
 «Пчела и «Почта» — «Наше время»..
 Еще газетки двѣ иль три,

Гдѣ что ни строчка — брилліантъ
Что ни страница — то талантъ.

Одинъ изъ многихъ.

Все истребить.

Мефистофель.

Сей-часъ...

(Исчезаетъ).

Редакторъ, читатель и писатель.

(НЕ ОБЛИЧИТЕЛЬНАЯ СЦЕНА).

Кабинетъ писателя; онъ сидитъ въ креслахъ, передъ каминомъ.

Читатель стоитъ у окна. Редакторъ входитъ.

Редакторъ.

Я очень радъ, что васъ засталъ
Безъ дѣла, дома, у камна,
Гдѣ, вѣрно, лѣчитесь отъ спина,
Бросая въ пыль любой журналъ —
Положимъ — мой....

Писатель.

Къ чему смиренье!
Такъ водянистъ онъ, что по мнѣ
Ему не страшно и въ огнѣ,
Какъ саламандрѣ.

Читатель.

Нѣтъ сомнѣнья!

Редакторъ.

Я вижу — нынче, какъ всегда,
Вѣрны давнишней вы страстишкѣ
Бранить журналъ мой, господа.
Но о моей послѣдней книжкѣ
Какого мнѣнья вы?

Писатель.

Она,

Точь въ точь исправника жена,
Забывъ чулокъ, клубки и спицы,
Предстала къ намъ, облечена
Въ нарядѣ оперной пѣвицы,
И неуклюжестью смѣша,
Передъ толпой, у балюстрады,
Даря намъ дикія ругады,
Пустилась дѣлать антраша...
Смѣяться вздумалъ вашъ журналъ,
Журналъ сухой, ученой расы,
Но вмѣсто смѣха завѣщаль
Однѣ больничныя гримасы.
Тотъ чахлый смѣхъ, какъ злобы плодъ,
Для васъ тяжеле всякой ноши:
Ханжей, въ костюмѣ Ригильбоши
Вы къ намъ явились, въ этотъ годъ.

Читатель.

И я скажу: духъ смѣлый нуженъ

Читать — простите — вашъ журналъ.
 (Онъ всѣмъ намъ руки обломалъ).
 Тотъ, кто съ бессоницею друженъ,
 Съ нимъ непремѣнно усыпалъ.
 Начнешь читать — къ зѣвотѣ позывъ,
 Какъ будто ѣдешь по песку,
 Въ стихи заглинешь — Водовозовъ,
 Иль Розенгеймъ или Куку.
 Слѣдя за этими стихами,
 Двухъ словъ живыхъ мы не нашли?
 При томъ — сказать ли между нами? —
 И речамъ нужны костыли.
 Заглянемъ въ прозу — переводы
 (Какъ не блюсти свои доходы).
 А если явится у васъ
 Оригинальный вдругъ рассказъ
 (То «Не судьба, а то «подъ Липки»),
 Ихъ пропускаешь... по ошибкѣ,
 И молвишь. затаивши вздохъ,
 Рассказъ, пари держу, что плохъ.

Редакторъ.

Такого-жъ мнѣнія и вкуса
 Я самъ — признаться вамъ — держусь,
 Но я стою за Синеуса,
 Вѣдь, милъ, не правда ль, Синеусъ?

Читатель.

Читалъ я; жалкія нападки
 Изъ-за угла на свистуновъ,
 Шального критика припадки,
 Который самъ у нихъ готовъ,
 Подслушавъ пару острыхъ словъ,

Носить ихъ старыя перчатки.
 Повѣрьте: ядъ такой — вода,
 Онъ будить хохоть въ человѣкѣхъ...
 Вѣдь соль всю вашу, господа,
 Въ любой вы купите аптекѣ.

Редакторъ.

Я самъ, завѣрю васъ, охрипъ
 Отъ этой брани... умъ кружится...
 Но у меня такой принципъ:
 Бранять — и я давай браниться.
 Свистку покорствуешь толпа,
 Молчать предъ нимъ — нельзя безъ риска.
 Вѣдь наша публика слѣпа:
 Глядишь — и лопнула подписка.
 «Празношатающійся насъ
 Хотѣлъ спасти, но вышелъ трусомъ,
 Ахъ не ужель и Синеусомъ
 Я не спасенъ на этотъ разъ?...

Читатель.

Ужь если вы дрожите свиста,
 Чтобъ облегчить и умъ и грудь,
 Вы отыщите гдѣ нибудь
 Себѣ получше юмориста.

(Указываетъ на писателя)

Гдѣ-жь, напимѣрь, на эту роль
 Найти вамъ лучше господина:
 Онъ безпощаднѣе, чѣмъ Кроль,
 И остроумнѣй, чѣмъ Щербина.

Редакторъ.

Меня, меня-то, вотъ бѣда,
 Бѣгутъ всѣ эти господа.

Писатель.

Для васъ писать?... О, боги, боги!
 Воскликну я на строгій тонъ,
 Въ той чинной, мрачной синагогѣ,
 Гдѣ проклятъ былъ и свистъ и звонъ,
 Гдѣ пролились полемикъ рѣки,
 Гдѣ все, въ игрѣ, сносилось въ банкъ,
 Гдѣ Албертини и Громекъ
 Въ журнальной бурѣ вторилъ Бланкъ,
 Гдѣ мечъ Дудышкина на стражѣ
 Свистка преслѣдовалъ сыновъ, —
 И тамъ и тамъ раскрыты даже
 Врата для этихъ свистуновъ,
 И въ станѣ прежнихъ Кабалистовъ
 Стряхнуть мечтавшихъ старый грузъ,
 Запѣлъ какой-то Прогрессистовъ,
 Занылъ какой-то Спшеусъ.
 А тамъ еще двѣ новыхъ маски
 (Квартетъ, рѣшительно квартетъ!)
 Забыли чинность прежнихъ лѣтъ
 Для вакханалій свистопляски.
 Такъ переряженный солдатъ,
 Въ дурацкомъ платьѣ, въ день разгула
 Являетъ образъ Вельзевула
 И вздоръ лепечетъ на угадъ;
 Такъ, приготовившись заранѣ,
 Сближеньемъ пошлыхъ фразъ и мишь
 Всѣхъ потѣшаетъ въ балаганѣ
 Изъ инвалидовъ арлекнишь.
 Скажите-жъ миѣ, редакторъ строгій,
 Какой идете вы дорогой?
 За чѣмъ берете на прокатъ
 «Позорный гаера нарядъ»?
 За тѣмъ-ли, чтобъ зойлъ упрямый

Сразилъ васъ мѣткой эниграммой,
И навсегда унесъ Свистокъ
Въ свой необузданный потокъ?
О нѣтъ, какъ незваную гостью,
Сатиры вамъ не полонить
И новой славы не купить
Заемнымъ юморомъ и злостью.

Новѣйшій Репетиловъ.

(СЦЕНА ВЪ РЕСТОРАНѢ).

Новѣйшій Репетиловъ появляется въ дверяхъ. *Пріятель* сидитъ за
обѣдомъ.

Новѣйшій Репетиловъ.

Ба! вижу я кого? Позволь тебя обнять,
Любезный другъ, товарищъ, сослуживецъ!
Сюда, ко мнѣ, цѣлуй меня, лѣннивецъ.
Не видѣлъ столько лѣтъ и вижу вдругъ опять!
Прошу-жь предчувствіе мое растолковать:

Сейчасъ по Невскому иду;

Прогулка для меня есть нѣчто въ родѣ службы,
Вдругъ Доминикъ, смотрю: хоть нѣту вовсе нужды,
Дай думаю зайду.

И вотъ, спѣшу, лечу, прохожихъ вокругъ толкаю,
Двумъ дамамъ оборвалъ хвосты,
Вхожу и наконецъ пріятеля встрѣчаю...

О, дружба, это ты!..

(Бросается обнимать его).

Пріятель.

Скажи, любезный другъ, ты боленъ? Пьянъ ты что-ли?

Новѣйшій Репетитовъ.

Мои снѣг, кто нынче пьеть? Теперъ мнѣ до того-ли?

Вино родить хандру, унынье и тоску...

(Обращаясь къ мальчику):

Подай мнѣ рюмку коньяку.

(Слуга уходитъ и приноситъ рюмку).

Да, пьянство есть порокъ! Принципъ мой строгъ и вѣренъ...

Читалъ ты, я увѣренъ,

«Отцы и дѣти»?

(пьеть)

Злой коньякъ!..

Пріятель.

А ты читалъ?

Репетитовъ.

Зови хоть ренегатомъ,

Зови меня и такъ, и сякъ:

Я червь, я моль, я атомъ..

Я это имя заслужилъ;

Когда-то былъ славянофилъ,

Кафтанъ съ поддевкой и мурмолку носилъ,

Погодина читалъ, потѣлъ надъ Хомяковымъ,

Религіозенъ былъ, ѣлъ постное постомъ...

Потомъ

Ученемъ заразился повымъ,

Сталъ бредить Чернышевскимъ, Бовымъ

(Кто этотъ Бовъ? — не могъ досель узнать),

Свистѣть пустился, отрицать,
 А послѣ — хватъ,
 И просвистался разомъ.

Пріятель (смѣясь).

А что-жь теперь?

Репетитовъ.

Теперь меня на разумъ
 Навель Тургеневъ наконецъ,
 Теперь я, знай же, мой отецъ,
 Съ людьми такими знаюсь,
 Что за разсудокъ свой, ей-Богу, опасуюсь.

Пріятель.

Что-жь, въ желтый домъ попалъ?

Репетитовъ.

Мой ангель, не труни!
 Сперва людей узнай, а послѣ и брани.
 Всѣхъ журналистовъ тамъ порою такъ трактуютъ,
 Что даже и меня на старости взволнуютъ.
 Ума-то, миленькій, ума-то сколько тамъ...
 Когда, повѣришь-ли, вдругъ волю дасть умамъ
 Вся «Библіотека для Чтенья»,
 Кому отдать не знаешь предпочтенье.
 Все гении одни, что слово — то алмазь;
 Лишь мы съ Печаткинымъ немножко поотстали,
 Умишки старые, робѣли всякій разъ,
 Но много ихъ идей и мы поахватали,
 И прогрессисты все — теперь намъ ни почемъ...

Пріятель.

О чемъ же весь вашъ шумъ?

Репетилловъ.

О чемъ! о чемъ! о чемъ!

Наивнѣйшій вопросъ! Скажи мнѣ самъ, да гдѣ ты,
Въ какомъ ты обществѣ, въ какой странѣ живешь?
Читай, мой другъ, читай! Въ газетахъ все найдешь —
Библіотека, День... есть разныя газеты...
Тамъ все друзья мои...

Пріятель.

Да кто-жъ твои друзья?

Репетилловъ.

Могу ихъ описать тебѣ сейчасъ же я.
Что за люди, mon cher! Почувствуй и пойми ты:
Во-первыхъ, я начну съ Безрылова Никиты.
Буфонъ единственный, сатирикамъ — примѣръ,
Съ юмористическимъ рѣшительнымъ талантомъ,
Хоть обскурантъ въ душѣ, но ты пойми, mon cher:
Вѣдь умный человѣкъ рождается обскурантомъ.
Знакомъ ты съ нимъ! Отличный господинъ.
Другой — по имени Заринъ.
Ты критики читалъ его? Идея
Бездѣ идея сильная видна,
И ужь, по моему, — подъ лавку Маколея,
Когда изучишь Зарина.
А наше солнышко, витія и ученый...
Какъ бишь его? Охо... че... чекомонный...
Одной фамиліей онъ долженъ ужь плѣняться.

Пріятель (тихонько беретъ шляпу и незамѣченный уходитъ).

Новѣйшій Репетитовъ.

Но если гениемъ захочешь ты назвать —
 Кто въ изложеніи такъ сладокъ и пріятень,
 На выдумки различныя хитеръ,
 Такъ проницателецъ, начитанъ и остеръ,
 Кто? — Господинъ Скарятинъ.

Ты сочиненія его
 Читалъ-ли, Алексѣй Ивановичъ?

Нѣтъ? ничего?

Такъ прочитай, мой снecъ, хоть на ночь.
 Прочтешь? въ томъ клятву дай мнѣ... онъ
 Всѣхъ лошадьми назвалъ, не выше и не ниже,
 За то съ нимъ дружбу велъ, когда онъ былъ въ Парижѣ,
 Самъ Бонапартъ, Луи-Наполеонъ.

Прочти его, смотри-же...

Онъ пишетъ обо всемъ: онъ лучший публицистъ,
 Философъ и мудрецъ, историкъ и политикъ,
 Гуманный адвокатъ, художественный критикъ,
 И наконецъ — фельетонистъ.

Писать особая далась ему манера...

Послушай! Гдѣ же ты? Сидѣлъ вотъ здѣсь сейчасъ!

(пщеть глазами)

Бесѣдовалъ со мной и вдругъ пропалъ изъ глазъ...

Послушай, знаешь-ли какая ждетъ карьера...

Слуга (входитъ).

Чего прикажете?

Новѣйшій Репетитовъ (немного подумавъ).

Бутылку редерера.

Засѣданіе клуба четвероногихъ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ СЦЕНА.

(Посвящается членамъ Общества краткаго обращенія съ животными).

(Сцена представляетъ большую залу, въ глубинѣ которой стоитъ столъ съ ящкомъ для балотировки. Идутъ шумные выборы старшины клуба. Четвероногіе всѣхъ возможныхъ родовъ проходятъ по сценѣ. Слышны разные голоса, ржаніе, хрюканье, лай, мычаніе и пр. и пр.)

Козель.

Кто жь выбранъ въ старшины? Я утомленъ отъ споровъ.

Корова.

Ма шѣге, кто старшина? Пожалуйста отвѣть.

Овца.

Мнѣ кажется, баранъ!

Молоденькая свинья.

Фи, полно, выбранъ боровъ.

Дворняшка.

Бульдогъ, я слышала...

Коза.

Вѣрнѣе, что медвѣдь.

Группа крысъ.

Мы предлагали льва.

Группа мышей.

Мы тоже, тоже, тоже!...

Лиса.

Позвольте, господа! Стоите вы за льва,
 Но вѣдь пора жь звѣрямъ немножко быть построже;
 Теперь лишь въ азбукахъ найдете вы слова:
 «Левъ—грозный царь лѣсовъ, король въ звѣриной кожѣ».
 Давно людьми всѣ львы осмѣяны съобща,
 Левъ синонимомъ сталъ фланера и хлыща,
 А если человѣкъ трунить надъ этимъ звѣремъ,
 То какъ же мы, скоты, умнѣй людей въ сто разъ,
 Во львовъ доселѣ вѣримъ?

Медвѣдь.

Отлично сказано! Не нужно львовъ для насъ!
 Клянусь я въ томъ берлогою медвѣжьей.

Коть.

(секретарь клуба, быстро являющийся изъ глубины сцены).

Постойте, господа, я съ новостію свѣжей.

Закрѣты выборы, загадка рѣшена:

Сто двадцать голосовъ осла сейчасъ избрали.

Всѣ.

Да здравствуетъ осель, нашъ клубный старшина!

О выборѣ его мы сами хлопотали.

(Бросаются къ ослу съ поздравліями).

Быкъ (коту).

Позвольте мнѣ вамъ предложить вопросъ:

Довольны ли вы выборами?

Коть (небрежно).

Что-съ?

Быкъ.

Довольны-ли вы тѣмъ, что старшиной почетнымъ
Осла избрали въ клубъ?

Коть.

А почему жь

Не быть довольнымъ мнѣ? Осель — почтенный мужъ,
Осель во всемъ примѣръ другимъ животнымъ.

Быкъ.

Смѣтесъ, вижу, вы.

Котъ.

Нисколько, милый быкъ.

Я лишь практически глядѣть на все привыкъ.

Могу завѣрить васъ: въ народѣ

Ослы теперь вездѣ, повсюду стали въ модѣ.

Кто поумнѣй — бѣда, но счастливъ тотъ, кто простъ.

Кто сдѣлался богатъ, пуская деньги въ ростъ?

Кому почетъ въ толпѣ? ко славѣ дверь открыта?

Кто зажилъ слаще сибарита?

Куда не загляни, вездѣ ослиный хвостъ,

И слѣдъ ослинаго копыта.

Быкъ.

Вы разеуждаете и дѣльно и умно.

Объ этомъ точно такъ я думалъ самъ давно.

(Входитъ осель, сопровождаемый членами клуба).

Осель (Котъ, въ качествѣ секретаря,
подсказываетъ ему, что нужно
говорить).

Почтенные скоты! Скажу вамъ два-три слова.

Живемъ мы все въ тотъ просвѣщенный вѣкъ,

Когда гоненія лишь терпять человекъ,

За то животному пріязнь вездѣ готова.

Своей породой гордиться долженъ звѣрь,

И можемъ мы сказать, судя по фактамъ многимъ:

Что все скоты двуногіе теперь

Завидуютъ четвероногимъ.

Кротъ-нигилистъ.

Вотъ силлогизмъ, который только-бъ могъ
Быть по плечу Эмилю Жирандену.

Осель.

Почтенные скоты! Себѣ познайте цѣну.
 Вѣдь гордость честная едва-ли есть порокъ.
 Мы за примѣрами ходить не долго будемъ...

Овца.

Послушаемъ его, — онъ дѣло говорилъ.

Осель.

Когда-то всѣ скоты завидовали людямъ,
 Но нынче человѣкъ не то, что прежде былъ.
 Прогрессъ ему вездѣ наставилъ по ловушкѣ:
 Тотъ взятки брать ретивъ — ни кто ему не дастъ
 На бѣдную семью — ни гроша, ни полушки,
 Да, смотришь, гласности еще его предастъ.
 Тотъ порывается, лишь встанетъ, на скандальчикъ;
 Извозчика ударить по skullsъ,
 Глядь — ужь въ «Пчелѣ»
 Протестъ печатаетъ какой-то дерзкій мальчикъ,
 Иль вдругъ падетъ, какъ на голову снѣгъ,
 Неутолимый Левъ Камбекъ.

Ломовая лошадь.

Нѣтъ мало этого; скажу вамъ лучший случай:
 Недавно на Пескахъ, везла я грузный возъ
 По гололедицѣ, въ ужаснѣйшій морозъ.
 Я выбилась изъ силъ, и надъ какой-то кучей
 Упала и легла. Извозчикъ вынулъ кнутъ;
 Я думала, что и не встану тутъ.
 Ужь онъ хлесталъ меня, хлесталъ по ребрамъ потнымъ,
 Вдругъ сзади слышу крикъ, — подходитъ человѣкъ —

Не знаю кто, быть можетъ самъ Камбекъ:
— «Ты уважай животнаго въ животномъ»,
Онъ крикнулъ мужику, и силой кулака
Урокъ гуманности прочелъ для мужика.

Осель.

О, кротости порывъ рѣшительно примѣрный!

Пудель.

Я васъ обрадую! вотъ слухъ довольно вѣрный:
Есть въ Петербургѣ комитетъ
Филантропическій, такъ, кажется, иль нѣтъ,
Названье я забылъ, и не въ названьи дѣло;
Но въ комитетѣ томъ благая мысль созрѣла,
И члены общества рѣшили межъ собой
Животныхъ охранять отъ звѣрства и побой.

Быкъ.

Бьюсь о закладъ, что многихъ соблазняетъ
Въ средѣ людской нашъ новый скотскій рангъ.

Молоденькая свинья.

Еще бы нѣтъ! Кто этого не знаетъ!

Лиса.

Примѣръ тому — ученый русскій Бланкъ,
Хотѣвшій доказать, что люди — тоже стадо!

Лошадь.

А этотъ... какъ его?.. писатель... ну вотъ тотъ,

Который увѣрялъ, что въ мірѣ каждый ржетъ,
И что на табуны дѣлать людей веѣхъ надо?

Вульдогъ.

Скарятинъ? знаю я. За прессой я слѣжу,
Но зависти примѣръ еще вамъ укажу.
Недавно критику — стыда въ немъ нѣтъ ни крошки —
Вдругъ вздумалось сказать такую пару словъ:
Что будто женщины бываютъ двухъ родовъ —
Собачки или кошки.

Толстый мопсъ.

Какая клевета?

Кошка.

Какой для насъ позоръ!

Осель.

Да, зависти людской онъ фактъ привелъ отличный.
Теперь другой вопросъ: хоть о свободѣ личной, —
Мы пользуемся ей ужь съ очень давнихъ поръ.
Межь тѣмъ, какъ человекъ поставленъ подъ надзоръ,
Гонимъ полиціей и гласностью сурово,
Не смѣетъ бить другихъ, когда-бъ хотѣлось бить,
И не рѣшается сигары закурить

На улицъ, страшася городского,
Межь тѣмъ, я говорю, намъ всеѣмъ разрѣшены
Проказы, шалости любимъ столичнымъ стражемъ.
Вы сами, господа, сознаться въ томъ должны.

Первая уличная собака.

Мы сами съ гордостью на этотъ фактъ укажемъ.

Другая уличная собака.

Хоть изрѣдка какой-нибудь чудакъ
 Просилъ намордники надѣть на всѣхъ собакъ,
 Но, что-жь? нашли смѣлннмъ проектъ такого рода
 Всѣ современные гуманные умы,
 И мы
 Теперь, по прежнему, кусаемъ пѣшехода.

Осель.

И продолжайте такъ вести себя умно.

Сѣрый рысакъ.

Давить людей намъ всѣмъ разрѣшено.
 На улицѣ, зѣвающнмъ проходимъ
 Мы дышломъ въ лобъ заѣхать прямо можемъ.

Вороной рысакъ.

Не далѣ, какъ вчера я придавилъ двухъ дамъ,
 Сбилъ съ ногъ чиновника, купца и полотера,
 Извоицику разбилъ оглоблю пополамъ
 И шляпу сшибъ съ затылка куафера.

Осель.

Какихъ же правъ другихъ некатъ рѣшится звѣрь?

Котъ.

Я могъ бы указать еще вамъ факта на-три,
Но остановимся покамѣсть на театрѣ:
Храмъ Терпсихоры намъ открылъ радушно дверь.
Есть мысль глубокая въ подобной перемѣнѣ.

Кто, господа, игралъ изъ васъ на сценѣ?

Разные голоса.

Я! я! Мы, мы!

Жеребецъ изъ коннозаводства.

Не разъ одинъ игралъ
Въ «Новгородцахъ» я, и въ роли бойкой очень
Я былъ, какъ говорятъ, на сценѣ безпороченъ;
Партеръ мнѣ битый часъ почти рукоплескалъ.
Артистъ въ душѣ, далекъ корыстныхъ видовъ,
Могу сказать одно, что въ драмѣ славной той
Произвели фуроръ — лишь я, да Леопидовъ.

Бракованный конь.

Играли въ «Мартѣ» мы...

Нѣсколько охотничьихъ собакъ.

Любезный конь, постой!

Мы тоже все участвовали въ «Мартѣ».

Медвѣдь.

Въ одной комедіи я самъ плясалъ въ азартѣ.

Другой медвѣдь.

Я иногда еще на сценѣ не игралъ,
 Но есть талантъ большой у всѣхъ почти медвѣдей,
 И дать мнѣ роль Дьяченко обѣцалъ
 Въ одной изъ двухъ своихъ вновь созданныхъ комедій.

Коза (тошно).

Ахъ, въ «Эсмемальдѣ» я являлася всегда.

Верблюдоу.

Въ другомъ балетѣ я...

Осель.

Довольно, господа!

Вы сами видите, съ звѣриною натурой
 Взять перевѣсъ во всемъ не мудрено,
 И намъ теперь осталось одно:
 Легонько завладѣть самой литературой.
 А это, ходить слухъ, намъ слѣдуетъ давно.
 Согласны-ль вы со мной!

Бульдогу.

Мы точно той-же вѣры,
 Но, впрочемъ, приняты для этого всѣ мѣры.

(Сзади раздается жалобное ржаніе.)

Осель.

Но что за ропотъ тамъ? (*къ секретарю*) Вѣдь недо-
 вольныхъ нѣтъ?

Коть.

Есть: старый конь пятидесяти лѣтъ.

Театральная кляча (подходить, едва волоча ноги).

Я — театральная измученная кляча,
Пришла просить защиты и суда.

Осель.

Какая-жъ васъ постигла неудача?

Театральная кляча.

Извольте выслушать. Ужь многіе года
Служу въ театрѣ я. На всѣ его балеты,
На драмы, оперы, на каждый бенефисъ
Съ картонами актеровъ и актрисъ
Таскала я зеленыя кареты.
То все-бы не бѣда, но жадный Губошлепъ
Насъ голодомъ морилъ — будь проклята ты, сцена! —
И много лѣтъ имъ дѣло такъ велось:
Въ отчетахъ значилось, что купленъ былъ овесъ,
А намъ бросалось одно гнилое сѣно.
Защиты я прошу. Ужель защиты нѣтъ?

Осель.

Вамъ секретарь письмо дастъ въ комитетъ,
Гдѣ всѣ животные найдутъ себѣ охрану,
Я-жъ лично хлопотать о вашемъ дѣлѣ стану.

(Раскланивается и уходитъ. За нимъ слѣдуютъ всѣ, кромѣ барана).

Баранъ (стоитъ въ раздумѣ).

Послушаешь скотовъ — счастливѣе насъ нѣтъ.
Я доводами ихъ совѣмъ обезоружить.
Но что ни говори, духъ очень смѣлый нуженъ,
Чтобъ позабыть, что завтра на обѣдъ,
А можетъ быть, на завтракъ или ужинъ
Я буду порціей котлетъ.

(Вздыхая уходитъ).

(Занавѣсъ падаетъ).

Похороны Гамлета.

сонъ въ зѣмную почъ.

(Фантастическая комедія).

О, страшно, страшно, страшно несказанно!...

М. Зауляевъ (перев. Гамлета, стр. 37).

Сцена изображаетъ подмостки александрийскаго театра. Лунная ночь. Кладбище. Множество полуразрушенныхъ памятниковъ; на нѣкоторыхъ изъ нихъ видны надписи многихъ пьесъ Гоголя, Островскаго, Грибоѣдова и др. Два могильщика копаютъ могилу.

Явленіе I.

Могильщики (работаютъ заступами въ землѣ).
Сѣдой могильщикъ (копаетъ и поетъ).

Только, знай себѣ, копай
Здѣсь на сценѣ ямы,
Хоронить намъ выпалъ пай —
Оперы да драмы.

Сцена русская хитра.
 Ростъ пьесамъ поры:
 Ужь на это мастера
 Русскіе актеры.
 Будь хоть съ мѣсяцемъ во лбу,
 Но — поставилъ драму, —
 Тотчасъ Божьему рабу
 Рыть закажутъ яму.

Молодой могильщикъ.

Куда же ты меня привелъ?
 Скажи-ка, наконецъ, дружище.

Сѣдой могильщикъ.

Ужь коль могилу рыть пришелъ,
 Попалъ, извѣстно, на кладбище...

Молодой могильщикъ.

Кого-жь хоронять здѣсь?

Сѣдой могильщикъ.

Да всѣхъ!
 Кого попуталъ только грѣхъ
 Писать для сцены — ну, и баста!...
 Тому впередъ кричи: пропалъ!...

Молодой могильщикъ.

Выходить, сцена-то зубаста?

Старый могильщикъ.

Да, на-зубъ ей кто разъ попалъ —
Ужъ не взыщи: тутъ и Шекспиру
Въ могилкѣ отведуть квартиру.

Молодой могильщикъ.

За чѣмъ же, дѣдушка?

Сѣдой могильщикъ (смѣясь).

Темно?

Ты въ мысляхъ, вижу, не проворенъ.
Ну, значить въ землю брось зерно —
А выростетъ пригоршня зѣренъ...
Когда-бъ вотъ ты такъ не быть простъ,
То зналъ-бы этой мысли цѣну:
Что видишь предъ собой не сцену —
А драматическій погостъ.

Явленіе II.

Гамлетъ и Гораціо (входятъ).

Гамлетъ (осматриваясь кругомъ).

Гораціо, дорога та-ли?
Смотри: здѣсь памятниковъ рядъ.
Что на кладбище мы попали,
Готовъ я биться о закладъ.

Гораціо.

Прищъ, проиграете...

Гамлетъ.

Ии тѣни

. Сомнѣнья въ томъ не можетъ быть.

Гораціо.

Придется васъ разубѣдить:
Мы съ вами, прищъ, на русской сценѣ.

Гамлетъ.

Замѣть: ты нынче не остеръ.

Гораціо.

И именно съ тѣхъ самыхъ поръ,
Какъ сталь на эти я подмости:
Здѣсь постоянно шутки плоски.

Гамлетъ.

Гораціо, по рядъ гробницъ?
Рядъ этихъ камней погребальныхъ?

Гораціо.

Прищъ, это рядъ живыхъ страницъ
Изъ скорбныхъ хроникъ театральныхъ.

(Разматривая надписи на памятникахъ):

Ихъ надписи рѣшатъ нашъ споръ.
Прочту безъ дальнихъ разговоровъ:
Вотъ «здесь положенъ «Ревизоръ»,
«Убитый гениемъ актеровъ»;
«Здесь скрыто «Горе отъ ума....»
Но, принцъ, мнѣ васъ не утомить-бы?

Гамлетъ.

Читай, читай....

Гораціо (продолжаетъ читать)

«Здесь гробъ и тьма
Пріютъ открыли для «Желитьбы»;
«Здесь пьеса «Блудность не порокъ»;
«Здѣсь опочили въ лонѣ мира
Труды *Василія* *) Шекспира:
«Отелло, Лиръ и жидъ Шейлокъ».
Что, принцъ, вы скажете на это?
Остыль-ли въ васъ ко спору жаръ?»

Гамлетъ.

Остыль; не радость для Гамлета
Попастъ въ такой репертуаръ.

Могильщикъ (продолжая рыть, поетъ).

Никому не миновать
Смертнаго гостинца,

*) Подражая г. М. Загуляеву, автору подстрочнаго перевода Гамлета, я рѣшилъ имя *Вильяма* Шекспира перевести прямо по-русски именемъ *Василія*, надѣясь, что, при новомъ изданіи своего перевода, г. Загуляевъ воспользуется моимъ указаніемъ.

И его не долго ждать
 Для Гамлета — принца.
 Вѣрно новый вѣкъ таковъ:
 Лишь Дьяченки въ холѣ.
 Вѣдь не даромъ рысаковъ,
 Въ самой лучшей роли,
 Передъ публикой, въ сюрпризъ,
 Вывели изъ стойловъ...
 (Опираясь на заступъ, со вздохомъ).
 Нѣтъ, не даромъ беннифсъ
 Затѣвалъ Самойловъ!...

Гамлетъ.

Кто на кладбищѣ здѣсь поетъ?
 Кто смѣетъ выть въ такую пору?
 (Увидя могильщика)
 А, это ты, могильный кротъ!...
 Кому же здѣсь ты роешь пору?

Могильщикъ.

Я — какъ и всякій человѣкъ.
 А человѣкъ свой цѣлый вѣкъ
 Кому ибудь да роетъ яму.

Гамлетъ.

Сказалъ ты злую энграмму
 На родъ людской, но для кого-жь
 Ты приготовилъ это ложе?

Могильщикъ.

Да *ложя* здѣсь и не найдешь:
 Въ театрахъ водятся лишь *ложя*.

Гамлетъ.

Скажи жь мнѣ прямо, старый плуть,
Кого проглотить яма эта?

Могильщикъ.

Я келью приготовилъ тутъ
Для принца датскаго — Гамлета.

Гамлетъ (въ гнѣвѣ).

Гораціо, заставь молчать
Его!... Какъ смѣлъ онъ отвѣчать
Такою шуткою дурацкой:
Я самъ Гамлетъ, я самъ принцъ датскій!

Могильщикъ.

Я принцу дать могу отвѣтъ:
У насъ свой собственный Гамлетъ,
Котораго передъ народомъ,
Недавно, зимнею порой,
Самойловъ доканалъ игрой,
А Загуляевъ — переводомъ.

Явленіе III.

Входитъ поиребальная процессія. Впереди переводчикъ; за нимъ гробъ съ прахомъ загуляевскою Гамлета. За гробомъ идетъ Самойловъ въ костюмъ датскаго принца. П. С. Федоровъ замыкаетъ шествіе. Вдали видна публика, одѣтая въ трауръ.

Самойловъ (декламируя стихи Загуляева).

«О, еслибъ плоть моя, столь крѣпкая, могла
Растаять и рѣкою распуститься!...
Разбейся сердце! должно мнѣ умолкнуть!...»

Гамлетъ.

Себя дурача не подь лѣта,
Умолкнуть вамъ пора давно!
Повѣрьте: комику смѣшно
Рядить себя въ костюмъ Гамлета.
Мы цѣнимъ васъ, — я не шучу —
Какъ весь театръ александринскій;
Но гдѣ по силамъ былъ «*Кречинскій*» —
Шекспиръ едва-ли по плечу...
Нѣтъ, кто рожденъ для «Виць-мундира»,
Для «А и Ф», тогъ вѣрно намъ
Не растолкуеть въ вѣкъ Шекспира...
По загуляевскимъ стихамъ.

Явленіе IV.

Тѣнь отца Гамлета (быстро является и подходитъ къ Самойлову).

Какъ могъ явиться ты въ одеждѣ исполнина?...
 Чтобъ въ роля Гамлета, любезнаго мнѣ сына,
 Тебѣ играть, о дерзкій, не пришлось —
 Иди, иди со мной...

(Схватываетъ Самойлова и увоситъ).

Самойловъ (за сценой)

О небо! Сорвалось!...

Гамлетъ.

Процессіи... гроба... явленье этой тѣни!
 О, страхъ беретъ, хоть страхъ мнѣ не къ лицу.

Гораціо.

Да, много, принцъ, такихъ чудесъ на русской сценѣ,
 Которыхъ и во снѣ не видѣть мудрецу.

(оба уходятъ).

Павелъ Федоровъ (въ сильномъ волненіи).

Опять скандалъ!... Заприте ложи...
 Эй! люстры, ламповщикъ, гаси...
 Что за несчастіе, о Боже,
 Шекспира ставить на Руси!

(Занавѣсъ опускается).

А Д Ъ.

ПОЭМА ВЪ ТРЕХЪ ПЬСНЯХЪ.

А Д Ъ.

ПОЭМА ВЪ ТРЕХЪ ПѢСНЯХЪ.

(Подражаніе Данте).

Пѣснь первая.

Едва ли стихъ, которымъ пишуть оды,
Посланья «къ ней», къ тремъ звѣздочкамъ, къ лунѣ,
Стихъ, мелкій льстецъ и рабъ вчерашней моды,

Съумѣетъ людямъ передать вполнѣ
Картину ада, нынѣшняго ада,
Куда спустится вздумалось мнѣ.

Пѣвучихъ рнѣмъ для этого не надо;
Тутъ воплями и скрежетомъ зубовъ,
Шипѣніемъ раздраженнаго гада

Откликнуться въ рассказъ будь готовъ...
О муза робкая! хоть на минуту,
Забудь свой полъ, стыдливости покровъ

И загляни со мною въ глубину ту,
Гдѣ не одинъ знакомый намъ землякъ
Сталъ осужденъ горѣть подобно труту.

Я несся въ адъ, и несся быстро такъ,
Держась рукой за крылья Люцифера,
Что не видалъ, какъ вдругъ исчезнулъ мракъ,

И предо мной разверзлася пещера,
За ней другая, третья... цѣлый рядъ.
Метнулась въ носъ струей зловонной сѣра,

А подъ ногами огненный каскадъ
Ревѣлъ и прыгалъ. Далѣе, спустились
Мы въ глубь, центральный самый адъ,

Гдѣ жаръ такой, что волоса дымилась
И щеки трескались на части. Вдругъ
Передо мною Тѣни закружились,

И я увидѣлъ сотни чьихъ-то рукъ,
Простертыхъ вверхъ. Я смѣло крикнулъ: кто вы?
И повторило эхо этотъ звукъ,

Въ огнѣ кружась, завывли дико совы,
И вопль Тѣней, крутящихся въ смоль,
Меня смутилъ. Картины были новы.

Палимъ огнемъ въ кровавой этой мглѣ,
Гдѣ что ни шагъ—то тѣнь, то стоишь собрата,
Я прислонился съ ужасомъ къ скалѣ,

А вокругъ меня скакали чертенята,
Дрались, кувыркались на головѣ,
Прося хоть «грошъ на бѣдность». Такъ когда-то

За мной гонялись нищие въ Москвѣ,
 Съ припѣвомъ старымъ: «дайте мѣдный грошикъ
 Убогой спротѣ или вдовѣ»...

И стало жаль мнѣ этихъ адскихъ крошекъ,
 Но имъ едва я горсть монетъ швырнулъ,
 Они слились въ визжащѣ дикихъ конекъ

И вскрыли пасть, какъ тысяча акулъ;
 За дѣлежомъ разсыпанной монеты
 Ужъ свалка началась, по Вельзевулъ,

Съ которымъ въ адъ низвергся я съ планеты,
 Махнулъ жезломъ — и эта сволочь въ мигъ
 Разсыпалась и спряталась гдѣ-то.

Вдругъ долетѣли къ намъ — ужасный крикъ, —
 Ругательства и трескъ славянской брани.
 «Иди впередъ», сказалъ мнѣ проводникъ:

«Въ пещеру ту посажены славяне»...
 — О, къ нимъ скорѣй!.. И, къ землякамъ спѣша,
 Я много встрѣчь сулилъ себѣ заранѣ.

Вошли. Едва шагнулъ я, чуть дыша,
 Въ огнѣ, въ дыму, какъ гдѣ-то близко, рядомъ,
 Завыла чья-то падшая душа.

При встрѣчѣ съ ней понятился я задомъ:
 Погружена въ шипящій кнютъ,
 Бранилась тѣнь и задыхалась смрадомъ,

А съ вышины ей въ ротъ лился потокъ
 Прозрачной влаги, внутренность сжигая.
 Ктò былъ тотъ грѣшникъ — я признать не могъ,

Но на меня, проклятыя изрыгая,
Онъ бросилъ взглядъ — и взглядъ былъ золь и дикъ,
Какъ будто представлялъ ему врага я.

— Прочь отъ меня! я — русскій откупщикъ!
Пью голый спиртъ, питаюсь скипидаромъ,
Мой ротъ сожженъ, изорванъ мой языкъ,

Миѣ въ чрево льютъ напитокъ адскій — даромъ,
Но если-бъ въ міръ я вырвался опять —
Поплъ бы васъ все прежнимъ полугаромъ».

И голый спиртъ онъ началъ вновь глотать,
Съ гримасой отвратительной и звѣрской...
Я далѣе сталъ адъ обозрѣвать,

И подошелъ къ какой то ямѣ мерзкой,
Откуда грѣшникъ звалъ меня: «сюда»?
И вдругъ за плащъ схватилъ рукою дерзкой.

Увы! я въ немъ узналъ не безъ труда
Извѣстнаго миѣ прежде бюрократа,
Для женщинъ трудъ бросавшаго всегда,

Въ ринсе-нез, въ бобрахъ, по Невскому когда-то
Искавшаго то устриць, то интригъ,
Съ Борелемъ бывшаго всю жизнь за панибрата..!

Ты въ адъ попалъ, изящный мой старикъ,
Гдѣ устриць нѣтъ, гдѣ нѣтъ бѣлья и фрака!..
Хоть за душу хваталъ миѣ старца крикъ,

Но такъ силенъ былъ запахъ аміака,
Такая вонь изъ ямы поднялась,
Что мимо я бѣжалъ, и геній мрака

Мнѣ указаль на тѣнь: она вилась
И ползала, влача на плечахъ груди
Тяжелыхъ слитковъ золота, рвалась,

Но, ношею приплюснутая въ слюду,
Въ почтовый листъ, опять стиралась въ прахъ.
— Тѣнь грѣшника! тебя я не забуду!

Пусть злая казнь твоя пробудить страхъ
Корыстолюбца, жаднаго къ аферамъ,
Всегда, какъ ты, тонувшаго въ долгахъ.

И лѣзшаго въ карманъ акціонерамъ.
Сиди же тутъ и золото лижи!!
И я пустился въ слѣдъ за Люциферомъ.

Вдругъ гнусный призракъ выросъ. — О скажи,
Кто ты, ужасный грѣшникъ, и откуда?
Но стой! Свой лобъ закрытый покажи!

На лбу написано: «предатель и Іуда».
Кто-жь ты такой? смолою залить ротъ,
Чтобы доносъ не выползалъ оттуда,

И уши срѣзаны... Стоналъ Искаріотъ,
Сжавъ кулаки и топая ногами.
Съ его лица бѣжалъ кровавый потъ,

Но онъ не могъ пошевелить устами.
— Кто-жь ты? я вновь допрашивалъ. Въ тотъ мигъ
Онъ началъ знаки дѣлать мнѣ руками;

Я отскочилъ, я лишь тогда постигъ,
Что встрѣтился съ знакомымъ лицомъ,
И въ слѣдъ ему проклятья бросилъ крикъ:

— Будь проклять ты! пусть станетъ веѣмъ примѣромъ
Казнь лютая! терзайся и лежи!
И я опять пошелъ за Люциферомъ.

А вокругъ меня вставало царство лжи,
Въ дыму костровъ, которые не гасли...
Тамъ плавали распухшіе ханжи,

Одной семьей въ кипучемъ постномъ маслѣ;
Тамъ въ грудь пѣвца вселился наглый бѣсъ,
И заставлялъ — изъ злости-ль, изъ проказъ-ли —

Его тянуть всю вѣчность ut'diez;
Безъ отдыху, трагическій ломака
Ревѣлъ, какъ Лиръ, попавшій ночью въ лѣсъ,

Тамъ рукъ лишень кулачный забіяка.
Скрипя зубами, въ пламени скакалъ:
Ему вездѣ мерещились — то драка,

То уличный классическій скандалъ;
Тамъ лихонмцевъ мучалися орды,
Тамъ корчился мишурный либераль,

Которымъ всѣ мы прежде были горды;
Тамъ въ рубищѣ скорбѣлъ парадный фатъ,
И скромностью страдали Держиморды...

И съ трепетомъ блуждалъ вокругъ мой взглядъ:
Вездѣ съ бичемъ стоялъ незримый метитель.
«Но тутъ еще не весь славянскій адъ»,

Докладывалъ мнѣ мой путеводитель.
«Здѣсь есть отдѣлъ: «Литературный міръ»,
И на него взглянуть вы не хотите-ль.

Тамъ звукъ цитать, бряцанье русскихъ лиръ,
 Занятіе ученыхъ, журналистовъ
 Дастъ тему вамъ на нѣсколько сатиръ....»

И тутъ мой бѣсъ какъ адскій частный приставъ,
 Открылъ мнѣ входъ, и я увидѣлъ вдругъ
 Пристанище родныхъ ех-нигилистовъ.

Пѣснь вторая.

О, Муза! выдумай особый звукъ,
 Чтобъ адъ чадилъ сквозь каждую щертину,
 Чтобъ каждый стихъ былъ крикомъ тяжкихъ мукъ,

И передай, хоть въ очеркахъ, картину,
 Которая въ аду открылась мнѣ,
 Когда явился я на половину

Писателей, томящихся въ огнѣ,
 Подъ сводомъ тартара. Въ минуты эти
 Въ моемъ мозгу мелькнулъ, какъ въ смутномъ снѣ,

Картонный адъ, адъ Роллера въ балетѣ,
 Гдѣ бѣсъ наряженный выдѣлываетъ па,
 Гдѣ чертенья, пріѣхавшихъ въ каретѣ,

По сценѣ бѣгаетъ неловкая толпа,
 И вверхъ летитъ по блоку, на веревкѣ,
 Звѣзда танцовщицъ русскихъ Петиша —

Въ короткой юбочкѣ, въ классической шнуровкѣ...
 Тотъ дѣтскій адъ сталъ для меня смѣшонъ,
 Какъ платье королевы на торговкѣ....

Я чуть дышалъ. Былъ воздухъ раскаленъ
 И — какъ сургучъ растопленный — жегъ тѣло;
 Потокъ огней бѣжалъ со всѣхъ сторонъ,

И я едва впередъ шагнулъ несмѣло,
 Вдругъ чьи-то зубы въ ногу мнѣ впилась,
 Такъ, что нога отъ боли посинѣла:

Передо мной два трупа поднялись
 И стукнулись затылками: ихъ шишны,
 (Мысль адская!) между собой срослись.

Конечно, бѣсъ нашелъ къ тому причины,
 Не даромъ онъ логичнѣе людей...
 Одинъ изъ двухъ былъ старъ; его сѣдины

Торчали вверхъ, какъ чѣлки лошадей.
 То былъ творецъ покойныхъ «всякихъ всячинъ»,
 Землей давно оплаканный Фадей,

Но ктожь другой? Приземистъ и невзраченъ,
 Онъ такъ взглянулъ, оскалась, на меня,
 Такъ ротъ раскрылъ, что былъ я озадаченъ.

Людей, и дьявола, и смрадный адъ кляня,
 Онъ возопилъ: «земля и адъ — все то же,
 И въ полымя попасть и изъ огня *)».

*) Въ аду объ этомъ грѣшникѣ ходить преданіе, что онъ когда-то сильно пострадалъ на землѣ отъ пожара. Его собственныя слова наводятъ на ту же мысль.

Какъ на землѣ, межъ адской молодежи,
Я нигилизмъ, Базаровыхъ нашелъ,
Волненья здѣшнія съ людскими также схожи,

Пожары тѣ жъ, и тотъ же есть расколъ...
Но лишь однимъ земля мнѣ краше ада,
Одна бѣда здѣсь хуже всякихъ золъ —

Здѣсь клеветать нельзя... Одна отрада
Была мнѣ въ жизни: это клевета,
Язвившая смертельнымъ жаломъ гада —

И у меня та сила отнята»!..
И взвыла Тѣнь, съ рыканіемъ шакала,
И пѣна показалася вокругъ рта,

А рядомъ группа новая вставала:
Въ чаду зловѣщихъ, красныхъ облаковъ,
Гдѣ бездна пасть широко разѣвала,

На берегу одномъ стоялъ — Катковъ,
А на другомъ — Леонтьевъ. Вскинувъ руки,
Они рвались другъ къ другу черезъ ровъ,

«Для пользы просвѣщенья и науки»;
Но пропасть, разлучая навсегда,
Дразнила въ нихъ и раздражала муки.

Я крикнулъ имъ обнимъ: — господа,
Вамъ кланяюсь!.. и началъ дѣлать знаки,
Они же вразъ откинулись: «сюда

«Зачѣмъ пришолъ? Не нужно намъ кривляки!..
Смерть свистунамъ, залѣзшимъ на канать,
Смѣющимся и пляшущимъ во мракъ!»

«Смерть свистунамъ!» Отъ воя дрогнуль адъ,
 Отозвались московскія кликуши,
 Когда-то заселявшія Арбатъ,

Веѣ «Вѣстникомъ» плѣвившіяся души;
 И, крикомъ тѣмъ застигнутый въ расплюхъ,
 Я съ ужасомъ заткнуль скорѣе уши,

Иначе непременно бы оглохъ.
 Но замерь ревъ. Я подошелъ къ утесу,
 И — странный видъ! — вокругъ его, какъ мохъ,

Лѣпясь и извиваясь по откосу,
 Сидѣль партеръ изъ кровныхъ бѣсенятъ,
 Всегда вездѣ сующихся безъ спросу,

А на верху — тамъ былъ утесъ такъ сжатъ,
 Что негдѣ помѣститъ одной ладони —
 Сидѣль старикъ. — «Сто лѣтъ тому назадъ»,

Такъ объяснилъ мой адскій чичероне:
 «Посажень здѣсь вашъ русскій Цицеронъ,
 Чтобъ прежній жаръ не гаснулъ въ Цицеронъ;

Онъ въ таргарѣ на вѣки обречень
 Не сдерживать порывы краснорѣчья,
 И не молчить ужъ съ давнихъ онъ временъ»...

Я слушать сталъ. Ахъ, знаю эту рѣчь я,
 Которая разила на поваль,
 Противника ломая до увѣчья!..

Въ ораторѣ я Павлова узналъ.
 Измученный ораторскимъ припадкомъ,
 Ужъ много лѣтъ онъ усть не закрывалъ

И говорилъ, бросааясь то ко взяткамъ,
 То къ юности, провравшейся не разъ,
 То къ митингамъ, то къ разнымъ беспорядкамъ,

И рѣчь текла и мысль его неслась
 Въ Парижъ и въ Римъ, на Волгу и на Нѣманъ...
 Когда-жь, порой, уставъ отъ пышныхъ фразъ,

Хотя на мигъ вдругъ становился нѣмъ онъ:
 Опять въ немъ возбуждалъ витѣйства жаръ
 Безжалостный, неумолимый демонъ,

И снова имъ овладѣвалъ кошмаръ
 Ораторства, — и слушалъ я памфлеты.
 Вдругъ кто-то крикнулъ сзади: «bon soir,

Je vais vous dire»... И кто-жь мнѣ слалъ привѣты
 На языкѣ Феваля и Дюма?

О, духъ славянь, скажи мнѣ: гдѣ ты, гдѣ ты?

Москва, Рязань, Орель и Кострома!
 Друзья кокошника и сарафана,
 Узнайте съ кѣмъ сыграла шутку тьма —

Тамъ я узрѣлъ Аксакова Ивана,
 Завитаго, одѣтаго въ пиджакъ,
 Съ брелокami, подъ шляпой Циммермана,

Въ чулкахъ и башмакахъ à la Жанъ-Жакъ...
 Ужаснѣй казни для славянофила
 Не изобрѣлъ бы самый лютый врагъ,

Въ которомъ злость все сердце исеушила;
 Но сатана отлично зналъ славянь —
 Напрáсно тѣнь Аксакова молила:

«Отдайте мнѣ поддевку и кафтанъ,
 Мою Москву и гуль ея трезвона»!..
 Но черти передъ нимъ, собравшись въ караванъ,
 Читали вслухъ творенія Прудона.

Пѣснь третья и послѣдняя.

Межъ тѣмъ, какъ въ тартарѣ Иванъ Аксаковъ
 Услугъ чтецовъ нѣсколько не цѣня,
 Входилъ въ азартъ, при видѣ шляпъ и фраковъ,

Тѣнь новая скользнула изъ огня,
 Которой грудь отъ вздоховъ раскололась;
 Когда жъ она взглянула на меня,

На головѣ моей всталъ дыбомъ волосъ, —
 Той встрѣчею такъ былъ я пораженъ.
 Ужели въ адъ попалъ и самый «Голосъ»,

И тотъ, которымъ онъ былъ сотворенъ?
 — Кто ты? я призракъ вопрошать не смѣю:
 Краевскій живъ, еще не умеръ онъ...

«Я — духъ его!» — Ты отвѣчай мнѣ дѣло!
 Онъ на землѣ, и пѣть Краевскихъ двухъ.
 «Тамъ, на землѣ, мое встрѣчалъ ты тѣло,

А духъ мой здѣсь... давно въ аду мой духъ!!»
 И тяжкій вздохъ изъ груди вновь прорвался,
 Болѣзненно мой поразивши слухъ.

И призракъ продолжалъ: «съ землей разстался
Я въ восемь сотъ сороковомъ году.

Но на землѣ никто не догадался,

Что я давно перемѣнилъ среду.

И вотъ теперь я вашу обманъ нарушу:

Скажи ты всѣмъ, что повстрѣчалъ въ аду

Андрея Александровича душу,

И что, хоть здѣсь доходовъ вовсе нѣтъ,

Я дьявола рѣшительно не трушу,

И съ нимъ на счетъ изданья двухъ газетъ

Хочу войти въ прямое соглашенье.

Сотрудниковъ моихъ — здѣсь лучшій цвѣтъ,

Къ нимъ самый бѣсъ питаетъ уваженье.

Сергѣй Громека здѣсь отъ сатаны

Особое имѣеть порученье —

Чтобъ черти были тихи и скромны.

А Небольсинъ? Хоть онъ не всѣмъ пріятель,

Статьи его немножко и скучны

И тяжелы....,но въ комъ не слышишь пятенъ?...

Но, чтобъ враговъ тумашить и сражать,

Со мною въ адъ посаженъ самъ Сварятинъ.

Онъ первы всѣмъ умѣеть раздражать,

И тартаръ весь приходитъ въ содроганье,

Когда Сварятинъ начинаетъ ржать,

(Онъ сатаною осужденъ на ржанье!!).

—Но чѣмъ же ты наказанъ? я спросилъ.

«Карманъ мой пусть — пѣтъ злѣе наказанья:

Адъ отнялъ все, что въ жизни я любилъ,
И золото, добытое годами
Въ кипучую онъ лаву растопилъ...»

И тѣнь такими плакала слезами,
Что сжалился-бъ навѣрно и Харонъ.
Я самъ слезу почувалъ подъ глазами...

Вдругъ музыкой былъ слухъ мой пораженъ.
— Въ аду-ли мы, я крикнулъ, пль въ танцклассъ,
Что слышу здѣсь я звуки «фолишонъ?»

Пристало ли веселье къ адской расѣ?
Смотрю и вижу: десять чертенятъ,
На скрипкахъ кто, а кто на контрабасъ,

Смычкомъ своимъ неистово пилятъ,
Такъ что въ ушахъ трещала перепонка, —
Въ серединѣ-жъ кругъ, гдѣ съ Тѣнью, падшей въ адъ,

Съ визжаніемъ плясали два чертенокъ;
Когда-жъ въ лицо я грѣшника взглянулъ:
— Аскоченскій!... не могъ не крикнуть звонко.

«Онъ осужденъ», шепнулъ мнѣ Вельзевулъ,
«Быть нашимъ первымъ адекимъ канканеромъ
И въ тартарѣ поддерживать разгулъ...»

И въ этотъ мигъ Аскоченскій съ задоромъ
Такое на въ канканѣ сотворилъ,
Что зрители рукоплескали хоромъ:

— Онъ Фокниъ нашъ! Онъ Фокниа убилъ...
Но я, межъ тѣмъ, въ усталости, въ тревогѣ,
Уже терялъ запасъ послѣднихъ силъ

И брель, едва передвигая ноги.
— О, проводникъ! неси меня къ землѣ, —
Я утомленъ, измученъ отъ дороги!..

Но мы навѣрхъ все лѣзли по скалѣ,
Скользя по крутизнѣ ея мохнатой,
Гдѣ всюду искры бѣгали въ золѣ.

— «Смотри впередъ», сказала мнѣ мой вожатый,
Когда мы на вершину взобрались:
«Отсюда видѣнъ тартаръ весь проклятый.»

И я глядѣлъ съ невольнымъ страхомъ внизъ.
Тамъ, подъ скалою, гдѣ церберъ адскій лаялъ,
Измученные призраки вились

(Отъ зноя тамъ и самый камень таятъ);
Тѣ призраки знакомы были мнѣ.
Я узнаю: вотъ Розенгеймъ Михаилъ,

Не въ страхъ ринѣмы приискать къ «лунѣ»,
Зоветь къ себѣ на помощь Кушнерева;
Вотъ Бланка тѣнь мякнула въ огнѣ,

Вотъ тихо стонетъ призракъ Гончарова:
«Отдайте мнѣ удобства и комфортъ!
Здѣсь спать нельзя, здѣсь пища нездорова;»

Тамъ о театрѣ плачетъ Раппопортъ,
Тамъ ищетъ Фуксъ со штемпелемъ конверта —
Въ контору «Почты» переслать рапортъ.

А вотъ и тѣнь Старчевскаго Альберта,
Въ разлукѣ съ «Сыномъ», прокликаетъ рокъ
(Издатели! какой для васъ примѣръ-то!...);

Тамъ подъ собой, исполненный тревогъ,
Жрецъ «Времени» все ищетъ почвы прочной,
Но только пламя вьется изъ-подъ ногъ

И пятки жжетъ ему; тамъ адъ порочный
Камбеса вызываетъ на протестъ,
Тамъ о полициѣ соскучился Заочный,

Арсеньева желанье славы ѣсть,
Тамъ далѣе... но тамъ, въ парахъ тумана
Я не видалъ, что дѣлалось окрестъ.

Весь смрадный адъ, какъ вскрытая рана,
Слился въ пятно... проклятiя и стонъ!...

И я опять, держась за великана,

Понесся вверхъ... въ ухахъ и трескъ и звонъ...
Кровь бьетъ въ виски, подобно адской лавѣ...
Но мигъ одинъ — я былъ перенесенъ

Въ свой кабинетъ, въ квартиру дома Граве.
Я на землѣ. Что это: сонъ или явь?
Въ минуты тѣ рѣшать я былъ не въ правѣ.

ЛІСТКИ ИЗЪ ДНЕВНИКА.

Листки изъ дневника.

I.

Я слушалъ моднаго нахала:
«Ну что вамъ Англія сама?
Пусть тамъ есть пища для ума,
Но для желудка пищи мало».
Нахаль былъ правъ. У насъ не такъ:
У насъ безъ мѣры сытъ желудокъ, —
За то и совѣсть и разсудокъ
Ужъ постоянно на тощакъ.

II.

Вотъ что повѣдалъ Страусъ намъ,
Надолго Павловскъ милый бросивъ:

«Для утѣшенья невскихъ дамъ
 Меня замѣнить братъ Юсифъ».
 Но не внимасть женщинъ станъ
 Тѣмъ утѣшеніямъ напраснымъ :
 Ему Юсифомъ прекраснымъ
 Былъ только Страусъ Юганъ.

 III.

Пріѣздъ японцевъ вызвалъ говоръ .
 (Таковъ ужъ русскихъ праздный нравъ).
 Гостямъ готовить яства поваръ,
 Ихъ ждетъ портретовъ фотографъ.
 Цивилизаціи довольствомъ
 Гостей едва-ли мы прельстимъ,
 Но азіатскимъ хлѣбосольствомъ
 За то навѣрно удивимъ.
 Волхвы восточные! Ужели
 За тѣмъ васъ къ намъ послалъ Зевесъ,
 Чтобъ посмотрѣть, какъ въ колыбели
 Лежитъ малютка нашъ прогрессъ?
 Но звѣзды тѣ уже погасли,
 Что васъ на сѣверъ привели:
 Одни нашли вы только ясли,
 Но въ нихъ младенца не нашли.

 IV.

Испанцы намъ во многомъ пара;
 Испанцевъ чтитъ народецъ нашъ,

Поеть въ романсахъ тiа сага;
И даже русскiй экипажъ
Имѣеть прозвище: — гитара.

V.

Во всемъ цинизма мы далеки:
Едва распущенный канканъ
Завидѣль лагерь .россiянъ —
Слой безъискусственныхъ румянъ
Намъ разрумянилъ обѣ щѣки.
Такъ, наша нравственность строга,
Всего мы бѣгаемъ, боимся, —
Мы даже истины стыдимся,
Затѣмъ, что истина — нага.

VI.

Читалъ я чуть не со слезою
«Энциклопедiи словарь»!...
Ахъ, еслибъ вслѣдъ за Абазою
Попастъ миѣ въ этотъ календарь!...
Вѣдъ въ первомъ томѣ лексикона
Самъ Абаза не позабытъ,
А я, съ родного Геликона,
Хотя плохой, но все жъ пiнть
Межъ обличительныхъ центавровъ!...
Но пусть не чтить моихъ онъ строфъ, —
Сей трудъ ученыхъ, бакалавровъ,

Учителей, профессоровъ,
 За то стяжаетъ много лавровъ,
 Что издавалъ его — Лавровъ.

VII.

Риѣмачу-дуэлисту.

Не бойся дула пистолета!
 Твоя бездарность — лучший щитъ;
 Прочти врагу два-три куплета —
 И онъ дуэль свою проспигъ.

VIII.

Скажу вамъ краткій панегирикъ;
 Къ чему смѣшить весь Божій міръ,
 Къ чему твердить всѣмъ: я сатирикъ,
 Когда вы только лишь — сатиръ.

IX.

А. Н. М—ву.

Съ своею музой благородной,
 Январскихъ книжекъ исполнѣ,
 Ты сталъ вполнѣ писатель модный,
 Попавши въ «Модный магазинъ».

X.

Чтобъ въ здравіи росли людскія племена,
 Всѣмъ матерямъ совѣтую всздѣ я,
 Давать ихъ сыновьямъ благія имена:
 Бориса, Павла и Ѡаддея.

XI.

Ужасенъ громъ журнальнаго суда;
 Мы недовольны всѣмъ, не милъ намъ самъ Скарятинъ;
 Когда жь оглянешься, то даже, господа,
 Дымъ «Сынъ Отечества» намъ сладокъ и приятенъ....

XII.

Загадка.

Кто на Руси возвастиль краснорѣчья аѣинскаго розы?
 Въ вѣкѣ прогресса, скажи, кто казаковъ угадалъ?
 Кто Славянинъ молодой, Гречь мощью, а духомъ Бул-
 гаринъ?
 Вотъ загадка моя: хитрый свистунъ, разрѣши.

XIII.

Когда въ Москвѣ я побываю,
То, внявъ судьбѣ,
Для Н. Ф. П. позабываю
Ө. и Б.

XIV.

Я театръ нашъ россійскій люблю,
Развлеченья въ немъ очень дешевыя;
Онъ за кресла беретъ — по рублю,
А даетъ представленья грошовыя.

На художественной академической выставкѣ.

I.

Твою картину, Венигъ,
Я долго созерцалъ:
Да, стоитъ много денегъ,
Но стоитъ-ли похвалъ?

II.

Художникъ-филантропъ! Твой взоръ не переноситъ
Убогой нищеты,
И бабы сельскія въ твоихъ картинахъ носятъ
Батисты и цвѣты.

III.

Передъ этюдомъ: видъ Парголова.

Передъ картиной милой сей
Въ своемъ лицѣ я чую краску:
Ловилъ здѣсь Майковъ карасей
И написалъ свою «коляску».

IV.

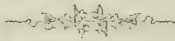
Къ картинѣ: Хаджи-Абрекъ.

По указателю Хаджи
Я могъ еще сыскать;
Безъ указателя, — скажи —
Найду-ль его опять?

V.

Къ картинѣ, изображающей парадную лѣстницу Академіи
Художествъ.

Нѣтъ, эта лѣстница не та,
Хоть на сближенья я и падогъ:
Здѣсь — есть порядокъ, чистота,
А тамъ — и грязь и безпорядокъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ДУМЫ И ПѢСНИ

Д. Д. МИНАЕВА.

I.

ДУМЫ И ПѢСНИ.

стр.

1 Января	1
Обличи ихъ во лжи!...	5
Осенній день	8
Лѣвой-Правой!	12
Два заката	15
Прогрессъ (<i>Изъ Барбье</i>)	17
Ямбы (<i>Изъ Барбье</i>)	19
Прологъ (<i>Изъ Барбье</i>)	23
IV. Ямбъ (<i>Изъ Барбье</i>)	25
Изъ Барбье (<i>La Popularité</i>)	27
Кіая (<i>Изъ Барбье</i>)	29
Сцена изъ Фауста. (<i>Марло</i>)	37
Публика (<i>сз ипмецаю</i>)	42
Тьма (<i>Изъ Байрона</i>)	43
Три дороги	46
Мотивы изъ Гейне. I. Раба	50
II. Загадка	53
III. Берта	55
IV. На глаза ненаглядные дѣвы	56
Тирольскія элегіи Гавличка.	57

ТА ИЛИ ЭТА?

страи.

Та или эта? (Современная поэма)	71
---	----

ЮМОРИСТИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

ОБЛИЧИТЕЛЬНОГО ПОЭТА.

МЕЛКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

На всѣ руки	91
Ода прогрессу	95
Мертвый городъ	97
Догадливый эмансипаторъ	99
Дума	102
Современной женщинѣ	104
Двѣтямъ	107
Господа, не хотите-ли?	109
Отрывки изъ современной поэмы	111
Просьба	117
Надъ урной	119
Передъ кометой	121
Въ Сентъ-жемсъ-скверѣ	123
Выставочные эскизы	126
Сомнѣніе	132
Всѣмъ весело!...	134
Театральная пѣсня	136
Совѣтъ	138
Маскарадныя мотивы	140
Весенняя серенада	143
Это ты весна!	145
Пѣснь титулярной совѣтницы	147
Дачная элегія	149
Демонъ вѣка	150
Стансы на будущій юбилей гр. Соллогуба	152
Два соотрудника	155
Ахъ, гдѣ та сторона?...	156
Педагогическій приговоръ	159

Жалоба узъзной красавицы	162
Пѣсня о стульяхъ на Невскомъ проспектъ	164
Закулисная элегія	166
Есть два слова	168
Провиціалнымъ Фамусовымъ	170
Гласность	172
Московская легенда XIX вѣка	173
Къ Москвѣ	175
Nocturno	177
Покайтесь!...	179
Журнальное Бородино	181
Венеціанскій альбомъ	185
Въ гостяхъ, какъ дома	192

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВАРЬЯЦІИ.

Подраженіе современнымъ лирикамъ	197
Въ прежніе годы...	199
Баль	201
Проселкомъ	203
Еврейско-русская мелодія	205
Весною	206
Сонъ поэта	207
Отрывокъ изъ романа	209
Будто-бы изъ Гейне	211
Монологъ художника	212
Чувство грека	214
Изъ римскихъ воспоминаній	216
Нанна	217
Разгуль	218
Удѣль поэта	219

АКЦІОНЕРНЫЕ МОТИВЫ.

Золотыя сѣти	225
Прощаніе Гектора съ Андромахою	229
Отъ Θεодосіи до Курска	231
Завѣщаніе акціонера	233
Два вѣка	235

СЦЕНЫ.

	<i>стр.</i>
Странное порученіе	243
Редакторъ, читатель и писатель	248
Новѣйшій Репетиловъ.	254
Засѣданіе клуба четвероногихъ	259
Похороны Гамлета.	271

АДЪ, поэма въ трехъ пѣсняхъ	283
Листки изъ дневника	301

ОПЕЧАТКИ.

НАПЕЧАТАНО.

НУЖНО ЧИТАТЬ.

Стран. 43, 4-я строка съ версу:

Льдяной глубиой. глыбой.

Стран. 60, строка 1.

пишетъ: реденъ вреденъ.

Стран. 121, съ низу 3 строка:

Я вамъ хвостъ беземѣнный . . . я вашъ хвостъ...

Стран. 138, первая строка:

Отъ удивленій, ошибокъ.... . Отъ увлеченій, ошибокъ.

Стран. 153, 11-я строка съ низу:

Ты въ общей складкѣ уцѣлѣлъ . . Ты въ общей свалкѣ уцѣлѣлъ.

ДУМЫ И ПѢСНИ

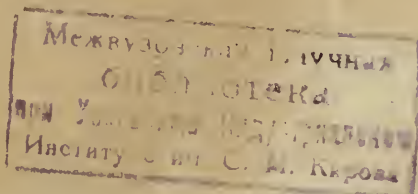
Д. Д. МИНАЕВА

И

ЮМОРИСТИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

ОБЛИЧИТЕЛЬНАГО ПОЭТА

(ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА).

Д о л я.

(ДЕРЕВЕНСКАЯ ИДИЛЛИЯ).

(Посвящ. Ольгѣ Михайловнѣ Мясоцдовой).

— «Что ты плачешь такъ горько, старикъ?
Или нà-сердцѣ горе какое?
Иль крестьянскій оброкъ твой великъ?
Разскажи, что случилось такое?»

Но старикъ только въ землю глядѣлъ,
По щекамъ только слезы бѣжали —
Словно выплакать горе хотѣлъ,
А вокругъ его дѣти рыдали,
Да старуха сѣдая, ничкомъ
У порога, свернувшись, лежала
И сквозь слезы, припавши лицомъ,
Все кого-то она причтала.

«Горе, баринъ, знать Божья рука»,
Дѣдъ сказалъ, рукавомъ утираясь,

«Наказала меня старика,
 А за что — я и самъ не дознаюсь.
 Видить Богъ — не кривиль я душой,
 Не легло черныхъ дѣлъ миѣ на совѣсть,
 А бѣда вотъ стряслася со мной...»

И старикъ разсказалъ свою повѣсть.
 «Сынъ былъ, баринъ, у насъ; на селѣ
 Парня лучше и краше не знали,
 Ни въ какомъ не повиненъ былъ злѣ,
 Красной дѣвицей всѣ его звали,
 Работалъ, не грубилъ никому,
 А въ кабакъ никогда и ногою,
 Ну, душа-человѣкъ!... вдругъ ему,
 Это прошлою было весною —
 Полюбилася старосты дочь.
 Бѣсъ — была эта дѣвка Анютка!
 Пропадать тутъ онъ сталъ день и ночь,
 Похудѣлъ, все молчить, — видно жутко...
 А она — ничего, знай юлить,
 (Видишь, парень-то былъ заглядѣнье)
 Принарядится, выдетъ, сидитъ.
 У воротъ ввечеру въ воскресенье,
 Ленту въ косу вплететъ, волоса
 Приберетъ и причешетъ ихъ гладко,
 Да и смотритъ Васюткѣ въ глаза;
 Не изъ робкаго — вишь ты — десятка.

Какъ ужъ тамъ порѣшили они
 Межъ собою и какъ столковали —
 Я не знаю, — но только огни
 По избамъ на селѣ зажигали,
 Нашъ Васютка захватитъ кафтанъ
 Да и сгинетъ... когда же вернется
 Не узнаешь его: пьянъ-не пьянъ,

А все охаетъ, стонетъ да мнется.
 Мы съ женой стали думать, гадать, —
 Тутъ и насъ защемила кручина —
 И рѣшили мы сваху послать
 Прямо къ старостѣ сватать за сына.
 Не изъ бѣдныхъ мы здѣсь мужиковъ,
 И у насъ есть кой-что за душою,
 И такихъ, какъ мой сынъ, жениховъ
 Поищи — не отыщешь съ свѣчою.
 Поломался сначала отецъ,
 Мы съ подарками дружекъ послали,
 А чрезъ мѣсяцъ — свели подъ вѣнецъ
 Молодыхъ, да и свадьбу съиграли!

Такъ прошла, словно праздникъ, весна,
 Веселѣй стала наша избѣнка,
 Сынъ покоенъ, покойна жена;
 Полюбилася веѣмъ намъ бабѣнка.
 Приготовить съ зарей всё въ избѣ,
 И въ овчарню и птичникъ заглянетъ,
 Угодить, что, поди-на тебѣ,
 Али подъ вечеръ пѣсню затянетъ.
 Славно пѣла, бывало, она,
 Пѣсней за душу прямо хватала,
 Да силенъ видно былъ сатана:
 Вѣдь отъ пѣсни она и пропала.

Къ намъ изъ города, лѣтомъ, въ село
 Управителя выслалъ нашъ баринъ;
 Тутъ ужъ дѣло иное пошло,
 Началъ бить да ругаться, татаринъ!
 Былъ тщедушный такой, не большой,
 А въ селѣ его крѣпко боялись;
 Знамо дѣло: съ нѣмецкой душой,
 Такъ и руки на насъ поднимались.

На бѣду гдѣ-то видѣлъ онъ разъ,
 На гумнѣ, али въ полѣ Аниютку, —
 Отъ поганныхъ не спрячешь вѣдь глазъ, —
 Ну и врѣзался въ бабу не въ шутку.
 Сталъ къ намъ въ избѣ почаству ходить,
 Будто такъ, отдохнуть, не нарокомъ,
 Рѣчь со мной да съ женой заводить,
 А на бабу глядитъ только бокомъ.
 Сталъ потомъ заговаривать съ ней,
 Да какъ пѣсню она разъ запѣла,
 Задрожалъ весь, я помню, злодѣй,
 Да съ тѣхъ поръ и пошло это дѣло...
 Ужь и чѣмъ онъ ее полонилъ,
 Какъ совсѣмъ овладѣлъ молодухой,
 Чѣмъ отъ мужа ее отманилъ,
 Мы и умъ потеряли съ старухой.
 Видимъ: баба не знай — какъ дуритъ,
 Что ни день — у молодки обнова, —
 Спросишь — кто тебѣ это даритъ? —
 А она — хоть единое-бъ слово!...

Тутъ и сынъ началъ дѣло смѣкать,
 Что отъ рукъ отбивалась Аниютка,
 Съ нимъ молчитъ, аль начнетъ попрекать...
 Растерялся совсѣмъ нашъ Васютка,
 Все лежитъ на печи день-деньской,
 И какъ баба всё рюмить, да плачетъ,
 Высохъ весь, сталъ какъ щепка худой,
 Видишь, — больно любилъ ее значить.
 Такъ-то нынче, успенскимъ постомъ,
 Когда ночки пошли потемнѣе —
 И ввалилась невзгода въ нашъ домъ.
 Эхъ, какъ вспомню, такъ въ гробъ бы скорѣе,
 Просто каторга жизнь мнѣ была:
 Сынъ томится, да стонетъ старуха,

Лишь одна, какъ ни въ чемъ не была
 Все гуляетъ у насъ молодуха.
 Чуть настанетъ ночная пора,
 На себя она шубку накинеть,
 Въ дверь юркнётъ, да вотъ такъ до утра
 Изъ избы въ тихомолку и згинетъ.
 Ужь и смѣлость такая нашла,
 Вишь заступникомъ былъ управитель,
 Значить, сила у бабы была,
 Да не спасъ ее этотъ губитель.

Не забыть мнѣ запрошлую ночь,
 Она вотъ гдѣ, у сердца засѣла!...
 Позабылся я эдакъ въ полночь,
 Знать дремота сильно̀ одолѣла...
 Сынъ улегся въ избѣ на полу,
 На палатяхъ старуха со мною,
 А Анютка на лавкѣ въ углу.
 Забываться я сталъ подъ дремою,
 Слышалъ, будто бы, только сквозь сонъ,
 Кто-то скрипнулъ въ избѣ половицей,
 Да и вышелъ на улицу вонъ;
 Я окликнулъ — все тихо въ свѣтлицѣ,
 Повернулся и крѣпко заснулъ.
 Да чрезъ часъ меня что-то кольнуло,
 Какъ я всталъ, да въ оконце глянулъ,
 Такъ колѣни мои и согнуло.
 Вижу: дружно огонь охватилъ
 Все господскіе наши хоромы,
 (Въ нихъ тогда управляющій жилъ),
 Ну, пылаютъ, какъ связка соломы.
 На бѣду еще вѣтеръ большой,
 Такъ и хлещетъ огонь по стропиламъ,
 Вдругъ забѣгаль народъ, какъ шальной,
 И тушить имъ пожаръ не по силамъ.

Онѣмѣль я, и сердце мнѣ вдругъ —
 Непонятная сжала кручина,
 Да какъ глянулъ въ избѣ я вокругъ —
 Ни Аниутки, гляжу, нѣтъ, ни сына.»

— Что же, дѣдушка, сынъ твой зачѣмъ —
 Уходилъ этой ночью изъ дому?

«Эхъ, сгубилъ себя парень совсѣмъ,
 Въдѣ случится же дѣлу такому!...
 Обо всемъ я ужъ послѣ узналъ,
 Какъ позвали меня къ становому.»

Видишь, долго Васютка молчалъ
 Да, знать, силъ подъ конецъ не хватило:
 Молодая душа, не сдержалъ,
 Ретивое въ груди заходило...
 Этой ночью онъ смотритъ — жена,
 Только всѣ улеглись, поднялася;
 Мужъ за нею и видитъ — она
 Въ барскій домъ вдоль плетня пробралася.
 Помутилось у Васьки въ глазахъ,
 Молодецкая кровь забродила —
 И поползъ онъ въ хоромы въ потьмахъ,
 Знать, толкнула нечистая сила.
 Къ управителю прямо въ покой
 Онъ прокрался, — зашелъ умъ за разумъ, —
 Какъ нашель, значить, нѣмца съ женой
 И — покончилъ съ обоими разомъ...
 Да не тѣмъ еще тутъ порѣшилъ:
 Натаскалъ въ домъ въ охапку соломы,
 Да изъ печки углей наложилъ, —
 Ну и вспыхнули разомъ хоромы,
 И еще не потухнулъ пожаръ,
 Подстунить нельзя было къ дому,

Знать отъ сердца отхлынулъ угаръ,
Самъ съ повиной пришелъ къ становому.
Все сказалъ, что и домъ онъ поджегъ,
Что и иѣмецъ въ покояхъ изжаренъ...
Ну, извѣстно, схватили въ острогъ.
А потомъ... ужъ и самъ знаешь, баринъ!..

Сатиры Ювенала.

I.

ДРЕВНИЙ РИМЪ.

«Quando artibus, inquit, honestis
Nullus in Urbe locus, nulla emolumenta laborum,
Res hodie minor est, here quam fuit, atque eadem cras
Deteret exiguis aliquid: proponimus illuc
Ire, fatigatas ubi Daedalus exiit alas».

D. Iun. Juvenalis satira III.

Когда среди холмовъ разслабленнаго Рима
Одинъ слѣпой развратъ все давить несдержимо,

Когда опоры нѣтъ для честнаго труда,
И такъ податлива на подкуны нужда, —

Уйдемъ мы въ тѣ мѣста, гдѣ биться перестало
Крыло разбитое изгнанника Дедала *).

*) Дедалъ — мифологическій герой, изобрѣтатель топора и другихъ орудій, строитель Лабиринта на островѣ Критѣ, куда, за убійство, онъ былъ посаженъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Икаромъ. Желая освободиться,

Пока я бодръ еще подъ серебромъ сѣдинъ,
Пока я безъ клюки брести могу одинъ,

И у Лахезы *) есть еще остатокъ пряжи —
Бѣгу изъ города корысти и продажи.

Пусть остаются здѣсь Арторій и Катуллъ **),
И гордый, вѣчный Римъ пусть слышитъ только гулъ

Однихъ откупщиковъ, на откупъ взявшихъ храмы,
Канавы грязныя, гноящіяся ямы,

И трусы горожанъ, и темные гроба,
И торгъ свободою забитаго раба,

Сносившаго отъ нихъ съ терпѣніемъ удары;
Пусть наводняютъ Римъ канатные фигляры,

Флейтисты, плясуны народныхъ площадей,
Толпа воровъ, убійць, наемщиковъ-судей,

Которые купить мѣста свои успѣли,
Хотя вчера еще ходили въ черномъ тѣлѣ...

Что жъ дѣлать въ Римѣ мнѣ? Ко лжи я не привыкъ,
Бездарнаго пѣвца не хвалить мой языкъ,

Не въ силахъ я кадить богатому болвану,
Я сыну богача предсказывать не стану,

Дедалъ сдѣлалъ себѣ и сыну крылья, но Икаръ подлетѣлъ слишкомъ близко къ солнцу, воскъ растаялъ, и онъ утонулъ. Дедалъ спасся на островъ Сицилію. О Сициліи и говоритъ теперь Ювеналъ.

*) *Лахеза* — одна изъ Паркъ, и именно та, которая прядетъ нить жизни.

***) Арторій и Катуллъ, вѣроятно, личности, пользовавшіяся не совсемъ хорошей репутаціей въ Римѣ.

Какъ магъ всезнающій, какъ наглый звѣздочетъ,
Когда отецъ его отъ дряхлости умретъ;

Какъ гнусный клеветникъ, не буду я изъ мести
Чернить любовника довѣрчивой невѣстѣ.

Бросаю съ ужасомъ проклятыя мѣста,
Гдѣ правду давить ложь, гдѣ честность — сирота,

Гдѣ сна покойнаго, правъ голоса лишенный,
Сталъ бесполезенъ я, какъ нищій прокаженный...

Въ толпѣ предателей римлянинъ здѣсь привыкъ,
Знать много страшныхъ тайнъ — и подавлять свой крикъ,

Привыкъ ихъ хоронить, какъ кладъ хоронить скряга,
Но всё сокровища, добытыя изъ Таго,

Все золото земли, спасая отъ нищеты,
Здѣсь не спасутъ тебя отъ черной клеветы,

Отъ злой безсонницы, отъ вѣчнаго испуга,
Отъ зависти враговъ и отъ доносовъ друга.

Квириты *), Римъ ли здѣсь, или Греція сама?
Да и одна ль она, ахейская чума,

Явилась тучею роднаго горизонта?
— Изъ дальней Сиріи, отъ береговъ Оронта

Намъ завѣщаль изиѣженный востокъ
И нравы, и языкъ, и самый свой порокъ,

*) Квириты — почетное названіе римлянъ.

Въ лицѣ блудницъ своихъ, на женщинъ не похожихъ,
У цирка, въ воротахъ, хватающихъ прохожихъ.

Бѣгите жь обнимать прелестницъ выписныхъ
Въ ихъ размалеванныхъ уборахъ головныхъ *),

Чтобъ, похоти порывъ на ложѣ ихъ утратя,
Могли измучиться вы въ собственномъ развратѣ!...

О, Ромуль! Ты своихъ потомковъ оцѣни:
Какъ гладиаторы раскрашены они,

И куклы цезарскихъ капризовъ и забавы,
Всѣ посятъ на себѣ значки минутной славы **).

Кому жь, кому жь теперь пріютомъ Римъ нашъ сталъ?
Со всѣхъ концовъ земли, отъ Самоса, изъ Тралль,

Изъ Алабандъ ***) сюда ворвались словно рѣки,
Для козней и интригъ прощырливые греки.

Забудемъ ли мы ихъ? Они къ намъ занесли
Таланты всѣхъ людей, пороки всей земли,

Грекъ — это все: онъ риторъ, врачъ-обманщикъ.
Ученый и авгуръ, фигляръ, поэтъ и банщикъ.

*) Эти такъ называемыя, «жертвы общественнаго темперамента» привозились въ Римъ съ востока и преимущественно изъ Сиріи, съ береговъ Оронта. Ихъ отличительною принадлежностью была особенной формы шапка, называемая *митрою*. Ювеналь говоритъ: «Ite, quibus grata est picta lupa barbara mitra!»—то есть: ступайте любоваться разрисованными митрами на ихъ головахъ.

***) Побѣдители на играхъ пользовались въ то время *спортулою* (пайкомъ) отъ двора цезарей и носили на шеѣ особенные значки за свои обфды въ циркѣ; объ этихъ-то значкахъ и упоминается въ сатирѣ.

***) Траллы и Алабанды — города въ Каріи, въ Малой Азійи.

За деньги онъ готовъ идти на чудеса,
Скажите: «полѣзай сейчасъ на небеса!»

Голодный, жадный грекъ, лишь изъ-за корки хлѣба,
Не долго думая, полѣзеть и на небо *)...

О мнѣ ль сносить, какъ пришлецовъ здѣсь чтуть,
Какъ на пирахъ римлянъ сидитъ аѳинскій шутъ,

Потворствуя страстямъ и лстя неумоимо
Передъ нетрезвыми развратниками Рима?

Прислушайтесь къ словамъ аѳинскаго льстеца:
Онъ превозноситъ умъ ничтожнаго глупца,

Клянется въ красотѣ богатаго урода,
И чахлымъ старикамъ, у гробоваго входа,

Влачащимъ жизнь свою усталую едва,
Съ обидной наглостью бросаетъ онъ слова:

«О, вы сильны еще, въ васъ вижу силы тѣ я;
Сильны, какъ Геркулесъ, стеревшій въ прахъ Ан-
тея» (**).

Смотрите, наконецъ, какъ грекъ мѣняетъ видъ:
Онъ собственный свой полъ, природу исказить,

*) Намекъ не на Дедала, но на одного грека, времяя Нерона, который пробовалъ летать въ Римѣ.

***) Антей — мифологическій гигантъ, сынъ Нептуна и Земли. Геркулесъ три раза побѣждалъ его, но мать Антея всегда возвращала сыну прежнія силы. Наконецъ Геркулесъ задушилъ его въ своихъ объятіяхъ.

И станеть предъ толпой — то греческой Фандой *),
То обнаженною красавицей Доридой **),

И грудью выпуклой, открытой на показъ,
И тѣломъ женщины обманеть каждый глазъ.

Но не Стратокль ***) одинъ владѣеть тѣмъ талантомъ:
Послѣдній самый грекъ рожденъ комедіантомъ.

Смѣяться началъ ты, — тѣмъ смѣхомъ зараженъ,
Схватившись за животъ, уже хохочеть онъ;

Ты плачешь — плачетъ онъ и корчится отъ муки,
Ты подошелъ къ огню, отъ стужи грѣя руки —

Онъ, завернувшись въ плащъ, зубъ на зубъ не сведеть;
Ты скажешь: «жарко мнѣ!» — грекъ обтираетъ потъ,

И рукоплещетъ онъ, сгибаясь отъ поклона,
При каждой мерзости надутаго патрона.

За то, когда, порой, проснется въ грекѣ страсть,
Онъ съ гнусной жадностью, какъ звѣрь, спѣшитъ напасть

На честь любой семьи — раба или вельможи,
Готовый осквернить супружеское ложе.

*) Фанда — афинская гетера, которою одно время увлекался Александръ великій.

***) Дорида — мать нерейдъ, морскихъ нимфъ и жена Нептуна.

***) *Nec tantum Antiochus, nec erit mirabilis illic
Aut Stratoeles, aut cum molli Demetrius Haemo:
Natio comoeda est.*

(Эта удивительная способность не есть исключительная принадлежность какого нибудь Антиоха, Дмитрія Стратокла и похотливаго Гема: это способность цѣлой націи). Нужно думать, что, эти имена взяты произвольно, или же принадлежатъ римскимъ селадонамъ того времени.

Отъ грека не спасешь — отбрось надежду прочь —
Ни мать свою тогда, ни дѣвственницу дочь,

И даже бабушку беззубую собрата
Онъ жертвой изберетъ постыднаго разврата.

Сатиры Ювенала.

II.

Quod porro officium, ne nobis blandiar, aut quod
Pauperis hic meritum, si enret nocte togatus
Currere, quam praetor lietorem impellat et ire
Praecipitem inbeat, dudum vigilantibus orbis,
Ne prior Albinam et Modiam collega salutet?

Juvenalis satira III.

Бѣднякъ! подъ ветхою, изорванной одеждой
Ты не дразни себя обманчивой надеждой,

Чтобъ участію твоей могъ тронуться богачъ!
Смотри: проснулся Римъ! повсюду мчится въ екачь.

Толпа бездѣльниковъ, съ улыбкою нахальной
Встрѣчающихъ твой взоръ, усталый и печальный.

Самъ преторъ, услыхавъ, что для него готовъ
Открытый входъ въ дома отъ сна возставшихъ вдовъ,

Торопить ликторовъ, — а по какой причинѣ? —
Чтобъ прежде всѣхъ посѣтъ къ прелѣстницѣ Альбинѣ.

Смотри: вотъ молодыхъ патриціевъ гурьба
Идетъ въ сообществѣ богатаго раба,

За мотовство свое попавшаго въ вельможи:
Что жъ тутъ позорнаго для римской молодежи,

Когда тотъ самый рабъ — за часъ, за мигъ одинъ,
Прожитый на груди какихъ нибудь Кальвинъ,

Бросаетъ съ дерзостью, какъ щедрая фортуна,
Все содержаніе военнаго трибуна.

Но ежели тебя, великихъ предковъ внукъ,
Порою соблазнить лобзаній тайный звукъ,

И ты, принавъ лицомъ пылающимъ къ подушкѣ,
Захочешь хилыхъ ласкъ послѣдней потаскушки, —

То, скованъ робостью, запавшей прямо въ грудь,
Ты не осмѣлишься руки ей протянуть,

И тайнаго стыда въ себѣ не уничтожа —
Не скажешь ей въ глаза: — «веди меня на ложе»!...

О, кто-бы ни былъ ты — самъ Нума, самъ Марцелль*),
Велѣдъ за тобой вездѣ-бъ вопросъ одинъ летѣль:

*) Люцій Марцелль вынесъ, во время пожара, изъ храма Весты статую Минервы и при этомъ лишился зрѣнія.

— Что онъ, богатъ иль нѣтъ? Гдѣ домъ его? Гдѣ
земли?

Пиры въ его дому теперь открыты всѣмъ-ли?»

Объ этомъ съ жадностью толкуютъ, но за то
О честности твоей не справится никто.

Есть золотой мѣшокъ — онъ путь тебѣ проложить;
Ты нищъ — и надъ тобой ругаться всякій можетъ,

Увѣренный вполне, что боги съ облаковъ
Не слушаютъ молитвъ и плача бѣдняковъ,

И такъ ихъ нищенство и горе презираютъ,
Что даже громъ небесъ на нихъ не посылаютъ....

Когда твой старый плащъ заплатками покрытъ,
Когда гнилой башмакъ изношенъ и разбитъ,

И нищенство глядитъ сквозь каждую прорѣху —
Ты подвергаешься озлобленному смѣху,

Готовы мы тебя хоть грязью закидать;
Мы бѣдняка кругомъ привыкли презиратьъ,

Какъ бесполезный хламъ, какъ битую посуду....
О, бѣдность! ты людей запугиваешь всюду, —

И въ ихъ измученныхъ страданіемъ чертахъ
Всегда читается безсмѣнный этотъ страхъ....

Едва на зрѣлище народныхъ игръ заглянетъ
Бѣднякъ отверженный, какъ грозный голосъ гря-
нетъ:

— «Прочь со скамьи, долой! Изъ цирка тотчасъ вонъ!
Однимъ богатымъ здѣсь даетъ мѣста законъ» *)!

И онъ бѣжитъ съ стыдомъ, а на скамьяхъ остались
Потомки гаеровъ, которые кривлялись

Въ толпѣ на площадяхъ, да всадникъ временщикъ.
Внукъ гладіатора, нетрезвый свой языкъ

Едва ворочая, хрипитъ и бьетъ въ ладони....
Вотъ звѣзды первыя на римскомъ небосклонѣ!...

О, кто укажетъ мнѣ хоть на одну семью,
На одного отца, который дочь свою

За чувство къ бѣдняку не упрекнулъ въ развратѣ,
И сердце честное нашель-бы въ бѣдномъ зятѣ?...

Гдѣ, укажите мнѣ, встрѣчаютъ бѣдняка
Безъ слова наглаго, безъ дерзкаго пинка?

Кто въ немъ оцѣнить умъ, способности и силы?
Допустятъ-ли его на свой совѣтъ эдилы?... *)

Быть можетъ, скажутъ мнѣ: бѣднякъ вездѣ гонимъ!...
Да, это такъ, вездѣ, — но ты, великій Римъ,

Лишь ты одинъ владѣешь страшнымъ даромъ —
Всегда грозить ему позоромъ иль ударомъ....

*) Законъ этотъ былъ изданъ въ Римѣ въ 685 г. народнымъ трибуномъ Оттономъ. По этому закону на первыхъ 14 скамьяхъ театра могли сидѣть только одни богатые всадники.

*) Эдилы были чиновники, заведывавшіе общественными зданіями.

Вѣкъ пошлой роскоши! Что-жь ты придумать могъ?
Покрой модные великолѣпныхъ тогъ *),

Ненужный, виѣшній блескъ, скрывавшій безъ различья
Ничтожество и грязь мишурнаго величья...

Пусть темнымъ призракомъ грозить намъ нищета,
Лохмотья бѣдности, — у насъ одна мечта:

Купить, хотя-бъ цѣной покражи или обмана,
Права на мотовство бездоннаго кармапа,

Чтобъ роскошью своихъ нарядовъ и одеждъ
Дивить толпу звѣвагъ и уличныхъ невѣждъ.

У насъ одинъ порокъ — хотъ выльзай изъ кожи,
Хотъ ближняго зарѣжь, — но попади въ вельможи

И запишисъ въ число надутыхъ спѣсью лицъ....
За то и Римъ теперь — продажище блудницъ, —

И всѣмъ торгуетъ онъ: свободою плебейской,
Невинностью дѣтей и совѣстью судейской,

Почетной должностью, приманкой теплыхъ мѣстъ
И прелестями женъ, паложницъ и невѣстъ.

Всѣмъ нужно золото, — и податю тяжелой
Обремененъ кліентъ оборванный и голый!

*) Въ Римѣ для каждаго возраста были придуманы особеннаго покроя тоги.

Мелодія.

She walks in beauty, like the night
Of cloudless climes and starry skies.

Byron.

Какъ ночь стоокая, алмазомъ звѣздъ одѣта,
Въ торжественномъ, полуночномъ сіяньи,
Она является въ игрѣ тѣней и свѣта,
Въ неуловимомъ ихъ, чарующемъ сліяньи.
И все: блескъ дня, мерцанье южной ночи,
Чѣмъ солнце жжетъ и звѣзды пламенѣютъ,
Все перешло въ ея черты и очи, —
Предъ чуднымъ образомъ и ночь и день блѣднѣютъ.

И блескъ и мракъ! Сліяніе такъ нѣжно,
Что тѣнью болѣе въ чертахъ, иль менѣй блеска —
То эта грація исчезнетъ неизбѣжно,
И прелесть тайная нарушится въ нихъ рѣзко.

Ихъ волновать, тревожить ихъ — безбожно:
Такъ кротокъ взглядъ, такъ мысль ея кристальна,
Что, посмотрѣвъ въ глаза, казалось, было бь можно
Прозрѣть — душа ея ясна или печальна.

На цѣломудренномъ челѣ отроковицы
На щечкахъ бархатныхъ, такъ чисто, безмятежно,
Какъ первый ясный лучъ проснувшейся денницы,
Все говорить въ ней такъ краснорѣчиво нѣжно
О дѣтскихъ помыслахъ души невозмутимой,
Съ покоемъ дѣвственнымъ и дѣвственной любовью,
И грѣзы грѣшныя надъ ней несутся мимо,
Не смѣя къ чистому спуститься изголовью.

Еврейская мелодія.

(Изъ Байрона).

Ахъ, плачьте, рыдайте, бездомныя дѣти Сіона,
Какъ плакали мы на враждебныхъ рѣкахъ Вавилона.
Ахъ, плачьте! Разбита пѣвучая лира Іуды,
Гдѣ выселись храмы — теперь безобразныя груды.
О, чѣмъ освѣжимъ изъязвленныя ноги и руки?
Плѣчатъ ли скорбь въ насъ Сіонскія пѣсни и звуки?
Ужель мы все будемъ бездомны и босы, и сирь,
И вновь не воскреснемъ подъ звуки Іудиной лиры?
Забитое племя! Въ изгнаньѣ кочуешь по-нынѣ,
Безславно, въ позорныхъ цѣпяхъ пресмыкаясь въ
чужбинѣ.
У звѣря есть норы, есть теплыя гнѣзда у птицы,
А бѣднымъ евреямъ раскрыты однѣ лишь гробницы.

Пѣсня Чайльдъ-Гарольда.

(Изъ Байрона).

I.

Прости! Утопаетъ въ дали голубой
Родимаго берега видъ,
Волна за волною реветъ въ перебой,
И дикая чайка кричить.
Мы видимъ, какъ солнце въ морской глубинѣ
Торопится отдыхъ найти...
Прости! и тебѣ и родимой странѣ!...
Мой край! доброй ночи! прости!

II.

Часы пролетятъ, и опять надо мной
Румяное солнце взойдетъ,
Вновь день я увижу, но берегъ родной
Изъ глазъ навсегда пропадетъ.

Сталь пусть и заброшенъ печальный мой домъ,
 Огонь разведенный зачахъ,
 И стѣны травой заростають кругомъ,
 И воетъ мой песь въ воротахъ.

III.

— Мой маленькій пажъ! Подойди же ко мнѣ,
 О чемъ ты рыдаешь съ тоской?
 Боишься-ль ты смерти въ холодной волнѣ?
 Иль холоденъ вѣтеръ ночной?
 Утри-жь свои слезы, будь весель опять.
 Корабль нашъ построенъ легко,
 И если бы соколъ насъ вздумалъ догнать —
 Остался бы онъ далеко.

IV.

— «Не страшны мнѣ бури. Пусть волны ревуть,
 Пусть вѣтеръ рветъ парусъ въ клочки,
 Но ты, господинъ, не дивись, что бѣгутъ
 Изъ глазъ моихъ слезы тоски.
 Не вижу я больше отцовскихъ сѣдинъ
 И мать со слезами въ глазахъ;
 Остались друзьями мнѣ: ты лишь одинъ,
 Да Тотъ, что живетъ въ небесахъ.

V.

«Отецъ на прощанье крестилъ мнѣ чело,
 Хоть холоденъ былъ его взглядъ,
 Но мать моя будетъ вздыхать тяжело,
 Пока не вернусь я назадъ.»
 — Довольно, малютка! понять я умѣлъ,
 Что слезы такія — не стыдъ,

И если бъ я чистое сердце имѣлъ,
Я самъ бы заплакалъ на взрыдъ.

VI.

— Поди же ко мнѣ ты, мой вѣрный слуга,
Въ лицѣ твоёмъ блѣдность видна!
Ужь ты не боишься-ль француза-врага?
Иль буря морская страшна?
— «Ты думаешь, мой господинъ, обо мнѣ,
Что стану за жизнь я робѣть.
Нѣтъ, мысль о покинутой бѣдной женѣ
Меня заставляетъ блѣднѣть.

VII.

«Близъ замка отцовъ твоихъ съ мукой въ лицѣ
Пришлось мнѣ дѣтей покидать.
Теперь, если спросятъ они объ отцѣ,
Что можетъ отвѣтить имъ мать?
— Довольно, мой добрый служитель, ты правъ,
Печаль твоя стоитъ похвалъ,
Но я — не таковъ легковѣрный мой нравъ, —
Смѣясь край родной покидалъ.

VIII.

И что же находимъ мы въ женскихъ слезахъ?
И долго-ли женщина ждетъ?
Чужая рука на прекрасныхъ глазахъ
Вчерашнія слезы сотреть.
Не жаль мнѣ дней счастья въ родимой странѣ,
Не гнусь я при видѣ грозы,
Но горько одно лишь, что не о комъ мнѣ
Пролить ни единой слезы.

IX.

Я вновь одинокъ, какъ въ былые года,
 Одинъ посреди этихъ водъ....
 Къ чему-жь о другихъ я заплачу, когда
 Никто обо мнѣ не вздохнетъ.
 Не долго мой песь будетъ выть и скучать,
 Найдеть новый уголь и кровъ,
 И если вернусь я — меня разорвать
 Песь собственный будетъ готовъ.

X.

Корабль мой! Неси же меня по волнамъ,
 Пусть море кипитъ подо мной!
 Неси куда хочешь, къ далекимъ странамъ,
 Лишь только не въ край мой родной.
 Привѣтъ посылаю я синимъ морямъ,
 А ихъ не увижу въ пути,
 Привѣтъ мой пещерамъ, пустынямъ, горамъ....
 Мой край! доброй ночи! прости!...

Немезида.

(Изъ Барбье).

О, кто же ты, кто ты, великая жена?

Сравнимъ-ли мы ее съ графиней благородной,
Которая дрожить и падаетъ, блѣдна,
Услыша у дверей случайно крикъ народный.
Нѣтъ, эта женщина прекрасна, но дика,
Съ могучимъ голосомъ, съ могучими сосцами,
Овлаждѣвать вездѣ способная сердцами,
Съ огнемъ въ глазахъ, проворна и легка.
Ей нуженъ крикъ толпы, ей наслажденье въ спорахъ,
Она бѣжитъ туда, гдѣ выстрѣлы гремятъ,
Гдѣ запахомъ своимъ въ ней силы дразнить порохъ
И гдѣ колокола слились въ одинъ набатъ.
Лишь только выходцу изъ черни отдавала
Она порывъ своей восторженной любви,
И этотъ мощный станъ лишь только обвивала
Рука, не разъ одинъ алѣвшая въ крови.

Лунатикъ.

(Le somnambule).

Поэма Альфреда де-Виньи.

«Что ты съ ложа встаешь до разсвѣта,
И покровы съ себя сбросилъ прочь?
Посмотри: вся звѣздами одѣта
Неба южнаго черная ночь.
Тамъ, на дальней границѣ востока
Не видать первыхъ проблесковъ дня.
Подожди, — еще утро далеко,
Отдохни на груди у меня.
Твой покой — своего мнѣ дороже...
Спи, мой милый, — пусть крѣпокъ твой сонъ...»

Но, покинувъ измятое ложе,
Весь дрожа, поднимается онъ;
Онъ ступаетъ нетвердой ступою,
На лицѣ его — гнѣвъ и гроза,
Ловить воздухъ дрожащей рукою,

Неподвижны и мутны глаза.
 Съ плечъ упали ночные покровы,
 Наклонилась впередъ голова,
 И отрывисто-рѣзки, суровы
 Съ блѣдныхъ устъ вылетаютъ слова:

— «А, преступница.... ты измѣнила....
 Казнь тебѣ и ему!... въ кипарисъ,
 Въ бѣлый саванъ скорѣй нарядись...
 Видишь: вырыты вамъ двѣ могилы!...
 Прочь, змѣя вѣроломная... прочь!...
 Вы умрете предатели оба...
 Духи тьмы! принесите два гроба:
 Нынче — ихъ новобрачная ночь...
 И тебя и его, лицемѣра,
 Обращу я и въ пепель и прахъ!...»

А у ногъ его бѣдная Нера,
 Холодна и блѣдна, вся въ слезахъ,
 Опустилась дрожа на колѣни;
 Ея косы бѣгутъ по плечамъ,
 Сжаты руки; молитвы и пѣни
 Пробѣгаютъ по блѣднымъ устамъ:

«Удержись, мой супругъ; — что съ тобою?
 Знать прогнѣвалъ ты грозныхъ боговъ?
 Это я здѣсь склоняюсь съ мольбою....
 Но моихъ ты не слушаешь словъ.
 О, взгляни же въ лице твоей Неры,
 Неру бѣдную ты пожалѣй...
 Иль, какъ прежде, не стою я вѣры?...
 Да простятъ тебя Фебъ и Морфей!...»

— «Крови, крови хочу.... Полліона....
 Этотъ юноша римскій.... вотъ онъ!...

Профиль нѣжный и станъ Аполлона....
 Изъ груди его вырву я стонъ...
 Ножъ, мой ножъ!... это чистое ложе
 Оскверненное вижу... ты слабъ,
 Щеки нѣжны твои... для чего-же
 Ты хорошъ такъ? о, смерть тебѣ, рабъ...»

«Мой супругъ, мной любимый, мнѣ милый!
 Сбрось съ себя гнетъ мучительныхъ сновъ.
 Для чего ты грозшишь мнѣ могилой
 И безстрастнымъ покоемъ гробовъ?
 О, клянуся прошедшей любовью,
 Вестой древней и Рэ, — лишь тебя
 Я ждала къ своему изголовью
 И ласкала кляня и любя.
 Мой супругъ! я чиста... Полліона
 Я не знаю....»

— «Молчи! это ложь!

Не смягчать меня слезы и стоны....
 Крови, крови твоей... ты умрешь....»
 «Смерть! О мать моя! гнѣвъ твой ужасный
 Легъ на мнѣ, какъ боговъ приговоръ.
 О прости же, прости ты, несчастной!...
 Что же медлить, убійца? Мой взоръ
 Въ мутныхъ взглядахъ не ищетъ пощады,
 Нѣтъ любви въ сердцѣ Неры твоей,
 Нерѣ въ жизни нѣтъ больше отрады...
 А!... ты въ сердце ударилъ, злодѣй....
 Мой убійца, тебя я прощаю...
 Пусть продлится ужасный твой сонъ...
 Кровь бѣжитъ.... смерть близка... умираю...
 Я невинна.....»

И смолкъ ея стонъ.

Изъ Бустана Саади.

Дождевая капля заронилась въ море,
Затерялась капля на морскомъ просторѣ.
— Какъ ничтожна здѣсь я, капля говорила,
И на дно морское спряталась уныло.
Но въ пучинѣ моря капля дождевая,
Развила скорлупку; на пескѣ сверкая,
Изъ скорлупки вышелъ лучшій жемчугъ въ мірѣ
И теперь хранится у царя въ порфирѣ.
Такъ не даромъ капля ты существовала,
Не безъ пользы въ море спсее упала.

Изъ Гафиза.

I.

Нынче въ ночь ароматную, лунную,
Бросивъ лиру мою сладкострунную,
Весь сжигаемъ огнемъ вождельнiя
Я подругу зову на мгновенiе,
Подъ ночные покровы ложницы...

О, прiйди же! на кудри волнистыя
Ароматы пролью я душистыя,
Я мастику зажгу благовонную,
И тебя этой ночью безсонною
Буду ждать я до самой денницы.

Ты прiйдешь — и чтобъ мгла непроглядная
Обняла это ложе отрадное,
Чтобы взоры чужiе, ревнивыя
Не замѣтили ласки стыдливыя,
Опущу я таинственный пологъ.

Ляжетъ ночь надъ безмолвной ложницею —
 И съ тебя я горячей десницею
 Прочь отброшу одежды роскошныя —
 И твой сонъ, въ тѣ часы полуночныя,
 Будеть тихъ, и отрадень, и дологъ...

Твои волосы, въ кольца завитые,
 Поцѣлуи сожгутъ ядовитые; —
 Вкругъ тебя обовьюся я лѣзою
 А вдали, въ померанцахъ надъ розою
 Будеть ныть соловей Туркестана.

Не бѣги же ночь тихая, лунная!...
 Смолкни лира моя сладкострунная!...
 Чу!... вотъ слышу шаги я несмѣлые...
 Вотъ одежды волнуются бѣлыя,
 Колыхаясь вкругъ гибкаго стана!

II.

Утро дохнуло; горить лучезарное
Солнце на небѣ давно.
Въ кубки, о други, скорѣе янтарное,
Чистое лейте вино.
Листья тюльпана росой серебристою
Вспрыснуты ранней зарей...
Чаши наполните влагой душистою
Пейте дружиѣ со мной.
Пусть изумрудный коверъ разстилается
Въ полѣ изъ пышныхъ цвѣтовъ,
Искры рубина въ винѣ зажигаются
И зажигаютъ намъ кровь.
Будто изъ рая, струи благовонныя
Воздухъ приносятъ съ полей,
Но не забудемъ мы ночи безсонныя,
Пьемъ же, друзья, веселѣй.

Солнце весны въ небесахъ улыбается,
Въ краски одѣлась весна...
Пусть наши кубки полифй наливаются —
Кубки осушимъ до дна.
Пьемъ же... Аллахъ намъ вино благодатное
Пить разрѣшаетъ давно,
Кравчій невидимый леть ароматное
Въ наши стаканы вино.

III.

Дышетъ садъ ароматомъ Эдема...
Есть вино и желанной объятъ:
Что мнѣ въ роскошѣ царской гарема,
Я и нищимъ блаженствую, братья!

Служить облако мнѣ — пеленою,
Мнѣ подъ пальмой — чертога не надо,
И въ садахъ — наливаясь весною,
Ждетъ румяная кисть винограда.

Пусть Орифъ, пусть мудрецъ, укоряя
Не протянетъ руки мнѣ участь:
Онъ живетъ для небеснаго рая,
Я живу для земли сладострастья.

Мотивы Гейне.

I.

ПРОЛОГЪ.

Вкругъ меня темный, таинственный лѣсъ,
Пышныя липы рядами....
Какъ очарованный мѣсяцъ, глядитъ,
Лѣсъ обливая лучами.

Вотъ соловьиная пѣсня вдали
Звонкою трелью промчалась.
То она вся изнывала въ любви,
То въ ней тоска откликалась.

Чудныя ноты звучали, росли,
Слышны въ нихъ хохоть и слезы....
Ожили вновь мои прошлые сны,
Старыя, милыя грезы.

Дальше я въ лѣсъ: на полянѣ лѣсной
 Замокъ стоитъ предо мною,
 Длинные, острыя башни его
 Скрыты подъ черною мглою.

Въ замкѣ ни звука, и окна темны,
 Всюду молчанье кладбища,
 Будто бы смерти дыханье сожгло
 Мрачное это жилище.

Каменный сфинксъ здѣсь одинъ сторожилъ.
 Лапы, спина какъ у львицы,
 Груды же женскія, съ женскимъ лицомъ....
 Чудный символъ небылицы!

Статуя дивно была хороша!
 Страстию очи блистали,
 Будто лобзанья просили уста,
 Ласки любви ожидали.

Плакалъ и нылъ надо мной соловей,
 Сердце вдругъ сжалось болью,
 Кровь закипѣла и къ хладнымъ устамъ
 Съ жаркой приникъ я любовью.

Камень статуи вдругъ жизнью пахнулъ,
 Ожилъ недвижимый камень....
 Съ жадностью губы лобзаній моихъ
 Пили сжигающій пламень.

Вся сладострастья и нѣги полна
 Чудная женщина млѣла,
 Съ бѣшеной страстью меня обняла,
 Когти впивая мнѣ въ тѣло.

Были такъ сладки восторги любви,
 Мучили, жгли и ласкали...
 Полонъ блаженства звучалъ поцѣлуй,
 Когти мнѣ грудь разрывали.

А соловей въ тѣ мгновенія пѣлъ:
 «Сфинксъ и любовь, расскажите,
 О, для чего вы мученья и скорбь
 Въ самомъ блаженствѣ таите?»

И неужели-же сфинксъ никогда
 Мнѣ не отвѣтитъ на это?
 Вѣрно напрасно я много вѣковъ
 Жду-не дождуся отвѣта.»

II.

Въ локонахъ дѣвочку видѣлъ во снѣ я.
 Глазки, какъ звѣзды полночи.
 Съ нею встрѣчалъ я подъ липой зеленой
 Теплыя, лѣтнія ночи.

Тамъ — раздавались любовныя рѣчи;
 Тамъ — поцѣлуи звучали,
 Будто ревнуя, далекія звѣзды
 Въ небѣ ночномъ трепетали.

Вотъ я проснулся — и сердце заняло,
 Свѣтлые сны отлетѣли,
 Только насмѣшливо съ синяго неба
 Звѣзды ночныя глядѣли.

III.

Ахъ, оставь пустыя фразы!
 Это пошло и не ново....
 Въ вѣкъ общественной невзгоды
 Нужно дѣло, а не слово!

Посмотри: облитый кровью,
 Пóтомъ, — братъ твой погибаетъ,
 А предъ знатнымъ негодиемъ
 Мíръ колѣни преклоняетъ.

Неужель для правды мѣста
 На землѣ теперь не стало?
 Или всѣ мы такъ безсильны,
 Чувства праваго въ насъ мало?

Вотъ тѣ грустные вопросы,
 Что насъ мучать, жгутъ, тревожатъ....
 А въ отвѣтъ — насъ въ гробъ толкаютъ....
 Да то, полно ли, поможетъ?...

IV.

На показъ обнаженные плечи,
 Фраки черные, узкіе платья,
 Поцѣлуй, притворныя рѣчи, —
 Только сердца не могъ въ васъ сыскать я.

Чувства въ васъ пробудить невозможно.
 Ваши вопли не стоятъ вниманья,
 Вы въ любви своей мелки, ничтожны,
 И смѣшать меня ваши страданья.

Въ горы, въ горы отъ васъ убѣгаю,
 Гдѣ живутъ одни люди простые,
 Гдѣ вольнѣе я воздухъ впиваю,
 И смолкають гдѣ помыслы злые,

Гдѣ лишь ели стоятъ вѣковья,
 Красоты и величія полны,
 Гдѣ поютъ соловьи и живья,
 Прихотливыя прыгаютъ волны.

Залы пышныя, пышные люди....
 О, бѣгу я отъ васъ, негодуя —
 Въ горы, въ горы!... вольнѣе тамъ груди,
 Тамъ вновь пѣсни свои запою я.

V.

ЧАЙЛЬДЪ-ГАРОЛЬДЪ.

Мрачнымъ трауромъ покрытый,
 Челнъ несется по волнамъ,
 И пловцы сидятъ, какъ тѣни,
 Неподвижны по бортамъ.

Возлѣ нихъ окровавленный
 Трупъ поэта распростертъ,

Какъ живой: взоръ вдохновенный
Устремлень въ небесный сводъ.

Тихо все... но будто нимфа
Въ пѣнѣ шепчется морской,
Будто горько плачуть волны
Объ утратѣ роковой.

VI.

Край родной я зналъ когда-то:
Тамъ алѣютъ розы,
Тамъ природа такъ богата!..
Это были грезы.

Языка родного звуки,
И родныя слезы,
Простираемыя руки...
Это были грезы.

VII.

Миръ — это дѣвушка съ румянцемъ чистоты,
Миръ — это фурия. И оба взгляда эти
Зависятъ отъ очковъ, въ которыхъ ходишь ты,
Жизнь видя въ розовомъ или въ самомъ черномъ цвѣтѣ.

Но тотъ, кто въ телескопъ мiръ этотъ разглядитъ,
Какого пола онъ? не разрѣша загадки,
Тотъ, бросивъ въ сторону бесплодныя догадки,
Придетъ лишь къ одному: что мiръ — гермафродитъ.

Изъ Виктора Гюго.

Oh! n'insultez jamais une femme qui tombe!

V. Hugo.

Надъ падшей женщиной не смѣйтесь съ поруганьемъ!
Вашъ строгій приговоръ не сталъ бы такъ жестокъ,
Когда бы знали вы, какъ нѣкогда съ страданьемъ

Невидимо боролся въ ней порокъ,
Когда она не разъ, быть можетъ, ожидала —
Вотъ-вотъ протянется спасенія рука...

Такъ иногда на зелени листка,
Со всею чистотой прозрачнаго кристалла,
Блестить роса зори; но листь затрепеталъ, —
Она спадаетъ въ грязь — и блескъ ея пропалъ.

За что жь, несчастная, услышитъ крикъ проклятья?
Не ты-ль, истасканный, безнравственный богачъ,
Съ презрѣньемъ слушая ея мольбы и плачь,

Бросаль ей золото и звалъ въ свои объятя?
Позоръ и вѣчный стыдъ!... Но кто же виновать?
Кто обвинить ее сурово за развратъ?
Всему своя пора! Пусть въ грязь она упала,
 Какъ та роса, — и блескъ свой потеряла;
Но, чтобъ для нихъ опять сокрылся мракъ ночей, —
Имъ нуженъ свѣтъ любви, свѣтъ солнечныхъ лучей.

II.

МАРІОНЪ ДЕ-ЛОРМЪ.

THE HISTORY OF THE

Тайное свиданіе.

ПЕРВЫЙ АКТЪ

ИЗЪ ДРАМЫ ВИКТОРА ГЮГО:

МАРІОНЪ ДЕ-ЛОРМЪ.

(ДѢЙСТВІЕ ПРОИСХОДИТЪ ВЪ БЛУА).

Спальня; въ глубинѣ сцены окно, открытое на балконъ. Направо — столъ съ лампой, передъ столомъ кресло; лѣво дверь подъ драпировкой. Въ тѣни кровать.

СЦЕНА I.

Маріонъ-де-Лормъ, одѣтая въ пышное платье, сидитъ у стола и вышиваетъ по канвѣ. *Маркизь-де-Саверни*, очень молодой человекъ, безъ усовъ, одѣтый по послѣдней модѣ 1638 года, подходитъ къ Маріонъ и хочетъ обнять её.

Саверни.

Довольно, помиримся же, малютка!

Маріонъ (*отталкивая его*).

Пожалуйста, не-близко такъ...

Саверин *(настаивая)*.

Одинъ

Хоть поцѣлуй...

Маріонъ *(вспыхнувъ)*.

Маркизь! какая шутка!

Саверин.

Вы сердитесь, но вѣрьте — гнѣвъ и силнѣ
Вамъ не къ лицу.

Маріонъ.

Вы забываться стали!...

Саверин.

Какая клевета! Клянусь вамъ, что едва-ли
Забыть мнѣ можно то, что помнить суждено
Всю жизнь...

Маріонъ.

Несносный!...

Саверин.

Слушайте-жь: грѣшно
Своихъ друзей обманывать и мучить.
Признайтесь мнѣ: уже-ли вамъ наскучить
Успѣлъ Парижь? — скрываться для чего-жь?
Съ ума свели вы нашу молодежь.

Она бѣсилася, искала васъ напрасно,
 А вы, измѣнница, въ Блуа, въ глуши... прекрасно!
 Два мѣсяца живете здѣсь, —, зачѣмъ,
 Нельзя-ль узнать отъ васъ?

Маріонъ.

Зачѣмъ,
 Что такъ хочу, мое желанье это.
 Я въ правѣ тутъ и не давать отвѣта
 Зачѣмъ и почему...

Саверинъ.

И даже тѣмъ
 Кому вы дороги, кому незамѣнимы?
 О, Маріонъ, какъ вы неумолимы!...
 Я, Гонди бѣдный, что за васъ
 Чуть-чуть на дняхъ не умеръ на дуэли,
 Несмондъ, д'Аркьенъ, Кассадъ — уже-ль всѣхъ насъ
 Вы позабыть такъ скоро здѣсь успѣли?

Маріонъ. (*увлекаясь*).

Что жъ Бовильянъ?

Саверинъ.

Онъ молится на васъ!

Маріонъ.

А мой Серестъ?

Саверинъ.

Онъ васъ — и спитъ — и видитъ.

Маріонъ.

А Понсъ что говоритъ?

Саверин.

На этотъ разъ
Онъ кажется васъ просто ненавидитъ.

Маріонъ.

А я увѣрена, что онъ-то больше всѣхъ
Страдаетъ обо мнѣ... но вотъ и не спросила:
Что старый президентъ? ему-бы, право, грѣхъ
Невѣрнымъ быть... Какъ я его дразнила,
Вы, вѣрно, помните? *(смѣется)*.

Саверин.

О, старый селадонъ
Все тотъ же, что и былъ: по прежнему вздыхаетъ
И вашу красоту въ сонетахъ восхваляетъ.
Довольны-ли вы имъ?

Маріонъ.

Да, знаете-ли, онъ
Скромный васъ всѣхъ, и больше, чѣмъ два года,
Играетъ роль... поставщика стиховъ.

Саверин.

О, для него любовь есть — стансы или ода;
Но нашъ пѣвецъ ежечъ васъ скорѣй готовъ,
Чѣмъ свой куплетъ. Ужъ такова природа

Поэтовъ всѣхъ... И такъ, безъ дальнихъ словъ
 Я жду отъ васъ открытаго признанья.
 Что это: добровольное изгнанье,
 Интрига, шалость новая?...

Маріонъ (*строго*).

Маркизь,
 Повѣрьте мнѣ, не прихоть, не капризь
 Заставили бѣжать меня отъ свѣта.
 Вы ждете откровеннаго отвѣта?
 Узнайте же, раскаянья полна,
 Я съ прошлымъ связь порвать теперь должна,
 Оставить путь открытаго позора,
 Должна въ слезахъ стыдъ прежнихъ дней омыть,
 И блескъ безчестіемъ добытаго убора
 Одеждой бѣдности убогой замѣнить.

Саверин.

Интригу новую прикрыли вы лукаво.
 Но только я въ обманъ не дамся скоро...

Маріонъ (*горько*).

Право?

Саверин.

О, полноте!... васъ вижу-ль въ первый разъ?
 Вѣдь для такихъ чудесныхъ, жаркихъ глазъ
 Нужны пиры, таинственные ночи,
 Имъ жизнь нужна и длинный рядъ побѣдъ...

Короче —

Вы насъ морочите и, чтобы спрятать слѣдъ

Романа новаго — уѣхали въ пустыню.
Не знаю, кто герой, но знаю героиню.

Маріонъ.

Вы ошибаетесь...

Саверии.

На этотъ разъ
Едва-ли такъ...

Маріонъ.

Теперь который часъ?
Гдѣ, Роза, ты?

Роза (*за кулисами*).

Ужъ полночь будетъ скоро.

Маріонъ (*въ сторону*).

Что дѣлать мнѣ?

Саверии.

Я понялъ вашъ намекъ.
За что жъ такая строгость приговора?
Едва найдти, едва поймать васъ могъ,
Вы гоните...

Маріонъ.

Скажу вамъ откровенно:
Я здѣсь живу теперь уединенно,

Гостей не принимаю, а притомъ
Здѣсь путь ночью теперь не безопасенъ:
Ограбить могутъ васъ...

Саверии.

Напрасенъ
Весь вашъ испугъ: съ пустымъ я кошелькомъ.

Маріонъ.

Убийства здѣсь теперь не рѣдки тоже.

Саверии.

Убийства? Ну, убьютъ меня, такъ что же!

Маріонъ.

Но....

Саверии.

Полноте, вѣдь это ужъ смѣшно!
Но, Маріонъ, клянусь вамъ, что, покуда
Я правды не добыю, я не уйду отсюда
И буду ждать отвѣта. Рѣшено!...
Кого вы любите, признайтесь, ради Бога?

Маріонъ.

Я? никого, маркизъ!

Саверии.

Я буду тайну строго
Хранить въ душѣ своей... ни слова никому,

Пусть говорятъ, что мы, не знаю почему,
 И этотъ слухъ не очень-то почётенъ,
 Способны лишь запутывать узлы
 Несбыточныхъ, невѣроятныхъ сплетенъ,
 Но вѣрьте мнѣ — ни сколько мы не злы.
 Мы даже *говоритъ* давно отвыкли, право!...
Болтатъ всю жизнь свою — вотъ наша вся забава.
 Молчите вы? (*садится*).
 — И такъ я остаюсь!

Маріонъ.

Маркизь! я вашей дерзости дивлюсь.
 Чего хотите вы? хотите вы признанья?
 Ну такъ узнайте же: счастливаго свиданья
 Я жду теперь, жду нынѣ, въ эту ночь.
 Довольны-ль вы? прошу, уйдите жъ прочь.

Саверин.

Вотъ, наконецъ, вы на себя похожи.
 Но гдѣ же тотъ, кто стальъ вамъ всѣхъ дороже?
 Онъ явится? Неужели...

Маріонъ.

Сюда!

Саверин.

Онъ будетъ здѣсь? и съ вами? но когда?

Маріонъ.

Сейчасъ, сію минуту можетъ статья.

(*Идетъ къ балкону и прислушивается*).

Чу! вотъ походка чья-то... тише... нѣтъ.

(Къ Саверии).

Вы наконецъ довольны-ли?

Саверии.

Признаться,

Такъ не совѣмъ.

Маріонъ.

Уйдите-жь, мой совѣтъ.

Саверии.

Еще вопросъ. Одно скажите слово:
Какое имя, имя носитъ тотъ,
Изъ-за кого я принять такъ сурово?

Маріонъ.

Зову его Дидьё, и имени другаго
Не знаю я, а онъ меня зоветъ
Маріей просто. Это мнѣ такъ ново...

Саверии.

Еще бы нѣтъ! Какая клевета!

Маріонъ.

Не вѣрите?

Саверии.

Пастушескіе нравы,
Любовь, поэзія и чистота!

Да васъ ли вижу я? Иль для забавы
Вы шутите?

Маріонъ.

Охоты нѣтъ смѣяться;
Но, вспомните, вы начали прощаться.

(Въ сторону).

Мученье съ нимъ!...

Саверин *(серьёзно).*

Вопросъ еще одинъ:
Кто *онъ* такой? придворный? дворянинъ?

Маріонъ.

Не знаю я...

Саверин.

Я въ удивленіи снова.

(Маріонъ тѣснитъ его къ дверямъ).

Иду, иду, еще лишь только слово.

(Вынимаетъ изъ кармана книгу).

Совеѣмъ вонъ изъ ума, — здѣсь книгъ, я вижу, нѣтъ—
Въ уединеніи займитесь этой книжкой,
Которой автора нельзя назвать мальчишкой,
Но вашимъ именемъ былъ вдохновленъ поэтъ.

Маріонъ *(читаетъ заглавіе книги).*

«Гирлянда любви» — посвящена Маріонъ-де-Лормъ.

Саверин.

Въ Парижѣ книга та, — я вамъ за новость выдамъ —
Читалась на расхватъ, соперничая съ «Сидомъ».

Маріонъ (береть книгу).

Благодарю за честь. Но вамъ пора, маркизь,
Покойной ночи вамъ.

Саверин.

О, слава! удались...

Какое дѣло ей — кѣмъ заняты въ Парижѣ!
Здѣсь, въ бѣдной хижинѣ, отъ свѣта далека,
Пастушка сельская ждетъ въ гости пастушка.

Маріонъ (звонитъ; выходитъ Роза).

Маркизь уходитъ. Роза, посвѣти-же...

Саверин (удаляясь).

Я ухожу, но помни, Маріонъ:
Ты скромности послѣдней измѣнила.

(Уходитъ).

СЦЕНА II.

Маріонъ (одна, затворяя дверь).

Ушелъ... я вся дрожу... что если-бъ онъ,
Засталъ его со мной...

(Часы бьютъ полночь).

Вотъ полночь било,
Свиданія давно желанный срокъ...
Дидьё придетъ, онъ здѣсь, онъ не далекъ...

(Въжигъ и смотритъ съ балкона).

Нѣтъ никого, все тихо... (*возвращается печальная*).
 Прежде было
 Не такъ: онъ не запаздываль...

СЦЕНА III.

Дидьё (*показывается за перилами балкона, прыгаетъ въ комнату и кладетъ на кресло шляпу и шагу. На немъ черный костюмъ. Онъ дѣлаетъ шагъ, останавливается и нѣсколько секундъ смотритъ на Марию, которая сидитъ, опустивъ голову*).

Марію (*поднимая голову, радостно*).

Ахъ, ты?...

(*Съ удивленіемъ*.)

Грѣшно, Дидьё, такъ медлить. Ожидала
 Я съ трепетомъ полночной темноты,
 Ждала тебя давно...

Дидье.

Ахъ, если-бъ знала,
 Чего мнѣ стоить этотъ важный шагъ...
 Когда бъ могла...

Марію.

Понять тебя мнѣ какъ?

Дидье (*отвѣчая на свою мысль*).

Мнѣ за тебя, Марія, страшно стало.
 Сейчасъ, внизу, передъ твоимъ окномъ
 Невольная тоска мнѣ сердце сжала.

И думалъ я: идти-ль однимъ путемъ
 Миѣ съ ангеломъ земнымъ вдвоемъ?
 Не осквернитъ-ли жгучее дыханье
 Моей любви твой дѣвственный покой?
 Ты — чистое, высокое созданье,
 А я!... Ты знаешь-ли, дитя, кто я такой?
 Бѣднякъ безъ прозвища и книга безъ названья...
 Могу-ли, долженъ ли любви я ожидать?
 Смуцу-ль покой души твоей зеркальной?
 Рѣшусь-ль жизнь твою на вѣки я связать
 Съ своей судьбой проклятой и печальной?
 Сроднится-ль почъ съ румянымъ утромъ дня?
 О, счастлива-ль ты будешь близъ меня,
 Отвѣтивъ на любовь мою любовью?

Маріонъ (*въ сторону*).

Меня онъ словно учитъ богословью.
 Не гугенотъ-ли онъ?

Дидье.

Но я едва
 Услышалъ голосъ твой магическій и чудный —
 Вдругъ все забылъ опять — сомнѣнья, подвигъ трудный,
 И бросился къ тебѣ...

Маріонъ.

Уже-ль мои слова
 Ты слышать могъ?

Дидье.

И не одинъ, а два
 Я слышалъ голоса...

Маріонъ (*торопливо*).

Я съ Розой говорила...
У Розы голосъ грубъ... Но, Богъ съ ней, я — съ тобой,
Досады больше нѣтъ, я горе позабыла.
Мой милый, вотъ сюда, сядь рядомъ ты со мной.
(*Указывая ему мѣсто рядомъ*).

Вотъ здѣсь...

Диде.

У ногъ твоихъ скорѣе
Мнѣ мѣсто...

(*Беретъ табуретъ и садится.
Нѣсколько минутъ молча смотритъ на Маріонъ.*)

Знаешь-ли, кто я, Марія? нѣтъ?
Моей исторіи ты не найдешь грустиѣ.
Младенчество мое не согрѣвалъ привѣтъ
Отца и матери; кто я? чей сынъ? откуда?
Никто не зналъ. У церкви, межъ колонъ, больной
Я брошенъ былъ въ пеленкахъ. Случай или чудо
Меня спасли отъ смерти. Женщиной простой,
Старушкой бѣдной былъ я взятъ. Она второй
Была мнѣ матерью, пригрѣла, приютила,
Чему могла она, и какъ могла, — учила
И умерла. Безвѣстной сиротой
Остался снова въ мірѣ я. На средства,
Довольно скудныхъ, одинъ я началъ жить,
(Отъ доброй женщины я получилъ наслѣдство —
Девять сотъ ливровъ въ годъ). На свѣтѣ мнѣ любить
Ужъ было некого и не съ кѣмъ разставаться.
Я началъ путешествовать, толкаться
Въ толнѣ, между людей, и — горько въ томъ со-
знаться —

Сталь бѣгать ихъ. Повсюду зло,
 Ничтожество, корысть и торжество разврата,
 И стала холодомъ и бѣшенствомъ объята
 Моя душа. А время шло, да шло...
 Взгляни ты на меня — мое чело
 Теперь морщинами безвременно покрыто,
 И я состарѣлся, не бывши молодымъ.
 Желанья, счастье... казалось, все убито,
 Надежды юности разсѣялись, какъ дымъ,
 И вотъ я началъ жизнь бродяги, нелюдима.
 Однажды, наконецъ, — забыть-ли этотъ мигъ —
 Тебя увидѣлъ я, — ты проходила мимо, —
 Съ того мгновенія невольно я постигъ
 Мнѣ незнакомое дотолѣ наслажденье.

Я бѣгать сталъ тебя. Твои движенья,
 Твои слова, улыбка, кроткій взглядъ
 Во мнѣ разшевелили новый адъ.

Въ себѣ носилъ я долго пламень затаенный
 И изъ Парижа въ край уединенный
 Бѣжалъ сюда, и, — чудная судьба! съ тобой
 Опять здѣсь встрѣтился. Все той же чистотой
 Сіяешь ты теперь. Во мнѣ нѣтъ силы снова
 Тебя оставить... нѣтъ, я безраздѣльно — твой.
 Вели, приказывай, проговори лишь слово
 И все исполню я. Чья жизнь тебѣ нужна?

Моя рука безстрашна и вѣрна —

Я вырву жизнь изъ груди безъ пощады.

Скажи, что хочешь ты?

Маріонъ (*улыбаясь*).

Любить тебя!

Дидье.

Мой другъ,

Легко сказать: «люблю»! Такое чувство надо

Глубоко выстрадать, какъ роковой недугъ.
 Любовь — когда она слилася съ нашимъ духомъ,
 И въ жизнь и кровь вошла, когда она
 Для насъ становится и зрѣніемъ и слухомъ,
 Владѣеть разумомъ, когда душа полна
 Одною только ей, — любовь неизмѣрима
 И глубока, какъ самый океанъ.
 Надежды, молодость и счастье, все мимо
 Пройдетъ для насъ, и язвы старыхъ ранъ
 Закроются, — забвенія не знаетъ
 Одна любовь, одна любовь переживаетъ
 И жизнь и смерть. Ты думала-ль о томъ,
 Марія?

Маріонъ. *(взволнованная).*

Да!

Дидь.

О, если бы тайкомъ,
 Марія, въ грудь мою ты заглянула,
 Ты поняла бь меня. Вновь счастьемъ пахнуло,
 Я снова молодъ, крѣпокъ и силенъ,
 Я — въ первый разъ люблю!...

Маріонъ.

Какъ былъ несчастливъ онъ!

Дидь.

Марія!...

Маріонъ.

О, Дидьё, какъ сердце бьется скоро.
 Пойми, тебя люблю не меньше я, — клянусь —
 Чѣмъ ты меня.

Дидье (падая на колѣни).

О, Боже! я боюсь
 Повѣрить счастью. Душѣ оно такъ ново.
 О, говори же мнѣ — ты можешь, ты готова
 Любить меня? Скажи, чтобъ вѣрить могъ,
 Что здѣсь, у этихъ милыхъ ногъ,
 Забывъ года безплодной, долгой муки,
 Я буду вѣкъ лежать, твои цѣлуя руки.
 Но если все — обманъ...

Маріонъ.

Но чѣмъ увѣрить мнѣ
 Тебя въ любви своей? Вели — и чѣмъ угодно
 Я докажу тебѣ.

Дидье.

Ты можешь и вполнѣ
 Мнѣ это доказать. Скажи, вѣдь ты свободна,
 Ты независима, въ желаніяхъ вольна?

Маріонъ.

Я? да, свободна я...

Дидье.

Такъ будь ты мнѣ жена,
 Сестрой моей, подругой будь...

Маріонъ (въ сторону).

О, Боже, Боже!
 Зачѣмъ я не могу...

Дидье.

Марія! отчего же
Ты смущена, блѣдишь такъ, скажи мнѣ...

Маріонъ.

Но...

Дидье.

Я понялъ, наконецъ... И горько, и смѣшно!...
Я — побродяга, нищій безпріютный, шнырь
Осмѣлился руки твоей просить.
Ты права; я нанесъ ударъ твоей гордынѣ.
Но успокойся же, старайся позабыть
Мои слова, какъ бредъ, какъ шепотъ сповидѣнья,
И даже позабудь, что я тебя любилъ.

(Хочетъ уйти; Маріонъ его удерживаетъ).

Маріонъ *(плача)*.

О, для чего ты такъ заговорилъ!...

Дидье.

Прости меня, но... блѣдность и смущенье,
Весь трепеть этотъ...

(Приближаясь къ ней).

Выслушай меня. Съ тобой
Мы новый, чудный міръ въ любви откроемъ оба,
Покинемъ родину, оставимъ край родной...
Есть небо лучшее, гдѣ дышетъ все весной,
Гдѣ проживемъ съ тобой мы счастливо до гроба,
И будетъ намъ завидовать весь свѣтъ.

Маріонъ.

Мечта прекрасная!

Дидье.

Она осуществима.

Маріонъ *(въ сторону)*.

Несчастливая! зачѣмъ...

(Вслухъ).

Нѣтъ, невозможно, нѣтъ!...

Моя судьба! какъ ты неумолима!...

(Вырывается изъ рукъ Дидье и падаетъ на кресла).

Дидье *(холодно)*.

Довольно! кончилъ я; вопросъ теперь рѣшенъ:
Отъ первыхъ словъ моихъ вы испугались... скоро!...
Ошибка горькая...

Маріонъ *(въ сторону)*.

О, если бъ понялъ онъ,
Что плачу я отъ горя, отъ позора.

(Громко).

Дидье, по выслушай! ты честенъ, ты не золь,
Я не скажу тебѣ...

Дидье *(холодно)*.

Когда я къ вамъ вошелъ,
Читали книгу вы.

(Беретъ со стола книгу).

Могу прочесть названье
(*Читаетъ*).

Что вижу я? Здѣсь имя Маріонъ
Де-Лормъ (*съ горестью*), которую со всѣхъ сторонъ
Клеймятъ презрѣніемъ! (*съ негодованіемъ бросаетъ
книгу на полъ*). Погибшее созданье!
Блудница наглая!...

Маріонъ (*содрогаясь*).

Опомнитесь!

Дидье.

И вы

Читаете о ней? Зачѣмъ здѣсь книга эта?

Маріонъ.

Она... печаянно...

Дидье.

Посмѣшище молвы,
Игрушка моднаго, безнравственнаго свѣта!
Вы слышали-ль когда о Маріонъ де-Лормъ?
То дьяволь самъ въ обличьѣ женскихъ формъ,
Прелестница, взобравшая ловко
На пьедесталь, безстыдная торговка,
Которая, какъ Фрина позднихъ дней,
Торгуеть красотой плѣнительной своей.

Маріонъ (*закрываетъ лицо руками*).

О, пощади, Дидье!..

Дидье.

Кого жъ вы такъ щадите?

*(За окномъ слышенъ шумъ шаговъ, стукъ
оружія и голосъ).*

Бездѣльники! Убійцы!

Дидье *(съ спокойствіемъ)*.

Что за крикъ?

Такъ близко здѣсь...

(Крикъ продолжается).

Эй, стража!... помогите!...

Дидье.

Убійцы! я бѣгу.

*(Схватываетъ шпату и хочетъ
перепрыгнуть черезъ перила бал-
кона. Маріонъ встаетъ и бѣ-
житъ за нимъ, стараясь удер-
жать его за плащъ).*

Маріонъ.

Остановись на мигъ...

Тебя убьютъ... останься...

Дидье.

Но взгляните:

Они зарѣжутъ тамъ несчастнаго!...

(Выскакиваетъ на улицу).

Я здѣсь. Смѣлѣй,

Не бойтесь, съ вами я...

(Стукъ оружія).

А, негодян — мало,

Такъ вотъ еще...

(Стукъ оружія и голоса).

Маріонъ *(у балкона съ ужасомъ).*

О, господи! на двухъ напало

Шесть человѣкъ...

(Голосъ съ улицы).

Да это сущій чортъ! Назадъ живѣй,
Назадъ...

(Шумъ оружія мало-по-малу стихаетъ. Шаги удаляются. Дидье, влѣзаетъ на балконъ).

Дидье *(все еще за балкономъ, обращаясь на улицу).*

Они ушли; теперь вы безопасны
И можете идти спокойно.

Саверин *(за сценой).*

Вотъ прекрасно!
Но вы спаситель мой, и васъ благодарить
Хочу...

Дидье *(съ досадой).*

Напрасный трудъ. Не стоитъ говорить
Объ этомъ намъ. Теперь прощайте.

Саверин.

Нѣтъ, напрасно.

Я васъ обнять хочу,—вы слишкомъ ужъ горды,—
Я такъ не удалюсь, васъ честью завѣрю.

Дидье.

Послушайте! я васъ избавилъ отъ бѣды,
 Но какъ отъ васъ избавится — не знаю:
 Зачѣмъ вы здѣсь?

СЦЕНА IV.

Маріонъ, Дидье и Саверни.

Саверни *(вскакиваетъ въ комнату,
 со шляпой въ руку.)*

Вы странный человѣкъ! Понять
 Миѣ какъ поступиоъ вашъ! спасти миѣ жизнь сначала,
 А послѣ отъ себя такъ нелюбезно гнать.
 Вы храбры — видѣлъ я, но этого миѣ мало,
 И ваше имя, избавитель мой,
 Хочу я знать...

Дидье.

Меня зовутъ Дидье.

Саверни.

Другой

Своей фамиліи сказать вы не готовы?

Дидье *(презрительно).*

Я спасъ вамъ жизнь сейчасъ, не зная вовсе, кто вы,
 А вы справляетесь о званіи моемъ.
 Прощайте жъ! вотъ окно...

Саверни.

Я васъ не понимаю.

Когда-бъ не вы, меня — ручаюсь въ томъ —
Мошенники убили бѣ вшестеромъ,
Чортъ ихъ возьми — я это вѣрно знаю.

*(Замытливъ Марионъ, которую
до сихъ поръ не видалъ).*

Но извините, я... я вижу помѣшалъ,
Пришелъ не кстати я...

(Въ сторону).

Взгляну я, кто-бы это?

*(Приближается къ Марионъ, ко-
торая дрожитъ. Узнаетъ се.
Шопотомъ).*

Какъ это вы! а онъ? теперъ я угадалъ.

Марионъ *(тихо)*.

О, пощадите же!

Саверни *(кланяясь, тихо)*.

Не надо мнѣ отвѣта.

(Дидье (съ сторону).

Что за нахаль такой! какъ смѣетъ дерзко онъ
Ее разсматривать...

(Рукой сбрасываетъ со стола лампу).

Саверни.

Что съ вами? Вы, признаться...

Дидье.

А значить, сударь то, что дольше оставаться
Намъ здѣсь нельзя. Теперъ пойдете... вотъ балконъ.

Саверни.

За вами я иду.

(Кланяясь Марионъ).

Мой низкій вамъ поклонъ.

Дидье *(въ сторону).*

О, жалкій вертопрахъ?...

(Къ Саверни).

Вы кончили прощаться?

Саверни.

Послушайте, Дидье! Пусть рѣзокъ и суровъ
 Со мною вашъ языкъ, пусть колки замѣчанья,
 Но вы спасли мнѣ жизнь, и братски я готовъ
 Всегда, вездѣ помочь вамъ — дружбой, состояньемъ,
 Всѣмъ, что по силамъ мнѣ. Не трать лишниихъ словъ,
 Вотъ карточка^а моя — взгляните ниже,
 Тутъ есть и адресъ мой: Маркизь-де-Саверни,
 Отель де-Песль, извѣстный всѣмъ въ Парижѣ.

Дидье.

Благодарю.

*(Выходятъ на улицу чрезъ балконъ
 голосъ Дидье слышенъ за сценой).*

Теперь ступайте вы одни,
 Не по дорогѣ намъ...

СЦЕНА V.

Маріонъ и Роза (*входитъ*).

Маріонъ (*указывая Розъ на окно*).

Запри скорѣй окошко.

(*Роза затворяетъ окно и, повернувшись, замѣчаетъ слёзы на глазахъ Маріонъ*).

Роза (*въ сторону*).

Бѣдняжка! — вижу я, — разстроена она.

(*Громко*).

Сударыня, уснуть пора бы вамъ немножко:
Свѣтаеть...

Маріонъ (*распуская волосы*).

Ты сама устала и блѣдна.

Пора въ постель. Раздѣнь меня и поскорѣе
Усни!

Роза (*раздѣвая Маріонъ*).

Сударыня, сегодня вы грустнѣе
Обыкновеннаго. Глаза у васъ горять...
Что́ этотъ господинъ — вотъ былъ у васъ — богатъ?

Маріонъ.

Онъ? нѣтъ!

Роза.

Ну, знатенъ, наконецъ? фамиліи старинной?

Маріонъ.

О, нѣтъ!... И, вѣришь-ли, что цѣлый вечеръ длинный
Ни разу онъ руки моей не цѣловалъ.

Роза.

Такъ въ чемъ же вся бѣда, — волненье, эти слезы?
Такъ чѣмъ же нашъ дикарь милѣе прочихъ сталъ?

Маріонъ.

Пойми, бѣда одна: — его люблю я, Роза!

(Занавѣсь опускается).

III.

МАНФРЕДЪ.

THE END OF THE

МАНФРЕДЪ

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА ВЪ 3 ДѢЙСТВІЯХЪ,
БАЙРОНА.

Дѣйствующія лица.

Манфредъ, графъ.

Горный охотникъ.

Аббатъ Св. Морица.

Мануэль

Гермаиъ

} служители Манфреда

Дѣва горъ.

Немезида.

Духи.

Парки.

ДѢЙСТВІЕ ПРОИСХОДИТЪ ВЪ АЛПАХЪ: ЧАСТІЮ ВЪ ЗАМКѢ МАНФРЕДА,
ЧАСТІЮ ВЪ ГОРАХЪ.

Дѣйствіе I.

СЦЕНА I.

(Готическая галерея; полночь).

Манфредъ (одинъ).

Наполю лампу вновь, но не дождется
Она минуты той, когда засну я.
Мой сонъ не просто сонъ, не просто греза,
Но продолженье мысли безконечной,

Которая ничѣмъ не отразима.
 Мой духъ не спитъ; глаза я закрываю,
 Чтобъ посмотрѣть, что дѣлается въ сердцѣ...
 И я живу, какъ человѣкъ дышу я, —
 Во мнѣ его подобіе и образъ!...
 Странаніе! ты лучшей нашъ учитель;
 Печаль для насъ — глубокая наука.
 Кто могъ во все умомъ своимъ проникнуть,
 Тотъ истину встрѣчаетъ воплемъ скорби,
 И знаніе — ему не древо жизни.
 Что въ знаніи? Я былъ мудрецъ, философъ,
 Я разгадалъ всѣ таинства природы,
 Все необъятное обнялъ мой разумъ —
 И все напрасно было. Въ этомъ мірѣ
 Я расточалъ добро, я въ людяхъ даже
 Добро нашель — но это все напрасно...
 Встрѣчались мнѣ враги, — не побѣдили
 Они меня, но раздавилъ я многихъ —
 Напрасно все!... Вокругъ добро и злоба,
 Волненья, страсти, все, что сродно людямъ,
 Съ минуты неизвѣстной мнѣ, ложилося
 На грудь мою, какъ дождь въ пустынѣ мертвой.
 Боязнь мнѣ незнакома. Нѣтъ проклятъя
 Ужаснѣе: не знать движеній страха,
 Ласкъ нѣжности, не чувствовать желаній,
 Или любви къ кому-нибудь хоть въ мірѣ.
 Довольно ждать!

Таинственные силы!

Вы, призраки незримые вселенной,
 Которыхъ я искалъ во тьмѣ и свѣтѣ!
 Изъ нѣдръ земли, изъ областей эфирныхъ,
 Изъ омутовъ бездонныхъ океана,
 Съ высокихъ горъ, заклятіемъ суровымъ
 Я васъ зову! явитесь предо мною!

(молчаніе.)

Васъ именемъ первѣйшаго надъ вами
 Зову къ себѣ; васъ заклинаю знакомъ,
 Который страшенъ вамъ; клянуп той силою
 Которая безсмертна! выходите!

(молчаніе.)

А!... вы противитесь!... Но я заставлю
 Повиноваться васъ! могучей властью
 И клятвою ничѣмъ неотразимой,
 Которой я не испыталъ надъ вами,
 Той клятвою, родившейся когда-то
 На проклятой, разрушенной кометѣ,
 Блуждающей въ безгранномъ царствѣ ада, —
 Проклятіемъ, на мнѣ отяготѣвшимъ,
 И мысленю, во мнѣ живущей, — духи,
 Я васъ зову! явитесь же покорно!

*(Въ темномъ углу галереи показывается звезда и останавливается
 неподвижно. Слышенъ поющий голосъ).*

Первый Духъ.

Изъ заоблачнаго міра,
 Гдѣ безсмертною весной,
 Лишь дыханіе ээира
 Мнѣ служило пеленой,
 Гдѣ денница свѣтомъ алымъ
 Расцвѣтила мой пріютъ,
 Гдѣ душистымъ опахаломъ
 Тучки таютъ и плывутъ, —
 Зову смертнаго послушный,
 Для него, на краткій срокъ,
 Я оставилъ свой воздушный,
 Свой серебряный чертогъ.
 На лучѣ звѣзды блестящей
 Я примчался въ этотъ край...
 Смертный, помощи просящій,
 Что ты хочешь? отвѣчай!

Второй духъ.

Коронованный горами,
 Гдѣ на солнцѣ — снѣгъ румянъ,
 Бѣлой тучею закутанъ,
 Возвышается Монбланъ.
 Станъ его лѣса обвили,
 И, теряясь въ облакахъ,
 Смертоносныя лавины
 Держить онъ въ своихъ рукахъ.
 Но, когда, порой, надъ міромъ
 Онъ подниметъ снѣжный шаръ, —
 Я скажу — замретъ на взмахѣ
 Заколдованный ударъ.
 Прикажу — и мнѣ покорна
 Эта масса синихъ льдинъ;
 Я велю — летятъ обвалы
 Съ ледяныхъ своихъ вершинъ.
 Я зовуся горнымъ духомъ,
 Захочу — и ихъ хребты
 Срыть могу до основанья, —
 Такъ чего же хочешь *ты?*

Третій духъ.

Въ бездонной, прозрачной пучинѣ,
 Гдѣ спитъ голубая волна,
 Гдѣ ползаютъ гады морскіе,
 Гдѣ вѣчно царить тишина,
 Гдѣ жемчугъ влетаютъ русалки
 Въ зеленыя пряди кудрей,
 Стоитъ мой коралловый замокъ.
 Я — духъ, я — властитель морей.
 Твой вызовъ послушное эхо
 Домчало въ мою глубину;

Зачѣмъ же тревожишь меня ты
И сонную будишь волну?

Четвертый духъ.

Тамъ, гдѣ подземные раскаты
Земныя нѣдра шевелятъ,
Гдѣ мечеть бѣшенная лава
Свой огнедышущій каскадъ,
Гдѣ корни Андъ вросли глубоко
И крѣпли многіе вѣка,
А ихъ зубчатая вершины
Взбѣжали гордо въ облака, —
Тамъ я услышалъ заклинанье,
Къ твоимъ призывамъ не былъ глухъ.
Что нужно дѣлать? Прикажи мнѣ:
Исполнить все подземный духъ.

Пятый духъ.

Повелитель вѣтровъ, грозъ и бурь великанъ,
Заставлялъ я ревѣть океаны.
Я летѣлъ, а за мною бѣжалъ ураганъ
И мой слѣдъ заметали бураны.
На крылѣ непогоды я мчался сюда
По призыву таинственной власти,
Мнѣ на встрѣчу попались морскіе суда:
Мачты новыя, свѣжія снасти...
Но клянуса, что въ ночь, до восхода зари,
Утоплю корабли я въ пучинѣ...
Смертный! звалъ ты меня, говори жь, говори,
Чѣмъ служить могу смертному нынѣ?

Шестой духъ.

Тѣнь мрака, тѣнь ночи ты вызвалъ на свѣтъ,
Зачѣмъ же тревожилъ меня — дай отвѣтъ!

Седьмой духъ.

Въ дни первобытнаго и дѣвственнаго міра
Твою планету я зажегъ среди эоира.

Иной звѣзды съ такимъ прозрачно-чистымъ свѣтомъ
Еще не видѣли на темномъ небѣ этомъ.

Сверкая и блестя, какъ лучшей перлъ вселенной,
Она текла въ выси стезею неизмѣнной,

Но пробилъ казни часъ: сіянье отлетѣло,
И вдругъ проклятiе на ней отяготѣло,

И понеслась она съ своей зловѣщей славой,
Безъ сферы, безъ путей, кометою кровавой,

Чудовищемъ небесъ, позоромъ всей природы,
Своимъ теченiемъ вездѣ страха народы...

И ты, родившійся при свѣтѣ той кометы,
Червягъ ничтожества, сказать что можешь мнѣ ты?...

Тебѣ покоренъ я, я повинуюсь, — знаю, —
Но, повинуюся, тебя я презираю...

Такъ, здѣсь, среди духовъ, склонившихся отъ страха,
Что просишь у меня ты, сынъ земли и праха?

Хоръ духовъ.

Звѣзды, воздухъ, горы, вѣтры,
Духи неба и земли,

Смертный! все тебѣ покорно —

Ждешь чего ты? повели!

Манфредъ.

Хочу забвенія.

Первый духъ.

Чего? О чемъ же?

Манфредъ *(указывая на свою грудь)*...

Того, что здѣсь и что назвать нѣтъ звука.
Узнаешь самъ, въ мое взглянувши сердце.

Духъ.

Мы можемъ дать лишь то, что въ нашихъ силахъ.
Проси у насъ владычества надъ міромъ,
Толпу рабовъ, сокровищъ драгоцѣнныхъ,
И надъ природой власти безграничной
Проси у насъ, — все это въ нашей волѣ
И все — твое...

Манфредъ.

Забвенія мнѣ дайте,
Самозабвенія! О, неужели
Его-то и не могутъ дать мнѣ духи?

Духъ.

Его? О, нѣтъ, оно не въ нашей власти,
Но пожелай, и умереть ты можешь.

Манфредъ.

Но смерть сама забвеніе мнѣ дастъ ли?

Духъ.

Безсмертному забвенью незнакомо.
 Прошедшее слилось для насъ съ грядущимъ;
 Намъ нѣтъ часовъ — у насъ есть только вѣчность.
 Вотъ нашъ отвѣтъ.

Манфредъ.

Не смѣйтесь! вы рабы лишь,
 Повелѣвать которыми могу я;
 Не вамъ шутить надъ непреклонной силой!
 Во мнѣ живъ духъ и искра Прометея,
 Горящая тѣмъ высшимъ, чистымъ свѣтомъ,
 Что вамъ самимъ даетъ существованье.
 Я равенъ вамъ, хоть плоть моя изъ праха.
 Отвѣтите же, иль горе непокорнымъ!

Духъ.

Все нами сказано. Ищи отвѣта
 Въ своихъ словахъ.

Манфредъ.

Въ словахъ своихъ? зачѣмъ же?

Духъ.

Ты говоришь, что равенъ намъ, а всѣ мы
 Такъ созданы, что незнакомы съ чувствомъ,
 Которое зовется въ мѣрѣ смертью.

Манфредъ.

Зачѣмъ же звалъ я васъ, когда помочь мнѣ
 Вы не умѣете, иль не хотите?

Проси у насъ возможнаго. Подумай,
Иль отпусти скорѣе. Власть и силу,
Покорность странъ дадимъ мы, если хочешь,
Иль продолженъе дней твоихъ...

Манфредъ.

Проклятье!

О, будьте прокляты! Чтò въ вашихъ дняхъ мнѣ?
И безъ того они ужасно длинны.
Идите жь прочь...

Духъ.

Не торопись! быть можетъ,
Тебѣ полезны будутъ наши силы,
И новое откроется желанье
Въ твоей душѣ... Подумай же немного.

Манфредъ.

Желаній нѣтъ. Но, погодите — прежде,
Чѣмъ пропадете вы, — хоть на минуту
Вы въ образахъ явитесь предо мною.
Звукъ вашихъ голосовъ ловлю я жадно,
Какъ музыку, чарующую въ морѣ,
Но вмѣсто васъ въ пространствѣ вижу ясно
Одну звѣзду — и только. Покажитесь
Передо мной вы въ настоящемъ видѣ.

Духъ.

Жильцы стихій, мы формы не имѣемъ,
Но пожелай, и выбери лишь форму —
И предъ тобой мы явимся въ томъ видѣ.

Манфредъ.

Гдѣ жъ выбирать? я формъ не видѣлъ въ мірѣ
Достойныхъ отвращенія иль восторга;
Такъ пусть теперь первѣйшій духъ межъ вами
Здѣсь явится въ какой угодно формѣ.

Седьмой духъ (*принимая видъ прелестной женщины*).

Я здѣсь. Смотри!...

Манфредъ.

О, Боже мой! Когда бы
Прелестный призракъ не былъ лишь обманомъ,
Насмѣшкою фантазіи капризной,
Я былъ бы счастливъ снова... О, позволь мнѣ
Тебя обнять... съ тобою вновь...

(*призракъ исчезаетъ*).

На части

Мнѣ разорвало сердце...

(*Манфредъ падаетъ безъ чувствъ,
слышитъ заклинающій голосъ*).

Голосъ.

Когда луна въ волнахъ трепещетъ,
Червякъ на листьяхъ засвѣтилъ,
И огонекъ болотный блещетъ,
И тѣни бродятъ вокругъ могилъ,
Когда звѣзда съ небесъ спадаетъ
И эхо чутко повторяетъ
Совиный крикъ, совиный свистъ,
Когда въ вѣтвяхъ не дрогнетъ листъ,
Тогда владѣетъ духъ безсонный
Твоей душою непреклонной. —

Пусть не отходить сонъ съ лица,
 Но онъ души твоей не тронетъ:
 Есть мысли — ихъ никто не сгонитъ,
 Есть тѣни — нѣтъ для нихъ конца.
 Хранимъ таинственной судьбою,
 Наединѣ съ самимъ собою
 Ты не пробудешь двухъ часовъ
 И, словно ризой облаковъ,
 Ты обовьешься властью новой,
 Всегда ревнивой и суровой.

* *
 *

Хоть не найдеть меня твой взоръ,
 Но ты почувствуешь, что всюду,
 Тебѣ во слѣдъ ходить я буду,
 Вездѣ безсмѣнно съ этихъ поръ.
 Когда жъ меня тревожнымъ взглядомъ
 Ты не найдешь съ собою рядомъ —
 Не довѣрайся силѣ глазъ —
 Вблизи скажусь тебѣ тотчасъ
 И тайный страхъ твой, обнаружась,
 Переродится въ явный ужасъ.

* *
 *

Тебя проклятью обрекли
 Въ волшебныхъ пѣсняхъ души міра;
 Тебя властители эѳира
 Вкругъ, какъ змѣями, оплели,
 И вѣтра яростные звуки
 Къ тебѣ однѣ приносятъ муки;
 Ты до утра въ глухую ночь
 Тоски не можешь премозмочь,
 Тебѣ денница надоѣла
 И солнца лучъ не грѣетъ тѣла.

Изъ слезъ твоихъ я выжму ядъ;
 Изъ этой груди непокорной
 Я вырву сердце съ кровью черной,
 Я выпью твой змѣиный взглядъ,
 Съ неумолимой злобой ада;
 Сорву съ лица улыбку гада,
 Твоею кровью обагрю,
 И ядъ убійственный сварю:
 Изъ всѣхъ отравъ и ядовъ свѣта
 Ужаснѣй всѣхъ отравѣ эта.

* *
 *

Клянѹ тебя твоимъ же зломъ,
 Твоей неправдою безмѣрной,
 Твоей улыбкой лицемѣрной,
 Лукавымъ, каинскимъ умомъ,
 Твоею властію огромной
 И добродѣтелью заемной,
 Твоей двуличною слезой
 Надъ человѣческой судьбой —
 Клянѹ тебя твоимъ же ядомъ: —
 Въкѣ самъ себѣ ты будешь адомъ.

* *
 *

Отравой гнусной окропленъ,
 Тебѣ мученье сердце сгложетъ,
 И смерть сойдти къ тебѣ не можетъ,
 И не слетитъ покойный сонъ;
 И проклятыя жизни силы
 Напрасно будутъ ждѣть могилы...
 Терзая, муча и губя,
 Кладу проклятье на тебя.
 Конецъ! Свершилось заклинанье:
 Живи жъ для скорби и страданья!

СЦЕНА II.

(Гора Юнгъ-фрау; утро).

Манфредъ (*одинъ на скаль.*)

Я вызывалъ духовъ — они исчезли;
 Наука волшебства мнѣ измѣнила,
 И вмѣсто благъ дала одни терзанья,
 И больше къ ней я прибѣгать не стану.
 Что можетъ дать она? Ей непокорно
 Прошедшее, а будущее скрыто
 Подъ черной тьмой: тутъ знаніе безсильно....
 О, мать-земля! ты, утро золотое,
 Вершинны горъ, зачѣмъ вы такъ прекрасны?
 Зачѣмъ теперь любить васъ не могу я?
 Ты, солнце лучезарное вселенной,
 Равно для всѣхъ готовое на ласки,
 Ты сердца моего ужъ не согрѣешь....
 Вы, скалы дикія! Съ вершины вашей
 Передо мною пропасти открыты,
 Бѣгутъ ключи въ зіяющія бездны,
 И съ высоты, гдѣ голова кружится
 При видѣ необъятнаго пространства,
 Гигантскій лѣсъ мелькаетъ, какъ кустарникъ....
 Одинъ прыжокъ отсюда, шагъ — не больше --
 Одно движеніе вѣтра -- и довольно,
 Чтобъ эти скалы стали мнѣ гробницею,
 И я бъ уснулъ.... Зачѣмъ же я такъ медлю?
 Я смерть зову — но къ ней не йду на встрѣчу,
 Хочу прыгнуть, — но недвижимъ стою я,
 Прикованный къ скалѣ какой-то властью:
 И эта власть меня связала съ жизнью.
 А что мнѣ жизнь? Слѣпая немощь духа,
 Сознаніе своихъ неправоу дѣйствій,

Безсилъе зла, безсильнаго на дѣло,
Холодный гробъ, въ который трупъ мой брошенъ...

(Надъ ея головой пролетаетъ орелъ).

Пернатый царь заоблачнаго царства!
Ты, чье крыло такъ часто видитъ небо,
Не даромъ пролетѣлъ ты надо мною:
Мой прахъ твоей добычей скоро будетъ,
И обращаюсь я въ ужинъ твой кровавый!...
Но ты опять взвился и потерялся
Тамъ, въ синевѣ небеснаго пространства,
Откуда все твоимъ открыто взорамъ...
А вокругъ такъ хорошо! Все въ этомъ мѣрѣ
Течетъ спокойно, ровно, безконечно;
А мы — его цари и лже-владыки,
Часть божества въ смѣшенъ съ частью праха—
Равно безсильные — подняться къ верху
Иль внизъ упасть, — мы двойственной натурой
Гармонію природы оскорбляемъ.
Въ насъ гордость съ униженъемъ ходитъ рядомъ,
И подлѣ благороднаго порыва
Въ насъ шевелятся низкія желанья.
И, наконецъ, похищенные смертью
Становимся мы тѣмъ, о чемъ не смѣемъ
Признаться и украдкою другъ другу.

(Вдали слышенъ звукъ рожка).

Чу! звукъ рожка!... Не мнѣ — патріархальность
Средь этихъ горъ, — здѣсь звукъ простой свирѣли
Несется звонко въ воздухъ свободномъ,
Сливаясь съ колокольчиками стада.
Мнѣ прямо въ сердце рвутся эти звуки...
О, какъ бы я хотѣлъ летать въ пространствѣ
Живой гармоніей иль пѣсней нѣжной,
Хотѣлъ бы я родиться только звукомъ
И звукомъ же по воздуху растаять.

Горный охотникъ (поднимаясь на скалу).

Сюда прыгнула лань. Подъ самымъ носомъ
 Она передо мною промелькнула,
 И, быстроногая, надула славно,
 И вотъ за трудъ опасный, и тяжелый
 Останусь я, пожалуй, безъ добычи.
 Но что это? Я вижу человѣка,
 Достигшаго такихъ вершинъ, которыхъ
 Не достигалъ и лучший нашъ охотникъ.
 Но онъ не изъ простыхъ, — одѣтъ богато,
 Въ лицѣ — безстрашіе, во взорѣ — гордость
 Привыкшаго къ свободѣ гражданина.
 Я ближе подойду къ нему....

Манфредъ.

Быть вѣчно

Покрытымъ сѣдиною огъ печали,
 Расколотымъ, подобно этимъ соснамъ,
 Которыя, изломанныя бурей,
 Среди ущелий трупами унали.
 И быть такимъ, не бывъ такимъ когда-то!...
 Глубокія морщины на челѣ мнѣ
 Не годы провели, — минуты скорби,
 Часы страданій лютыхъ и ужасныхъ.
 Вы, скалы снѣжныя, лавины ледяныя,
 Которымъ нуженъ только шелестъ вѣтра.
 Чтобы низринуть каменныя груды,
 Сорвитесь же, и прахъ мой раздавите!
 Вокругъ меня вездѣ режутъ обвалы
 Грозой долищъ и роцъ, одѣтыхъ въ зелень,
 Пастушескихъ жилищъ, убогихъ хижинъ,
 И давятъ тѣхъ, которымъ жить хотѣлось,
 Но лишь меня, не трогая, минуютъ.

Охотникъ.

Туманы поднимаются все выше.
Ему я дамъ совѣтъ — съ горы спуститься,
А иначе сломать онъ можетъ шею.

Манфредъ.

Вкругъ ледниковъ. клубясь, плывутъ туманы;
Ихъ сѣрный дымъ взлетаетъ надо мною
Сѣдою пѣной бѣшенанаго моря,
Когда отъ рева волнъ весь берегъ стонетъ,
Какъ будто бы отъ вздоховъ человѣка....
Я весь горю....

Охотникъ.

Мнѣ нужно осторожно
Къ нему подкрасться сзади, а не то онъ
Малѣйшимъ шумомъ можетъ быть испуганъ....
Онъ, кажется, дрожить теперь....

Манфредъ.

Я знаю:

Бывали дни — и рассыпались горы;
До облаковъ всходившія вершины,
Летѣли въ прахъ, окрестность потрясая
И изрыгая вкругъ себя обломки.
Потоки рѣкъ серебряною пылью
Мгновенно рассыпались, и мгновенно
Себѣ русло другое пробивали!
Такъ пала Розенбергъ-гора когда-то....
Зачѣмъ же тамъ не могъ я быть въ то время,
Чтобы погибнуть въ общемъ разрушеньѣ?...

Охотникъ.

Пріятель, берегись! Твой путь опасенъ;
Здѣсь что ни шагъ — опасность предъ тобою.
Прошу тебя: надъ пропастью не стой ты.

Манфредъ (*не слушая его*).

Тамъ для себя я тихій гробъ нашель бы
И для костей пріютъ нашель бы вѣчный.
А вотъ теперь, когда я брошусь въ бездну,
По скаламъ разлетятся эти кости
Игрушкою вѣтровъ и непогоды....
Прощайте жь, небеса! О, не смотрите
Вы на меня теперь съ такимъ укоромъ,
А ты, земля, прими мои останки!

(Хочетъ броситься со скалы, но охотникъ схватываетъ и удерживаетъ его однимъ движеніемъ).

Охотникъ.

Безумецъ! стой! Хоть жизнь тебѣ постыла,
Но этихъ чистыхъ скалъ не обагрѣй ты
Своей преступной кровью. Нѣтъ, за мною
Теперь ступай, — тебя я не оставлю.

Манфредъ.

Я чувствую, что кровь во мнѣ застыла....
Оставь меня, оставь.... я слабъ.... не вижу
Здѣсь ничего.... вдругъ горы точно пляшутъ....
Но кто ты самъ?...

Охотникъ.

Узнаешь это послѣ.

Иди за мной, — вдругъ облака темнѣютъ;

Флотникъ.

По виду твоему и по одеждѣ
 Въ тебѣ призналъ я одного изъ знатныхъ
 Владѣтелей тѣхъ неприступныхъ замковъ,
 Которыхъ много здѣсь. Такъ гдѣ жь твой замокъ?
 Я человѣкъ простой — и очень рѣдко
 Случалось мнѣ бывать въ парадныхъ залахъ,
 Но все тропинки къ нашимъ замкамъ
 Я съ дѣтства изучилъ. — лишь укажи мнѣ мѣсто—
 Я проведу тебя.

Маврредъ.

Не безповойся.

Флотникъ.

Прости мнѣ любовиство и вопросы,
 И будь повеселѣе хоть немного.
 Вотъ выней моего домашняго вина ты,
 Которое не разъ меня спасало
 Средь ледниковъ, гдѣ я дрожалъ отъ стужи.
 Вино мое тебя согрѣетъ тоже.
 Ну, чоуемя!

Маврредъ.

Прочь отъ меня! Не нужно!
 Я вижу кровь, кровь по краямъ стакана....
 Ужели эта кровь струиться будетъ вѣчно!...

Флотникъ.

Что говоришь? Ты потерялъ рассудокъ.

Манфредъ.

Та кровь есть кровь моя — источникъ чистый,
 Бѣжавшій въ жилахъ нашихъ древнихъ предковъ
 И въ насъ самихъ въ дни юности кипѣвшій...
 Когда мы были молоды и чисты,
 И сердце въ насъ однимъ желаньемъ билось,
 Когда любили сильно мы другъ друга —
 Источникъ пролить было, и капли крови,
 Поднявшись вверхъ, забрызгали собою
 Всѣ облака, и облака закрыли
 Мнѣ путь на небеса и въ ту обитель,
 Гдѣ нѣтъ тебя, гдѣ я не буду вѣчно.

Охотникъ.

Ты странный человекъ. Твое страданье
 Быть можетъ тяжело, невыносимо,
 Но для тебя осталось утѣшенье
 Въ несчастіи: терпѣнье и молитва.

Манфредъ.

Терпѣніе, терпѣніе! Вотъ слово,
 Которое придумали для выучныхъ,
 Туныхъ скотовъ, но не для хищныхъ тварей...
 Толкуй о томъ другимъ, себѣ подобнымъ, —
 Я не похожъ ни въ чемъ на васъ...

Охотникъ.

Ей-Богу,
 Не помѣнялся бъ мѣстомъ я съ тобою
 За славу самага Вильгельма Телля;
 Но ты страдать безъ ропота не можешь:
 Въ страданьѣ гнѣвъ безсиленъ и напрасенъ.

Мафредъ.

Но развѣ я не выношу всѣ скорби?
Вѣдь я живу — и этого довольно.

Охотникъ.

Такая жизнь ужаснѣй всѣхъ терзаній.

Мафредъ.

Скажу тебѣ, мой другъ — живу я
Ужъ много долгихъ лѣтъ, но эти годы
Не значать ничего въ сравненіи съ тѣми,
Которые еще прожить миѣ нужно.
Я буду жить вѣка, всю вѣчность буду
Томиться на землѣ желаньемъ смерти,
И все же смерть сойдти ко миѣ не смѣетъ.

Охотникъ.

Но по лицу твой ранній возрастъ видѣнъ.
Ты — среднихъ лѣтъ, а я гораздо старше....

Мафредъ.

Ты думаешь, что наша жизнь зависитъ
Отъ времени? Нѣтъ, мы отъ дѣлъ старѣемъ.
Мои дѣла моимъ существованьемъ
Владѣли постоянно; дни и ночи
Отъ нихъ до безконечности тянулись
И стали такъ похожи межъ собою,
Какъ мелкія песчинки средь пустыни.
Жизнь для меня — пустынный дикий берегъ,
Гдѣ стонуть волны, пылью разсыпаясь,

И изъ себя выбрасываютъ только
Обломки скалъ и бѣлые скелеты....

Охотникъ.

Рехнулся онъ; его я не оставлю.

Манфредъ.

О, еслибъ я съ ума сошелъ? Тогда бы
Мои видѣнья были только бредомъ.

Охотникъ.

Что жъ видишь ты, или думаешь, что видишь?

Манфредъ.

Я вижу самого себя, и рядомъ
Тебя съ собою вижу я, охотникъ.
И вижу твой гостеприимный домъ я,
Твой вроткй духъ, терпѣнье, силу вѣры,
Твое здоровье, сонъ покойный ночью.
Опасные труды, оружіе охоты.
Не видѣвшее крови преступленій,
А въ будущемъ — незлюбливую старость
Съ душистыми цвѣтами на могилѣ,
Которую оплачутъ горько внуки, --
Все это вижу я; въ себѣ жъ самомъ я
Не вижу ничего. Во мнѣ убиты
Давно надежды, мысли и желанья.

Охотникъ.

А ты бѣ хотѣлъ со мною помѣняться
Своею участью?

Манфредъ.

О нѣтъ, не думай!

Я на обманъ подобный неспособенъ.
 И ни съ однимъ изъ смертныхъ не хотѣлъ бы
 Мѣняться долею. Существованье,
 Которое нести лишь мнѣ по силамъ,
 Другихъ убило бы и въ самой грезѣ,
 И мукъ моихъ въ минутномъ сновидѣннѣ
 Не вынесъ бы никто.

Охотникъ.

Но ты скажи мнѣ:

Съ участіемъ къ судьбѣ несчастныхъ,
 Ужели могъ тяжелымъ преступленьемъ
 Ты запятнать себя? Нѣтъ, я не вѣрю!
 Съ такой душой едва ли ты способенъ
 Убить врага изъ ненавистой мести.

Манфредъ.

О, нѣтъ, — мои проклятія ложились
 На тѣхъ людей, которыхъ лишь любилъ я,
 Которые меня любили тоже.
 Враговъ я не щадилъ лишь только въ битвѣ,
 Для нихъ я въ жизни вовсе не былъ страшенъ,
 Но былъ, какъ ядъ, ужасенъ и смертеленъ
 Мой поцѣлуй для тѣхъ, кого любилъ я.

Охотникъ.

Пусть Богъ спасетъ тебя и успокоитъ,
 Раскаяньемъ смиривъ и умъ и сердце:
 Я жъ за тебя молиться буду небу.

Манфредъ.

Оставь; не нужны мнѣ твои молитвы,
 Участіе жь твое не отвергаю.
 Прощай; вотъ золото — не откажи же
 Мнѣ въ благодарности, но вслѣдъ за мною
 Не слѣдуй ты — дорога мнѣ знакома, —
 Прощу опять — за мною не ходи ты.

(Уходитъ).

СЦЕНА II.

(Паменная долина въ Альпахъ. Водопадъ).

Манфредъ.

До полдня далекодъ еще, а солнце
 Зажгло огнями брызги водопада
 И разноцвѣтной радугою блещеть,
 А со скалы серебрянымъ каскадомъ
 Бѣжитъ потокъ, сверкая млечной пѣной,
 Какъ бѣлый конь съ своей косматой гривой,
 Волшебный конь, несущій призракъ смерти.
 И я одинъ въ прекрасномъ мѣстѣ этомъ
 Любуюся картиной водопада.
 Но дѣву горь я вызову — и съ нею
 Еще полнѣе будетъ наслажденье.
 Зову ее....

*Зачернываетъ на ладонь нѣсколько
 капель воды и бросаетъ ихъ въ воз-
 духъ, произнося заклинанія. Дѣва горь
 является въ радугѣ водопада.*

Духъ чистый и прелестный!
 Твой ясный взоръ и будри золотыя,
 И этотъ станъ, божественныя формы,
 Напомнившія мнѣ земныхъ красавицъ —
 Ихъ красоты изящный первообразъ, —
 И щекъ твоихъ румянецъ вѣчно яркій,
 Какъ цвѣтъ щеки невиннаго ребенка
 У матери заснувшаго съ улыбкой, —
 Какъ отблескъ розовый, которымъ солнце
 Румянитъ снѣгъ на ледникахъ прозрачныхъ
 Въ часъ вечера, когда земля стыдливо
 Цѣлуется зорею съ небесами, —
 Все, все въ тебѣ одной соединилось
 Въ какія-то божественныя чары,
 И радуга, сверкающая въ краскахъ,
 Теряется, блѣднѣя предъ тобою!
 Прелестный духъ, котораго безсмертье
 Я на челѣ божественномъ читаю!
 Прости меня за то, что я, сынъ праха,
 Дерзающій бесѣдовать съ духами,
 Тебя рѣшился вызвать силой власти,
 Которая не всемъ дается въ мѣрѣ.

Дѣва горь.

Кто ты, я знаю, смертный, — знаю также,
 Гдѣ почерпнулъ ты силу власти тайной.
 Я знаю: мысль тебя терзаетъ вѣчно;
 Добро и зло твои волнуютъ страсти
 Съ одною силою; всегда страдая,
 И въ жизнь другихъ ты вносишь лишь страданья.
 Ты звалъ меня; скажи — чего же хочешь?

Манфредъ.

Взглянуть на красоту твою — и только.
 Жилецъ земли — на ней я обезумѣлъ
 И сталъ искать внутри ея — отвѣта,
 Проискъ въ пріютъ духовъ ея подземныхъ,
 Но мнѣ они помочь не въ состояннѣ,
 Чего просилъ — мнѣ дать они не въ силахъ.
 Теперь отъ нихъ не жду ужъ ничего я.

Дѣва горь.

Но развѣ есть такая просьба, смертный,
 Которой духи могутъ не исполнить?

Манфредъ.

Да, есть одна.... Но для чего же буду
 Я говорить! вѣдь это бесполезно.

Дѣва горь.

Для насъ неисполнимыхъ нѣтъ желаній.
 Скажи мнѣ все....

Манфредъ.

Хоть это будетъ трудно,
 Но я скажу: мнѣ скорбь моя дать силы.
 Отъ раннихъ лѣтъ съ людьми я не сходилъся:
 Ихъ взглядъ — мнѣ былъ чужой; ихъ честолюбе
 Житейское меня не волновало;
 Цѣль жизни ихъ мнѣ не служила цѣлью.
 Мои страдашя, радости, желанья
 Съ людскими расходивсь постоянно.

Хотя носилъ я образъ человѣка,
 Но между мной и братьями земными
 Симпатій не было, и въ цѣломъ мірѣ
 Я близкаго не находилъ созданья...
 Была одна... о ней скажу я послѣ...
 Такъ, бѣгая людей вездѣ, въ пустыни
 Я уходилъ, взбирался на вершины
 Высокихъ скалъ, увѣнчанныхъ снѣгами,
 И упивался воздухомъ нагорнымъ,
 Гдѣ птица вить гнѣздъ себѣ не смѣетъ,
 Гдѣ никогда по голому граниту
 Не бились крылья слабыхъ насѣкомыхъ;
 А иногда кидался я въ пучину
 Кипучихъ волнъ сердитаго потока
 И прихотямъ волны я отдавался;
 То по ночамъ любилъ смотрѣть я въ небо,
 Теченье звѣздъ далекихъ наблюдая
 Или слѣдя за блескомъ яркихъ молній;
 То я любилъ, подъ плачь вѣтровъ осеннихъ
 Смотрѣть, какъ листья желтые летаютъ.
 Такъ жизнь моя и юность проходили;
 Когда жъ, порой, мнѣ люди попадались —
 Я собственнымъ ничтожествомъ томился
 И самъ себя я чувствовалъ тѣмъ прахомъ,
 Въ который обратятся эти люди.
 Тогда сходилъ я въ темныя пещеры,
 Въ жилище смерти, и ся начало
 Я разгадать старался на могилахъ,
 Гдѣ черепа съ скелетами нѣмыми
 Загробныя мнѣ раскрывали тайны;
 Я много лѣтъ наукѣ предавался,
 Таинственной, магической наукѣ,
 Теперь забытой всѣми. Рядъ тяжелыхъ
 И страшныхъ испытаній и лишеній,
 Упорный трудъ среди ночей бессонныхъ

Мнѣ дали власть приказывать стихіямъ,
 Повелѣвать незримыми духами
 И проникать въ невѣдомую вѣчность,
 Подобно древнимъ магамъ знаменитымъ
 Иль мудрецу, умѣвшему въ Гадарѣ
 Вдругъ вызвать, какъ тебя я вызвалъ нынче,
 Изъ волнъ морскихъ незримаго Эроса....
 Такъ съ знаніемъ росла и жажда знанья,
 Мой гордый умъ блпсталъ такою силой,
 Такою властью, что....

Дѣва горь.

Что? продолжай же.

Манфредъ.

Мнѣ тяжело тревожить раны сердца,
 А потому я длилъ рассказъ нарочно
 И съ умысломъ себя превозносилъ я....
 Но, продолжаю дальше. Въ цѣломъ свѣтѣ
 Я близкихъ не имѣлъ, не зналъ любимыхъ
 Отца и мать, любовницу иль друга,
 Съ которыми я былъ бы чувствомъ связанъ,
 И если бы такихъ я даже встрѣтилъ,
 Я въ нихъ бы не повѣрилъ.... Только въ жизни
 Была одна.... она....

Дѣва горь.

Будь безпощаденъ
 Къ себѣ и продолжай....

Манфредъ.

Она похожа
 Была со мной — во многомъ. Тотъ же голосъ,

Черты лица, глаза, и тѣ же кудри,
 Но только все сверкало красотою
 Особенной, которой нѣтъ сравненья.
 Какъ и во мнѣ, въ ней мысли были тѣ же —
 Далекія отъ міра; съ той же жаждой
 Она наукѣ тайной предавалась,
 И умъ ея пылливый, столь же сильный
 Могъ властвовать надъ цѣлою вселенной,
 Но были въ ней та мягкость, состраданье,
 Которыхъ не имѣлъ я; были слезы,
 Мнѣ незнакомыя; та нѣжность сердца,
 Лишь для нея которую сберегъ я,
 А въ ней для всѣхъ она была открыта.
 Ея ошибки были и моими,
 Но добродѣтели принадлежали
 Одной лишь ей. Любя ея безумно,
 Я погубилъ ее.

Дѣва горь.

Своей рукою?

Манфредъ.

Нѣтъ, не рукою, но сердцемъ ядовитымъ
 Разбилъ я это любящее сердце
 И изсушилъ. Я пролилъ кровь чужую,
 Но не ея, а все же пролилася
 И эта кровь... Не въ силахъ былъ спасти я,
 Хотъ видѣлъ все...

Дѣва горь.

И вотъ, для тѣхъ ничтожныхъ
 Тобою презираемыхъ созданий,

Ты, просвѣтлённый мудростью науки
 И, чрезъ науку, равный съ нами, хочешь
 Для слабаго созданія земного,
 Пренебрегая знаніемъ высокимъ,
 Въ ничтожество земное обратиться!
 Ты думалъ ли о томъ?

Манфредъ.

О, дочь ээира!

Я говорю тебѣ, что съ той минуты...
 Но что слова?... одни пустые звуки!
 Но еслибъ ты была всегда со мною,
 Во снѣ и на яву, то ты узнала бъ,
 Что злыя фуріи мое уединенье
 Уже давно, давно не покидаютъ.
 Я скрежещу зубами темной ночью
 И утра дожидаюсь; — день настанетъ,
 И день я проклиная вплоть до ночи.
 Я умолялъ, чтобы угасъ мой разумъ, —
 Миѣ отказали въ просьбѣ этой; съ воплемъ
 Бросался я не разъ на встрѣчу смерти,
 Въ борьбѣ стихій искалъ себѣ могилы;
 Но разступались волны океана
 Передо мной покорными рабами,
 И гибель отъ меня бѣжала всюду.
 Мой злобный духъ безжалостной рукою
 На волоскѣ держалъ меня, но волосъ
 Нигдѣ и никогда не разрывался;
 Искалъ обмана я въ воображеніи,
 Въ мечтахъ своихъ, въ фантазиі капризной,
 Но тѣ мечты тревожныя, какъ волны
 На берегу морскомъ въ часы прилива,
 Меня кидали въ бездну темной мысли.
 Бросался я и въ міръ, на встрѣчу къ людямъ,
 Межъ нихъ искалъ хоть краткаго забвенья —

И не нашель. Все знанье, все искусство,
 Добытыя тяжелыми трудами,
 Все это вздоръ... По прежнему живу я
 Съ отчаяньемъ — и нѣтъ ему исхода.

Дѣва горь.

Я, можетъ быть, помочь тебѣ могла бы?

Манфредъ.

Но для того должна ты вызвать мертвыхъ
 Иль къ нимъ теперь меня свести въ могилу.
 Что жь! я готовъ на новое страданье,
 Когда бъ оно послѣднимъ только было...

Дѣва горь.

Не властна въ этомъ я, но, если хочешь,
 Чтобы сбылись теперь твои желанья —
 Дай клятву мнѣ во всемъ повиноваться.

Манфредъ.

Повиноваться? мнѣ? духамъ подвластнымъ?
 Рабамъ, обязаннымъ служить мнѣ всюду?
 Нѣтъ? никогда предъ ними не склонюсь я.

Дѣва горь.

Ты такъ рѣшилъ? Но погоди немного, —
 Одумайся.

Манфредъ.

Я все сказалъ.

Дѣва горь.

Мнѣ можно
Тебя теперь оставить?

Манфредъ.

Можешь.

(Дѣва горь исчезаетъ).

Манфредъ.

Всѣ мы —
Игрушка времени и страха. Годы
Проходятъ передъ нами незамѣтно,
Но каждый годъ хоть что-нибудь уносить
Отъ насъ, — и мы живемъ, скучая жизнью,
И смерти опасаясь. Жизни иго
Насъ тяготитъ то радостью больною,
То скорбью безконечной, то проклятьемъ
Въ прошедшемъ и грядущемъ; не имѣемъ
Мы настоящаго, и нѣтъ минуты,
Въ которую — мы смерти не желали бъ,
Но предъ которой все-таки трепещемъ.
Боясь ея холодной, мертвой ласки;
Хоть одного мгновенія довольно,
Чтобъ кончить съ жизнью разомъ. Остается
Мнѣ лишъ одно теперь — поднять изъ гроба
Покойниковъ — и ждать отъ нихъ отвѣта:
Чего боимся мы по смерти? Скажутъ,
Быть можетъ, намъ: могилы! Что же? это
Не страшно мнѣ... А если не отвѣтятъ?
Но вѣдь пророкъ умершій отвѣчалъ же
По вызову волшебницы Эндорской;
Спартанскій царь свой приговоръ услышалъ

Изъ предсказанья дѣвы византійской;
 Вотъ эта рѣчь: «онъ ту сгубилъ жестоко,
 Которую любилъ, и безъ прощенья
 За то погибъ, хотъ призывалъ къ себѣ онъ
 Фиксійскаго Юпитера на помощь,
 Хотъ умолялъ волшебниковъ Аркадскихъ —
 Просить себѣ прощенья и пощады
 Въ мольбахъ передъ разгнѣвannoю тѣнью».
 То предсказанье темное сбылося...
 О, если бъ нѣ жилъ я, она жила бы
 Еще теперъ; когда бы не любилъ я,
 То ты, моей убитая любовью,
 Еще бъ жила, сіяла и любила,
 Неся другимъ и счастье и ласки...
 А что она теперъ? Святая жертва,
 Страдалица чужого преступленья,
 Иль то, о чемъ сказать себѣ боюсь я,
 Иль, наконецъ, ничто? О, скоро, скоро,
 Мои сомнѣнья разлетятся дымомъ,
 Я жду со страхомъ роковаго часа,
 Хотъ предъ духами добрыми и злыми
 Я не дрожалъ, но трепещу теперъ я,
 И тайный холодъ мнѣ сжимаетъ сердце...
 Но надъ собой я власть еще имѣю
 И прогоню свой страхъ и ужасъ тайный...
 Я буду ждать. Ужь ночь плыветъ по небу.

СЦЕНА III.

(Вершина горы Юнгъ-фрау).

Первая парка.

Румяный мѣсяць на небѣ зажегся.
 Здѣсь по ночамъ, слѣдовъ не оставляя,
 Блуждаемъ мы по тѣмъ вершинамъ снѣжнымъ,
 Гдѣ смертный не ступалъ своей ногою.
 Здѣсь, гдѣ стоятъ прозрачныя лавины,
 Какъ волны вверхъ взлетѣвшія и разомъ
 Застывшія отъ леденящей стужи,
 Здѣсь, на скалахъ, разбросанныхъ капризно
 Землетрясениями, здѣсь, по уступамъ,
 Гдѣ облака, порою, отдыхаютъ, —
 Мы сходимся для тайныхъ совѣщаній.
 Здѣсь, въ эту ночь сберутся наши сестры,
 Чтобъ поспѣшить на праздникъ Аримана,
 Въ его чертогъ... Но что жъ онѣ такъ медлятъ?

(Слышны юлоси, поющіе въ отдаленіи).

Первый голосъ.

Съ престола низвергнуть злодѣй,
 Готовый на всѣ преступленья;
 Онъ, міромъ забытый, лежалъ,
 Лежалъ онъ въ цѣпяхъ безъ движенья.
 Я съ рукъ его цѣпи сняла,
 Шепнула злодѣю о волѣ,
 Дала ему армию я —
 И снова тиранъ на престолѣ...

И мнѣ за услугу
 Отплатить злодѣй

Погибелю многихъ
 И многихъ людей.
 Онъ царства разрушитъ,
 Погубитъ народъ,
 И самъ на обломкахъ
 Безславно падеть.

Второй голосъ.

Плылъ корабль по волнамъ, — я его стерегла,
 Мачты вырвала вонъ, — паруса сорвала,

* *
 *

И теперь не найдти отъ всего корабля
 Ни кормы, ни доски, ни снастей, ни руля.

* *
 *

И не спасся никто изъ пловцовъ, чтобъ взглянуть.
 Какъ пловцы будутъ въ темной пучинѣ тонуть.

* *
 *

Одному лишь изъ нихъ утонуть не пришлось:
 Я его удержала за пряди волосъ.

* *
 *

И оставила жить на порокъ, на развратъ:
 Онъ разбойникъ — на сушѣ, а въ морѣ — пиратъ.

* *
 *

И за то, что его я отъ смерти спасла
 Многихъ кровь онъ прольетъ, много едѣлаетъ зла.

Первая парка.

Спалъ городъ во мракѣ;
 Разеялась мгла, —

И тучей зараза
 На городъ легла;
 Не слышно свершала
 Зловѣщій обходъ, —
 И мертвой рукою
 Давила народъ.
 Отъ друга больного
 Здоровый бѣжить,
 Но всюду зараза
 Его сторожить.
 Надъ цѣлою странюю
 Тоска и испугъ, —
 И дрогнуло царство,
 И рушится вдругъ.
 Незримая въ мірѣ,
 Я въ мірѣ прошла
 И синіе трупы
 Въ могилы несла.
 Такъ цѣлую вѣчность
 Я буду летать,
 И смертнымъ лобзаньемъ
 Людей усыплять.

(Входятъ вторая и третья парки).

Трѣо.

Сердца людей у насъ во власти, —
 Гдѣ мы пройдемъ — тамъ смерть ихъ ждетъ;
 Мы жизнь даемъ имъ, и отъ нихъ же
 Жизнь отнимаемъ въ свой чередъ.

Первая парка.

Всѣ собрались. Но гдѣ же Немезида?

Вторая парка.

Навѣрно занялася важнымъ дѣломъ
 Она теперь, — какимъ же? — я не знаю,
 Я и сама безъ дѣла не дремала.

Третья парка.

Смотрите, вотъ идетъ она!

(Входитъ Немезида).

Скажи намъ,
 Гдѣ ты была? Сегодня все мы поздно
 Здѣсь собрались.

Немезида.

Я власти воскрешала,
 Людми убитыя; земнымъ тиранамъ
 Развязывала руки; съ чувствомъ мести
 Знакомила я сердце человѣка,
 А послѣ мщеньемъ собственнымъ пугала.
 Вездѣ съ ума сводила мудрецовъ я,
 На дураковъ навѣсила оковы,
 И новые разставила кумиры
 Въ замѣну идоловъ, пришедшихъ въ ветхость,
 Къ которымъ ужь давно привыкли люди, —
 Невольники, скучающіе рабствомъ,
 Свою судьбу клянущіе повсюду
 И все вкусить желающіе жадно
 Запретный плодъ общественной свободы.
 Но намъ пора. На облака — и мчимся!

СЦЕНА IV.

(Чертоги Аримана).

*(Ариманъ сидитъ на тронѣ своемъ — огненномъ шарѣ, окружен-
ный духами).*

Гимнъ духовъ.

Хвала властелину земли и ээира!
 Онъ тучами править, онъ воды мутить,
 Въ рукѣ его скипетръ стихій всего міра —
 Онъ въ хаосъ по слову весь міръ обратить.
 Дохнетъ онъ — и море застонетъ отъ бури,
 Велитъ онъ — и молніи небо зажгутъ,
 Онъ взглянетъ на солнце — и въ ясной лазури
 Отъ солнца лучи золотые спадутъ.
 Идетъ онъ — и лаву волканы бросаютъ,
 Обвалы несутся и горы дрожатъ,
 Чума и заразы его провожаютъ
 Надъ нимъ постоянно кометы горятъ.
 Онъ ходитъ надъ міромъ великій, спокойный,
 И смерть ему мертвыя данн несетъ,
 И жертвы готовятъ кровавыя войны,
 И путь поливаетъ слезами народъ.

(Входятъ Нарки и Немезида).

Первая парка.

Да здравствуетъ нашъ Ариманъ великій!
 Все на землѣ покорно Ариману:
 Исполнили мы все желанья.

Вторая парка.

Да здравствуетъ нашъ Ариманъ! Предъ трономъ
 Его весь міръ склонился раболѣпно.

Третья парка.

Да здравствуетъ нашъ Ариманъ великій!

Немезида.

Твои мы, царь царей, и все, на свѣтъ
Живущее, покорно нашей волѣ.
Но, чтобъ твою и нашу власть возвысить,
Мы на услуги новыя готовы.
Приказывай, — а все, что было прежде
Намъ велѣно, мы совершили точно.

(Входитъ Манфредъ.)

Духъ.

Кто это? Смертный? Дерзкое творенье!
Боготвори, упавши на колѣни!

Второй духъ.

Его я знаю; выше всѣхъ людей онъ
Волшебной властью и великимъ знаньемъ.

Третій духъ.

Презрѣнный рабъ, склонись предъ Ариманомъ!
Онъ твой и нашъ владыка! Повидайся
Ему теперь...

Всѣ духи вмѣстѣ.

Сынъ праха! въ прахъ пади ты,
Иль трепещи.

Манфредъ.

Я знаю, знаю это,
Но не склонюсь...

Четвертый духъ.

Тагъ мы тебя научимъ....

Манфредъ.

О, этому ужъ я наученъ въ мѣрѣ.
Я много лѣтъ привыкъ во прахѣ ползати
И, голову посыпавъ пепломъ, часто
Передъ своимъ отчаяньемъ я падалъ,
Склонялся ницъ передъ своею скорбью.

Пятый духъ.

Но какъ же здѣсь, предъ трономъ Аримана,
Который заставлялъ дрожать всю землю,
Не хочешь покориться ты? Смирись же...

Манфредъ.

Скажи, чтобъ онъ склонился вмѣстѣ съ нами
Передъ Творцемъ могучимъ и всесильнымъ,
Не для того создавшимъ Аримана,
Чтобъ мы его боготворили.

Духи.

Дерзкій!

На части разорвемъ его...

Первая парка.

Постойте!

Онъ мой!... Нашъ повелитель! Въ этомъ смертномъ
 Ты видишь не простаго человѣка,
 И межъ людей такіе люди рѣдки:
 Его страданья вѣчны, какъ и наши;
 Въ немъ есть тѣ знанья, сила та и воля,
 Которыя для смертныхъ недоступны,
 И намъ, духамъ, онъ сталъ во многомъ равенъ.
 Хоть мысль его во все теиерь проникла,
 Но не нашелъ онъ счастья въ знаньѣ этомъ,
 И онъ его считаетъ переходомъ
 Отъ одного невѣжества къ другому,
 Еще сильнѣйшему. Свобода, страсти,
 Которыми во всей вселенной дышать
 Вся существа — отъ духа и до червя, —
 Въ его душѣ глубоко отразились
 И жизнь его на столько отравили.
 Что я, не понимая состраданья
 Ни для кого, прощаю тѣхъ, кто станетъ
 Ему сочувствовать. Онъ мой, и также
 Твоимъ быть можетъ, — такъ или нѣтъ, — но знай ты,
 Что въ области духовъ, тебѣ подвластныхъ,
 Мы не найдемъ души ему подобной,
 И что надъ нимъ мы не имѣемъ власти.

Пемезида.

Но для чего жь онъ здѣсь?

Первая парка.

На это самъ онъ

Отвѣтитъ намъ.

Манфредъ.

Вамъ власть моя извѣстна,
Я, безъ нея не могъ бы быть межъ вами.
Но есть въ природѣ силы выше вашихъ,
И я отъ нихъ-то жду теперь отвѣта.

Немезида.

Чего же хочешь ты?

Манфредъ.

Нѣтъ, ты не можешь
Отвѣтить мнѣ, но мертвую изъ гроба
Ты вызови, и мнѣ она отвѣтитъ.

Немезида.

Великій Ариманъ! Ты разрѣшишь ли
Исполнить просьбу эту?

Ариманъ.

Разрѣшаю.

Немезида.

Кого жь изъ мертвыхъ хочешь воскресить ты?

Манфредъ.

Ее одну, уснувшую безъ гроба,
Астарту вызови...

Немезида.

Твѣ ли незримая,
Духъ ли гробовъ.
Сбрось на мгновеніе

Смерти покровъ.
 Въ прахъ обращенная
 Спла, просишь,
 Съ прежними формами
 Смѣло явись.
 Жизнь отлетѣвшую
 Ты улови,
 Сердце заснувшее
 Вновь оживи.

(Призракъ Астарты поднимается и останавливается посреди духовъ.)

Манфредъ.

Ужели это смерть? Не вѣрю... Силы жизни
 Играютъ на щекахъ ея румянцемъ...
 Но, нѣтъ, обманчивъ призракъ твой, Астарта,
 И краска щекъ съ больною красотою
 Есть осени мертвящія румяны
 На листьяхъ пожелтѣвшихъ и увядшихъ...
 И это ты? О, Боже! отчего я
 Въ глаза смотрѣть боюсь ей? Ты, Астарта!..
 Я не могу сказать ей даже слова...
 Велите жъ ей заговорить со мною,
 Назначить мнѣ иль казнь, или прощенье...

Немезида.

Повинуйся тайной власти,
 Духъ твой вызвавшей изъ тьмы,
 И теперь давай отвѣты
 Ты на все, что спросимъ мы.

(Молчаніе.)

Манфредъ.

Она молчитъ, но мнѣ ея молчанье
 Теперь понятнѣй всякаго отвѣта.

Немезида.

Здѣсь власть моя безсильна. Царь зэпра!
Одинъ лишь ты приказывать ей можешь.

Арманъ.

Тѣнь! говори! Вотъ скипетръ — повинуйся!

Немезида.

Опять молчить. Инымъ духамъ и силамъ
Подвластная, она отвѣтитъ только.
Нѣтъ, смертный, здѣсь твоя напрасна просьба:
Тебѣ помочь — мы не имѣемъ власти.

Манфредъ.

Молю тебя, Астарта, отвѣчай мнѣ.
Я такъ страдалъ, я такъ теперь страдаю...
Взгляни же на меня: ты и въ могилѣ
Не измѣнилась такъ, какъ измѣнился
Я за тебя, живя на этомъ свѣтѣ.
Да, мы любили сильно и безумно;
Любовь такая хуже преступленья,
А для того ль мы созданы съ тобою,
Чтобъ истерзать другъ друга и измучить?
Скажи же, что меня не проклинаешь,
Что я одинъ наказанъ за обоихъ,
И что тебѣ назначено блаженство,
А мнѣ — забвенье смерти. Въ этомъ мѣрѣ
Все ненавистное соединилось,
Чтобъ безконечно жить меня заставить
Съ неотразимой мыслью о безсмертѣ,
Которое одной сковало цѣпью

Прошедшее съ грядущимъ. Нѣтъ покоя
 Моей душѣ; хочу чего — не знаю,
 Не знаю я — чего ницу, и только
 Лишь чувствую — кто я, — кто ты... Астарта!
 Пока я не погибъ, хоть разъ хотѣлъ бы
 Услышать вновь твой голосъ музыкальный.
 О, говори жь со мной! Нерѣдко ночью
 Я вызывалъ тебя, въ зеленыхъ рощахъ
 Будилъ заснувшихъ птицъ своимъ призывомъ,
 Пугалъ въ горахъ дремавшую волчицу;
 Я научилъ въ пещерахъ темныхъ эхо
 За мною повторять Астарты имя —
 И эхо мнѣ покорно отвѣчало, —
 Мнѣ отвѣчало все — природа, люди,
 Но мановенью духи откликались,
 Лишь ты одна отвѣтить не хотѣла.
 Ужель теперь твой не услышу голосъ?
 Я по землѣ блуждалъ, но я ни разу
 Не встрѣтилъ на землѣ тебѣ подобной.
 О, говори жь со мной! Смотри: вотъ духи,
Они ко мнѣ почувствовали жалость;
 Но я ихъ не боюсь, и это сердце
 Наполнено одною лишь тобою.
 Проговори хоть къ гиѣвѣ что нибудь мнѣ,
 Позволь хоть разъ тебя послушать!

Призракъ Астарты.

Манфредъ!

Манфредъ.

О, говори!,.. Твой слышу голосъ!...
 Я весь живу въ тѣхъ звукахъ... Говори же...

Призракъ Астарты.

Манфредъ! Конецъ твоимъ страданьямъ — завтра!
Прощай!...

Манфредъ.

Постой! еще лишь только слово:
Простила ль ты меня?

Призракъ Астарты.

Прощай!

Манфредъ.

Лишь слово
Прощенія! Что я любимъ — скажи мнѣ.

Призракъ Астарты.

Манфредъ!

(Призракъ Астарты исчезаетъ).

Немезида.

Она исчезла и не можетъ
Быть вызвана, но что она сказала —
То сбудется. Иди жь опять на землю.

Духъ.

Душа его страдаетъ... Вотъ, что значить
Быть смертнымъ и проникнуть смѣлой мыслью
Въ познаніе таинственнаго міра.

Другой духъ.

Но, посмотри, какъ онъ преодолагаетъ
Свое страданье, волѣ подчиняя,
И если бы, какъ духи, былъ онъ созданъ,
То сталъ бы величайшимъ самымъ духомъ.

Немезида.

О чемъ еще теперь спросить желаешь?
У насъ или у нашего владыки?

Манфредъ.

Ни слова болѣе.

Немезида.

И такъ на время
Пока прощай!

Манфредъ.

Увидимся мы снова?
Гдѣ? на землѣ? мнѣ все равно, гдѣ хочешь.
Но я вамъ всеѣмъ глубоко благодаренъ
За помощь, а теперь пока прощайте.

(Манфредъ уходитъ).

КОНЕЦЪ II-ГО ДѢЙСТВІЯ.

Дѣйствіе III.

СЦЕНА I-я.

(Зала въ замкѣ Манфреда.)

Манфредъ и Германъ.

Манфредъ.

Который часъ?

Германъ.

Ужь до заката солнца
Осталось не много; вѣрно, нынче
Прекрасный будетъ вечеръ.

Манфредъ.

Все ли въ башнѣ
По моему желанію готово?

Германъ.

Готово, графъ! Вотъ ключъ и вотъ шкатулка.

Манфредъ.

Теперь ты можешь, Германъ, удалиться.

*(Германъ уходитъ.)*Манфредъ *(одинъ)*.

Кругомъ меня здѣсь тишина такая,
Какой еще не испыталъ я въ жизни...

Когда бы я не твердо былъ увѣренъ,
 Что философія — пустая сказка
 И риторовъ безсмысленная фраза,
 Которой прежде я бывалъ обмануть, —
 Я бь думать могъ, что философскій камень
 И тайна золота открыты мною;
 Но мой обманъ не можетъ долго длиться,
 Хоть впрочемъ, испытать его полезно.
 Меня онъ ознакомилъ съ чувствомъ новымъ,
 И что такое чувство существуетъ,
 Я запишу теперь себѣ на память..
 Кто здѣсь?

Германъ (входитъ.)

Васъ, графъ, теперь желаетъ видѣть
 Аббатъ Святаго Мориса.

(Входитъ аббатъ Св. Мориса.)

Аббатъ.

Да будетъ
 Миръ дому твоему...

Манфредъ.

Благодарю я
 Тебя, святой отецъ! Войди: приходъ твой
 Приноситъ честь великую для замка,
 А всѣмъ живущимъ въ немъ — благословенье.

Аббатъ.

О, если бь это было такъ! Но я бы
 Наединѣ желалъ побыть съ тобою.

Манфредъ.

Иди отсюда, Германъ... Что жь угодно
Тебѣ, почтенный гость мой?

Аббать.

Я желаю

Поговорить съ тобою откровенно.
Мой скромный санъ, мой возрастъ престарѣлый
И добрыя намѣренія дали
Миѣ право на такую откровенность.
Сосѣдство близкое, — хоть очень мало
Мы межъ собой знакомы, — позволяетъ
Миѣ прямо говорить теперь съ тобою.
Графъ! страшные, дурные ходятъ слухи
Объ имени твоёмъ; — а это имя
Издrevле отличалось благородствомъ, —
И было бь горько, еслибь тотъ, кто носить
Теперь тѣ имя — передалъ потомству
Его запятаннымъ...

Манфредъ.

Что жь, продолжай же,
Я слушаю...

Аббать.

Молва прошла такая,
Что будто ты знакомъ съ нечистой силой,
Что ты вступилъ въ союзъ богопротивный
Со всеми обитателями ада,
И что тебѣ покорны злые духи.
Я знаю, что сближенія съ человѣкомъ

Ты избѣгалъ и жилъ въ уединеньѣ,
А это не всегда есть вѣрный признакъ
Благочестивыхъ дѣлъ...

Манфредъ.

Кто жь распускаетъ
Такия вѣсти?

Аббатъ.

Это общій голосъ:
Объ этомъ говорятъ все прихожане,
Мои собратья по служенью, даже
Тебѣ принадлежащіе вассалы,
Которые напуганы тобою.
Да, жизнь твоя въ опасности...

Манфредъ.

Возмите жь
Вы эту жизнь!...

Аббатъ.

Я призванъ для спасенья, —
И разрушать — не пастырское дѣло;
Я не хочу въ твою проникнуть душу,
Но ежели все слухи справедливы,
То знай, мой сынъ, еще осталось время,
Чтобы покаяться; чрезъ покаянье
Ты примирись съ церковью, а церковь
И съ небомъ примиритъ тебя.

Манфредъ.

Я слушалъ
Тебя, отецъ, и вотъ тебѣ отвѣтъ мой:

Кто бь ни былъ я, и что бы ни случилось
 Съ моею душой, но между мной и небомъ
 Такія тайны есть, что человѣка
 Въ посредники свои не изберу я.
 Когда жь уставы ваши я нарушилъ,
 Миѣ докажете вы, и наказанье
 Какое вамъ угодно назначайте.

Аббать.

Мой сынъ, о наказаньѣ я ни слова,
 Я говорю о покоянъѣ только
 И о прощеніи. Законы церкви
 Миѣ дали власть помочь тебѣ совѣтомъ,
 Какъ выйти на стезю спасенья въ жизни,
 Раскаявшись въ грѣхахъ своихъ великихъ;
 А что до наказанья — предоставлю
 Исполнить это небу; воля Божья!...
 «*Мишу — я одинъ!*» такъ самъ Господь повѣдалъ,
 А я, его служитель, только долженъ
 Произносить покорно это слово.

Манфредъ.

Старикъ! Ни власть людей благочестивыхъ,
 Ни чистаго раскаянья молитва,
 Ни тяжкій постъ, ни изнуренье плоти,
 Ни собственная внутренняя пытка,
 Которая ужаснѣй адской муки
 Сосеть, грызеть измученное сердце, —
 Ничто, ничто въ насъ заглушить не можетъ
 Ни нашихъ чувствъ, ни нашихъ преступленій,
 Ни вѣчной мести надъ самимъ собою,
 И въ будущемъ такой нѣтъ казни лютой,
 Какъ та, которою душа караетъ
 Сама себя.

Аббать.

Но это все не долго,
 А послѣ въ сердцѣ страждущемъ родится
 Опять, мой сынъ, надежда на спасенье;
 И во грѣхи поверженныя души,
 Раскаявшись, въ тотъ край стремиться будутъ,
 Гдѣ каждаго прощенье ожидаетъ.
 Покаяться лишь должно, а начало
 Раскаянья — есть первое сознанье
 Его необходимости. Лишь только
 Ты пожелай — и церковь всеблагая,
 Моляся за тебя, тебя наставитъ
 И дастъ твоимъ проступкамъ отпущенье.

МаиФредъ.

Когда шестой владыка грозный Рима,
 Чтобъ избѣжать стыда публичной смерти
 Отъ рукъ рабовъ, подсланныхъ сенатомъ,
 Нанесъ себѣ мучительную рану
 И гордо умиралъ; тогда, увидя
 Его страданіе, прохожій воинъ
 Хотѣлъ унять полонъ своей одежды
 Кровь, бьющую изъ царственнаго горла;
 Но строго умиравшій императоръ
 Прочь оттолкнулъ протянутую руку
 И, бросивъ взглядъ, въ которомъ загорѣлось
 Прошедшаго могущества величье,
 Сказалъ: «оставь меня! теперь ужь поздно!
 И преданность такая бесполезна...»

Аббать.

Но говоришь къ чему же ты объ этомъ?

Манфредъ.

Отвѣчу я, какъ римлянинъ: «ужь поздно!»

Аббать.

Нѣтъ, никогда не поздно примириться
 Съ своей душой и съ небомъ... Неужели
 Ты потерялъ ужь всякую надежду?
 Дивлюсь тебѣ. Вѣдь даже тѣ, которымъ
 Спасеніе казалось невозможнымъ,
 Несбыточной надеждой утѣшались
 И съ трепетомъ чего-то ожидали.

Манфредъ.

Да, мой отецъ, такъ было и со мною,
 И тѣ жь мечты, когда я былъ моложе,
 Отъ головы моей не отходили.
 Я думалъ стать въ числѣ людей великихъ,
 Хотѣлъ подняться — до чего? — не знаю, —
 До высоты, съ которой мнѣ, быть можетъ
 Случилось бы упасть, но пасть съ величьемъ.
 Такъ водопадъ, серебрянымъ потокомъ
 Съ крутыхъ высотъ сбѣгая прямо въ бездны, —
 Въ ихъ глубины съ собой свой блескъ уноситъ,
 А брызги пѣны къверху поднимаясь,
 Волнами незамѣтнаго тумана
 Сливаются съ самими облаками...
 Великое и грозное паденье!...
 Но — то мечты! Онѣ теперь исчезли.

Аббать.

Но почему же такъ?

Мафредъ.

Своей природы

Переломить и обуздать не могъ я.
 Тотъ, кто желаетъ властвовать на свѣтѣ
 И межъ людей ничтожныхъ быть могучимъ,
 Тотъ долженъ испытать все муки рабства,
 Тотъ долженъ льстить умѣть и пресмыкаться,
 Жить постоянной ложью и притворствомъ
 И достигать могущества обманомъ.
 Таковъ весь міръ. Я былъ не въ состоянїѣ
 Мѣшаться съ стадомъ, даже съ волчьимъ стадомъ,
 Хотя межъ волковъ навѣрно могъ быть первымъ.
 Нѣтъ, я, какъ левъ, остался одинокимъ.

Аббатъ.

Но для чего же общества ты бѣгалъ,
 И изъ людей ни съ кѣмъ не могъ ужиться?

Мафредъ.

Затѣмъ, что жизнь глубоко презиралъ я,
 Хотя меня никто не зналъ жестокимъ.
 На злое дѣло не былъ я способенъ, —
 Зато я зло любилъ искать повсюду.
 Я — какъ самумъ. Дыханьемъ раскаленнымъ
 Онъ на пути все жжётъ и пожираетъ;
 Онъ посится въ одной пустынѣ мертвой;
 Гдѣ не растеть ни травки, ни былинки,
 Гдѣ онъ одинъ въ песчаномъ океанѣ
 Крутитъ песокъ зловѣщимъ ураганомъ.
 Онъ никого не ищетъ и не ловитъ,
 Но если кто идетъ къ нему на встрѣчу, —
 Отъ встрѣчи съ нимъ все тотчасъ умираетъ.

Таковъ былъ я въ своей прошедшей жизни,
И то, что на пути ея случилось,
Тому не повториться снова...

Аббать.

Сынъ мой!

Теперь я опасаться начинаю,
Что поздно я пришелъ къ тебѣ, что помощь
Духовника здѣсь стала бесполезна.
Но ты еще такъ молодъ... Я хотѣлъ бы...

Манфредъ.

Вглядись въ мое лицо. Бываютъ люди, —
Къ нимъ въ юности еще приходитъ старость,
Они не живши скоро умираютъ,
И смертью не насильственной. Иные
Безславно погибаютъ отъ разврата,
Иные отъ труда и напряженья,
Иные отъ бездѣйствія и скуки,
Отъ помѣшательства, и отъ тяжелыхъ
Сердечныхъ мукъ и потрясеній. Людямъ
Ужаснѣй нѣтъ послѣдняго недуга:
Подъ формами различными скрываясь,
Онъ, въ сердце заползая незамѣтно,
Быстрѣ всѣхъ недуговъ убиваетъ.
Взгляни же на меня: изъ этихъ золь я
Всѣ испыталъ, — хотя довольно было
И одного изъ нихъ, чтобъ умереть мнѣ.
Такъ не тому теперь ты удивляйся,
Что сдѣлался такимъ я, а тому лишь,
Что я еще живу на этомъ свѣтѣ.

Аббать.

Но, выслушай меня...

Манфредъ.

Почтенный старецъ!

Сващенный санъ твой я не презираю,
 Я уважаю возрастъ твой и знаю,
 Что все твои намѣренія чисты,
 Но, мой отецъ, они теперь напрасны.
 Оставь свои совѣты и, повѣрь мнѣ,
 Что одного тебя оберегая,
 Я въ этотъ поздній часъ бесѣду нашу
 Хочу прервать. Прощай!

(Манфредъ уходитъ.)

Аббатъ.

Онъ странно созданъ:

Съ такимъ умомъ, съ такою силой духа —
 Онъ могъ бы быть созданиемъ великимъ;
 Теперь же онъ — есть только страшный хаосъ,
 И свѣтъ и тьма, духъ мощный вмѣстѣ съ прахомъ,
 Смѣсь чистыхъ помысловъ съ страстями
 Безумными, и внутренняя пытка,
 Которой нѣтъ конца, и нѣтъ начала,
 Соединенье творчества съ желаньемъ
 Все разрушать. И онъ погибнуть долженъ,
 Хотя и лучшей доли былъ достоинъ!...
 Нѣтъ, еще разъ все испытаю средства,
 Чтобы спасти его, и стану зорко,
 Внимательно слѣдить за нимъ повсюду.

(Аббатъ уходитъ.)

СЦЕНА II.

(Другая комната въ замкѣ).

Манфредъ и Германъ.

Германъ.

Графъ, къ вамъ явиться мнѣ вы приказали
Передъ закатомъ солнца. Ужь садитесь
Оно теперь...

Манфредъ.

Такъ скоро?... Я желалъ бы
Въ минуту эту имъ полюбоваться.

*(Манфредъ подходитъ къ окну.
Германъ уходитъ.)*

Великолѣпное свѣтило неба!
Кумирь для первенцовъ земного шара,
Кумирь гигантовъ, нѣкогда рожденныхъ
Отъ свѣтлыхъ херувимовъ и созданий,
Пересіавшихъ даже херувимовъ,
Которые, узнавъ земныя страсти,
За нихъ паденьемъ вѣчнымъ понзатились.
Лучистое, безсмертное свѣтило!
Тебя еще тогда боготворили,
Когда не знали тайны мірозданья.
Ты — самый чистый спутникъ Саваоѳа;
Ты — пастуховъ халдейскихъ вдохновлявшій
И слушавшій ихъ теплыя молитвы, —
Ты сдѣлался для всей природы богомъ,
И самый богъ явилъ въ тебѣ свой образъ!
Царь между звѣздъ и центръ для звѣздъ небесныхъ,
Ты землю обливаешь свѣтомъ жизни

И грѣшь все цѣлебными лучами!..
 Тебѣ покорны климаты и время,
 И наши скорби, мысли и желанья,
 Ты видишь, проникая въ нашу душу;
 Ты въ вѣчной славѣ всходишь и заходишь!
 Прощай! тебя я не увижу больше!
 Прощай! Какъ нѣкогда тебѣ принесъ я
 Свой первый взоръ любви и удивленья,
 Такъ и теперь прими мой взглядъ послѣдній.
 Ты вновь взойдешь, но не увидишь снова
 Того, кому награды жизни этой
 Наградами служили роковыми...
 Конецъ! потухло солнце за горами,
 А вслѣдъ за нимъ теперь и я потухну.

(Манфредъ уходитъ).

СЦЕНА III.

*(Горы. Въ нѣкоторомъ разстояніи замокъ Манфреда; терасса передъ башней.
 Полночь.)*

Германъ, Мануэль и другіе слуги Манфреда.

Германъ.

Довольно, право, странно! Сколько лѣтъ ужъ,
 Едва наступитъ ночь — вотъ въ этой башнѣ
 Запретя онъ — а для чего? Богъ знаетъ...
 Мы въ этой странной башнѣ все бывали,
 Но по вещамъ, которыя нашли тамъ,
 Едва ли можно было догадаться,
 Чѣмъ по ночамъ нашъ графъ бываетъ занятъ.
 Навѣрно тамъ есть комната такая,

Которая намъ неизвѣстна. Вѣрьте:
Три года прослужить готовъ я даромъ,
Лишь только бѣ заглянуть туда украдкой.

Мануэль.

Совѣтую не очень-то храбриться...
Доволенъ будь и тѣмъ, что знаешь.

Германъ.

Правда!...

Послушай, Мануэль: ты старъ, и много
Испытывать въ свой вѣкъ тебѣ случалось...
Пораскажи-ка намъ. Вѣдь въ этомъ замкѣ
Ты ужь давно живешь?

Мануэль.

Да, не родился
Еще нашъ графъ, какъ я вступилъ на службу
Къ его отцу. Онъ не чета былъ сыну.

Германъ.

Да, съ дѣтками бываетъ это часто...
А чѣмъ они не схожи были?

Мануэль.

Дѣло

Тутъ не въ лицѣ, а въ жизни и привычкахъ.
Графъ Сигизмундъ былъ гордъ, но правъ имѣлъ онъ
Веселый и радушный; храбрый воинъ,
Онъ жить любилъ открыто, на распашку,

Кутнуть любилъ, и ужь не сталь бы кинуть
 За книгой взаперти въ проклятой башнѣ,
 А пировалъ съ друзьями дни и ночи;
 Не сталь бы, какъ сынокъ, по скáламъ лазить,
 Въ лѣсныхъ труппахъ безъ толку шататься,
 Да отъ людей волчицей дикой бѣгать.

Германъ.

Вотъ было времечко!.. Не то, что наше!
 Эхъ, если бъ время это воротилось
 И прежнее житье вернулось въ замокъ!
 Ужъ онъ забылъ, какъ веселятся люди!..

Мануэль.

То сбудется, когда другой хозяинъ
 Въ него войдетъ... Да, Германъ, довелось мнѣ
 Здѣсь видѣть чудеса въ былое время.

Германъ.

Такъ расскажи, пожалуйста, что знаешь.
 Мнѣ помнится, ты говорилъ однажды,
 Что здѣсь, близъ замка нашего, когда-то
 Исторія ужасная случилась.

Мануэль.

Да, это было ночью. Ночь такая жъ
 Была тогда, какъ нынче. Надъ вершиной
 Эйгèра облако остановилось,
 Вотъ какъ теперь — и такъ же красно было, —
 Дулъ сильный вѣтеръ; снѣжныхъ горъ вершины
 Выходившій мѣсяцъ залилъ яркимъ блескомъ.

Нашъ графъ, Манфредъ, какъ и теперь, былъ въ
башнѣ,

А заять чѣмъ — одинъ онъ только знаетъ, —

Но съ нимъ тогда была его подруга,

Подруга дней, ночей его безсонныхъ.

Изъ всѣхъ существъ земныхъ на этомъ свѣтѣ

Одну ее нашъ графъ любилъ, казалось,

И былъ родствомъ съ ней связанъ онъ. Астартой

Звалась она. Его... Пстой... чу! кто-то

Сюда идетъ.

(Входитъ аббатъ св. Мориса).

Аббатъ.

Гдѣ графъ вашъ?

Гермаиъ.

Въ этой башнѣ.

Аббатъ.

Его мнѣ пужно видѣть.

Мануэль.

Въ это время

Графъ никого къ себѣ не принимаетъ.

Аббатъ.

За нарушенье правилъ вашихъ буду

Самъ графу отвѣчать я, если только

Тутъ есть какое-либо нарушенье.

Мнѣ графа видѣть пужно непременно.

Германъ.

Но вы его ужъ видѣли сегодня.

Аббать.

Сейчасъ тебѣ приказываю, Германъ,
Идти, и о моемъ приходѣ графа
Увѣдомить.

Германъ.

Мы этого не смѣемъ.

Аббать.

Такъ мнѣ войдти придется безъ доклада.

Мануэль.

Нѣтъ, мой отецъ, прошу васъ: не ходите.

Аббать.

Но почему?

Мануэль.

Пожалуйте за мною.

Я кое-что готовъ поразсказать вамъ.

СЦЕНА IV.

Внутренность башни).

Манфредъ одинъ.

Манфредъ.

Какъ ярко блещутъ звѣзды! Луннымъ свѣтомъ
 Озарены нагорныя вершины...
 Какъ хорошо кругомъ! Еще донинѣ
 Люблю я разговаривать съ природой,
 И страстный шепотъ ночи мнѣ понятнѣй,
 Чѣмъ голоса людей; въ ея дыханьѣ,
 Подъ звѣзднымъ кровомъ неба, постоянно
 Я изучалъ языкъ другого міра.
 Мнѣ памятна — въ то время я былъ молодъ, —
 Одна такая жъ точно ночь; стоялъ я
 На верхней галереѣ Колизея —
 Въ виду громадъ разрушеннаго Рима.
 Вокругъ дремала полночь голубая;
 Въ разбитыя, широкія аркады,
 Врывались вѣтви темныя деревьевъ
 И, миллиономъ глазъ своихъ сверкая,
 Въ амфитеатръ заглядывали звѣзды...
 Тамъ, далеко, за Тибромъ, раздавался
 Чуть только слышимый лай собакъ, а ближе
 Изъ стѣнъ дворца, гдѣ цезари живали,
 Совы полночной крики доносились,
 Да иногда молчанье нарушали
 Унылыя напѣвы часового,
 Сквозь ниши стѣнъ, столѣтьями пробитыхъ,
 Видились кипарисы и, казалось,
 Они росли вдали, на горизонтѣ,

А между тѣмъ зеленыя ихъ вѣтви
 Качались близко... Всюду разрушенье:
 Тамъ, гдѣ когда-то римскіе владыки
 Бросали взоры дерзкаго величья,
 Теперь живутъ однѣ ночныя птицы,
 И на гробницахъ, рухнувшихъ въ обломкахъ,
 Гдѣ цезарей положены останки,
 Сквозь ихъ сердца теперь лишь прорастаетъ
 Одна трава и дикая крапива,
 И ивы, вмѣсто лавровъ, наклонились
 Надъ ихъ могилами. Дворцы, палаты
 Всѣхъ Августовъ сравнялися съ землею
 И лишь одинъ остался невредимымъ
 Циркъ гладиаторовъ, какъ грозный остовъ
 Презрѣннаго могущества и звѣрства...
 И въ тѣ часы, на всю картину эту
 Смотрѣлъ ты, мѣсяць, иѣжно обливая
 Развалины прозрачнымъ, мягкимъ свѣтомъ,
 И оживлялъ собою мертвый городъ,
 Раздавленный безстрастными вѣками;
 Ты освѣщаль обломки падшихъ зданій,
 И подъ твоими яркими лучами
 Прекрасное манило красотою
 Вновь обновленною, и просыпалась
 Та красота, которая увяла...
 Среди такихъ классическихъ развалинъ
 Благоговѣнье чувствуешь неволью
 И поклоняешься гробамъ великихъ предковъ,
 Которые и мертвецами даже
 Живутъ для насъ — и изъ своей гробницы
 Имѣютъ власть надъ нашими умами.
 Да, эту ночь я помню... только странно,
 Что мнѣ она теперь пришла на память...
 Но это такъ: чѣмъ глубже мы уходимъ
 Въ самихъ себя — тѣмъ дальше мысль уноситъ.

Аббатъ (*входитъ*).

Мой добрый графъ, за то, что я сегодня
 Вторично прихожу къ тебѣ — прости мнѣ,
 Служителю смиреннѣйшему церкви,
 Прости, что я, непрошенный, явился,
 И да пошлетъ Создатель лучъ спасенья
 Твоей душѣ, блуждающей во мракѣ...
 О, если бы молитвами своими
 Я тронуть могъ твое больное сердце,
 Которое лишь только заблудилось,
 Но не погибло!...

Манфредъ.

Ты меня не знаешь.
 Всѣ дни мои сосчитаны; поступки
 Всѣ взвѣшены... Здѣсь быть тебѣ опасно:
 Иди скорѣй. Прощай!

Аббатъ.

Мой сынъ! навѣрно
 Ты мнѣ не угрожаешь?

Манфредъ.

Нѣтъ, несколько...
 Я только лишь тебя предупреждаю,
 Что здѣсь опасно долго оставаться...

Аббатъ,

Но почему?..

Манфредъ.

А вотъ взгляни сюда ты...
Что видишь тамъ?

Аббатъ.

Я ничего не вижу.

Манфредъ.

Но посмотри внимательно, прошу я...
Теперь что видишь ты?

Аббатъ.

Я вижу... Боже!..

Тѣнь грозная... но я смотрю безъ страха...
Я вижу всталъ какой-то мрачный образъ,
Подобный духу тьмы... Совсѣмъ закрыто
Его лицо подъ мантией широкой...
Обвитый темнымъ облакомъ, онъ выросъ
И здѣсь стоитъ межъ мною и тобою...
Но онъ не страшенъ мнѣ!

Манфредъ.

Не нужно
Его бояться: онъ тебя не тронетъ,
Но самый видъ его невыносимый
Убьетъ твой дряхлый мозгъ однимъ ударомъ.
Я говорю тебѣ: иди отсюда!..

Аббатъ.

Нѣтъ, не уйду, и здѣсь до тѣхъ поръ буду,
Пока не изгоню я злого духа.
Зачѣмъ онъ здѣсь?

Манфредъ.

Зачѣмъ онъ здѣсь? Не знаю...
Его никто не звалъ.

Аббать.

Иди, иди за мной!

Погибшій грѣшникъ!

Какое ты сношеніе имѣешь
Съ нечистой силою? Зачѣмъ такъ смотришь
На демона, свой взоръ въ него вперяя?
А! это онъ!.. лицо его открыто...
Проклятый видъ!.. громовые удары
Вкругъ язвами чело его покрыли,
И адскимъ блескомъ взоры загорѣлись...
Оставь насъ, злобный духъ!

Манфредъ.

Духъ! отвѣчай мнѣ:

Зачѣмъ ты здѣсь?

Духъ.

Иди!

Аббать.

Но кто ты, кто ты,
Созданье мрачное?

Духъ..

Я духъ, я геній
Стоящаго здѣсь смертнаго! Приходить
Послѣдній часъ его... Иди за мною!

Манфредъ.

Я сталъ на все готовъ, но отвергаю

Я власть, меня зовущую. Кѣмъ посланъ
Ты былъ сюда?

Духъ.

Узнаешь это послѣ...

Манфредъ.

Духъ! ты мнѣ жалоуъ!

Я управлялъ духами высшей силы,
Передъ которыми ничтоженъ ты; боролся
Я съ гордыми владыками твоими...
Прочь отъ меня!..

Духъ.

Но прѣбилъ часъ твой, смертный;
Я говорю — иди во слѣдъ за мною!

Манфредъ.

Я знаю самъ, что часъ мой прѣбилъ — знаю, —
Но не тебѣ отдамъ я эту душу,
Прочь съ глазъ моихъ! Какъ жилъ я, одинокимъ,
Такъ и умру — одинъ!

Духъ.

Къ себѣ на помощь
Я братьевъ вызову. Явитесь!

(Является множество духовъ).

Аббатъ.

Духи

Проклятые! исчезните отсюда —
Сейчасъ! вы въ той обители безсильны,
Гдѣ обитаетъ Божье милосердье!
Я именемъ —

Духъ.

Старикъ, повѣрь, мы знаемъ
Свои права и силу; знаемъ также,
Какой ты носишь санъ. Не трать безъ пользы
Напрасныхъ словъ: онъ осужденъ навѣки.

Манфредъ.

Я презираю васъ! хоть мнѣ извѣстно,
Что я умру, но все жъ васъ презираю.
Пока во мнѣ есть капля только жизни —
Не двинусь съ мѣста я; пока есть силы —
Я до конца бороться съ вами буду,
И иначе меня вы не возьмете,
Какъ растерзавъ на части!

Духъ.

Дерзкій смертный!
Ты, думавшій проникнуть въ тайны міра
И между нами равнымъ быть, — ты можешь
Еще любить свое существованье,
Любить ту жизнь, которая разбила
Твое земное счастье!..

Манфредъ.

Лжешь ты, дьяволь!
Я знаю — жить осталось мнѣ не долго,
И ни одной минуты я не сталъ бы
Выпрашивать, чтобъ жизнь моя продлилась:
Не съ смертью я борюсь, но только съ вами.
Я власть свою купилъ — не по условью
Съ такимъ ничтожествомъ, какъ ты, но знаньемъ,
Усилями ума и трезвой мысли,
Тревожными, бессонными ночами
И изученіемъ науки той древнѣйшей,

Когда въ одну семью соединялись
 И ангелы, и люди, — и не знали
 Надъ нами превосходства херувимы. . .
 Прочь отъ меня! однимъ презрѣнемъ только
 На вызовъ твой я отвѣчаю...

Духъ.

Вспомни,
 Какъ всѣ твои пороки безконечны.

Мафредъ.

Но что мои пороки предъ твоими?
 Тебѣ ль казнить меня за преступленья,
 Когда ты самъ ужаснѣй всѣхъ пороковъ...
 Иди въ свой адъ проклятый! Надо мною
 Ты власти не имѣешь, и не можешь
 Владѣть душой моей, — я это знаю.
 Что сдѣлалъ я — то кончено. Есть муки,
 Которыхъ увеличить невозможно,
 И ты ничѣмъ теперь ихъ не усилишь.
 Безсмертный гордый разумъ челоуѣка
 Лишь самому себѣ даетъ отвѣты
 За каждое движенъе тайной мысли;
 Добро и зло, послушныя разсудку,
 Родятся въ немъ и въ немъ же умирають.
 Отъ времени и мѣста не зависитъ
 Свободный умъ; страхнувъ оковы праха,
 Условьями минутными не связанъ,
 Въ самомъ себѣ умѣетъ находить онъ
 Страданіе или счастье...

Такъ меня ли

Могъ искушать ты? Никогда я не былъ
 Твоей добычей адской и игрушкой,
 И постоянно — царь своихъ желаній,
 Руководился собственною властью...

Идите жь прочь, непризнанные духи!...
 На мнѣ лежитъ рука холодной смерти,
 Но та рука — не ваша...

(Духи исчезаютъ.)

Аббатъ.

Какъ ты блѣдень!
 Покрылись губы мертвой синевою...
 Какъ тяжело твое дыханье... голосъ
 Хрипитъ .. Молись, пока есть время, небу,
 Молись хоть мысленно, но безъ молитвы
 Не умирай.

Манфредъ.

Всему конецъ! Не видать
 Тебя мои глаза... вотъ всѣ предметы
 Кружатся, плаваютъ, а подъ ногами
 Дрожить земля... Прощай!... дай руку...

Аббатъ.

Чуть слышно бьется. Сынъ мой, умоляю:
 Хоть звукъ одинъ молитвы! — Что съ тобою?

Манфредъ.

Повѣрь, старикъ, смерть вовсе не страшна мнѣ!
(Умираетъ.)

Аббатъ.

Онъ въ вѣчность отошелъ, и улетѣла
 Его душа — куда? о томъ боюсь подумать.
 Но жизнь его покинула на вѣки.

IV.

Б Е К К О.

Бенно.

ВЕНЕЦИАНСКАЯ ПОВѢСТЬ

Лорда Байрона.

I.

Извѣстенъ всѣмъ, — не сомнѣваюсь въ томъ, —
Католиковъ классическій обычай :

За нѣсколько недѣль поредъ постомъ

Они толпой всѣхъ классовъ, безъ различій, —

Будь хоть богачъ, или въ званіи простомъ,

Съ спасительной, какъ думаю я, цѣлью,

Спѣшатъ предаться общему веселью ;

Готовясь къ покаянію, спѣшатъ

Въ блистательный и пестрый маскарадъ,

Гдѣ въ вихрѣ пѣсенъ, музыки и пляски

Скользятъ и выются бѣшенныя маски.

II.

Лишь только ночь свой пологъ развернетъ,
 (И чѣмъ темнѣй, тѣмъ лучше) наступаетъ
 Пора, которой мужъ со страхомъ ждетъ
 И съ трепетомъ любовникъ ожидаетъ,
 Ханжа кривитъ улыбкою свой ротъ,
 И, скромности оковы разбивая,
 Шалить открыто юность огневая.
 Разгулъ и плескъ!... на языкѣ у всѣхъ
 Запасъ остротъ и неподдѣльный смѣхъ,
 И звукъ ругадъ, и шепотъ страстной пары
 Сливаются съ аккордами гитары.

III.

Пестрѣютъ вокругъ одежды разныхъ странъ,
 Костюмовъ фанастическія краски,
 Нарядъ жидовъ, и грековъ и римлянъ,
 И арлекиновъ прыгающихъ маски,
 И индусовъ затѣйливый тюрбанъ,
 И подъ чалмой прелестныя турчанки,
 И, наконецъ, — нескладный, хмурый янки.
 Нарядовъ — тьма; лишь въ этотъ маскарадъ
 Не разрѣшается носить одинъ нарядъ...
 На карнавалъ веселый и донынѣ
 Избавь васъ Богъ явиться въ капуцинѣ.

IV.

Нѣтъ, лучше вовсе будь безъ панталонъ,
 Иль терніемъ обвей себя для танца,

Чѣмъ возмутить людей со всѣхъ сторонъ
 Намекомъ на одежду францисканца.
 Тогда не пощадить тебя законъ,
 И будешь ты (какъ ни былъ бы ты важенъ)
 Въ аду на угли красные посаженъ,
 Гдѣ грѣшника изъ адскаго котла
 Ничья рука спасти бы не могла,
 И... лишь посредствомъ денежнаго вклада,
 Тебя, быть можетъ, выпустятъ изъ ада.

V.

И такъ, за исключеньемъ черныхъ рясъ,
 Вы можете одѣться по картинкѣ,
 Какой угодно только: такъ не разъ
 На лондонскомъ тряпичномъ старомъ рынкѣ
 Иной колетъ лишь изъ однихъ проказъ,
 Искали вы для вечера иль бала.
 Въ Италиі подобныхъ мѣстъ не мало,
 Но, — ужъ таковъ волшебной рѣчи складъ, —
 Названья ихъ, какъ музыка звучать,
 А въ Англии кварталъ найдемъ едва ли,
 Который бы «Piazza» называли.

VI.

Тѣмъ праздникамъ названье: карнавалъ,
 «Прощайся съ мясомъ», — значитъ въ переводѣ.
 Понятенъ смыслъ: лишь только постъ насталь,
 О мясѣ и не думаютъ въ народѣ;
 Но одного лишь я не понималъ —
 Зачѣмъ же постъ съ его трапезой тощей
 Встрѣчается веселостью всеобщей?

Не потому ли самому мы пьемъ,
Сбираясь въ кругъ, и пѣнистымъ виномъ
Бокалы наши дружно наполняемъ,
Когда друзей въ дорогу провожаемъ?

VII.

Наступить постъ — и мяса больше нѣтъ;
Всѣ сорокъ дней, вкушая лососину,
Хоть злостью приправляйте свой обѣдъ,
А соусы? — о нихъ нѣтъ и помину.
О, путники! не разъ отъ этихъ бѣдъ,
Застигнуты негаданно діэтой, —
Вы бранью раздражались (брани этой
Я съ музою не стану повторять),
Не забывая гнѣвно объявлять:
— Не можемъ мы (вамъ все одни ппры бы!)
Бѣсть безъ приправъ, безъ сои этой рыбы...

VIII.

Охотникамъ до соусныхъ приправъ
Рѣшаюсь дать совѣтъ такого рода,
И думаю, что я останусь правъ:
Сбираясь въ путь, во всякій мѣсяць года
Съ собою брать запасы разныхъ травъ,
Коренья пряные и соусы Горвея,
Чтобъ не сидѣть голодными говѣя,
Иначе же, поклясться въ томъ могу,
Вы, гдѣ-нибудь, на чуждомъ берегу,
Безъ собственнаго повара, — повѣрьте, —
Умрете разомъ отъ голодной смерти.

IX.

Я только лишь католикамъ внушалъ
 Какъ соблюдать обычай древній Рима ;
 Но той діэтой вовсе не пугаль
 Я чужестранца, ѣдущаго мимо,
 И чтобы онъ постовъ не соблюдалъ —
 Спѣшу предупредить: для протестантовъ,
 Для всѣхъ больныхъ, для прихотливыхъ франтовъ
 И... и для дамъ — охотницъ до причудъ,
 Не существуетъ вовсе рыбныхъ блюдъ.

.

X.

Нигдѣ во время оно не бываль
 Такъ безконечно весель и потѣшень,
 И шумень итальянскій карнавалъ,
 Такъ оживленъ и несдержимо бѣшень,
 Какъ посреди венеціанскихъ залъ,
 Гдѣ покрываль разгуль толпы нарядной
 Не мало тайнъ интриги маскарадной,
 И не одинъ ловился жгучій взглядъ
 Подъ страстные напѣвы серенадъ. —
 Вотъ въ ту Венецію, рожденную волною,
 Послѣдовать прошу теперь за мною.

XI.

Ахъ, красота венеціанскихъ женъ !
 Ихъ быстрый взглядъ, улыбки ихъ приманки !...

Припоминаль я образы мадоннъ,
 При взглядѣ на лицо венеціанки.
 Когда она склонится на балконъ,
 Вы, отдаваясь прелести обмана,
 Въ ней видите Венеру Тиціана
 (Хоть ту, что во Флоренціи стоитъ),
 Иль, наконецъ, ея прелестный видъ
 Напомнить вамъ, лишь только въ новомъ фонѣ,
 Одно изъ лицъ картинъ Джіорджіоне,

XII.

Гдѣ краски правдой жизненной полны.
 Когда зайдете вы въ дворець Манфрини,
 То множествомъ картинъ окружены,
 Вы, можетъ быть, одной его картинѣ
 Останетесь покорны и вѣрны,
 И станетъ вамъ всего она дороже.
 Такъ иѣкогда со мною было то же,
 А почему? — тому разгадки нѣтъ.
 То просто былъ жены его портретъ,
 Но какъ онъ созданъ!... Творческая сила
 Земной любви въ немъ образъ воплотила.

XIII.

Да, той любви, которой міръ живетъ,
 Любви людской, встрѣчаемой на дѣлѣ,
 И вѣришь тутъ, что только жизнь дастъ
 Художнику подобныя модели,
 И что мечта до нихъ не дорастетъ...
 Въ картинѣ той, которую бь желали
 Вы унести, которую бь украли,

Когда бы страхъ иль стыдъ не помѣшалъ,
 Чудесный образъ тотъ напоминалъ,
 Что вамъ давно черты знакомы эти,
 Но что ужъ вновь не встрѣтить ихъ на свѣтѣ.

XIV.

Тотъ образъ намъ знакомъ когда-то былъ
 Въ дни юности, на подвиги готовой,
 И юноша искать его любилъ
 На лицахъ дѣвъ, при каждой встрѣчѣ новой,
 Когда онъ въ тишинѣ боготворилъ
 Созданія безъ имени, безъ тѣла,
 Которыхъ жизнь создать намъ не хотѣла,
 Которыхъ мы не встрѣтимъ никогда,
 Какъ тѣхъ плеядъ, пропавшихъ безъ слѣда,
 Растаявшихъ дыханіемъ ээира
 И ставшихъ невидимками для міра.

XV.

Дѣйствительно, венеціанки видъ
 Напоминаетъ кисть Джіорджіоне,
 Особенно когда она стоитъ
 Одна, передъ рѣшеткой на балконѣ.
 (Вѣдь красота сильнѣе поразитъ
 Когда мы къ ней стоимъ не очень близко).
 И вотъ тогда, склонясь къ рѣшеткѣ низко,
 Тайнственно раздвинувъ складки шторъ
 И вокругъ себя бросая томный взоръ,
 Венеціанка кажется прекрасна,
 Что не всегда бываетъ безопасно.

XVI.

За тѣмъ, что взоръ невольный вздохъ родить,
 Вздохъ пробуждаетъ тайныя желанья,
 Желанье наконецъ заговорить
 И — перейдетъ въ любовное посланье,
 Съ посланьемъ же Меркурій полетитъ,
 Охотникъ до подобныхъ порученій,
 А тамъ — не миновать и приключеній,
 Когда Амуръ войдетъ въ права сердець:
 Свиданья, вѣчный страхъ, и наконецъ
 Разбитыя ревнивцемъ съ жаждой мщенья
 И головы, и клятвы увлеченья.

XVII.

Шекспиромъ былъ давно изображенъ
 Типъ этихъ женщинъ въ милой Дездемонѣ.
 Въ Италіи до нынѣшнихъ временъ
 Въ Венеціи роскошной и въ Веронѣ
 Вы встрѣтите подобныхъ много женъ,
 Съ той разницей, — мы думать можемъ смѣло, —
 Что ихъ мужья не слѣдуютъ Отелло,
 Что всѣ мужья прекрасной той страны,
 Какъ черный мавръ, для женщинъ не страшны,
 И жепъ душили едвали-бъ захотѣли,
 За то, что тѣ поклонниковъ имѣли.

XVIII.

Но если кто въ нихъ ревность и найдетъ,
 То свойства очень мирнаго, и нынѣ

Изъ нихъ никто подушки не возьметъ,
 Чтобъ задушить жену свою въ перинѣ;
 Нѣтъ, беззаботный, вѣтренный народъ
 Въ несчастіи иную приметъ мѣру,
 И если въ женъ мужа теряютъ вѣру,
 Изъ нихъ никто не будетъ пораженъ
 Открытою невѣрностію женъ,
 Но каждый мужъ супругѣ отомщаетъ
 Лишь только тѣмъ, что самъ ей измѣняетъ.

XIX.

Случалось ли гондолу видѣть вамъ?
 Я опишу подробно: лодка эта
 Съ навѣсомъ и рѣзьбою по угламъ,
 Безмолвная, вся трауромъ одѣта,
 Какъ темный гробъ, несется по волнамъ.
 За веслами сидятъ два гондольера,
 И весель ихъ разсчитанная мѣра
 Едва слышна.... несется странный гробъ,
 И разгадать не въ силахъ былъ никто бъ,
 О томъ, что въ тишинѣ его творится,
 Что подъ его навѣсомъ говорится.

XX.

И день, и ночь гондолы вокругъ скользятъ,
 Шныряютъ вдоль Ріальто, по каналамъ,
 И у театровъ группы ихъ стоятъ,
 Открытыя всѣмъ путникамъ усталымъ,
 Но, какъ гондолы мрачно ни глядятъ,
 Закутавшись угрюмо въ балдахины, —
 Ихъ мрачными считать намъ нѣтъ причины,

За тѣмъ, что и въ гондолѣ мы, порой,
 Встрѣчали жизнь, и смѣхъ, и пиръ горой.
 Такъ часто мы съ процессіи печальной
 Спѣшимъ, смѣясь, въ каретѣ погребальной.

XXI.

Но я еще разсказъ не начиналъ.
 Лѣтъ за сорокъ тому открылся
 Въ Венеціи блестящій карнавалъ,
 И перереженный народъ завеселился.
 Однажды, разодѣта, какъ на балъ,
 Одна венеціанка пожелала
 Взглянуть на шумный праздникъ карнавала.
 Какъ имя ей! — не могъ я угадать,
 А потому хочу ее назвать
 Лаурою. Названіе Лауры
 Удобнѣе для риѣмъ и для цезуры.

XXII.

Она была не очень молода,
 Но ужь никакъ старухой не смотрѣла,
 Пль дамой, у которой никогда,
 При отношеньяхъ нѣжныхъ самыхъ, смѣло
 Нельзя спросить о возрастѣ. Года
 Подобныхъ дамъ покрыты строгой тайной
 И ни за что — ни прямо ни случайно —
 У нихъ (таковъ упрямый женскій родъ)
 Не выпытать: который же вамъ годъ?
 Онѣ молчатъ съ терпѣніемъ великимъ,
 Что, впрочемъ, мнѣ всегда казалось дикимъ.

XXIII.

Не такова была Лаура. Нѣтъ,
 Еще года лицо ея щадили,
 И жизнь ея въ разцвѣтѣ зрѣлыхъ лѣтъ
 Была свѣтла; Лауру находили
 Красавицей, когда, являясь въ свѣтъ,
 Неслись за ней восторженныя рѣчи
 (Съ красавицей въ толпѣ пріятны встрѣчи).
 И потому-то было такъ свѣтло
 Всегда ея высокое чело,
 Улыбка съ устъ ея не исчезала
 И всякаго, казалось, награждала.

XXIV.

Лаура — замужемъ. Я здѣсь замѣчу вамъ:
 Замужнихъ дамъ покойнѣе дорога:
 За тѣмъ, что на грѣшки подобныхъ дамъ
 Вездѣ сквозь пальцы смотримъ мы, не строго,
 Но если же — со страхомъ передамъ —
 Дѣвица, отшатнувшись отъ приличій,
 Замужствомъ не прикроетъ грѣхъ дѣвичій,
 То ждуть ее позоръ и вѣчный стыдъ,
 Когда она сама не поспѣшитъ
 Свои дѣла, какъ только будетъ можно,
 Вести съ людьми умно и осторожно.

XXV.

Лауры мужъ, по званью моряка,
 Скитался по морямъ и по чужбинѣ;

Когда же, возвратясь издалека,
 Сидѣлъ въ сорокадневномъ карантинѣ,
 И имъ овладѣвала тамъ тоска, —
 Жена его на вышку поднималась,
 Откуда ей все море открывалось,
 И судно, на которомъ мужъ приплылъ
 Изъ странствія далекаго. Онъ былъ
 Купецъ-морякъ, торгующій съ Алеппо,
 По имени Джузеппе, или Беппо.

XXVI.

Съ его лица загаръ не пропадалъ
 И былъ онъ смугль, какъ не инный испанецъ,
 Но красоту едва ль въ немъ уменьшалъ
 Его густой, кори'невый румнецъ;
 Онъ, какъ морякъ, нисколько не терялъ
 Отъ этого суроваго загара,
 И вообще съ женой своей былъ пара.
 Лаура же, хоть не была горда,
 Непобѣдимою считалася всегда,
 Была для всѣхъ, какъ свѣтъ ее ославилъ,
 Женою самыхъ строгихъ, строгихъ правилъ.

XXVII.

Съ послѣдней ихъ разлуки много лѣтъ
 Прошло, — но все домой не ѣхалъ Беппо.
 Какъ, почему его такъ долго нѣтъ? —
 Судили большею частію нелѣпо.
 — Онъ утонулъ! рѣшилъ сначала свѣтъ,
 Потомъ же остроумно порѣшили,
 Что отъ долговъ бѣжалъ онъ; даже были

Охотники побиться объ закладъ :
 Вернется ль онъ когда нибудь назадъ? ..
 Такъ многіе, чтобъ въ мнѣнѣ убѣдиться,
 Тотчасъ же объ закладъ спѣшать побиться.

XXVIII.

Печально очень было, говорятъ,
 Супруговъ разлучавшихся прощанье,
 И каждый былъ предчувствіемъ объять,
 Что это ихъ послѣднее свиданье.
 (Предчувствія подобныя страшать,
 Какъ сонъ воображенія больного;
 Испытывать ихъ вовсе мнѣ не ново).
 Подъ чарами такихъ же смутныхъ грезъ
 Предчувствіе печальное унесъ
 Съ собою мужъ, и затаилъ онъ горе,
 Плыва въ Адриатическое море.

XXIX.

Не ѣдетъ мужъ. Лаура все груститъ,
 Лаура плачетъ, въ трауръ наряжалась,
 Вдругъ потеряла вовсе аппетитъ
 И спать одна рѣшительно боялась:
 Едва гдѣ только ставень заскрипитъ,
 Малѣйшее услышитъ гдѣ движеніе —
 Ей чудится — то воръ, то привидѣнье:
 Ей цѣлый день нигдѣ покоя нѣтъ.
 И вотъ она, во избѣжанье бѣдъ
 И чтобъ чего не сдѣлалось съ ней хуже,
 Рѣшилась завести себѣ виць-мужа.

XXX.

Лаурою былъ выбранъ для услугъ
 (А женщины искусны такъ на это),
 Пока не возвращается супругъ,
 Давно ужъ безъ вѣсти пропавшій гдѣ-то,
 Ей выбрапъ былъ, сказала я, новый другъ,
 Одинъ изъ тѣхъ, всѣ дамы на которыхъ
 Глядятъ съ негодованьемъ въ чистыхъ взорахъ,
 А въ тайнѣ ихъ не прочь и полюбить;
 То былъ шалуиъ, привыкшій шумно жить,
 Богатый графъ, мотавшій денегъ груду.
 О немъ такое мнѣнье было всюду.

XXXI.

Онъ музыку и танцы изучилъ,
 Блистательно умѣлъ играть на скрипкѣ,
 Онъ по-французски бойко говорилъ,
 И даже по-тоскански безъ ошибки.
 Последнимъ онъ особенно дивилъ
 (Въ Италіи — спѣшу предостеречь я —
 Ломаютъ всѣ этрусское нарѣчье)
 И, постановки, оперной знатокъ,
 Къ пѣвцамъ онъ былъ неумолимо строгъ:
 Ту арію всегда встрѣчали хмуро,
 Когда кричалъ онъ въ креслахъ: «siccatura!»

XXXII.

Всей оперѣ давалъ онъ приговоръ
 Молчаніемъ или громкимъ крикомъ: «bravo!»

Дрожаль оркестръ, страшась за свой позоръ,
 Когда, смотря на-лѣво и на-право,
 Бросаль ему нашъ графъ презрѣнья взоръ,
 Иной фальшивой нотой возмущенный;
 И дрожь овладѣвала примадонной,
 Когда, трудясь надъ выводомъ рулядь,
 Встрѣчала вдругъ его лукавый взглядъ;
 Желали всѣ: сопрано, басъ, контръ-альто,
 Чтобъ онъ хоть провалился подъ Ріальто.

XXXIII.

Онъ былъ поэтъ, романсы распѣваль,
 Остриль подчасъ находчиво и мѣтко,
 Всегда импровизаторовъ ласкаль
 И самъ импровизироваль нерѣдко;
 Достоинство картины понималь
 И даже слыль за ловкаго танцора, —
 Въ Италиі жь подобной славы скоро
 Не заслужить; извѣстно съ давнихъ поръ,
 Что итальянецъ вовсе не танцоръ.
 И такъ, онъ слыль за льва въ извѣстномъ кругѣ
 И былъ герой... хоть для своей прислуги.

XXXIV.

Къ тому же, онъ для многихъ женщинъ былъ
 Находкой рѣдкой, въ этомъ я увѣренъ:
 Чѣмъ холоднѣй онъ женщину любилъ,
 Тѣмъ долѣе ей оставался вѣренъ,
 И потому ни разу не смутилъ
 Иной души блаженнаго покоя.
 Въ немъ билось сердце вовсе не такое,

Которое, принявъ любовь въ себя,
Само затрепетало бы любя.
Онъ былъ любовникъ школы очень странной —
Не любящій хотя, но постоянный.

XXXV.

Вотъ почему печальная жена
Вдругъ увлеклась такимъ героемъ слѣпо
И мужу не осталася вѣрна.
Кто жъ виновать, что не вернулся Беппо?
И сколько жъ лѣтъ Лаура ждать должна?
Она могла считать себя вдовою,
И мужъ ея досужею молвою
Давно, давно ужъ былъ похороненъ;
Дѣйствительно, когда не ѣдетъ онъ,
То долженъ мертвецомъ для всѣхъ казаться,
Или, по крайней мѣрѣ, имъ считаться.

XXXVI.

При томъ, для заальпійскихъ женъ
(Хоть грѣхъ большой, прибавлю я къ тому же)
Уже давно почти вошло въ законъ —
Прости ихъ Богъ! имѣть и по два мужа.
Не знаю вѣрно, кѣмъ былъ занесенъ
За Альпы тотъ прелестнѣйшій обычай,
Но онъ ничѣмъ не нарушалъ приличій
И повсемѣстно въ обществѣ терпимъ,
Гдѣ никогдѣ не трогало, что имъ
Между двумя *вторичный* бракъ скрѣплялся,
Которымъ *первый* тотчасъ нарушался.

XXXVII.

Въ Италиі «побочный» мужъ прослылъ
 Подъ именемъ вульгарнымъ «чичисбея»,
 (Но это имя прежде онъ носилъ).
 Тотъ модный бракъ, нисколько не робѣя,
 Къ испанцамъ даже доступъ получилъ.
 Надежда есть, что очень, очень скоро,
 Моря переплывая и озера,
 Всѣ страны эта мода заразить.
 Но Англии пускай не посѣтитъ, —
 Иначе тамъ отъ язвы этой моды
 Начнутся только штрафы да разводы.

XXXVIII.

Хотя всегда съ почтеньемъ я гляжу
 На юныхъ дѣвъ, — лукавить для чего же?
 Я откровенно все-таки скажу:
 Мнѣ женщина гораздо ихъ дороже,
 Когда за ней я въ обществѣ слѣжу
 Иль съ глазу на глазъ съ нею повстрѣчаюсь.
 Обрисовать я этимъ не стараюсь
 Ни англійскихъ и ни французскихъ женъ;
 Я говорю: всѣхъ дамъ свободный тонъ
 И эта рѣчь, текущая свободно,
 Плѣнять, сведуть съ ума, кого угдѣсь.

XXXIX

Взгляните жъ вы на рядъ прелестныхъ миссъ.
 Какъ хороши!... но такъ онѣ пугливы;

Такъ часто опускають глазки внизъ,
 И краскою албють, точно сливы,
 Что вы отъ нихъ всегда бы отреклись.
 Всего стыдась, молчать опѣ упрямо
 И словно ждуть, что имъ подскажетъ «та́мша».
 И ихъ занятя, лепеть, робкій взглядъ
 Напомятъ вамъ спелененныхъ ребятъ.
 Притомъ, отъ мнесь межъ англійскимъ народомъ,
 Всегда немножко пахнетъ бутербродомъ.

XL.

И такъ назвашь: *Cavalier servente*
 (Вездѣ употребительное слово)
 Лишь значить—мужъ заштатный, или франтъ,
 Занятія не знающій иного,
 Какъ постоянно — это ихъ талантъ, —
 Быть продолженьемъ шлейфа милой леди,
 Приятно улыбаться на обѣдѣ,
 Отыскивать гондолу, экипажъ,
 Услуживать при случаѣ, какъ пажъ,
 Носить за ней перчатки, шали, шляпки
 И въ магазинахъ купленныя тряпки.

XLI.

Какъ ни была бь Италия страшна
 Для всѣхъ мужей, знакомыхъ съ мукой ада,
 Люблю тебя, роскошная страна,
 Люблю смотрѣть на кисти винограда,
 Въ полдневный зной у открытаго окна,
 Віющихся въ несвязанныхъ размѣрахъ,
 (Тотъ виноградъ не тотъ, что на шпагерахъ).

Гдѣ лозы прихотливо заплелись,
 Зеленой бахрамой спадая внизъ.
 Такъ на холстѣ, натянутомъ на рамалъ,
 Малюють виноградникъ въ мелодрамахъ.

XLII.

Люблю скакать безъ усталы перхомъ
 Въ осенній день, не спрашивая груга,
 Лежить ли плащъ дорожный за сѣдломъ,
 Боясь, что солнце спрячется угрюмо
 И я могу промокнуть подъ дождемъ.
 Передо мною вся въ зелени аллея,
 И путь свой перерву я не жалѣя,
 Когда воровъ увижу длинный рядъ,
 Везущихъ сѣбѣй, красный виноградъ, —
 А въ Англїи на каждомъ перекресткѣ,
 Съ навозомъ бы попались намъ повозки.

XLIII.

Любилъ я, солнце, весело смотрѣть
 На твой закатъ, увѣренный заранѣ,
 Что завтра такъ же будешь ты горѣть
 И, не скрываясь въ утреннемъ туманѣ,
 Какъ и всегда не перестанешь грѣть.
 Нѣтъ, не напомнить намъ твой взоръ привѣтный
 Взоръ пьяницы мертвящій и безцвѣтный,
 И при лучахъ роскошныхъ южныхъ дней,
 Не вспомню я о заревѣ огней,
 Съ болѣзненныи мерцаніемъ горящихъ
 Въ чаду паровъ, надъ Лондономъ висящихъ.

XLIV.

Люблю тебя, Италии языкъ!
 Ты, каждый слухъ чаруя и балуя,
 Напоминать гармоніей привыкъ
 Волшебный звукъ святого поцѣлуя,
 Съ устъ женщины сбѣжавшій въ сладкій мигъ.
 Въ томъ языкѣ, — весь югъ благоуханный!
 Сравню ль его съ нарѣчьемъ нашихъ странъ,
 Иль съ разговоромъ хмурыхъ англичанъ,
 Которые не могутъ выражаться,
 Чтобъ не шипѣть, свистать и не плеватьея?

XLV.

Люблю еще (и кто же слабость ту
 Мнѣ не простить?) прелестныхъ итальянокъ,
 Равно ихъ всѣхъ люблю за красоту:
 И смуглолицыхъ, огненныхъ крестьянокъ,
 Ихъ черныхъ глазъ и жаръ, и теплоту,
 Въ которыхъ страсть горитъ съ улыбкой кроткой,
 И важныхъ дамъ съ классической походкой;
 Люблю ихъ взоръ, вамъ говорящій вдругъ,
 Что въ немъ живетъ — и этотъ теплый югъ,
 И той природы дѣвственные ласки,
 И тѣхъ небесъ полуденныя краски.

XLVI.

О, красота! Ты Ева той страны!
 Рафаэля не ты ли возродила,

Чьи образы безсмертью преданы?
 Не ты ль его съ богами породила,
 Которые завидовать должны
 Его твореньямъ?... Чья же, чья же лира
 Достойна воспѣвать тебя для міра?
 Нѣтъ, ни одинъ пѣвецъ не воспоетъ
 Твоихъ чудесъ, твоихъ живыхъ красотъ,
 И всѣ слова безсильны и не новы,
 Пока живутъ созданія Кановы.

XLVII.

«Все въ Англіи люблю я» (такъ въ Калѣ
 Я говорилъ), и даже недостатки!»
 Оставшись вѣренъ этой похвалѣ,
 Люблю твое правительство, порядки
 Люблю свободу въ англійской землѣ,
 (Пока ея имѣютъ англичане),
 Права пера въ литературномъ станѣ,
 Люблю типографическій станокъ,
 Котораго стѣснить никто не могъ,
 Люблю я шумъ парламентскаго спора,
 Лишь только бѣ онъ оканчивался скоро.

XLVIII.

Люблю налогъ, который не тяжелъ,
 И огонекъ, пылающій въ каминѣ,
 Люблю бифштексъ, поставленный на столъ,
 И пиво я люблю еще донинѣ,
 Люблю, покамѣстъ дождикъ не пошелъ,
 Хорошую погоду (а погода

Бываетъ хороша, въ теченье года,
 Три мѣсяца, и то едва-едва). —
 И такъ, люблю Британіи права,
 Ея граждагь солидность и свободу
 И не совсѣмъ веселую природу,

XLIX.

Ея солдатъ и темныхъ фабрикъ дымъ,
 Ея прѣкты, подати, реформы,
 И митинги, которыми хотимъ
 Себя увѣрить съ очень давнихъ поръ мы,
 Что мы—народъ свободный; мной любимъ
 Ея банкротствъ тяжелыхъ списокъ длинный
 И ледь, и холодъ леди нашей чинои,
 И нашъ холодный сѣверный туманъ,
 Ну, словомъ, — все въ отчизнѣ англичанъ,
 Какъ есть теперь, или какъ прежде было,
 Миѣ кажется плѣнительно и мило.

L.

Но возвращусь къ разсказу. Миѣ давно
 Пора окончить это отступленье,
 Къ тому жь, въ глазахъ читателя, оно
 Со стороны поэтовъ—преступленье.
 Читателю совсѣмъ не суждено
 Такъ подчиняться авторскимъ капризамъ;
 И, склонный къ неожиданнымъ сюрпризамъ,
 Онъ непремѣнно требуетъ отъ насъ
 Съ моралью и съ завязкою разсказъ,
 Который первы трогаль бы, — а это
 Въдь не всегда по силамъ для поэта.

LI.

Когда бъ я могъ, читатели, для васъ
 Писать легко, звать не заставляя!
 Когда бъ я могъ взобраться на парнассъ,
 Гдѣ засѣдаютъ музы, вдохновляя
 Пныхъ пѣвцовъ!... О, что бы за рассказъ,
 Хоть греческій или ассирійскій даже,
 Я написалъ тотъ часъ же для продажи,
 И отдалъ бы книгопродавцамъ въ плѣнь
 Богатое собранье пестрыхъ сценъ,
 Чувствительныхъ весьма, сантиментальныхъ,
 Съ присутствіемъ героевъ идеальныхъ.

LII

Но я пѣвецъ, увы! не безъ грѣха,
 Мнѣ мѣста пѣтъ на славномъ Геликонѣ,
 Я риѣму подбираю для стиха,
 Какая попадется въ лексиконѣ
 (Пусть риѣма будетъ даже и плоха),
 О критикахъ не думая заранѣ,
 Меня предать готовыхъ грозной брани;
 И даже я не рѣдко на пути
 Предполагалъ до прозы низойти,
 Но мода на стихи пошла въ народѣ —
 И я останусь вѣренъ этой модѣ.

LIII.

Съ Лаурой графъ жилъ мирно и въ ладу,
 Почти шесть лѣтъ ихъ связь не прерывалась,

Хоть иногда у нихъ—разъ нѣсколько въ году—
 И ссора межъ собою начиналась,
 Но не служила, впрочемъ, къ ихъ вреду,
 И ревностью навѣянная ссора
 Всегда кончалась очень, очень скоро.
 Въ подобныхъ отношеніяхъ нельзя жь,
 Чтобъ маленькая ссора или блажь,
 Ревнивый гнѣвъ, иль что нибудь такое,
 Не нарушали изрѣдка покоя.

LIV.

Но вообще счастливою четой
 Назвать ихъ можно было безъ пристрастья,
 Счастливою на столько, что пустой
 Пной капризь не нарушалъ ихъ счастья:
 Она плѣняла зрѣлой красотой,
 Онъ нѣженъ былъ, для нихъ любви оковы
 Казались легки и не суровы.
 Свѣтъ ихъ щадилъ, и лишь порой ханжа
 Ихъ къ чорту посылалъ, но, сторожа
 Всѣхъ юношей, попавшихъ въ сѣть къ амуру,
 Чортъ пощадилъ и графа и Лауру.

LV.

Да, молодость любовь ихъ сберегла.
 Любовь и юность — всюду неразлучны;
 Вѣдь безъ любви и юность не тепла,
 Безъ юности любви порывы скучны.
 Одна любовь въ дни юности могла
 Насъ оживлять, смиряя жизни ропоть,
 Одну любовь не улучшаетъ опытъ,

Печальный опытъ многихъ трудныхъ лѣтъ.
 Не потому ль старикъ, въ которомъ нѣтъ
 Того огня, что юность оживляетъ,
 Насъ ревностью своею забавляетъ.

LVI.

Былъ карнавалъ. (Строфъ тридцать шесть назадъ
 Я объявилъ читателю объ этомъ).
 Лаура, приготовивъ свой нарядъ,
 Заняться посидѣла туалетомъ.
 Такъ дѣлалъ, вѣроятно, мой собратъ,
 Заботясь о задуманномъ нарядѣ,
 Чтобъ быть у мистриссъ Бемъ на маскарадѣ.
 Лишь разнища въ тѣхъ случаяхъ одна:
 Веселью долѣ Италия вѣрна.
 Тамъ карнавалъ всѣмъ маски надѣваетъ
 И шесть недѣль съ толпы ихъ не снимаетъ.

LVII.

Лаура нарядилась, не спѣша.
 Подобныхъ женщинъ рѣдко встрѣтишь въ мірѣ.
 Она была свѣжа и хороша,
 Какъ херувимъ... на вывѣскѣ въ трактирѣ,
 Цль наконецъ, сравненьемъ не грѣша,
 Какъ первая виньетка на журналѣ,
 Гдѣ модныя картинки прибрывали
 Обертками изъ тонкаго листка,
 Затѣмъ, чтобъ ни единая строка
 Отъ сильнаго давленья не осталась
 На тѣхъ мѣстахъ, гдѣ тальма рисовалась.

LVIII.

Они пошли въ Ридотто; это залъ,
 Гдѣ люди пьютъ, танцуютъ, веселятся,
 Балъ съ маскамп, большой народный балъ,
 Который бы напомнилъ, можетъ статья,
 (Хоть въ меньшемъ видѣ только) нашъ воксаль,
 Съ той разницей, что тамъ героевъ бала
 Дожливая погода не пугала.
 И такъ—былъ балъ, и въ свѣтлой залѣ той
 Мы встрѣтились бы съ пестрою толпой,
 Которая (замѣчу въ назиданье)
 Гораздо ниже нашего вниманья.

LIX.

Такъ «пестрою толпою» мы всегда
 Часть публики известной называемъ,
 Въ собраніяхъ которой никогда
 Друзей своихъ и близкихъ не встрѣчаемъ,
 Друзей, которымъ всюду безъ стыда
 Готовы мы при встрѣчѣ поклониться.
Толта — совѣмъ иное, — подчиниться
 Она всегда готова моднымъ лвамъ,
 Капризамъ ихъ, велѣньяиъ и словамъ
 Избранниковъ однихъ «*большого свѣта*»
 (Чѣмъ свѣтъ великъ?—темно названье это).

LX.

Такъ было прежде въ Англии, въ тѣ дни
 Когда являлись дэнди въ модномъ свѣтѣ:

Быть можетъ, нынче изгнаны они
 Иною расой франтовъ на паркетъ
 И доживаютъ жизнь свою въ тѣни...
 Избранники и демагоги моды!
 Не разъ къ вамъ безошадны были годы,
 Не разъ вашъ блескъ затерянъ былъ во мглѣ!
 Такъ погибаетъ слава на землѣ:
 Отъ войнъ, любви и, что гораздо хуже,
 Отъ зимняго мороза и отъ стужи.

LXI.

Примѣръ тому хотя Наполеонъ.
 Рукой могучей сѣвернаго Тора
 Онъ съ арміей своей былъ побѣжденъ, —
 Стихіями осилень былъ безъ спора.
 Такъ храбрый китоловъ, со всѣхъ сторонъ
 Затертый льдами, въ морѣ погибаетъ,
 Такъ новичекъ со страхомъ разрываетъ
 Грамматики учебникъ роковой.
 Наполеонъ палъ жертвой боевой,
 А счастье?... но замолчу здѣсь строго,
 Затѣмъ, что въ счастье вѣрю я не много.

LXII.

Фортуны власть надъ нами велика.
 Безсмертная, отъ дѣла не старѣя,
 Намъ счастье раздаетъ ся рука
 Въ любви, въ женитьбѣ, въ картахъ, въ лотереѣ.
 Съ фортуной я не кончилъ счетъ пока,
 Она мой путь не много украшала,
 Но все жь меня надежда не кидала,

Что, наконецъ, за тяжкій рядъ невзгодъ
 Она мнѣ дастъ порядочный доходъ.
 Я буду ждать... а потому-то нынѣ
 Ни слова ни скажу я о богинѣ.

LXIII.

Разсказъ мнѣ не дается, словно кладъ,
 Начну—и двадцать разъ перерываю,
 Но—въ томъ размѣръ условный виновать,
 Котораго никакъ не уломаю.
 Бросать его — ужь поздно; радъ-не радъ
 Я подчинюсь капризному размѣру.
 Хотя въ него и потерялъ я вѣру,
 Но ежели въ градуице года
 Съ нимъ, наконецъ, я справлюсь — о, тогда,
 Почтивъ его своей послѣдней тризной,
 Я изберу размѣръ не такъ капризный.

LXIV.

Они пошли въ Ридотто (и туда
 Самъ думаю отправиться я скоро,
 Чтобъ нѣсколько развлечься, господа,
 Средь бальныхъ танцевъ, пляски, разговора,
 Чтобъ отгадать на балѣ иногда
 Черты лица подъ темной пеленою;
 А такъ какъ скука странствуетъ за мною,
 Не торопясь, то, посѣтивши балъ,
 Ее, пожалуй, я бы перегналъ
 На часъ одинъ, на полчаса, положимъ,
 А въ полчаса мы много сдѣлать можемъ).

LXV.

А между тѣмъ, Лаура въ залъ пошла,
 Лицо ея улыбкою сіяло,
 Иныхъ она къ себѣ подозвала,
 Шептала съ тѣмъ, тѣмъ головой кивала;
 Когда жъ Лаура долго не могла
 Быть въ духотѣ, — по одному лишь взгляду,
 Графъ приносилъ ей тотчасъ лимонаду;
 Потомъ она, оглядывая вокругъ
 Костюмъ своихъ блистательныхъ подругъ,
 Замѣтила, и даже не безъ вздоха,
 Что всѣ онѣ одѣты очень плохо.

LXVI.

Лицо одной пылало отъ румянъ,
 Та — локоны фальшивые имѣла,
 На третьей — безобразнѣйшій тюрбанъ.
 Четвертая — какъ саванъ побѣлѣла,
 И застлала глаза ея туманъ;
 На пятой — весь костюмъ какой-то жалкій,
 Шестая — говоритъ провинціалкой,
 Седьмая, у которой по плечу,
 Но... «Видѣть ихъ я больше не хочу» *),
 Чтобы онѣ, какъ привидѣнья Банко,
 Не шли за мной, — рѣшила итальянка.

*) «I'll see no more» — фраза изъ Макбета, Шекспира.

LXVII.

Пока она осматривала залъ
 И масокъ разноцвѣтные наряды,
 Ее встрѣчали ропотомъ похвалъ,
 Она ловила огненные взгляды,
 И только женщинъ многихъ возмущалъ
 (Онѣ вдругъ стали пасмурны и хмуры)
 Восторгъ мужчинъ предъ красотой Лауры,
 Которой видъ, улыбка, свѣтлый взоръ
 Еще волнуютъ ихъ до этихъ поръ,
 — «И этого, — сказали втайнѣ дамы, —
 Ей извинить не можемъ никогда мы».

LXVIII.

Что жъ до меня касается, то я
 Не прекословлю въ этомъ строгимъ дамамъ,
 Негодование въ сердцѣ затая.
 Что для страны всегда казалось срамомъ,
 Волнуеть постоянно и меня,
 И еслибъ я былъ облеченъ тѣмъ саномъ,
 Которымъ разрѣшается всегда намъ
 Все говорить
 Тогда бы я затѣялъ новый родъ
 Проповѣдей, и проповѣди эти
 Извѣстность получили бы на свѣтѣ.

LXIX.

И такъ, пока Лаура въ залѣ шла,
 Шутя, смѣясь направо и налѣво,

Не думая, что для подругъ была
 Причиною и зависти, и гнѣва,
 И граціей своею ихъ всѣхъ съ ума свела,
 Пока она въ блестящей залѣ бала
 Вокругъ себя поклонниковъ сбирала,
 То съ этимъ объяснялася, то съ тѣмъ,
 Какой-то незнакомецъ между тѣмъ
 За ней слѣдилъ съ упорствомъ постояннымъ
 И нѣсколько—признаться нужно—страннымъ.

LXX.

Тотъ незнакомецъ туркомъ былъ одѣтъ,
 Съ лицомъ почти-что бронзоваго цвѣта;
 Лаурѣ онъ поправился иль нѣтъ —
 Не знаю я. Поклонникъ Магомета
 За многоженство, можетъ быть, привѣтъ
 И вызоветъ, но только мудрено намъ
 Завидовать его гаремнымъ женамъ,
 Которыхъ какъ рабынь скупаютъ онъ
 И, четырехъ имѣя въ домѣ женъ,
 Наложницъ можетъ, если есть охота,
 Держать всегда «ad libitum», безъ счета.

LXXI.

Притомъ же онъ ихъ прячетъ подъ заперъ,
 Онъ лица ихъ скрываетъ подъ покровомъ,
 И женщина считаетъ за позоръ
 Съ мужчиною обмолвиться хоть словомъ,
 Хотя бъ онъ былъ родня ей съ давнихъ поръ;
 И тѣмъ рабамъ запуганнымъ едва ли
 Когда бъ нибудь завидовать мы стали.

Обычаю восточному вѣрны,
 Бездѣйствовать всю жизнь онѣ должны,
 Кормить дѣтей, купаньемъ нѣжить кожу
 И подходить по очереди къ ложу.

LXXII.

Имъ незнакомы книжная печать
 И толки о послѣдней, новой драмѣ,
 Остротами не думая блистать,
 Онѣ совсѣмъ не склонны къ эпиграммѣ,
 Но если бъ свѣтъ проникъ туда—какъ знать!
 И начался расколъ во всемъ гаремѣ,
 Кто бъ справился съ красавицами тѣми?
 Но къ счастью, что въ ихъ средѣ пока
 Не заводилось *синяю чулка*
 И юноши румянаго, съ которымъ
 Онѣ могли бъ заняться книжнымъ вздоромъ.

LXXIII.

Имъ незнакомъ торжественный рюмачъ,
 За славою гошающійся вѣчно,
 Ручной звѣрокъ, поэзіи палачъ,
 Терзающій нашъ слухъ безчеловѣчно,
 Стихами называющій свой плачъ
 И хныканье; привляка на пегасъ,
 Руководитель женщинъ на парнасѣ
 И юношей, задумавшихъ *творить*;
 Посредственность, желающая быть
 Прославленной, извѣстной для чего-то,
 Имѣя смелъ и силу идиота.

LXXIV.

Имъ незнакомъ оракуль-стихоплетъ,
 Хвалящій то, что стоитъ поруганья,
 Жужжащій дни и ночи на пролётъ
 И мучающій насъ безъ состраданья
 Восторгами, — хотъ ихъ никто не ждетъ, —
 Пль наглостью, цинизмомъ грязной брани,
 И съ жадностью глотающій въ туманъ
 Извѣстность жалкую, и наконецъ
 Такихъ поэмъ бездарнѣйшій пѣвецъ,
 Что все онъ имѣли бъ славу ту же,
 Когда бъ еще гораздо были хуже..

LXXV.

Непризнанныхъ талантовъ роль жалка.
 Они напоминаютъ почему-то
 Глядящаго надмѣнно свысока,
 Лоскутьями обвѣшаннаго шута.
 Ихъ разгадать — задача не легка,
 Но самаго отчаяннаго фата,
 Котораго встрѣчали мы когда-то,
 Безъ усталы болтавшаго, едва-ль
 Терпимѣ любой журнальный враль
 И вся коллекція бумажныхъ насѣкомыхъ,
 Живущая въ журналахъ и въ альбомахъ.

LXXVI.

Я исключая избранныхъ натуръ
 Изъ темной касты пишущихъ педантовъ.

Васъ, Роджерсъ, Вальтеръ-Скоттъ, и Тóмасъ-Муръ,
 Васъ, съ обществомъ подобныхъ фигурантовъ,
 Съ собраніемъ плохихъ карриатуръ,
 Не смѣшиваль еще никто въ народѣ.
 Такъ пусть они, тупые по природѣ,
 Гоняясь за чужою остротой,
 Проходятъ безъ слѣдовъ передъ толпой,
 Съ запасомъ фразъ избитыхъ и мишурныхъ
 Для мальчиковъ и дамъ литературныхъ.

LXXVII.

Нѣтъ, мусульманкамъ съ дѣтскихъ ихъ пелень
 Невѣдомы, ко счастью, люди эти
 И чужды имъ какъ колокола звонъ,
 Гудящій на турецкомъ минаретѣ;
 Но если бы издать такой законъ
 (Я въ свой проектъ имѣю много вѣры),
 Чтобъ на востокъ пошли миссіонеры
 Съ запасомъ христіанскихъ мудрыхъ книгъ
 Вводить въ гаремахъ книжный нашъ языкъ,
 Тогда навѣрно бъ мы пришли къ богатымъ
 И несомнѣнно важнымъ результатамъ.

LXXVIII.

Но не проникла химія въ гаремъ,
 Для дѣвъ его никто не сочиняетъ
 Религіозныхъ повѣстей, поэмъ,
 И лекціи никто имъ не читаетъ,
 Хотя о метафизикѣ. Затѣмъ.
 Онѣ картинныхъ выставокъ не знаютъ
 И за теченьемъ звѣздъ не наблюдаютъ,

Не предаются вздохамъ при лунѣ
 И чистой математикой онѣ
 Не занимались въ школъ педагога,
 За что всегда благодарю я Бога.

LXXIX.

А почему его благодарю? —
 Особья причины есть на это;
 Я ничего теперь не говорю
 И всѣхъ пока оставлю безъ отвѣта,
 Но, можетъ быть, когда я возгорю
 Желаніемъ — для прозы бросить лиру —
 Я напишу объ этомъ вамъ сатиру.
 Я склонность къ ней ужъ чувствую давно,
 Хоть въ старости браниться и смѣшно:
 На склонѣ лѣтъ, тотъ смѣхъ насъ оживляетъ,
 Который думать чаще заставляетъ.

LXXX.

Веселья и невинности года!
 Дни чистаго, святаго упованья!
 Въ нашъ черствый вѣкъ, пачавшій безъ стыда
 Все разрушать, въ припадкѣ отрицанья,
 Мы не отыщемъ вашего слѣда.
 Но, все равно! я остаюсь вамъ вѣренъ,
 И стану восхвалять васъ. Я увѣренъ,
 Что времена счастливыя опять
 Придется намъ когда нибудь встрѣчать,
 И я теперь, о, сладкія мгновенья!
 Пью горькій джинъ за ваше возвращенье.

LXXXI.

А турокъ на Лауру все глядитъ,
 Не сводитъ глазъ съ нея ни на минуту,
 И взоръ его, казалось, говорить:
 — «Я на тебя смотрю, а потому-то
 Не уходи!»... подобный взоръ смутить
 Пную робкую, пугливую натуру,
 Но не смутить несколько онъ Лауру.
 Случалось ей уже не въ первый разъ
 Выдерживать огонь подобныхъ глазъ,
 А потому безъ страха, безъ румянца
 Она встрѣчала взгляды иностранца.

LXXXII.

Ночь пронеслась, и близокъ былъ разсвѣтъ,
 И въ этотъ часъ любительницамъ бала
 Осмѣлюсь дать одинъ благой совѣтъ:
 Покаместъ дня еще не наступало
 Скорѣй кидайте балъ или банкетъ.
 При освѣщенъѣ люстры вы блистали,
 Когда жь потухнуть лампы въ бальной залѣ
 И солнца лучъ въ окошко проскользнетъ,
 Тогда у васъ румянецъ пропадетъ,
 И яркіе лучи дневнаго свѣта
 Вдругъ обличать все тайны туалета.

LXXXIII.

Когда-то, жизнь и время не цѣня,
 Я по баламъ шатался и упрямо

Сидѣлъ всю ночь и ждалъ явленья дня,
 Чтобъ подсмотреть, найдется ли тамъ дама,
 Которая (кто жь обвинить меня
 Осмѣлите за наблюденье это?)
 Безъ страха встрѣтитъ лучъ дневнаго свѣта?
 Я много зналъ красивыхъ дѣвъ и женъ,
 Но лишь *одной* былъ только пораженъ,
 Которой щеки такъ же были алы
 При блескѣ дня, какъ и при лампахъ залы.

LXXXIV.

Я имени ея не назову,
 Не потому, что имя это — тайна,
 Но для чего жь бросать его въ молву,
 Когда она мнѣ встрѣтилась случайно,
 Какъ свѣтлый сонъ, мелькнувшій на яву?
 Но, можетъ быть, ее вы-бъ повстрѣчали
 На лондонскомъ или парижскомъ балѣ,
 Гдѣ вы бывали вѣрно иногда;
 Идите же искать теперь туда
 Румянецъ щекъ, который безъ испуга
 Поспорилъ бы съ румянымъ утромъ юга.

LXXXV.

Лаура, безъ сомнѣнья, поняла
 Невыгуду на балѣ оставаться
 До той поры, когда исчезнетъ мгла
 И день начнетъ сквозь окна прорываться,
 А потому она уже была
 Готова балъ оставить безъ печали.
 Графъ шелъ за ней съ запасомъ теплой шали

И всевозможныхъ экстренныхъ услугъ;
Они идутъ — но ихъ встрѣчаетъ вдругъ
Препятствіе (не рѣдкіе примѣры):
Отъ ихъ гондолы скрылись гондольеры.

LXXXVI.

Всѣ гондольеры, точно какъ у насъ
Извозчики передъ дверьми собраній,
Толкаются, тѣнятся каждый разъ
Среди пииковъ и самой крупной брани,
И хоть порывъ тѣхъ слишкомъ грубыхъ фразъ
Приходится смирять не рѣдко стражъ,
Но и при ней они не могутъ даже
Удерживать разнузданный языкъ,
Къ которому едва ли кто привыкъ, —
А потому всѣ эти выраженья
Я не введу въ рассказъ свой, безъ сомнѣнья.

LXXXVII.

Но наконецъ, гондолу отыскавъ,
Поѣхали вдоль тихаго канала
Они домой. Болталъ съ Лаурой графъ
Объ обществѣ и о костюмахъ бала,
Съ злословіемъ свой смѣхъ перемѣшивъ.
Когда жъ они къ палаццо подплывали,
И къ лѣстницѣ, купавшейся въ каналѣ,
Гондола тихо, тихо подилыла,
Лаура взоръ случайно подняла:
Вдругъ передъ нею — случай очень странный —
Опять стоитъ все тотъ же мусульманинъ.

LXXXVIII.

Графъ сдвинулъ брови. — «Слушайте, синьоръ,
 Поступки ваши требуютъ отвѣта
 И вызываютъ насъ на разговоръ.
 Зачѣмъ вы здѣсь? Иль, наконецъ, все это
 Нечаянность? Но съ этихъ поръ
 Вы прекратить должны свою причуду,
 А иначе я самъ обязанъ буду
 Заставить васъ... вы можете понять»...
 — Миѣ нечего, синьоръ, вамъ объяснить,
 Отвѣтилъ турокъ тутъ не безъ улыбки: —
 Здѣсь никакой, поймите, гдѣтъ ошибки.

LXXXIX.

— И эта дама, графъ, — *моя жена!*..
 Извѣстемъ неожиданнымъ не мало
 Лаура вдругъ была поражена;
 Но гдѣ-бъ британка въ обморокъ упала
 И памяти лишиться бы должна,
 Тамъ итальянка съ тайною мольбою
 Въ одну минуту справится съ собою
 Безъ помощи эссенцій спиртовыхъ,
 Флаконовъ, оттираній роковыхъ,
 Разрѣзанныхъ шпуровокъ на корсетѣ,
 Какъ вообще случается на свѣтѣ.

XC.

Лаура растерялась и молчить.
 И что сказать могла она? Ни слова.

Но иноземца вѣжливо спѣшить
 Графъ пригласить (хоть это было ново)
 Войти въ ихъ домъ. Онъ турку говоритъ:
 — «Чтобъ избѣжать публичнаго содома,
 Мы обо всемъ перетолкуемъ дома,
 Себя не выставляя на показъ
 Для сотни любопытныхъ слишкомъ глазъ,
 Иначе же дадимъ мы нищу разомъ
 Различнымъ толкамъ, сплетнямъ и рассказамъ».

ХСІ.

Они вошли въ палатку. Имъ несутъ
 Душистый кофе, сдѣланный заранѣ;
 Извѣстно намъ — напитокъ этотъ чтуть
 Равно какъ турки, такъ и христіане,
 Хотя его они различно пьютъ.
 Межъ тѣмъ Лаура, скрывъ свое смущенье,
 Воскликнула: «Ахъ, Бешо! Безъ сомнѣнья
 Ты не язычникъ? тотъ же, какъ всегда?
 Ахъ, Господи, какая борода!
 Гдѣ жъ ты скитался долго? Почему же
 Я столько лѣтъ не слышала о мужѣ?»

ХСІІ.

«Не туркомъ ли вернулся ты назадъ?
 Не взялъ ли ты жену себѣ моложе?
 Ахъ, правда-ль, будто турки всѣ ѣдятъ
 Не вилками, а пальцами?.. Мой Боже!
 Таковую шаль видалъ ли кто наврядъ!
 Не миѣ-ль ее привезъ ты изъ чужбины?
 Ахъ, да, скажи мнѣ, правда-ль, что свиинны

Не разрѣшаетъ туркамъ Магометъ?..
 И какъ ты могъ, скажи мнѣ, столько лѣтъ
 Жить безъ... А я, Maria Santa, я же...
 Но ты такъ желтъ, что, право, страшно даже.

ХСІІІ.

«Ахъ, Беппо, борода къ тебѣ не идетъ...
 Сбрей бороду пожалуйста скорѣе.
 Къ чему она? Чтобъ насмѣшить народъ?
 Иль ты забылъ, что, какъ и прежде грѣя,
 На родинѣ все такъ же солнце жжетъ?
 А твой костюмъ... прошу я, Бога ради,
 Не выходи теперь въ такомъ нарядѣ.
 Вѣдь у людей ужасно злой языкъ...
 И для чего жь ты волосы остригъ?
 Ахъ, Господи! смотрѣть обидно, просто:
 Не сосчитать твоихъ сѣдыхъ волосъ-то!..»

ХСІV.

Какъ Беппо отвѣчалъ своей женѣ,
 Не знаю точно я, но, между нами, —
 Вотъ что о немъ теперь извѣстно мнѣ:
 Онъ на берегъ былъ выброшенъ волнами
 И очутился вдругъ въ той сторонѣ,
 Гдѣ, будто бы, стояла прежде Троя,
 Но гдѣ тогда для нашего героя
 Настала жизнь неволи и труда;
 Но онъ бѣжалъ къ пиратамъ на суда
 И, добровольно ставши ренегатомъ,
 Жилъ хорошо и сдѣлался богатымъ.

XCV.

Разбогатѣвъ съ избыткомъ, началъ онъ
 Подумывать о родинѣ далекой,
 Съ которой былъ такъ долго разлученъ,
 И о странѣ родной тоски глубокой
 Не пересилилъ повый Робинзонъ:
 Все къ ней влекло его неудержимо.
 Случилось разъ — корабль испанскій мимо
 Тѣхъ самыхъ мѣстъ шель въ Корфу съ табакомъ;
 На тотъ корабль пробравшись тайкомъ
 И случаю себя ввѣряя слѣпо,
 Отправился искать удачи Беппо.

XCVI.

Онъ на корабль испанскій перенесъ
 Свои богатства, — Богу лишь извѣстно,
 Гдѣ онъ ихъ взялъ, — (не въ томъ теперь вопросъ:
 Они добыты честно или не честно?)
 Но бѣгство это Беппо удалось.
 Онъ говорилъ: «лишь только *Провидѣнье*
Спасло меня тогда!»

 И такъ, корабль пустился быстро въ путь
 Безъ всякихъ бѣдъ, крушеній и погони,
 И, простоявъ три дня на мысѣ Боннѣ,

XCVII.

Онъ прибылъ въ Корфу. Беппо въ тотъ же часъ
 Съ своимъ добромъ сѣлъ на другое судно,

Гдѣ называлъ себя на этотъ разъ
 Купцомъ турецкимъ (было бѣ безразсудно
 И поступить иначе); на показъ,
 Онъ выставилъ товаръ свой для продажи.
 И торговалъ, никѣмъ не узнавъ даже.
 Такъ, избѣжавъ несчастій и засадъ,
 Въ Венецію вернулъ онъ назадъ,
 Чтобъ вновь примкнуть къ забытому имъ кругу
 И снова отыскать свою супругу.

ХСVIII.

Жена его радушно приняла,
 Безъ ропота, безъ явнаго проклятья,
 Но тотчасъ же чалму съ него сняла,
 И день одинъ ходилъ онъ въ графскомъ платьѣ;
 Толпа друзей привѣтлива была
 И стала ѣздить къ Беппо на обѣды,
 На ужины и длинныя бесѣды
 Хозяина, который всякій разъ
 Готовилъ имъ какой нибудь рассказъ,
 Но, хоть гостей бесѣда развлекала,
 Въ рассказы тѣ я вѣрю очень мало.

ХСIX.

Быть можетъ, Беппо точно испыталъ
 Не мало бурь и бѣдъ въ иные годы;
 Но, наконецъ, и онъ покой узналъ
 И вспоминать любилъ свои невзгоды,
 Хотя подъ часъ съ Лаурой онъ бывалъ

И не въ ладахъ... Миѣ, кетати, говорили,
Что онъ и графъ — пріятелями жили.
Но конченъ листъ, нѣтъ мѣста для пера,
И мой разсказъ кончатъ давно пора.
Давно пора! держусь хоть этой вѣры,
Но сталъ писать — и вышелъ вопъ изъ мѣры.

V.

ТАНГЕЙЗЕРЪ.

Тангейзеръ.

(Поэма Гейне).

(н. м. соколовскому.)

I.

Бойтесь, бойтесь, Эссане,
Сѣти демоновъ. Теперь я
Въ поученье расскажу вамъ
Очень древнее повѣрье.

Жилъ Тангейзеръ — гордый рыцарь.
Поселясь въ горѣ Венеры,
Страстью жгучей и любовью
Наслаждался онъ безъ мѣры.

— «О, красавица Венера!
Чась пришелъ съ тобой прощаться.
Не могу я жить съ тобою,
Не могу здѣсь оставаться.»

— «Милый рыцарь, ты сегодня
Скупъ на ласки. Для чего же,
Не ласкаясь и тоскуя,
Хочешь бросить это ложе?»

«Каждый день виномъ яптарнымъ
Я твой кубокъ наполняла,
И вѣнокъ изъ розъ душистыхъ
Каждый день тебѣ свивала.»

— «Мнѣ наскучили, подруга,
Поцѣлуй, вина, розы,
Мнѣ пужны теперь страданья,
Мнѣ доступны только слезы.

«Пусть замолкнутъ смѣхъ и шутки,
Скорбь зову къ себѣ на смѣху,
Вмѣсто розъ вѣнокъ терновый
Я на голову надѣну.»

— «Милый рыцарь, мой Тангейзеръ,
Ищешь ссоры ты, конечно;
Гдѣ-жъ та клятва, что со мною
Обѣщался жить ты вѣчно?»

«Въ темной спальнѣ, въ сладкой нѣгѣ
Я-бъ развлекъ тебя умѣла...
Наслажденья общасть
Это мраморное тѣло.»

— «Нѣтъ, красавица Венера,
Красота твоя не вянетъ,
Многихъ, многихъ видъ твой дивный
Очаруетъ и обманетъ.

«На груди твоей въ блаженствѣ
 Замирали боги, люди,
 И теперь мнѣ сталь противенъ
 Вѣчный трепеть этой груди.

«Ты до нынѣ всѣхъ готова
 Звать на ложе наслажденья,
 Потому къ тебѣ невольно
 Получилъ я отвращенье.»

— «Рѣчь твоя меня жестоко,
 Милый рыцарь, оскорбила.
 Билъ меня ты, но побой
 Прежде легче я сносила.

«Можно вынести удары,
 Какъ бы ни были жестоки,
 Но выслушивать ни въ силахъ
 Я подобные упреки.

«Ласкъ моихъ тебѣ не нужно,
 Не нужна моя забота —
 Такъ прощай, мой другъ, — сама я
 Отворю тебѣ ворота».

II.

Гуль и звонъ — въ священномъ Римѣ,
 Рядъ прелатовъ внемлетъ хору,
 И въ процессіи самъ папа
 Тихо шествуетъ къ собору.

На челѣ Урбана — папы
 Блескъ тиары драгоцѣнной
 И за нимъ несутъ бароны
 Пурпуръ мантии священной.

— «Подожди, святой владыко!
 Миѣ въ грѣхѣ открыться надо!...
 Только ты лишь вырвать можешь
 Душу грѣшную изъ ада!...»

Хоръ замолкъ; священныхъ гимновъ
 На минуту стихли звуки,
 И къ ногамъ Урбана папы
 Грѣшникъ палъ, поднявши руки:

— «Ты одинъ, святой владыко,
 Судишь правыхъ и неправыхъ,
 Защити меня отъ ада,
 Отъ сѣтей его лукавыхъ!...»

«Имя миѣ — Тангейзеръ рыцарь.
 За блаженствомъ я гонялся
 И семь лѣтъ въ горѣ Венеры
 Нѣгой страсти упивался.

«Лучшій цвѣтъ красавиць міра
 Предъ Венерою блѣднѣетъ,
 Отъ рѣчей ея волшебныхъ
 Сердце мечется и млѣетъ.

«Какъ цвѣтовъ благоуханье
 Мотылька невольно манетъ,
 Такъ меня, къ губамъ Венеры
 Непонятной силой тянетъ.

«По плечамъ ея роскошнымъ
Кудри падаютъ каскадомъ,
Я нѣмѣлъ, какъ заколдовавъ,
Подъ ея всеильнымъ взглядомъ.

«Я стоялъ предъ нимъ недвижимъ,
Тайнымъ трепетомъ объятый,
И едва мнѣ силъ достало
Убѣжать съ горы проклятой.

«Я бѣжалъ — но вслѣдъ за мною
Взоръ 'слѣдилъ все съ той же силой,
И манилъ онъ, и шепталъ онъ:
«О! вернись, вернись, мой милый!»

«Днемъ брожу я, словно призракъ,
Ночь придетъ — и съ тѣмъ же взглядомъ
Та красавица приходитъ
И со мной садится рядомъ.

«Слышенъ смѣхъ ея безумный,
Зубы бѣлые сверкають...
Только вспомню этотъ хохотъ —
Слезы съ глазъ моихъ сбѣгають.

«Я люблю ее насильно,
Страсти гнетъ съ себя не скину;
Та любовь сильна, какъ волны,
Разорвавшія плотину.

«Эти волны несдержимо
Въ бѣлой пѣнѣ съ ревомъ мчатся
И, при встрѣчѣ все ломая,
Въ брызги мелкіе дробятся....

«Если бь могъ я — даже небо
Положилъ къ ногамъ Венеры,
Для нея сорвалъ бы солнце
И луну съ небесной сферы.

«Я спаленъ любовью грѣшной...
Сердце выжжено, какъ камень...
Не уже-ль въ груди изнывшей
Не угаснетъ адскій пламень?»

«Ты одинъ, святѣйшій папа,
Судишь правыхъ и неправыхъ,
Защити-жь меня отъ ада,
Отъ сѣтей его лукавыхъ!...»

Папа къ небу поднялъ руки
И, вздохнувъ, отвѣтилъ тѣмъ онъ:
— «Сынъ мой! власть моя безсильна
Тамъ, гдѣ власть имѣетъ демонъ!

«Страшный демонъ — та Венера:
Изъ когтей ея прекрасныхъ
Не могу я, бѣдный рыцарь,
Вырвать жертвъ ея несчастныхъ.

«Ты поплотишься душою
За усладу плоти грѣшной;
Проклѣть ты, — а проклятому
Путь одинъ — во адъ кромѣшный!»...

III.

И назадъ пошелъ Тангейзеръ,
 Больно въ кровь стирая поги.
 Въ ночь вернулся онъ къ Венера
 Въ подземельные чертоги.

И, забыла сонъ Венера,
 Быстро ложе покидала,
 И, любовника руками
 Обвивая, цѣловала.

Но ложится молча рыцарь,
 Имъ восторгъ не обнаруженъ,
 А Венера гостю въ кухнѣ
 Приготавливаетъ ужинъ.

Поданъ ужинъ, и хозяйка
 Гостю кудри разчесала,
 На ногахъ омыла раны
 И привѣтливо шептала:

— «Милый рыцарь, мой Тангейзеръ,
 Долго ты не возвращался;
 Расскажи, въ какихъ же странахъ
 Столько времени скитался?»

— «Былъ въ Италиі и въ Римѣ
 Я, подруга дорогая,
 По дѣламъ своимъ, по больше
 Не поѣду никуда я.

«Тамъ гдѣ Рима дальный берегъ
Тибръ волнами орошаетъ,
Папу видѣлъ я: Венерѣ
Онъ поклоны посылаетъ.

«Черезъ Флоренцію изъ Рима
Я прошелъ, и былъ въ Миланѣ,
Проходилъ я черезъ Альпы,
Исчезая въ ихъ туманѣ.

«И когда я шелъ чрезъ Альпы —
Падалъ снѣгъ, — миѣ улыбались
Вкругъ озера голубыя,
И орлы перекликались.

«Я съ вершины Сен-Готарда
Слышалъ, какъ храпѣла звонко
Вся страна почтенныхъ иѣмцевъ,
Спавшихъ сладкимъ сномъ ребенка.

«И опять теперь вернулся
Я къ тебѣ, къ моей Венерѣ, —
И до гроба не покину
Я твоей волшебной двери.»

ЮМОРИСТИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

ОБЛИЧИТЕЛЬНОГО ПОЭТА

(ТЕМНОГО ЧЕЛОВѢКА.)

ПЪСНИ ПРОГРЕСА.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

Отцы или дѣти?

Параллели.

Ужъ много лѣтъ безъ утомленья
Ведутъ войну два поколѣнья,
Кровавую войну;
И въ наши дни, въ любой газетѣ
Вступаютъ въ бой «Отцы» и «Дѣти»,
Разятъ другъ друга тѣ и эти,
Какъ прежде, въ старину.

Мы проводили, какъ умѣли,
Двухъ поколѣній параллели
Сквозь мглу и сквозь туманъ.
Но разлетѣлся паръ тумана:
Лишь отъ Тургенева Ивана
Дождались новаго романа, —
Нашъ споръ рѣшилъ романъ.

И мы воскликнули въ задорѣ:
«Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ?»
Которое жь изъ двухъ?
Кто побѣдилъ? кто лучшихъ правилъ?

Кто уважать себя заставилъ:
 Базаровъ-ли, Кирсановъ Павель,
 Ласкающій нашъ слухъ?

Въ его лице взгляните строго:
 Какая нѣжность, тонкость кожи!
 Какъ снѣгъ бѣла рука.

Въ рѣчахъ, въ приемахъ — тактъ и мѣра,
 Величье лондонскаго «сэра», —
 Вѣдь безъ духовъ, безъ несессера
 И жизнь ему тяжка.

А что за нравственность! О, боги!
 Онъ передъ Өеничкой, въ тревогѣ,
 Какъ гимназистъ, дрожить;
 За мужика вступаясь въ спорѣ,
 Онъ иногда, при всей конторѣ,
 Рпеуясь съ братомъ въ разговорѣ,
 «Du calme, du calme!» твердить.

Свое воспитывая тѣло,
 Онъ дѣло дѣлаетъ безъ дѣла,
 Плѣняя старыхъ дамъ;
 Садится въ ванну, спать ложаясь,
 Пугаетъ ужасъ къ новой расѣ,
 Какъ левъ, на Брюллевской террасѣ
 Гуляя по утрамъ.

Вотъ старой прессы представитель.
 Вы съ нимъ Базарова сравните-ль?
 Едва ли господа!

Героя видно по примѣтамъ,
 А въ шпиглиствѣ мрачномъ этомъ,
 Съ его лѣкарствами, съ ланцетомъ,
 Геройства нѣтъ слѣда.

Онъ въ красотѣ лишь видитъ формы,
 Готовъ уснуть при звукахъ Нормы,
 Онъ отрицаетъ и....

Онъ ѣсть и пьетъ, какъ все мы тоже,
 Съ Петромъ бесѣдуетъ въ прихожей,
 И даже съ горничной, о Боже!
 Играть готовъ идти.

Какъ циникъ самый образцовый
 Онъ станъ madame де-Одницовой
 Къ своей груди прижалъ,
 И даже, — дерзость вѣдь какая, —
 Гостепріимства правъ не зная,
 Однажды Оею, обвиняя,
 Въ саду поцѣловалъ.

Кто-жъ намъ милѣй: старикъ Кирсановъ,
 Любитель фесокъ и кальяновъ,
 Россійскій Тогенбургъ?
 Иль онъ, другъ черни и базаровъ,
 Переродившійся Инсаровъ —
 Лягушекъ рѣжущій Базаровъ,
 Неряха и хирургъ?

Отвѣтъ готовъ: вѣдь мы не даромъ
 Имѣемъ слабость къ русскимъ барамъ —
 Несите жъ имъ вѣнцы!
 И мы, рѣшая все на свѣтѣ,
 Вопросы разрѣшили эти....
 Кто намъ милѣй — отцы иль дѣти?
 Отцы! отцы! отцы!

Вопросъ.

(Дума.)

Разрѣшите, Бога ради,
Мнѣ вопросъ въ подобномъ родѣ:
Отчего во всей природѣ,
Всюду — спереди и сзади, —

Если-бъ былъ я въ темномъ лѣсѣ,
Иль въ общественной каретѣ, —
Все твердитъ мнѣ въ этомъ свѣтѣ
О великой русской прессѣ?

Занимаюсь-ли закуской,
Иль сижу среди театра —
Слышу ухомъ психіатра
Отголосокъ прессы русской.

Встрѣчу-ль фактовъ рядъ забавный,
 Въ роцѣ-ль птичекъ слушать буду —
 Откликаются мнѣ всюду
 Корифей прессы славной.

Отчего? Иль самъ я гадко
 Такъ устроенъ... или... или...
 Нѣтъ, вопросы эти были
 Для меня всегда — загадка.

Въ свой недугъ, въ свою природу
 Я не вѣрилъ даже какъ-то,
 Но идти напротивъ факта —
 Лишь толочь напрасно воду.

А межъ тѣмъ, — судите сами!
 Какъ понять мою натуру? —
 Каждый день литературу
 Вижу я, какъ въ панорамѣ.

Если сына я примѣрно
 Наказать рѣшился прутомъ —
 Предо мною встанетъ Брутомъ
 Тѣнь Юркевича навѣрно.

Если гуся ѣмъ въ буфетѣ —
 Вспоминаю, сжавъ ладони,
 О разбойникѣ Семенѣ
 И о бѣдномъ нашемъ Фетѣ.

Если встрѣчу господина
 Постъ держащаго, — въ ту пору
 Словно вижу—сикомору,
 А подъ ней лежитъ Щербина.

Если вижу дикихъ утокъ —
 Дикихъ женщинъ вспомню; это
 На Полонскаго поэта
 Наведетъ меня безъ шутокъ.

Если нервно дрогнуть руки,
 Я услышу ржанье въ стойлѣ,
 Восклицаю тотчасъ: ой-ли!
 Не изъ «Вѣсти» ли тѣ звуки?...

Если слипнутся двѣ мухи
 Лѣтомъ сѣвернымъ, суровымъ, —
 О Ле — евѣ съ К — вымъ
 До меня доходятъ слухи.

Если жабы скачутъ въ лужѣ,
 Разыгравшись соп амоге —
 «Взбаламученное море»
 Вспомню я въ минуту ту-же.

Если слышу скрипъ телѣги —
 Тутъ певольно вспомнить надо
 Розенгеймовскаго склада
 Стихотворные побѣги.

Если рвутъ кусокъ ландшафта
 Миѣ въ лавчонкѣ на Толкучемъ—
 Я смущенъ стихомъ трескучимъ
 Бенедиктовскаго сорта.

Если падаютъ слезинки
 По щекамъ иной вдовицы,
 Слышу слезный звукъ цѣвницы
 Скорбной музы, музы Глинки.

Встрѣчу-ль отрока — весь день я, —
Въ пышномъ домѣ-ль, въ темной хатѣ-ль, —
Вспоминаю васъ, издатель
«Библіотеки для Чтенья».

Старомоднаго фасона
Если встрѣчу я мыслишку, —
Развернувъ любую книжку,
Всюду чую Эдельсона.

Объясните-жь, Бога ради,
Мнѣ вопросъ въ подобномъ родѣ:
Отчего во всей природѣ,
Въ полѣ, въ ваннѣ, въ маскарадѣ,

Если бѣ былъ я въ темномъ лѣсѣ,
Въ свѣтлой залѣ на паркетѣ,
Все твердить мнѣ въ этомъ свѣтѣ
О великой русской прессѣ?

Послѣдніе Славянофилы.

(Еще свѣжее преданіе.)

Когда въ челѣ своихъ дружинъ,
Побѣду празднуя заранъ,
Стоялъ Аксаговъ Константинъ, —
Мужали духомъ всѣ славяне.

«Маякъ,» дремавшій столько лѣтъ,
Вновь проявилъ свой голосъ смѣлый,
И «Москвитянина» скелеть
Забылъ въ гробницѣ саванъ бѣлый.

Пронесся кликъ: «о, смѣлый вождь,
Пробей къ народности ты трѣпу,
Лишь прикажи: каменьевъ дождь
Задавить дряхлую Европу;

«Иди, оставь свой домъ и одръ,»
Кричатъ славянскіе вити:

И все, что внесъ въ Россію Петръ —
Гони обратно изъ Россіи.

«Вѣрь прозорливости друзей:
Назадъ, назадъ идти намъ надо!
Для этихъ западныхъ идей
Безумны милость и пощада.»

И вождь имъ радостно внималъ,
Бичуя запада пороки.
— Мы стоимъ, онъ восклицалъ
За честь «народной подоплеки!»

Въ негодованіи, въ тѣ дни
Славяне фраки съ плечъ срывали
И за Москвою жгли огни,
И на кострахъ ихъ сожигали;

Славяне въ мурмолкахъ, въ бобрахъ,
Сидѣли, съ злобою циклопа,
И ждали — скоро-ли во прахъ
Падеть разбитая Европа.

Но время шло. Рѣдѣлъ ихъ кругъ
Не улыбалась имъ побѣда;
Среди усилій и потугъ
Угасла «Русская Бесѣда»;

Перунъ угрюмый, чтимый встарь,
Упалъ, крапивой зарастая,
И только «Свѣточа» фонарь
Чадилъ, кого-то примиряя.

Во тьмѣ гробовъ своихъ нѣмыхъ
Легъ за бояриномъ бояринъ,

Осталось двое только ихъ:
Иванъ Аксаковъ и Самаринъ.

Разбить славянскій ихъ кумиръ,
Едва мерцаетъ «День» въ туманѣ,
И одиноко въ новый міръ
Глядятъ послѣдніе славяне.

Они глядятъ — и взоръ ихъ ждетъ:
Вотъ богатырь-Илья очнется,
Перунъ поднимется, — вотъ-вотъ
Вся Русь старинная проснется.

Отвѣта нѣтъ. Тотъ вѣкъ почилъ;
И вотъ, собравъ остатокъ силы,
У позабытыхъ двухъ могилъ
Сошлись на пиръ славянофилы.

Сошлись и молвили они:
«Вотъ здѣсь, средь дѣдовскихъ угодій,
Намъ близки только въ эти дни —
Одинъ Кириллъ... одинъ Меѳодій».

Пируютъ... рѣчи ихъ мертвы,
Безсильны гнѣвныя угрозы;
На дно широкой енды
Они роняютъ только слезы.

И въ даль, угрюмо, сквозь туманъ
Глядятъ послѣдніе славяне, —
А имъ Погодинъ, какъ баянъ,
Чтаетъ спичи на курганѣ.

Московская элегія.

(Мотивъ изъ Русскаго Вѣстника).

Пуškai времянь новѣйшихъ пресси,
Родясь едва,
Твердить въ честь русскаго прогресса
Одни слова.

Пусть мы, отъ времени въ угарѣ,
Ему сулимъ,
Какъ говоритъ де-Молинали:
Succès d'estime,

Когда съ свистками всѣ изданья
Пустились вскачь,
Пусть всѣхъ смутятъ мои рыданья,
Мой горькій плачь.

И я пошелъ всѣмъ демагогамъ
Наперерѣзь,

И вдохновеннымъ монологомъ
Смутилъ прогрессъ:

«Зачѣмъ ты здѣсь, Европы житель?
Какой зефиръ
Занесъ тебя въ сію обитель,
Въ славянскій міръ?»

Иди ты къ нѣмцамъ для порядка,
Иди въ Парижъ,
У насъ все глушь, все Пермь да Вятка,
У насъ Курмышъ.

Въ твоихъ писаньяхъ много литеръ
И громкихъ словъ,
Вѣдь отъ тебя нашъ шумный Питеръ
Пустоголовъ.

Одна Москва, храня преданья,
Тебя казнить,
И въ лихорадкѣ отрицанья
Не задрожитъ.

Гляди, заносчивый прелестникъ!
За тѣню тѣнь:
У насъ въ зенитѣ «Русскій Вѣстникъ»,
Въ восходѣ «День».

У насъ есть хлѣбъ на многи лѣта,
У насъ есть квасъ,
Къ чему намъ пряности памфлета
И перецъ фразъ?

Къ чему жь шумить, что обличаетъ
Нашъ пустозвонъ?

Какъ песь на знаніе онъ лаеть
Со всёхъ сторонъ.

Вся эта пляска обличенья,
Полемикъ блажь,
Есть гнилъ и признакъ разложенья,
Страстей миражъ.

Схвативъ въ наукѣ лишъ верхушки,
Одни вершки,
Намъ кутежей зловредны *кружки*,
Вредны — *кружки*.

Кружкй — есть альфа и омега
Всёхъ нашихъ бѣдъ,
Въ нихъ наша праздность, ложъ и нѣга,
Утопй бредъ.

Кружки — позоръ великорусса,
Чума умовъ;
Въ нихъ и для минуса и плюса
Привѣтъ готовъ.

Въ кружкахъ читають Моленота,
Прудона чтуть,
А Ахшарумова и Грота
Не признають.

Колыбельная пѣсня женщинамъ.

Всѣхъ женщинъ нужно подчинить правильному надзору будочниковъ. Обязанность послѣднихъ должна состоять въ томъ, чтобъ они знали рѣшительно всѣхъ женщинъ, живущихъ въ ихъ участкѣ, слѣдили за ихъ поступками и доносили объ ихъ поведеніи комитету.

Докторъ Юхницкій (Соврем. Медицина).

Спите, женщины столицы!
Баюшки-баю!
Врачъ Юхницкій изъ больницы
Началъ пѣснь свою.
Хоть онъ громко укоряетъ
Женскую семью,
Но глаза вашъ сонъ смыкаетъ —
Баюшки-баю.

Зло повсюду въ этомъ свѣтѣ
 Нагоняетъ страхъ —
 Въ пыльномъ домѣ на паркетѣ,
 Въ темныхъ чердакахъ.
 Но Юхницгій — не далъ маху,
 Написавъ статью...
 Спите женщины безъ страху —
 Баюшки-баю.

* *

Погодите: смолкнетъ нынѣ
 Вашъ и стонъ и плачъ —
 Въ «Современной Медицинѣ»
 Молвить слово врачъ:
 — Коренные предрасудки,
 Скажетъ, — изгоню,
 Всюду выстрою я будки —
 Баюшки-баю.

* *

Выйдетъ стражъ, угрюмый съ виду, —
 И со словъ молвы —
 Будетъ онъ слѣдить для виду,
 Какъ живете вы!
 Надзирать онъ не устанетъ...
 Славное житье! —
 Спите! Стражъ вашъ спать не станетъ —
 Баюшки-баю!

* *

На гуляньѣ, въ маскарадѣ,
 Не спуская глазъ,
 Сторожить все будетъ сзади
 Стражъ угрюмый васъ!

Отъ него вы не уйдете,
И въ чужомъ краю,
И во снѣ его найдете —
Баюшки-баю!

* * *

Будеть всюду волочиться
Онъ за вами вслѣдъ,
И для васъ лишь учредится
Новый комитетъ.
Такъ Юхницкій изъ больницы
Пѣснь поетъ свою...
Спите-жь женщины столицы —
Баюшки-баю.

М у а р ы й с о в ѣ т ь .

(Подражаніе М. П. Полюдицу.)

О чемъ хлопчутъ всѣ журналы?
Что пишетъ Шиль?
Къ чему твои намъ идеалы,
Ученый Милль?

Мы всѣ богаты а priori,
De facto-жь мы
Дойдемъ до нищенства и горя,
И до суммы.

Банкрутство губить наши силы, —
Вкругъ денегъ нѣтъ...
Заводамъ, фабрикамъ — могилы
Готовить свѣтъ.

Акціонеръ палъ духомъ въ мракъ,
 И растерялъ
 На предпріятыя Бернардаки
 Свой капиталъ.

Капиталисты ищутъ жадно
 Вездѣ займа,
 И дорожаютъ безпощадно
 Кругомъ дома.

Что жъ нашей бѣдности причина?
 Гдѣ корень зла?
 То роскошь насъ съ заразой свлина
 Съ ума свела?

У насъ рубли летятъ какъ стружки
 На разный хламъ,
 На тряпки, модныя игрушки
 Мушницъ и дамъ.

Мы строимъ виллы и чертоги
 Въ короткій срокъ;
 Комфортъ и мода — наши боги
 И нашъ порокъ.

Мы, не заглядывая въ фонды
 И наобумъ,
 Бросаемъ тысячи на блонды
 И на костюмъ.

Тѣ деньги кинемъ мы, навѣрно —
 Въ часъ, въ полчаса,
 На что кутили-бъ сто, примѣрно,
 Кулей овса.

Чтобы спастись отъ разоренья,
 Отъ страшныхъ бѣдъ,
 Намъ даль Погодинъ въ утѣшенъе
 Такой совѣтъ :

« Забудьте всѣ ученья Милля,
 Науки смыслъ...
 Вѣдь безъ него же дѣды жили,
 Жилъ Гостомыслъ ! —

« Внимайте зову не науки,
 А *мыслей сихъ* :
 Пусть не роскошничаютъ внуки,
 Какъ дѣды ихъ.

Пускай мужья не пьютъ лѣнливо
 Бордо и джинъ,
 Но будутъ пьяны и отъ шива
 И русскихъ винъ ;

Пусть не батистъ насъ прикрываетъ,
 А русскій холстъ ;
 Нашъ капиталъ пускай не таетъ,
 Положенъ въ ростъ ;

Пускай съ уборами картоны
 Средь нашихъ странъ,
 Мѣняютъ дамы на роброны,
 На сарафанъ ;

Прочь гонимъ моду мы злодѣйку,
 Соблазна тѣнь,
 И прачемъ мѣдную копѣйку
 На черный день.

Пусть все, что прежде было мило,
Мы проклянемъ —
И мебель русскую изъ мыла
Поставимъ въ домъ.

Нашествіе свистопляски.

(Легенда XIX ст.)

Что за волненье въ рядахъ журналистики?
Жалкій, испуганный видъ!
Жертвенникъ пусть и журнальные мистики
Бросили скитъ.

Тупики смятыя, лица печальныя,
Очи тревогой горять,
Стонуть и плачуть витіи журнальные
Всѣ заурядъ.

Хроники въ траурѣ; сонная критика
Къ намъ нагоняетъ тоску,
Лиры не тронуты, даже, взгляните-ка,
Смолкъ и «Куку»...

Гдѣ же ихъ жажда труда и опасности,
 Гдѣ ихъ походы за дамъ,
 Даже погасъ передъ статуей гласности
 Вдругъ ѳиміамъ.

Что жъ ихъ тревожитъ? игра-ли фантазін?
 Слава-ли сводить съ ума?
 Или холера идетъ къ нимъ изъ Азін,
 Или чума?

Иль, наконецъ, имъ грозитъ наводненіе,
 Новый всемірный потопъ?...
 Нѣтъ! ихъ иное пугаетъ сомнѣніе,
 Хмуритъ ихъ лобъ.

Ужасъ наводитъ чума азійская,
 Страшенъ холеры возвратъ,
 Но наказаніе послано адекое
 Хуже въ сто-кратъ.

Врагъ ихъ явился подъ гаерской маскою!
 Нѣтъ отъ бѣды оборопъ...
 Имя жъ ея (хоть зовутъ свистопляскою)
 Есть «Легионъ»!

Ходитъ она, словно тѣнь неотвязная,
 И, потѣшая народъ,
 Ловитъ все пошлое, все безобразное, —
 Ловитъ и бьетъ.

Чтò бъ ни увидѣла, чтò бъ ни замѣтила,
 Пусть лишь сфальшивитъ гдѣ звукъ, —
 Такъ эпиграммою прямо и мѣтила,
 Дерзкая, вдругъ!

Мысль, ужь преданьемъ давно освященную,
Нужно, такъ смотришь, казнить,
Даже Буслаева — личность ученую
Не пощадить.

Жрецъ журналистики пляской скандальною
Назвалъ ту пляску съ тѣхъ поръ,
И похоронную пѣснь погребальную
Пѣлъ хроникёръ.

Пѣлъ онъ протяжно, — жрецы жь, снявъ сандаліи,
Древнихъ молили боговъ,
Чтобъ не смущалъ этотъ свистъ вакханаліи
Старческихъ сновъ.

Московскій турниръ.

I.

Уже давно кулачнымъ боемъ
Извѣстенъ намъ московскій станъ,
И если лѣтопись раскроемъ —
То потеряемъ счетъ героямъ:
Они пройдутъ несмѣтнымъ строемъ,
Какъ тѣни древнихъ москвитянъ.

II.

Не разъ въ нарядѣ «златотбанномъ»
На берегахъ Москвы-рѣки
Они предъ Грознымъ Иоанномъ
Стѣна на стѣну, съ крикомъ брашнымъ.
Ломились, съ натискомъ неожиданнымъ,
Поднявъ свирѣпо кулаки.

III.

Не разъ, покорствуя причудѣ,
 Отъ взмаха мѣдныхъ кулаковъ
 Ломались челюсти и груди,
 Кипѣла брань, лежали въ грудѣ
 Въ бою изломанные люди,
 И пыль росла до облаковъ.

IV.

Такъ было прежде. Въ наши годы,
 Когда ужъ стали въ краткій срокъ
 Цивилизованный народы, —
 Кулакъ не зналъ былой свободы:
 Но побороть своей природы
 Москвичъ нашъ все таки не могъ.

V.

Какъ прежде бились наши предки
 На берегахъ Москвы рѣки —
 Теперь побоища не рѣдки.
 Жива струя славянской смѣтки —
 Удары внуковъ также мѣтки
 И также мѣтки кулаки.

VI.

Не бой бояръ, не бой гуслистовъ
 Видали мы въ позднѣйшій вѣкъ
 (Ихъ усмирилъ-бы частный приставъ);
 Но на Москвѣ кипѣлъ неистовъ
 Бой славныхъ русскихъ журналистовъ
 Въ пучинахъ ихъ чернильныхъ рѣкъ.

VII.

И помнитъ каждый россиянинъ,
 Когда онъ былъ на бой влекомъ,
 Когда, печалью отуманенъ,
 Онъ видѣлъ, какъ въ бою израненъ,
 Разбить, покойный «Москвитянинъ»
 Дрался съ покойнымъ «Маякомъ».

VIII.

Онъ помнитъ битву: по зарѣчью
 За Туръ шелъ «Русскій Вѣстникъ» вслѣдъ
 И, предавая все увѣчью,
 Вдругъ грянулъ крупною картечью —
 И Туръ съ своею «Русской Рѣчью»
 Погибла тамъ во цвѣтѣ лѣтъ.

IX.

Числа нѣтъ битвамъ и сраженьямъ:
 Чернила ведрами лились. —
 Сражался «Зритель» съ «Развлеченьемъ»,
 И надъ казеннымъ объявленьемъ,
 Сцѣпясь вдвоемъ, съ остервененьемъ
 Два публициста подрались.

X.

Чу! битва новая готова,
 Два новыхъ витязя пришли;
 И вотъ они одинъ другого
 Давай осматривать сурово...
 Въ одномъ узнали мы — Каткова,
 Въ другомъ Аксакова нашли.

XI.

Надѣвъ журнальныя кольчуги,
 Склонивши перья, въ родѣ пикъ,
 Они сошлись. Москва въ испугѣ,
 Народъ изъ Нижняго, изъ Луги,
 Богачъ и нищій изъ лачуги, —
 Всѣ собрались на бранный крикъ.

XII.

«Я больше всѣхъ Россіи нуженъ!
 Твердилъ Аксакову Катковъ; —
 Ты оробѣлъ и взглядъ твой сѣужень,
 Твой «День», какъ старецъ, дряхлъ, недужень,
 И мной теперь обезоруженъ...»
 — Я не таковъ! Я не таковъ.»—

XIII.

— Лишь я, Аксаковъ, нуженъ вѣчу!
 Я не таковъ!.. и два врага
 Другъ съ другомъ ринулися въ сѣчу....
 Какъ лѣтописецъ, здѣсь замѣчу:
 Подобныхъ битвъ ужъ я не встрѣчу
 На васъ, «московскіе берега!»

XIV.

При каждомъ бѣшеномъ ударѣ
 Врагъ равновѣсіе терялъ,
 Но поднимался вновь въ угарѣ...
 Въ томъ полемическомъ пожарѣ
 И самъ безстрашный Молинар
 Навѣрно-бъ трепеть испыталъ.

XV.

Кто-жь побѣдилъ? Кто побѣжденный?
Москвичъ стоитъ, потупя взоръ,
И шепчетъ, битвой убѣжденный:
«Ты, публицистъ предубѣжденный —
И ты, фанатикъ прирожденный,
Вы оба дѣлаете вздоръ.

XVI.

«Такая брань—плохія вѣсти,
И въ ней совсѣмъ не русскій духъ,
Вашъ споръ не дѣлаеть вамъ чести;
Не предаваясь личной мести:
Вы соберитесь лучше вмѣстѣ
И—нигилизмъ рзбейте въ пухъ.

ФАНТЫ.

СОВРЕМЕННАЯ ЭЛЕГИЯ.

(Посвящается дѣтямъ, начинающимъ учиться російской азбукѣ).

Бросивъ газетъ безпорядки
И отрицанія сѣти,
Будемъ играть хоть въ загадки,
Милыя дѣти!

Будемъ, ввѣряся року,
Чужды задорнаго спора,
Все понимать по намѣку
Быстро и скоро.

Дѣти! въ васъ эти таланты
Крѣпки съ самой колыбели...
Ну, такъ сыграемте въ фанты
Мы, въ самомъ дѣлѣ!

× Въ чьихъ пѣснопѣвьяхъ, о, дѣти!
 Каждая строчка — слезинка?
 Кто всѣхъ скучише на свѣтѣ?
 Кто жь это? — *И. С. ...*

Вотъ и *Добро* вамъ на смѣну.
 Кто (и его ждетъ оцѣнка)
 Вывелъ животныхъ на сцену?
 Кто же? — *Д.*

Кто для російскаго міра
 Вѣчно былъ скучень и длинень?
 Кто обрусилъ намъ Шекспира?
 Кто же? — *Д. ...*

× Кто.....

Пишетъ «замѣтки» сурово?
 Дѣти всѣ плачутъ, услыша
 Имя?... — *К. ...*

Кто земляковъ изъ Парижа
 И изъ его ресторановъ
 Гонитъ?... Малютка, пойми-же —
 Кто онъ? — *К. ...*

× Кто постоянно рюмѹемъ
 Съ рюмой избитою: «невскій»?
 Кто свистунами волнуемъ?
 Кто онъ? — *К. ...*

Кто одиоко и суро
 Въ битвахъ ослабнувшій векорѣ,
 Бросилъ свой жезлъ триумвира?
 Кто жь это? — *К.*

Вотъ и *Мыслете*. О, кто ты,
Славившій въ лютомъ угарѣ
Разныя тяжкія льготы?

Кто? — *Мави Нари*

Кто подъ охраной *Покоя*
Сталъ для науки негоденъ?
Дѣти! шепну на ушко я —
Это.... *Перфильевъ*

Литера *Слово*. Загадки
Смысль, вѣроятно, понятенъ:
Ржетъ въ постоянномъ припадкѣ

Только... *С. Каратышевъ*

× Кто онъ, сорвавшій гиматій
Съ *музы аѳинской* въ часъ силина,
Постъ завѣщавшій для братій?

Кто онъ? — *Щербина*

Кто онъ, воспѣвшій намъ лозы,
Въ дѣлѣ наукъ—Собакевичъ,
Бюхнеру славшій угрозы?

Кто онъ? — *Ю. Давыдовъ*

Здѣсь остановимся, дѣти!
Чтожъ, непонятно вамъ? или
Новые ребусы эти

Вы разрѣшили?

Праздная суета.

СТИХОТВОРЕНИЕ ВЕЛИКОСВѢТСКАГО ПОЭТА ГРАФА ЧУЖЕЗЕМЦЕВА.

(Посвящается автору «La nuit de St. Sylvestre»
и «Исторіи двухъ калошъ».)

(Переводъ съ французскаго.)

Быль вѣкъ славный, золотой,
Вѣкъ журнальной знати,
Всѣ склонялись передъ той
Силой нашей рати.

Все вельможи, важный топъ....
Но смѣшались краски —
И пошли со всѣхъ сторонъ
Мошки свистопляски.

Бородатый демократъ
Норовить въ Солоны;
Оскорбить, унижить радъ
Свѣтскіе салоны.

Грязь деревни, дымныхъ сѣль
 Въ повѣстяхъ выводитъ,
 Обличаетъ кучу золь,
 Гласность въ моду вводитъ.

Свелъ съ ума его—Прудонъ.
 Чернышевскій съ Милемъ,
 А о насъ повсюду онъ
 Пишетъ грязнымъ стилемъ.

А глядишь,—о, вѣка срамъ!
 Прогресснетовъ каста
 Безъ перчатокъ по гостямъ
 Ходить очень часто.

А глядишь — Прудона другъ,
 Сочиняя книжки,
 Носитъ вытертый сюртукъ,
 Грязныя манашки.

Насъ нигдѣ онъ не щадитъ,
 Отзываясь грубо,
 Даже генія не чтитъ
 Графа Соллогуба.

Имъ давно похороненъ
 Авторъ «Тарантаса»;
 И не шлетъ ему поклонъ
 Молодая раса.

Гдѣ же авторъ «Двухъ калошъ»
 Съ грузомъ старой ноши?
 Нѣтъ! теперь ужь не найдешь
 Ни одной калоши!

Что жь? быть можетъ, Соллогубъ
Уступилъ безъ бою!
Иль, какъ старый, мощный дубъ,
Былъ спаленъ грозою?

Нѣтъ, онъ въ битвахъ не бывалъ,
Не угасъ въ оналѣ;
По свой геній пробуждалъ
Вновь въ Пале-роялѣ.

Чтожъ? быть можетъ, наблюдалъ
Тамъ онъ русскихъ правы,
И себѣ приготовлялъ
Новый путь для славы?

Нѣтъ, ему россійскихъ музъ
Лавры опостыли,
Онъ въ Парижѣ, какъ французъ,
Ставилъ водевили.

Чтожъ? быть можетъ, онъ стужалъ
Лавры и на Сенѣ,
И Парижъ его встрѣчалъ,
Павши на колѣни?

Нѣтъ, и тамъ онъ, какъ поэтъ,
Не былъ запѣвала,
Хоть, порой, его куплетъ
Ригольбошъ пѣвала....

Вотъ парадный, пышный залъ.
Тушъ, финалъ изъ Цамны,
Къверху поднятый бокалъ,
Сичи, лестры, дамны,

И напудренный конгрессъ
 Старичковъ зеленыхъ,
 И старушекъ — цѣлый лѣсъ,
 Пышныхъ, набѣленныхъ,

Нѣмецъ-гость, сказавшій рѣчь,
 Звуки контрабаса,
 И маститый старецъ Г....,
 Авторъ Тарангаса,

Дѣвъ прекрасныхъ хороводъ
 Въ русскихъ сарафанахъ,
 И гостей безмолвныхъ взводъ
 Длинный на диванахъ,

На эстрадѣ, всѣ въ цвѣтахъ,
 Въ видѣ панорамы,
 Съ поздравленьемъ на устахъ
 Дамы, дамы, дамы!

Все вокругъ стола, — гостямъ,
 Съ гордостью сознанья,
 За столомъ внимаеть самъ
 Президентъ собранья.

Тутъ парижскій вицъ-поэтъ,
 Съ разстановкой, басомъ
 Спѣлъ хозяину куплетъ,
 Вслѣдъ за контрабасомъ:

«Не умрешь ты никогда»,
 Пѣлъ онъ въ длинной одѣ:
 «Ты послѣдняя звѣзда
 На туманномъ сеодѣ,

«Ты живой уликой сталъ
Вѣка чахлымъ дѣтямъ...»
И пошѣлъ, и распѣвалъ,
Вѣренъ мыслямъ этимъ.

Пѣлъ поэтъ. Весь замеръ залъ...
Стоя за эстрадой,
Я, какъ всѣ, ему внималъ
Съ тайною отрадой.

О, поэтъ! Ты тотъ же былъ
На Невѣ, на Сенѣ!
И я мысленно твердилъ:
— Вене! vene! vene!

— Въ нашъ нѣмой, пустынный вѣгъ,
Вѣкъ безъ идеала,
Ты единый человѣкъ
Старого закала!

Юбилейная пѣсня.

(Маститому стихотворцу.)

Предъ героемъ юбилея
Рвется съ устъ моихъ привѣтъ,
И пою, благоговѣя:
— Вотъ онъ, вотъ онъ, нашъ поэтъ!

Украшала собой когда-то
Онъ великій модный свѣтъ,
Часто слыша отъ собрата:
— Вотъ онъ, вотъ онъ, нашъ поэтъ!

Онъ въ созданьяхъ — благороденъ;
За него — науки цвѣтъ;
Гротъ и Павловъ, и Погодинъ —
Вотъ онъ, вотъ онъ, нашъ поэтъ!

Наизусть твердили дамы
Не одинъ его куплетъ,

И писалъ онъ эпиграммы¹ —
 Вотъ онъ, вотъ онъ, нашъ поэтъ!

Но пошли къ нему напасти
 Отъ журналовъ и газетъ,
 И проснулись въ старцѣ страсти —
 Вотъ онъ, вотъ онъ, нашъ поэтъ!

Лира прежняя разбита,
 Лира добрыхъ, старыхъ лѣтъ,
 И запѣлъ старикъ сердито, —
 Вотъ онъ, вотъ онъ, нашъ поэтъ!

Другъ изящной, свѣтской музыки,
 Онъ нашелъ въ васъ тайный вредъ,
 Обличительныя шлюзы —
 Вотъ онъ, вотъ онъ, нашъ поэтъ!

Ужь не видя вокругъ поклоновъ,
 Онъ проклятья слалъ во слѣдъ
 Обличительныхъ Катоновъ —
 Вотъ онъ, вотъ онъ, нашъ поэтъ!

Но съ улыбкой все внимали
 Полудѣтскій старый бредъ,
 Лишь друзья вокругъ шептали:
 Вотъ онъ, вотъ онъ, нашъ поэтъ!

Спичь фетишистамъ.

ПОДРАЖАНІЕ МОСКОВСКОМУ УЧЕНОМУ.

(Импровизация въ стихахъ.)

Въ вѣкъ пропагандъ, вопросовъ разныхъ,
Великихъ дѣлъ, великихъ думъ
Смѣшно о дрязгахъ мелкихъ, праздныхъ
Намъ поднимать и крикъ и шумъ.
Но правдѣ я всегда угоденъ,
За правду въ самый адъ пойду
И я, ученый мужъ Погодинъ,
Съ фельетонистомъ въ бой иду.

*
* *

Зловредный авторъ фельетона
Потокомъ озлобленныхъ фразъ,
Рѣшилъ намъ, что съ ковровъ салона
Путь невозможенъ на Пегасъ.

Исполненъ мыслей самыхъ дѣтскихъ,
 Онъ испустилъ змѣиный свистъ,
 И въѣхъ писакъ великосвѣтскихъ
 Признать не хочетъ, атеистъ!

*
 * *

Въ порывѣ дерзостнаго жара
 Казнить онъ старца юбилей, —
 И я теперь за юбиляра
 Встаю, какъ вѣрный изъ друзей,
 Встаю, — и пусть узнаютъ люди,
 «Пчелѣ» мой выслушавъ укоръ,
 Что не о Рюрикѣ и Жмуди
 Могу вести я только споръ.

*
 * *

Герой маститый юбилея,
 Ужъ сорокъ лѣтъ тому назадъ,
 Писалъ о томъ, о чемъ, робѣя,
 Его потомки говорить.
 Онъ вѣщимъ духомъ все провидѣлъ:
 Судьбу народа и прогрессъ,
 И намъ свѣтилъ — то самъ я видѣлъ,
 Звѣздою яркою съ небесъ.

*
 * *

Я альманахъ, во время оно
 Затѣялъ съ сомнищемъ друзей,
 И самъ къ поэту для поклона
 Явился съ ворохомъ статей:
 Онъ поощрилъ мой юный геній
 Въ отборныхъ, ласковыхъ словахъ
 И далъ мнѣ пять стихотвореній
 Для помѣщенья въ альманахъ.

Фактъ новый: въ бѣдствіи суровомъ,
 И на словесность нашу золь,
 Я *по обѣту* съ Шевыревымъ
 Латинскій сборникъ перевелъ.
 Нашъ трудъ навѣрно-бъ крысы съѣли,
 Когда-бъ не онъ оиать, — и вотъ
 Достигъ нашъ сборникъ пужной цѣли
 И изданъ на казенный счетъ.

* * *

Еще-ль поэтъ онъ не великій?
 Еще-ли мало фактовъ вамъ?
 Еще-ль не смолкнетъ голосъ дикій
 Противъ него то здѣсь, то тамъ?

* * *

Довольно мы играли въ жмурки
 Въ литературѣ столько лѣтъ:
 Какъ счетъ годамъ проводятъ Турки
 Съ тѣхъ поръ, какъ древній Магометъ
 Въ Медину перешелъ изъ Мекки,
 Такъ мы съ Бѣлинскаго статей
 Ведемъ имъ счетъ до нашихъ дней, —
 Вплоть до Каткова и Громеки.

* * *

Но можно-ль вѣрить въ приговоръ,
 Которымъ всѣхъ встрѣчалъ Бѣлинскій?
 Вѣдь имъ осмѣяны въ позоръ
 И Бенедиктовъ и Марлинскій!
 Кому не пѣлъ онъ похоронъ?
 Кому не совершалъ поминки?
 Не признавалъ Мильтона онъ,
 Ни Данта, ни таланта Глинки.

Я помню, какъ онъ намъ кричалъ :
«Тамъ только право, гдѣ есть сила»;
 Меня и всѣхъ не признавалъ,
 Кто шелъ путемъ славянофила.
 Онъ злобенъ былъ, и часто.... пусть,
 И только вѣтренныхъ мальчишекъ
 Дивилъ огонь безцѣльныхъ вспышекъ
Философа изъ третьихъ устъ.

* *
 * *

Внемлите-жь, вѣка прогрессисты :
 Бѣлинскій намъ ужь не указъ, —
Иначе все вы — фетишисты
Безъ сердца, безъ ума, безъ глазъ...
 Кричите жь!.. я самоувѣренъ...
Пусть свистомъ встрѣтитъ мой свистъ :
Приученъ къ брани и обстрѣленъ
Науку преданный москвичъ.
 Вашъ юморъ слабъ въ нападкахъ хилыхъ,
 Смѣшонъ и глухъ беззубый хоръ,
 И ужь не желчь бьетъ въ вашихъ жилахъ,
А лимфы жиденькій растворъ.

Опытъ всемірной корреспонденціи.

АѢИНЫ.

8-го ноября (27 октября) 1863 г.

(Отъ моего тестоваго собственнаго корреспондента).

Изъ АѢиинъ вамъ прямо сообщаю вѣсти:
Тотчасъ какъ въ АѢинахъ стихли безпорядки,
Жить здѣсь стало скучно, точно въ Бухарестѣ,
Иль, пожалуй, въ нашей отдаленной Вяткѣ.
Здѣсь скучаютъ греки. Вѣдь, во время оно,
Всѣ они Оттономъ очень восторгались,
Имъ едва-ль замѣнить короля Оттона
Президентъ аѢинскій господинъ Булгарисъ.
Ихъ тоска понятна... Что жъ это такое?
Безъ начальства людямъ жить на свѣтѣ скверно.
Знайте: еслибъ въ мірѣ жить остались двое,
То изъ нихъ начальникъ былъ одинъ ужъ вѣрно.
И рѣшили греки: «намъ Оттона, положимъ,
Досаждалъ порядкомъ, сдѣлалъ много злого,

Но, изгнавъ Баварцевъ, посадить мы можемъ
 На престолъ Аѳинскій короля другого,
 Былъ бы лишь охотникъ...

Но за этимъ дѣло
 Вовсе не стояло, какъ увидимъ ниже.
 Всюду кандидатовъ примѣряютъ смѣло
 На престолъ порожній, въ Лондонъ, въ Парижъ,
 Въ Вѣнѣ и въ Итали — счетомъ ровно десять;
 Каждый — съ правомъ власти, силы и рожденья...
 Грекамъ оставалось лишь поклонъ отвѣситъ
 И придти въ большое очень затрудненье:
 Какъ бы ухитриться, чтобъ однимъ престоломъ
 Можно было править многимъ кандидатамъ.
 Братья! вдохновитесь этимъ фактомъ голымъ:
 Мы придемъ навѣрно къ выводамъ богатымъ.

БЕРЛИНЪ.

11 ноября (31 декабря).

(Отъ моего сто четвертаго собственнаго корреспондента).

«Какъ пѣмецъ, со всѣмъ я мирюсь,
 Тепло мнѣ — гдѣ пиво даютъ...»
 — Хорошъ-ли германскій союзъ?
 «Ist auch sehr gut.»

Оттона бранить, — не тая
 Скажу: dieser Keiser ist gut.
 Луи Бонапартъ что? — «О, ja!...
 «Ist auch sehr gut.»

Вкругъ сватаютъ греческій тронъ,
 Но пѣмецъ безстрастенъ и тутъ.
 — Каковъ Каподистрія? — «Оцъ
 Ist auch sehr gut.

Еще кандидатъ для Аеннъ.
 Пусть все Испланты клануть,
 Но шепчетъ лишь нѣмецъ одинъ:
 Ist auch sehr gut.

Д'Аоста, Бурбаки, Альфредъ...
 Кого-то, кого изберутъ?
 У нѣмца-жь единый отвѣтъ:
 «Ist auch sehr gut.»

И всюду германецъ таковъ.
 Его хоть на спросъ не зовутъ,
 «Sehr gut», отвѣчать онъ готовъ,
 «Ist auch sehr gut».

П А Р И Ж Ъ.

10 ноября (29 октября) 1862 г.

Въ дипломатическомъ азартѣ
 Парижъ твердилъ дна два пль три
 Тотъ афоризмъ, что Бонапарте
 Сказалъ кому-то въ Тюльери:

«Всѣмъ политическимъ калѣбкамъ
 Хочу я скоро объяснить:
 Быть можно свѣтскимъ человѣкомъ
 И въ то же время напои быть.»

ТУРИНЪ.

2 ноября (21 октября)

(Отъ моего собственнаго корреспондента).

Грустнымъ извѣстьемъ хочу опечалить своихъ земляковъ я.

Тыче у берега Но разыгралась кровавая свалка
Главныхъ Австрійскихъ солдатъ съ солдатами войскъ
италійскихъ.

Боятся слухи: австрійцы съ урономъ назадъ отступили,

Только, пожалуйста, этому слуху совѣмъ вы не вѣрьте.
Можетъ-ли воинъ австрійскій терять неудачу въ сраженъѣ,

Если стоитъ онъ за правое дѣло? Старую истину
Вспомните только при этомъ: побѣда всегда тамъ, гдѣ
правда.

МЮНХЕНЪ.

1 ноября (20 октября).

(Отъ моего 10-го собственнаго корреспондента).

Сегодня поутру былъ праздничный звонъ,

Весь Мюнхенъ кричалъ, суетился:

Съ своею супругой прѣхалъ Отгонъ, —

Народъ, не шутя, прослезился.

И также, могу я прибавить къ тому-жь,

(Что это: болѣзнь-ли, принципъ-ли?)

Здѣсь все горожане схватили коклюшъ,

Отъ криковъ восторга охрипли.

Баварское пиво лилось не въ примѣръ
Въ желудки, какъ нектаръ прекрасный,
И нѣмцами проклять былъ самый Гомеръ
За то, что былъ грекомъ, несчастный!...

А о м а.

(ЗАМѢТКА.)

(Подражаніе Кн. Вяземскому).

Отъ журнальныхъ топей
Сторонись, бѣднякъ!
Этихъ всѣхъ утопій
Смертоносенъ мракъ;

Стали всѣ газеты
Нравственнымъ шинкомъ...
Вѣкъ нашъ старый! гдѣ ты,
Съ трезвымъ языкомъ?

Смотритъ злобнымъ глазомъ
Демократъ, какъ звѣрь.
— Разумъ, разумъ, разумъ!
Всѣ твердятъ теперь.

Нашимъ грознымъ хрипомъ
Крикъ ихъ не уймешь,
Избраннымъ принципомъ
Бредить молодежь.

Вѣкъ нашъ старый! Гдѣ ты?
Близокъ твой конецъ:
Чу! поетъ куплеты
Вяземскій-пѣвецъ.

Призваніе Льва Камбека въ Новгородъ въ 1862 г.

Опытъ современнаго эпоса.

Не древнее вѣче, пою я, не Рюрика, добрые люди,
Не подвиги витязей славныхъ и Яси, и Веси, и Чуди,

Не Новгородъ съ вольной дружиной его и посадомъ
Хочу я прославить по міру высокимъ, эпическимъ скла-
домъ;

Нѣтъ, къ этому я, вмѣстѣ съ музой своею капризной —
негодень,
На то Юаннъ есть Агсаковъ, и старецъ Михайло По-
годинъ.

Въ нихъ самое небо вложило познаніе древняго вѣка...
Хочу я прославить теперь похождения мужа Камбека.

Пою о дѣяннѣхъ его и о подвигахъ истинно львиныхъ
(Не даромъ прозваніе *Льва* получилъ онъ еще на крестинахъ).

Начнемъ-же, о, муза, собравшись съ духомъ и мощью
заранѣ:
Въ поддѣвкѣ, въ смазныхъ сапожищахъ и въ смуромъ
славянскомъ кафтанѣ,

Съ кудрями подъ мурмошкой шапкой, съ бородой, отъ
рожденья не бритой,
Ужъ много годовъ на Руси сталъ извѣстенъ сей мужъ
пменитый,

Котораго мудрые боги послали на землю съ наказомъ:
Мѣшать всѣмъ скандаламъ людскимъ и предѣлъ поло-
жить ихъ проказамъ.

Положенъ-ли былъ тотъ предѣлъ, или нѣтъ — мы на-
вѣрно не знаемъ,
Но знаемъ, что имя Камбекъ грозой пронеслося надъ
краемъ;

Плаксивыхъ дѣтей умиряли пугающимъ именемъ этимъ;
Гдѣ двое дрались межъ собой — Камбекъ тамъ, без-
спорно, былъ третьимъ;

Гдѣ только кулакъ поднимался, хоть будь то за Вол-
гой, за Дономъ,
Онъ всюду являлся для кары какимъ-то зловѣщимъ
Тифономъ —

Въ гостиныхъ, въ театрѣ, въ харчевняхъ, въ вагонахъ
въ уѣздныхъ этапахъ,

Особымъ чутьемъ открывая скандаловъ удушливый
запахъ.

Но въ будущемъ ждало Камбека иное геройское дѣло:
Когда по словенскому міру стрѣлою молва про-
летѣла,

Что тысячу прожитыхъ лѣтъ будетъ праздновать Русь
въ Новѣградѣ,

И дѣдамъ поминки свершить въ новгородскомъ старин-
номъ посадѣ,

Почтить вѣчевое начало и Рюрика бѣлыя кости, —
Толпами народъ нашъ отправился къ дѣдушкѣ Вол-
хову въ гости,

И вотъ, по чугункѣ, до Волховской станціи мигомъ
домчался,

Но здѣсь-то, неожиданно-негаданно, вдругъ онъ съ бѣдой
повстрѣчался.

Бѣжить онъ проворно на пристань и требуетъ въ
кассѣ билетовъ,

Но заперта касса пустая; на просьбы, на крикъ нѣтъ
отвѣтовъ.

Въ объятіяхъ сладкихъ Морфея поконится тѣло кассира
И только въ волнахъ пароходъ на веревкѣ качается
сиро.

Часы пробѣгаютъ безъ пользы... Все ждутъ новгород-
скіе гости,

Дрожа отъ холоднаго вѣтра, отъ утренней стужи, отъ
злости...

Но, стойте, міряне! смиритесь духомъ и въ рядъ ста-
новитесь: 1

Спасеть васъ все онъ-же, Камбекъ, обличенья упор-
наго витязь,

Все онъ-же, чье имя знакомо гражданамъ и старымъ и
юнымъ: 2

Онъ въ Новгородъ посланъ на славное дѣло могучимъ
Перуномъ.

Сверкая глазами отъ гнѣва и поздри раздувши
широко,

Леталъ онъ и мчался въ пародъ, какъ въ Африкѣ зной-
ной широко,

Директора громко онъ влпкатель и звалъ онъ кассира
къ отвѣту:

— «Я Камбекъ, извѣстный Левъ Камбекъ! Статью
напишу я въ газету.

«Я громы протестомъ низвергну, я все передъ міромъ
раскрою...»

И плескомъ и радостнымъ воплемъ толпа отвѣчала
герою.

— «Билетовъ, билетовъ!» вопилъ онъ, но касса, какъ
будто, заснула...»

Вдругъ новая смѣлая мысль въ головѣ у Камбека свер-
кнула.

— «За мною, граждане! на берегъ!» онъ крикнулъ,
махнувши пароду:

— «Васъ выручить Камбекъ! за мною!» и ринулся
внизъ къ пароходу:

— Ура!... — и кидая на воздухъ кто зонтикъ, кто
шапку, кто шляпу,
Толпа, за вождемъ поспѣшая, спустилася дружно по
трапу,

Отбросивши въ сторону стражу, покрыла корму и ка-
юты.

— «Отваливай!» гаркнулъ Камбекъ. «Ну, живѣй!»...
Черезъ двѣ — три минуты,

Колеса, стуча, завертѣлись и, волны рѣки разсѣкая,
Летѣлъ ужь, дымясь, пароходъ, только брызги и пѣну
бросая.

А тамъ, на кормѣ парохода, въ величѣй классической
позы,
Герой нашъ, Левъ Камбекъ, стоялъ, какъ живая статуя
угрозы.

* * *

Съ тѣхъ поръ-то и ходитъ рассказъ къ поученію но-
ваго вѣка:
«Призваніе въ Новгородъ древній суроваго мужа Кам-
бека.»

Вышневолоцкий рыцарь.

СОВРЕМЕННОЕ ПРЕДАНИЕ.

Говорь, шумъ и смѣхъ въ вагонѣ;
Всѣ толкуютъ, слышно миѣ:
Тотъ — о новой примадоннѣ,
Этотъ — о войнѣ.

Въ полусонкахъ, ночью тихой,
Смутный говоръ я ловлю,
Рядомъ съ жирною кунчихой
Задремаль я — сплю.

Вижу я во снѣ, что новый
Вѣкъ для родины насталь,
Процвѣтаетъ наше слово,
Чистъ нашъ идеаль,

Что всѣ прошлыя затѣи
Наши прогляли умы,

Что признали и въ лакеѣ
Человѣка мы.

Сталь возможенъ геній женскій,
Всюду путь открытъ для дамъ,
И въ прогрессѣ — Аскоченскій
Захлебнулся самъ.

Просыпаюсь. Въ эту пору
Что за шумъ? Мой сонъ прошелъ....
Слышу: кто-то громко ссору
Съ дамою завель.

Что жь мнѣ дѣлать? Нравъ мой тихій...
Вновь подъ говоръ я дремлю.
Рядомъ съ спящею купчихой
Я склонился — сплю.

Вижу сонъ я: грѣзы тѣ же,
Золотой все тотъ же вѣкъ,
Появляется все рѣже
Зло, и человѣкъ

Позабылъ совѣтъ бѣсовскій,
И не молвить больше вслухъ,
Какъ училъ его Красовскій
О системѣ плюхъ.

Ожилъ міръ. Своєю тогой
Все прогрессъ пріосѣнилъ,
И калѣка и убогой
Жизнь благословилъ.

Просыпаюсь. Крики слѣва,
И, о ужась! — предо мной

Пассажиръ, въ привадагѣ гнѣва,
Даму билъ рукой,

И сидѣлъ я, какъ обварень;
Миѣ еще все мнился сномъ
Оцъ — Вышневолоцкій баринъ
Съ грознымъ кулакомъ.

О, пронія! о грѣзы!
Вотъ еще одинъ урокъ...
И озлобленный, сквозь слѣзы,
Лишь сказать я могъ:

Пусть прогрессъ трубить намъ въ уши,
Гласность ждетъ съ своимъ судомъ,
Мы — не только бьемъ баблуши,
Мы и женщинъ бьемъ.

Передъ садомъ Россійской словесности.

ПРОЛОГЪ ИЗЪ ПОЭМЫ.

— «Скучно!» Мнѣ шепнула муза:
— «Никакого развлечения!
Вашъ холодный, мрачный сѣверъ
Заморозитъ вдохновенье.

Что за лѣто! Ты мнѣ скажешь:
Вкругъ поля зазеленѣли!
Но пойми, пойми, мой милый —
Изъ подкрашенной фланели

Эта стриженная зелень
Вашей сѣверной столицы;
Ваше пасмурное солнце
Словно вышло изъ больницы.

Вѣтеръ, холодъ и туманы,
Флюсы, сырость, гриппы, лужи...

Не до пѣсенъ, не до пѣсенъ
Въ царствѣ плесени и стужи!...»

— Не капризничай, о муза!
И не плачь, какъ Федоръ Глинка!
Посмотри! предъ нами вьется
Незнакомая тропинка,

Зазываетъ насъ и мѣнитъ...
Дай же ручку и не сѣтуй —
Въ садъ словесности российской
Мы пойдемъ тропинкой этой.

Въ томъ саду забудешь скуку;
Лишь едва войдешь туда ты —
Какъ вокругъ тебя польются
Русской прессы ароматы.

Садъ таинственный, волшебный!
Въ немъ, по милости Зевеса,
Черезъ два тысячелѣтя
Зацвѣтетъ цвѣтокъ прогресса;

Тамъ за Майкова «полями»
И его извѣстной «нивой»
Всѣ растенья нигилизма
Заглушаются крапивой.

Садъ таинственный, волшебный!..
Тамъ грозой для вертопраховъ,
Съ христоматіей подъ мышкой
Сталъ у входа самъ Галаховъ,

И разить своей ферулой
Нашъ Харонъ и паша Парка;

Тамъ раскинуть «Русскій Вѣстникъ»
Въ родъ англійскаго парка,

Гдѣ Катковъ — его садовникъ,
Противъ вѣка вопіющій,
Выжидаетъ прогрессистовъ
За подстриженною кущею.

Въ томъ саду Юркевичъ, ночью,
Въ часъ зловѣщихъ привидѣній,
Сочныхъ лозъ пучки собираетъ
Для учебныхъ заведеній,

А въ дуплахъ, на старыхъ соснахъ,
Къ страху вырожденъ эпохи,
Слышенъ Лонгинова скрежетъ
И Громеки слышны вздохи;

Тамъ румяный «День» славянскій
Пригрѣваетъ предразсудки,
Тамъ цвѣтутъ родимой прессы
Голубыя незабудки;

Тамъ, прижавшись къ гибкой вѣткѣ
И природѣ строя куры,
Въ страстныхъ пѣсняхъ замираютъ
Соловьи литературы.

Въ этотъ садъ пойдемъ, о муза!
А устанемъ, — что за горе!
Мы тотчасъ же погрузимся
Въ «Взбаламученное море».

Открытие.

Всѣ люди—скоты.

(Бланкъ.)

Не гордись, о смертный,
Быстротой развитья:
Господиномъ Бланкомъ
Сдѣлано открытье.

Брось труды науки,
Ей ни въ чемъ не вѣря:
Миръ — *стадообразный*,
Люди — хуже звѣря.

Все встрѣчай на свѣтѣ
Съ чувствомъ беззаботнымъ:
Господиномъ Бланкомъ
Ты сравненъ съ животнымъ.

Лишь одинъ вопросъ есть
Въ слѣдующемъ родѣ:
Такъ къ какой же Бланка
Отнести породѣ?

На всемірной выставкѣ,

(Въ русскомъ отдѣленіи.)

Эскизы.

I.

Здѣсь на брега туманной Темзы
Русь молодая принесла
Богатства Новгородъ, Пензы
Торжка, Рязани и Орла.

Не множествомъ картинъ Рафаэля, Теньера,
Старинныхъ мастеровъ давно бывшихъ временъ,
Изъ папскаго дворца, изъ Вѣны, Лестеръ-Сквера,
Я былъ на выставкѣ мгновенно пораженъ.

Какое дѣло мнѣ до Грѣза, Ле-Сюера,
Когда вотъ, здѣсь гдѣ былъ разложенъ лень,
Раскинула свой бюстъ красавица Венера
И средь кулей пенъки бѣлѣетъ купидонъ.

Ценька—и статуя, визига—и картина,
Сушеные грибы и рядомъ пианино!...
Къ чему жь за каталогъ украдкой я берусь,

Къ чему же я въ толпѣ его перелистую,
Когда ужь такова родная наша Русь,
Гдѣ съ грязью золото мѣшаютъ зачастую.

II.

Нѣтъ, предъ засадами на выставкѣ родимой,
Увидя корридоръ, почти непроходимый,
И веюду слушая наемъшки англичанъ,
Я славилъ родину, я скромность нѣлъ славанъ.
Въ негодованіи отъ мѣстнаго «юмора»
Я съ образомъ инымъ сдружился очень скоро:
Вся Русь явилася тогда передо мной
Женою робкою, застѣнчивой женой;
И бѣстро записалъ я на страницѣ гда:
Такъ точно, среди волнъ, богиня Неренда,
Вздымая бѣлую и дѣвственную грудь,
Стыдилась на нее украдкою взглянуть,
И въ море погрузивъ свое нагое тѣло,
Отъ собственныхъ красотъ терялась и краснѣла.

III.

**Передъ русскими гвоздями, присланными
на выставку.**

По пространству всей Европы
Пусть извѣстія пройдутъ,
Что особые циклопы
Гвозди русскіе куютъ.
Мы-жь, гордясь родимымъ краемъ
И славянской стороной,
Отъ восторга таемъ, таемъ,

Потому, что вѣрно знаемъ,
 Что такое гвоздь родной,
 Гвоздь отточенный, пробойный,
 Заострившійся слегка,
 Бойкій, стойкій, крѣпкій, стройный,
 И рѣшительно достойный
 Бенедиктова стиха.

IV.

Передъ полкой съ духами.

Это вѣрно злые духи
 Шлютъ Анохина духи,
 Съ ярлыкомъ въ російскомъ духѣ,
 Съ текстомъ разной чепухи.

И невольно въ землю взгляды
 Потупляетъ каждый Россъ:
 Отъ анохинской помады
 Онъ давно ужь безъ волосъ.

V.

Изъ каталога выставки.

«Одна изъ русскихъ провинціальныхъ губернаторскихъ канцелярій получила на выставкѣ медаль за представленную ею коллекцію перчатокъ.»

Васъ, женинъ сѣвера, васъ, корифеекъ тона,
 Мы молимъ обратить вниманіе на то:
 Не покупайте вы перчатокъ у Леона,
 У Фроманто,

Забудьте Юнкера, парижскіе бульвары,
 Лишь въ канцелярїи спасенье русскихъ дамъ,

Перчатки лучшія Урала и Самары
Готовы вамъ.

Для васъ, для васъ, mesdames, забывъ свои по-
рядки,

Входяція дѣла, бумаги кинувъ прочь,
Вся канцелярія работала перчатки
И день и ночь.

Строча, сидѣлъ писецъ не за рапортомъ хмурымъ—
За лайкой мягкой и нѣжной, какъ атласъ,
И слово *строчка* тамъ явилось каламбуромъ
Для васъ, для васъ.

Перчатки русскія прославились въ Европѣ,
Но ждуть онѣ похвалъ отъ гражданокъ своихъ...
За попеченіе о вашемъ гардеробѣ,
Носите-жь ихъ!...

VI.

**Таинственный боченокъ, съ надписью: Амвросій
Прохоровъ, I сортъ, 5 рублей.**

Неозаренъ догадки свѣтомъ,
Я духомъ палъ,
Какой продуктъ въ боченкѣ этомъ —
Не угадалъ.
Что онъ родной — не нужно трогать,
О томъ тотчасъ
Миѣ подсказали — русскій деготь
И русскій вязъ,
Но что за тайны въ немъ лежали
Внутри, внутри,
О томъ британцы ужь держали
Не разъ пари,

Французы шутки позабыли,
 Пришли въ азартъ,
 И нѣмцы, гнѣваясь, рѣшили:
 «Das ist sehr hart.»
 Я самъ, предавшися тревогѣ,
 Взялъ каталогъ,
 Но и разгадки въ каталогѣ
 Найдти не могъ.
 И набѣгали быстро мысли
 О томъ, о семъ:
 Изъ Оренбурга не кумысь-ли
 Въ боченкѣ томъ?
 Иль, можетъ быть, въ задатокъ силы
 Родной Москвы,
 Свой квасъ сюда славянофилы,
 Прислали вы?
 Иль откупицкѣ, въ бѣдѣ рыдая,
 На тотъ базаръ
 Привезъ, медали ожидая,
 Свой полугаръ?
 И молча я стоялъ въ сторонкѣ
 Часа два—три,
 Но не узналъ, что въ томъ боченкѣ
 Лежить внутри.

VII.

Предъ чемоданомъ г. Никсена.

Тикъ, кожа, желтые ремни,
 Знакомо это издавна намъ:
 Мы все не разъ въ былые дни
 Съ такимъ ѣзжали чемоданомъ,
 Въ которомъ лопались все швы,
 Ремни рвались и трещали,

И чемоданъ такой, увы!
На первой станціи бросали.
И здѣсь... въ губахъ застылъ вопросъ,
На волю вырваться готовый:
«Какой зефиръ тебя занесъ
Сюда, изъ улицы Садовой?»

Московскія пѣсни.

I.

Гдѣ наши силы,
Друзья мои?
Славянофилы?
Не говори —
Они намъ милы,
Но говори:
Лишь долгу вѣренъ,
Твори, твори
Борисъ Чичеринъ:
Въ гробъ уложи
Казачье племя,
«Прости» — скажи,
И укажи
На «Наше Время».

II.

Крикунъ-зонль, въ пылу трезвона
 Привыкъ все дерзко отрицать,
 И на Чичерина и Крона
 Готовъ копье свое поднять.

Но рухнетъ старая кулиса
 Въ пыли годовъ замретъ содомъ —
 Мы отъ Чичерина Бориса
 Въ восторгъ со временемъ придемъ.

Такъ послѣ буйнаго похмѣлья
 На мѣръ трезвѣе мы глядимъ,
 Такъ милыхъ женщинъ рукодѣлья
 Съ благоговѣніемъ хранимъ.

III.

Когда бъ не смутное влеченье
 И жажда тайная тревогъ,
 Я-бъ жилъ въ Москвѣ, на «Развлеченье»
 Смѣнивъ и «Искру» и «Свистокъ».

И какъ Корейши старый крестникъ,
 Прогрессъ и совѣсть отвергалъ,
 И все бы слушалъ «Русскій Вѣстникъ»
 И только бъ «Марево» читалъ.

IV.

Я трепеталъ,
 Какъ говорилъ

Явившись въ залъ
 Славянофиль,
 Я изнываль
 Отъ ногъ до плечъ
 Какъ онъ читаль
 Собратьямъ рѣчь,
 Я тосковаль
 И теръ свой лобъ,
 Какъ онъ строгаль
 Европѣ гробъ,
 Какъ Западъ клялъ,
 И мудръ и строгъ,
 И прославляль
 Одинъ востокъ,
 И тѣхъ идей
 Водоворотъ
 Въ душѣ моей
 Переворотъ
 Тогда свершилъ,
 Къ Москвѣ свой взоръ
 Я устремилъ
 И сталъ съ тѣхъ поръ —
 Славянофиль.

V.

Прологъ поэмы.

У лукоморья дубъ гигантскій,
 Златая цѣпь на дубѣ томъ,
 И днемъ и ночью котъ славянскій
 Все ходитъ по цѣпи кругомъ,
 И всѣмъ проходимъ — коннымъ, пѣшимъ —
 Поеть, — и слушаетъ весь міръ.

Москва, Москва! Тамъ русскимъ лѣшимъ
 Зовется греческій сатиръ;
 Тамъ все одной родной закалки,
 Тамъ самодуры — старики,
 Тамъ вмѣсто нимфъ — однѣ русалки,
 Ныряя, мчатся вдоль рѣки.
 Тамъ въ цвѣтѣ доблести и мочи
 На печкѣ дремлетъ наша лѣнь,
 И блещетъ тамъ, не зная ночи,
 Благодетельный, постный «День».
 Тамъ, много витязей въ кольчугахъ,
 Къ прогрессу жалости полны,
 Европу, стивившую въ недугахъ,
 Хоропятъ въ пѣсняхъ старины;
 И тамъ друзьямъ-славянофиламъ
 Погодить рѣчи говорить,
 И сарафаномъ бредить милымъ
 И къ позабытымъ двумъ могиламъ
 Славянамъ всѣмъ идти велить.
 Тамъ въ терему купчиха чахнетъ,
 Тамъ рядъ откормленныхъ невѣсть
 И сладко спитъ, и сладко ѣсть...
 Тамъ русскій духъ... Тамъ Русью пахнетъ!...

* *
*

И я тамъ былъ, и медъ я пилъ,
 Тамъ видѣлъ я и дубъ гигантскій,
 Подъ нимъ сидѣлъ и котъ славянскій
 Свою мнѣ сказку говорилъ...

И скоро, скоро сказку эту
 Я соберусь повѣдать свѣту,

И новый День, воспѣтый въ ней,
Напомнитъ намъ, какъ гуль далекій:
«Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.»

Москва.

Ахъ, лукавить молва,
Что уснула Москва,
Братцы,
Что, осиливъ блины,
Ей тревожные сны
Снятся,

Что, не зная заботъ,
Ей милѣй круглый годъ
Спать-бы,
И гадать на бобахъ
И играть черезъ свахъ
Свадьбы.

Ахъ, зачѣмъ клевета
Осмѣяла мѣста

Эти!

Вѣдь языкъ злыхъ людей
Бьетъ, повѣрьте, больнѣй
Плети.

Нѣтъ, Москва-старина
И въ просонкахъ умна

Даже,

Не слабѣетъ отъ лѣтъ,
Европейской въ ней нѣтъ
Блажи.

Не горитъ въ ней «Маякъ»,
«Москвитянинъ» — чудакъ,
Гдѣ-ты?

Какъ «Маякъ», отъ кручинъ,
Ты погибъ среди пучинъ
Леты.

Но пная заря,
Надъ Москвою горя,
Встала...

Развѣ новыхъ умовъ
Межъ твоихъ теремовъ
Мало?

Развѣ старую лѣнь
Не прогналъ въ тебѣ «День?»
То-то!...

Развѣ Павловъ дремалъ,
Развѣ стихъ не звучалъ
Грота?

Нѣтъ, лукавить молва,
Что уснула Москва,
Братцы!
Все впередъ въ ней идетъ,
Лишь за дѣло начнетъ
Братся.

Сцена въ литературномъ агентствѣ.

Хорошо жить въ наше время.
Благодатные года!
Геніальныя открытья...
Безкорыстіе труда...

* *
*

Вотъ хоть новое извѣстье:
Говорять, что сэръ Джонъ Спикъ
До истоковъ самыхъ Нила
Наконецъ-таки достигъ.

* *
*

И теперь въ ученомъ мірѣ
Нетайнственъ больше Нилъ.
Согласитесь: Джона Спика
Подвигъ очень, очень милъ.

А у насъ? У насъ, ей Богу,
 Всѣмъ открытыямъ — счету нѣтъ;
 Жаль одно: что тѣ открытыя
 Знаетъ только русскій свѣтъ.

* *
 *

Вотъ хоть Писемскій! Представьте...
 Впрочемъ, знаете ужь вы, —
 «Взбаламученное море»
 Намъ открылъ вблизи Москвы.

* *
 *

Потому-то всѣ ланд-карты
 Нужно нынче измѣнить
 И Москву въ «приморскій городъ»
 Непремѣнно обратить.

* *
 *

А новѣйшее агентство?
 Имъ открыть намъ — просто страсть! —
 Самый «лучшій, вѣрный способъ»
 Въ литераторы попасть.

* *
 *

То агентство поставляетъ
 По заказу въ города
 Литераторовъ, кухарокъ —
 Самыхъ лучшихъ, господа!

* *
 *

Лишь прочелъ я объявленье,
 Какъ себя ударивъ въ лобъ,
 Я помчался въ то агентство,
 Въ попыхахъ надѣвъ салопъ.

Прихожу, Большая зала...
 Много женщинъ и мужчинъ...
 Я смутился. Для смущенья
 Было нѣсколько причинъ.

* *
 *

Но, молчу объ этомъ. Сзади
 Вдругъ я слышу. «Вамъ чего-съ?»
 «Мнѣ нужна, monsieur, кухарка!»
 Отвѣчаю на вопросъ.

* *
 *

— «Вамъ кухарку? Нѣтъ-съ, *все вышли...*
 (Очень милый каламбуръ)
 Вотъ писателей — такъ много»...
 И на нѣсколько фигуръ,

* *
 *

Мрачно жавшихся у стѣнки,
 Мнѣ конторщикъ указалъ:
 — «Все таланты-съ! Только видъ ихъ
 Лишь немножко подгулялъ.

* *
 *

«А кухарокъ нынче нѣту,
 Приходите завтра въ часъ.
 Вѣдь на ихъ запросъ огромный
 Здѣсь бываетъ каждый разъ.»

* *
 *

Онъ былъ правъ. Кухарки нужны
 Вѣдь почти-что въ каждый домъ;
 Литераторы же нынче
 Стали вовсе нипочемъ.

И такіе есть межъ ними,
Что отъ нихъ избавь насъ Богъ!
И воскликнулъ я невольно,
Пробираясь за порогъ:

* *
*

О, судьба! будь милосердна!
И для насъ устрой ты такъ:
Дай побольше — кухарокъ.
И поменьше — писагъ.

Изъ акціонерныхъ хроникъ Главнаго Обще-
ства желѣзныхъ дорогъ.

I.

Кто винить васъ будетъ, Герень,
За расходы тѣ и эти?
Чистоту ихъ, я увѣренъ,
Понимають даже дѣти.

Вызываютъ на обиды
Беззаконныя дѣянья,
Васъ же мечъ самой Θεмиды
Не коснется за стяжанья.

Потеряли развѣ умъ мы,
Признавая тѣ нападки,
Что изъ ввѣренной вамъ суммы
Покунали вы перчатки,

Фляги, мельницы, тарелки,
 Тюфяки, ковры, кастрюльки,
 Для друзей своихъ — бездѣлки,
 Для дѣтей своихъ — бирюльки?

Нѣтъ, вы правы, правы дважды,
 Если счетъ всему ведете,
 И буквально вещи каждой
 Опись сдѣлали въ отчетѣ!...

II.

О, когда-бъ мнѣ боги
 Дали для примѣра
 Въ «обществѣ дороги»
 Званье инженера,

Былъ бы я умѣренъ,
 Въ оправданіяхъ гибокъ,
 И клянусь, что Геренъ
 Не знавалъ ошибокъ!

Я, въ отчетахъ кратокъ,
 Всѣмъ настаивая носъ-бы,
 Кучерскихъ перчатокъ
 Въ описи не внесъ бы.

Я завелъ бы точно
 Лишь одну карету,
 Да и ту-бъ нарочно
 Не поставилъ въ смѣту.

Не ходилъ бы пѣшій,
 Ѣздилъ — хоть на парѣ,

И въ Ліонъ депеши
Отправлялъ бы къ Кларъ.

Съ ней (въ душѣ-Маниловъ)
Въ перепискѣ скромной,
Былъ бы я, какъ Миловъ
Съ Софьею Петровной *).

Въ службѣ Коллиньона
Наслажденье тѣша,
Прямо до Ліона
Шла-бъ моя депеша.

Хвостъ имѣя лпей
И сведя итоги,
Отъ суда комиссій
Я-бъ не зналъ тревоги.

III.

Пью за искренность «смѣты» **)
И за русскій кредитъ;
Пью, слагая куплеты,
Что пропажа кареты
Никого не дивить.

Пусть всѣ члены совѣта,
Утвердивши тарифъ,

*) Въ отчетъ Общества объ отправленіи депешъ, внесены такіе расходы: 1) двѣ депеши отъ Милова — *Софья Петровна* — на 9 р. 2) депеши отъ главнаго инженера *M-me Claire* — въ Ліонъ на 10 р. 54 к. 3) Отъ Франциска — *Фанни Шаперонъ* — 22 р. 32 к. с.

**) Въ счетъ общихъ расходовъ по управленію сооруженія линій введено г. Геллингу 200 р. за карету, потерянную въ Псковъ.

За него ждуть отвѣта...
Но судить ли за это:
Чтожь? — пропала карета —
Это вовсе не миѡ.

Подъ пучинами Леты
Схороненъ рядъ костей;
Гибли страны, поэты,
Такъ пропажа кареты
Въ путешествіи гдѣ-то,
Удивитъ лишь дѣтей.

Пью-жь за здравье «совѣта»
И его самосудъ...
За бутылкой моэта
Я пою до разсвѣта:
Чтожь? пропала карета —
Такъ другую дадутъ.

**Изъ акціонерныхъ хроникъ
Общества водопроводовъ.**

I.

Помнитъ житель Петрограда,
Какъ вездѣ, изъ-за угла,
Изъ канавъ и ямъ преграда
Насъ на улицахъ ждала,
Гдѣ въ открытый зѣвъ оврага,
Какъ въ прожорливый капканъ,
Для общественнаго блага
Пало множество гражданъ;
Гдѣ работали насосы
На Фонтанкахъ день и ночь,
Гдѣ тревожные вопросы
Мы старались превозмочь.

Помнитъ житель Петрограда,
Какъ сложилась егоряча,

Близъ таврическаго сада
 Въ семь этажей каланча,
 Какъ въ правленьѣ къ разнымъ цѣлямъ,
 Суетясь не безъ причинъ,
 Пробиралсь *Окель* съ *Пелемъ*
 И съ *Палибинимъ Ильинъ*,
 Какъ, — минуто роковую
 Не забудемъ никогда:
 Вверхъ взрывая мостовую,
 Всюду брызгала вода.

Гдѣ жь они, водопроводы,
 Трудолюбія примѣръ?
 Гдѣ жь теперь твои доходы,
Водяной акціонеръ?
 «Денегъ мало! денегъ мало!...»
 Скорбно общество твердитъ: —
 «Не начать ли намъ сначала
 Дѣло новое... въ кредитъ?»
 — Что же! сдѣлайте огласку,
 Увлеките новичка,
 И рассказывайте сказку
 Намъ про бѣлаго бычка!

 II.

сонъ въ руку.

Лишь надъ заснувшюю Невою
 Настала полночи пора,
 Тревожный сонъ надъ головою
 Узрѣли всѣ директора.

Надъ изголовьемъ ихъ кроватей
 Вставали призраки гурьбой,

И въ вихрѣ стоновъ и проклятій
Куда-то кликали съ собой.

То рвали ихъ акціонеры,
Какъ стая жадная пантеръ,
То ихъ давилъ, давилъ безъ мѣры
Водопроводный бельведеръ.

То въ общемъ хаосѣ и свалкѣ
Грозилъ Дума имъ вдали,
То словно нескія русалки
Ихъ въ омутъ съ хохотомъ влекли.

Но вдругъ все скрылось мглой тумана;
И передъ ними просвѣтлень,
Въ вѣникѣ изъ листьевъ кукельвана
Предсталъ Андрей Ивановичъ Кронъ.

Зачѣмъ онъ здѣсь? Совѣтъ въ угарѣ.
Вотъ рѣчь его течеть, течеть,
И слаще пѣнья Кальцоляри
Директорамъ былъ голосъ тотъ:

— «У васъ, несчастные собратья,
Бѣда висѣла на носу;
Придите жъ все въ мои объятя:
Я васъ спасу! я васъ спасу!...

«Скажите мнѣ — и въ два-три года,
Въ дома столицы, навсегда,
Изъ новыхъ трубъ водопровода
Запрыщеть неская вода.

«Хотите — сотворю я диво,
И вдругъ, на зло своимъ врагамъ,

Пущу я кроновское пиво
По всеъмъ квартирамъ и угламъ.

«Хотите — сдѣлаю я ссуду,
Велю работы начинать,
И все правленье ваше буду
Три года ровно содержать!»

Пронесся сонъ. Покинувъ ложе,
Всю ночь до самаго утра:
— Ужели Кронъ спасетъ насъ, Боже?
Шептали всѣ директора.

Патріотическая пѣсня.

Брожу-ль по Сапрагна ді Рома,
Плыву ли по Тибру безъ цѣли,
Стою-ли у берега Комо,
А мысль моя носится дома
По невской широкой панели.
И — странно! — напрасно дразнила
Меня Колизея картина,
И римское солнце палило, —
Во мнѣ черноземная сила
Являла вездѣ славянина.
Всходилъ-ли на холмъ въ Ватиканъ,
Мечтая о сѣверной пивѣ,
Я думалъ о русскомъ канканѣ,
Я думалъ о томъ кукельванѣ,
Который былъ въ кроповскомъ пивѣ.
Являлся-ли въ римскій я форумъ,
Въ циркъ Ромула или Каракаллы,

Не занять классическимъ вздоромъ,
Я, съ чисто славянскимъ задоромъ.

Записывалъ наши скандалы.

Когда-жь геркулесомъ фарнезскимъ

Артисты кругомъ восторгалнсь,

Я только жалѣлъ лишь, что не съ кѣмъ

Мнѣ въ Римѣ заняться Краевскимъ

И «Голосу» сдѣлать анализъ.

Безпріютная тѣнь.

Въ болотныхъ лѣсахъ новгородскихъ,
Гдѣ вѣтры да выюги шумять,
Встаетъ на далекомъ кладбищѣ
Кургановъ таинственныхъ рядъ.

Не плачутъ надъ ними березы,
Не льютъ свои амбры цвѣты;
Лишь звѣзды на тѣ на курганы,
Мерцаая, глядятъ съ высоты.

Креста нѣтъ на древнихъ могилахъ,
Не видно ограды кругомъ;
Тамъ совы да хищныя птицы
Ныряютъ во мракъ ночью.

Курганъ есть на томъ на кладбищѣ —
Печальный разрушенный видъ,

Подъ тѣмъ подъ курганомъ — могила,
Въ могилѣ той — Рюрикъ зарытъ.

Зарытъ онъ безъ почестей бранныхъ
Когда то средь мертвыхъ степей,
Но душу усопшаго князя
Не приняли въ Царство-Тѣней.

И въ часъ его грустной кончины,
Въ полночь, какъ свершается годъ,
Къ могилѣ, изъ царства Валгаллы,
Слетаетъ духовъ хороводъ.

И Рюрикъ тогда изъ могилы
Встаетъ съ потемнѣвшимъ лицомъ;
На немъ золотая кольчуга
И ржавый желѣзный шоломъ.

Влекомый за мощныя руки,
Главу опустивши на грудь,
Съ тѣнями незримиыи Рюрикъ
Въ воздушный пускается путь.

Несется къ вратамъ онъ Валгаллы —
Найти свой загробный покой,
Несется и молить, чтобъ снова
Ему не лежать подъ землей.

Но снова вопросъ ненавистный:
«Кто родомъ и племенемъ онъ?»
Опять его сердце трепещетъ,
Опять онъ незнаемъ смущень.

И грозно тогда межъ тѣнями
Споръ долгій и жаркій идетъ:

Норманомъ одна его кличеть,
Другая — литвиномъ зоветь.

За грудой журналовъ московскихъ
Споръ старый растетъ и кипитъ;
Одинъ духъ хулить Москвитянинъ,
Другой — Современникъ хулить.

Такъ духи, какъ люди, безъ толку
Сражаясь въ ученомъ бою,
Вдругъ къ князю съ угрозой пристали
Открыть имъ отчизну свою.

И съ падшей надеждой, угрюмо
Шагаетъ онъ взадъ и впередъ,
Шагаетъ, и русскихъ ученыхъ
Мольбою послѣдней клянеть.

Зоветь онъ профессоровъ новыхъ,
Опору въ превратной судьбѣ,
Онъ имъ обѣщаетъ извѣстность,
А скромную долю себѣ.

И въ снѣжныхъ сугробахъ Россіи
Услышали князя мольбу:
Тамъ древній профессоръ московскій
Перчатку бросаль на борьбу....

Бросаль онъ перчатку на диспутъ,
Рѣшить: кто былъ Рюрикъ такой?
И къ дѣду науки на вызовъ
Явился ученый другой...

И грезилось Рюрику: въ залѣ
Университета, вдвоемъ,

Сошлись два профессора вмѣстѣ
И жребій метали о немъ.

Споръ блещетъ огнемъ остроумья
Надъ надписью темной могилъ;
Щетинился ветхій профессоръ,
А юный профессоръ острилъ.

Вотъ громко толпа рукоплещеть....
Лишь Рюрикъ стоялъ все одинъ,
Какъ прежде, смущаемъ вопросомъ:
Норманецъ онъ или литвинъ?

И споръ прекратился ученый,
Какъ каждый кончается споръ,
Но въ немъ только Рюрикъ печальный
Прочелъ для себя приговоръ....

Стоялъ онъ — ворота Валгаллы
Опять запахнулись предъ нимъ,
И капали горькія слезы,
Блестя подъ забраломъ стальнымъ.

И снова безроднаго князя
Незримыхъ тѣней караванъ
Понесъ въ новгородскія дебри
Сложить подъ могильный курганъ.

Ода къ провинціямъ.

(ОТРЫВОКЪ.)

Города наши пѣсней эпической
Я готовъ былъ прославить не разъ:
Каждый городъ у насъ — историческій,
«Что не городъ — то норовъ» у насъ.
Предъ губернской заставой со всякаго
Даже шапка спадаетъ сама;
Все смущаетъ его одинаково:
Быть и нравы, строенья, дома,
Горожанъ домовитыхъ имущества,
Ихъ привычки, занятя, языкъ,
И чему тамъ отдать преимущество
Не рѣшить онъ, и станетъ въ тупикъ.
Петербургъ, съ его дивными чарами
Всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ и родовъ,
Съ пышнымъ блескомъ, нарядомъ, базарами
Ужъ одинъ стоитъ всѣхъ городовъ.

А Москва благодатными даями
 Москвичей надѣляетъ кругомъ —
 Калачами, невѣстами, банями,
 «Русскимъ Вѣстникомъ» объ руку, «Днемъ...»
 Ярославль ткеть полѳтна отличныя,
 Всюду ставится тульскій клинокъ,
 Изъ Казани шлютъ мыло яичное,
 И готовитъ намъ обувь Торжокъ.
 Изъ Одессы — сигары крученныя,
 Изъ Черкаска — для ростбифа быкъ...
 Здѣсь — симбирская *вобла* *) копченая,
 Тамъ уральскій копченый балыкъ.
 Изъ конца въ конецъ Русь нашу мѣряя
 Въ продолженіи многихъ годовъ,
 Я узналъ, что въ Россійской имперіи
 Много славныхъ начтешъ городовъ;
 Но изъ нихъ только города Кіева
 Несравненна съ другими краса,
 Вѣдь не даромъ вездѣ старики его
 Прославляютъ на всѣ голоса.
 Слышу, слышу хвалебныя клики я
 Я внимаю взволнованъ, смущень...
 Зарождались все люди великіе
 Въ этомъ городѣ съ давнихъ временъ.
 Тамъ природой вокругъ расточаемы
 Всѣ дары... мы забудемъ ужель
 Что качалась, для міра незнаема
 Аскоченскаго тамъ колыбель.

*) *Вобла* — волжская рыба, имѣетъ передъ другими рыбами то
 огромное преимущество, что, питаясь ею, можно переломать всѣ зубы.
 Вкусъ самый неопредѣленный, нѣчто среднее между копченымъ козырь-
 комъ и маринованнымъ голенищемъ. Въ г. Симбирскѣ эту рыбу по-
 даютъ за десертъ.

Тамъ Юркевичъ, сдружася съ Минервою,
Книжной мудростью умъ свой питаль,
Познакомился съ розгою первую
И ей первые канты слагаль.

Отъ научной жажды мѣя.

Отъ научной жажды мѣя,
Хоть брала порой зѣвота,
Изучалъ я Маколея,
Изучалъ я Мошешота.

Но всѣхъ ихъ не разумѣя,
Я, съ гордыней патриота,
(И зѣвать уже не смѣя)
На Руси искалъ чего-то;

И въ пылу метаморфозы
Все слѣдилъ, какъ шли обозы
И стиховъ и русской прозы, —
Какъ смутились двѣ столицы,

Отъ Семевского претензій,
Отъ Григорьева рецензій,
И отъ мудрости Косицы.

Праздничная дума.

Нѣтъ, мнѣ чуждо сомнѣнье лукавое,
И задоръ современныхъ повѣсь;
Посмотрю лишь — налѣво, направо я,
Чуть въ слезахъ умиленья не плавая,
Всюду чую россійскій прогрессъ.
Всѣ ученія ложныя, дикія
Потеряли свой прежній кредитъ:
Здѣсь — журналовъ стремленья великія,
Тамъ — изданія Вольфа Мавригія —
О прогрессѣ мнѣ все говоритъ.

Журналистика русская многому
Научила насъ въ эти года;
Все анализу предано строгому,
Бѣдняку и калекѣ убогому
Не жалѣемъ мы... словъ никогда.
Всѣ идеи Булгарина милого

Перестали ужъ мы почитать,
И не могутъ безъ чувства унылаго
Покольнѣ Никиты Безрылова
Современные люди встрѣчать.

Хоть кого забросаемъ мы фразами!
А вѣдь фразы-то все на подборъ
Краснорѣчья сверкаютъ алмазами,
И своими благими экстазами
Мы рутинѣ несемъ приговоръ.
Поднимайся же все человѣчество
И готовые лавры надѣнь;
Вы — дворянство, мѣщанство, купечество,
Издаются для васъ — «Сынъ Отечества»,
«Русскій Вѣстникъ», «Заноза» и «День».

А вокругъ васъ толпы просвѣтителей
Съ цѣлымъ ворохомъ важныхъ задачъ,
Нигилизма враговъ и гонителей;
Въ пользу бѣдныхъ — спектакли любителей
Затѣваетъ досужій богачъ.
На себѣ я несу обаяніе
Обличеній, протестовъ, рѣчей,
Всѣхъ актеровъ родныхъ дарованіе
И столичныхъ врачей причитаніе
Передъ замысломъ женщинъ врачей,

Педагоговъ Руси ажитація,
Избѣгавшихъ рѣшительныхъ мѣръ,
Обскурантовъносе лѣднихъ овація
И полемикъ журнальная грація —
Такта нашего лучшей примѣръ.
И вездѣ, гдѣ мой взоръ ни появится,
Каждый фактъ оцѣняя на вѣсъ,
Сердце всюду вездѣ умиляется:

Предо мной во-очью совершается
Всероссійскій великій прогрессъ.

Господа! Не сдавайтесь сомнѣніямъ:
Намъ сознать свои силы пора,
И не вѣрьте зловѣщимъ тѣмъ геніямъ,
Что съ великимъ твердятъ озлобленіемъ:
«Вашъ прогрессъ — лишь одна мишура.»
Нѣтъ! свое затаите убожество!
Если жь дѣла мы ждали бь отъ васъ,
Хоть впадите и въ лѣнь и въ ничтожество,
Но давайте намъ многое множество
Громкихъ фразъ, громкихъ фразъ, громкихъ фразъ...

MISSOURI BOTANICAL GARDEN

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

REVUE DE LA BIBLIOTHÈQUE

de la Bibliothèque de la Ville de Paris

Publiée par le Comité de la Bibliothèque

Paris, chez la Librairie de la Bibliothèque

1880

1881

1882

1883

1884

1885

1886

Весенняя пѣсня.

Дайте забвенья мнѣ!... Вечеръ прекрасный!..

Слушайте: чу? раздалась

Пѣснь соловьиная; музыкой страстной

Въ душу она ворвалась...

(Баринъ, вамъ счетъ принесли изъ колбасной,

Требуютъ денегъ сейчасъ).

Все въ этихъ звукахъ для сердца знакомо, —

Такъ бы всю ночь простоялъ...

Помню я вечеръ на озерѣ Комо —

Звуками воздухъ дрожалъ...

(Ну, кто звонитъ тамъ? сказать, что нѣтъ дома,

Де-скать весь день не бывалъ).

Воздухъ глотаю я съ жаждою воли,

Сердце забилося скорѣй,

Стихнули скорби и прежнія боли
 Мысль и свѣтлѣй и бодрѣй...
*(Что тебѣ нужно?—Прикажете, что-ли,
 .Къ чаю купить сухарей?)*

Спряталось солнце. Какъ пурпуръ румяна
 Западъ одѣвшая мгла,
 Носятся бѣлыя волны тумана,
 Ночь надъ землею легла...
*(— Что ты реवेशь такъ? Возьмите болвана...
 — «Мама мнѣ плюху дала»!...)*

Садъ ароматомъ весны закурился,
 Въ окна бѣжитъ аромать,
 Въ озерѣ мѣсячный столбъ отразился,
 Звѣзды все ярче горять...
*(Слушай, хоть ты-бѣ за жену заступился:
 Все эти хамы врубятъ.)*

Ночи весеннія! Вами мы лѣчимъ
 Сердце отъ бурь и тревогъ,
 Сердце, привыкшее къ жизненнымъ сѣчамъ;
 Ночи! Когда-бы я могъ...
*(Денегъ на ваксу пожалуйста. Нечѣмъ
 Вычистить завтра сапогъ.)*

Въ небо смотрю... голова закружилась...
 Ночь голубая плыветъ;
 Словно надъ міромъ она наклонилась,
 Словно молитву поетъ...
*(Господи! что тамъ такое случилось?
 — Барыня спать васъ зоветъ!...)*

Свадьба.

(Лѣтняя сцена съ натуры.)

На Сѣнной, у храма собралась звѣрка.
Что-то тутъ случилось... Вотъ женихъ во фракѣ

* *
*

Вышелъ и пустился, точно вихорь, съ мѣста;
Вотъ, лице закрывши, вышла и невѣста,

* *
*

Въ платьѣ подвенечномъ, въ покрывалѣ бѣломъ;
Видно, впрочемъ, дама въ возрастѣ ужь зрѣломъ,

* *
*

Плачетъ и трясется, надрывая сердце,
Такъ, что не отыщеть, гдѣ въ каретѣ дверца.

Вотъ въ карету сѣла, — слезы льются градомъ, —
Шаферъ, что-ль, родня-ли, съ ней усѣлся рядомъ, —

* *
*

Смотритъ изъ подлобья, пасмурно и косо:
— Ну, пошелъ скорѣе! — и стуча, колеса,

* *
*

Прыгая по камнямъ, вдругъ захохотали,
А кругомъ зѣваки громко хохотали

* *
*

И во слѣдъ кричали: «погоняйте притче!
Ну, ужь свадьба, братцы! приключилась притча!»

* *
*

Я стоялъ и слушалъ. Мнѣ кунецъ проходившій
Разказалъ о свадьбѣ, на романъ похожей.

* *
*

— «Вишь съ невѣстой этой поступили скверно.
Хоть шестой десятокъ ей пошелъ, но вѣрно

* *
*

Очень молодое въ ней сердечко билось:
Вдругъ канцеляристомъ барыня плѣнилась.

* *
*

Этотъ былъ не промахъ, — слылъ со смѣткой ма-
лымъ, —
Видитъ — подвернулась краля съ капиталомъ.

* *
*

Влѣзъ къ ней просто въ душу, ластился, какъ кошка:
Нѣтъ-нѣтъ, да деньжонокъ выпроситъ немножко,

Объщаль жениться, тратилъ депозитки, —
Да и обобралъ же барыню до нитки,

* *
*

Обобралъ и понялъ... Тутъ ужъ не до свадьбы,
Норовить — лишь только какъ нибудь удрать-бы...

* *
*

И, размысливъ здраво, чтобъ бѣды не вышло,
Повернуть рѣшился онъ обратно дышло.

* *
*

Можетъ и удралъ бы, — только на бѣду-то
Братецъ дамы этой повернулъ тутъ круто:

* *
*

Вы, де-свать, обманщикъ, хитрый оболъститель,
Такъ по той причинѣ въ церковь не хотите-ль?

* *
*

Тотъ — и такъ, и эдакъ, — видитъ — плохо дѣло:
— Ну, такъ повѣнчайте! отвѣчаетъ смѣло.

* *
*

Свадьбы день назначилъ, — (выбралъ день таковскій:
Завтра вѣдь начнется лѣтній постъ, петровскій).

* *
*

Вотъ невѣста наша наняла карету,
Входятъ въ церковь, что же? суженаго нѣту!

* *
*

А межъ тѣмъ онъ долженъ — ужъ таковъ порядокъ
Въ храмѣ ждать невѣсту. Съ барыней — припадокъ

Сдѣлался, — тотчасъ же къ жениху послали
Звать его на свадьбу. Ждали, ждали, ждали...

* *
*

И пока тянулось съ нимъ переговоры,
Разныя условья, споры да покоры,

* *
*

Ночь ужъ приближалась. Наконецъ, когда же
Самъ женихъ подъѣхалъ къ храму въ экипажѣ,

* *
*

Было уже поздно; объявляетъ дьяконъ:
— Бракъ вашъ отложили, и теперь никакъ онъ

* *
*

Быть свершенъ не можетъ: время протянули
До поста, а можно будетъ лишь въ іюлѣ

* *
*

Сочетаться вмѣстѣ вамъ законнымъ бракомъ...»
Вотъ вамъ и вся свадьба!... уличнымъ зѣвакамъ

* *
*

Только-бъ погорланить, — знай лишь скалятъ зубы
Потому, выходитъ, — нравы очень грубы.

* *
*

Надъ чужой бѣдою мы смѣяться можемъ,
А къ своей бѣдѣ-то рукъ мы не приложимъ....»

Домашній очагъ.

(Мотивъ изъ Дюпона.)

Тише, ради Бога!
Не цѣлуй такъ часто!
Кончена дорога,
И теперь ужь много,
Если сажень на сто
Я сойду съ порога.

Изъ Китая приплыль я вчера.
Тамъ, ей-Богу, житье золотое!
подавали мнѣ тамъ повара
Изъ собачьяго мяса жаркое.
Чтожь? Хоть кухню китайцевъ бранять,
А въ Европѣ — не лучше кухарки:
Вѣдь ѣдятъ же французы салатъ,
А въ Россіи свѣчныя огарки.

Тише, ради Бога!
 Не цѣлуй такъ часто!
 Кончена дорога,
 И теперь ужь много,
 Если сажень на сто
 Я сойду съ порога.

Съ европейскимъ добромъ корабли
 Въ свои порты японцы пустили,
 За пеньку и за шерсть намъ давали рубли,
 Хрусталемъ за желѣзо платили,
 А фарфоръ-то какой есть у насъ!
 Всѣмъ достанетъ на чашки и плошки.
 И теперь изъ фарфоровыхъ вазъ
 Будутъ пить все парижскія кошки.

Тише, ради Бога!
 Не цѣлуй такъ часто!
 Конченá дорога,
 И теперь ужь много,
 Если сажень на сто
 Я сойду съ порога.

Хоть извѣстенъ теперь новый свѣтъ
 Благородной, гражданской доктриной;
 Но у негровъ — рѣшили тамъ — нѣтъ
 Человѣческой фибры единой.
 Вся Европа въ томъ видитъ позоръ,
 Лицемѣрка извѣстна вѣдь эта; —
 Ей самой можно сдѣлать укоръ
 За людей и не чернаго цвѣта.

Тише, ради Бога!
 Не цѣлуй такъ часто!
 Кончена дорога,

И теперь ужь много,
 Если сажень на сто
 Я сойду съ порога.

Мнѣ по сердцу Испаніи быть
 И кастильской красавицы лента,
 Англичанина щедрый кредитъ
 И Италиі всей far' niente,
 Тамъ мнѣ жизнь улыбалася... но
 Жить на родинѣ лучше и проще,
 И хоть дороги хлѣбъ и вино,
 Но тѣнисты дубовыя рощи.

Тише, ради Бога!
 Не цѣлуй такъ часто!
 Кончена дорога,
 И теперь ужь много,
 Если сажень на сто
 Я сойду съ порога.

И хоть часто здѣсь сердце болить,
 Солнце свѣтитъ не ярче, не ближе,
 Но трактирщикъ мнѣ вѣрять въ кредитъ
 И подруга мнѣ вѣрять въ Парижѣ...
 Не смолкаетъ здѣсь пѣсня моя;
 Если жь риѳма въ куплеты не ляжетъ,
 Не на мигъ отъ пѣвца не тая,
 Ее вѣтеръ родимый подскажетъ.

Тише, ради Бога!
 Не цѣлуй такъ часто!
 Кончена дорога,
 И теперь ужь много,
 Если сажень на сто
 Я сойду съ порога.

Пусть же смѣхъ и веселье бѣгутъ,
Вырываясь на волю изъ груди:
Подъ охраной науки растутъ
Поколѣнія новаго люди.
Не смолкайте же, крики и шумъ!
Всѣ отдайтесь, какъ дѣти проказамъ:
Я пою человѣческой умъ,
Я пою человѣческой разумъ.

Тише, ради Бога!
Не цѣлуй такъ часто!
Кончена дорога,
И теперь ужь много,
Если сажень на сто
Я сойду съ порога.

Первый поцѣлуй.

ЭЛЕГИЯ.

(Сюжетъ взятъ изъ одной современной повѣсти.)

Для моціона, послѣ ванны
 (Жаръ только спалъ)
Куря сигару изъ гаванны —
 Я въ лѣсъ попалъ.

Въ вѣтвяхъ гремѣлъ пѣвцовъ пернатыхъ
 Звонящій хоръ,
И весь курился въ ароматахъ
 Зеленый боръ:

И гасъ и таялъ день румяный...
 Я шелъ, но вотъ,
Смотрю и вижу — надъ поляной
 Мелькнулъ капоть.

Я вижу даму — страстно, громко
 Поетъ она...

О, кто ты, кто ты, незнакомка?
 Кто ты, жена?

Раскрыть не смѣя въ то мгновенье
 Горячихъ устъ,
 Я легъ, безъ всякаго движенья —
 Подъ ближній кустъ.

Она поетъ — лицо пылаетъ,
 Она поётъ!
 (И грудь, волнуя, поднимаетъ
 Ея капоть).

Зоветъ любовь и сердцу милыхъ,
 Какъ день чиста...
 И я вскочилъ, терпѣть не въ силахъ,
 Изъ за-куста.

Я весь дрожалъ, какъ отъ озноба...
 Взыграла кровь...
 Къ другъ другу мы познали оба
 Въ тотъ мигъ любовь.

На насъ напалъ припадокъ странный...
 Мы обнялись —
 И въ поцѣлуй благоуханный
 Безъ словъ слились.

Потомъ — какъ сонъ, исчезла дѣва,
 Какъ страсть моя...
 Мы разошлись; она — налѣво,
 Направо — я.

Женскія пѣсни.

(Переводъ съ нѣмецкаго.)

БАРОНЕССЫ ФОНЪ БИССЕРЪ.

I

Люблю я васъ, младыя дѣвы,
Люблю я рѣчи милыхъ дамъ,
Люблю, пока для русской Евы
Не нашепталъ свои напѣвы
Эмансипаціи Адамъ.

Повѣрьте: вы — есть жизни розы!
Наука, знанье — какъ морозы
Оледеняють всѣмъ сердца;
И принесётъ вамъ только слѣзы
Ученье Фохта и Спинозы,
И сгонитъ молодость съ лица.

Васъ дразнить жизнь приманкой сильной,
 Сулить дары и дразнить вновь...
 Ужель за лѣтописью пыльной,
 Иль за полемикой чернильной
 Поблекнетъ женщины любовь?

Блистайте жъ только въ бальной залѣ,
 Забросьте скучный фоліантъ,
 Играйте вальсы на роялѣ;
 Межъ васъ найдется вѣдь едва ли
 Марко Вовчекъ или Жоржъ-Зандъ.

 II

Съ тѣхъ поръ, какъ всемогущій рокъ
 Мнѣ далъ прозрѣнье свѣтской дамы,
 Эмансипаціи въ упрекъ
 Готова слать я эпиграммы.

Сверкнулъ огонь моихъ очей,
 Не въ силахъ скрыть негодованья,
 Когда отъ женщинъ — дамъ врачей
 Толпа ждала, для посмѣянья.

Цѣня покой своихъ подругъ,
 Я призывала къ оборонѣ
 Великосвѣтскій пышный кругъ
 Въ своемъ блистательномъ салонѣ.

Принципъ невѣдѣнья храня,
 Была я вѣстницею рая,
 И дамы слушали меня,
 Изящно вѣромъ играя.

Когда-жъ въ Москвѣ погибла «Рѣчь»
И Туръ изданье прекратила,
Тогда, какъ ношу сбросивъ съ плечъ,
Я многимъ дамамъ говорила:

«Смотрите! Туръ — примѣръ для васъ!
Урокъ для женщинъ журналистовъ.
«Рѣчь» отъ гибели не спасъ
И самъ великій Θεоктистовъ.

Гдѣ жъ геній дамскій? гдѣ добро?
Нѣтъ, не для критикъ, не для споровъ —
Для головныхъ однихъ уборовъ
Лишь нужно женщинѣ перо.

Н и щ и й.

На проспектъ, у дома Челищева,
У воротъ проходнаго двора,
Всѣ прохожіе видѣли нищаго,
Тамъ стоящаго важно съ утра.
Ничего въ этомъ нищемъ нѣтъ схожаго
Съ той толпой, что живетъ въ нищетѣ,
У которой грошевая пѣжива
Такъ и видится въ каждой чертѣ.
На лицѣ его римлянъ величіе
(Разумѣется, прежнихъ временъ),
Онъ спины не сгибалъ для приличія,
И руки не протягивалъ онъ,
Только жестомъ прохожаго всякаго
Останавливалъ, гордо маня:
— Вы читали-ль статейку Агсакова
На страницахъ московскаго «Дня»?

Не читали? По этому номеру
Вы поймете (онъ листъ подавалъ),
Что всѣхъ насъ, проживающихъ по міру
«День» кормить, одѣвать приказалъ,
Если жъ знаете эти сказанія, —
Чтобы съ «Днемъ» вы поладить могли, —
Подавайте намъ всѣмъ подаяніе,
И пригоршнями сыпьте рубли!!!
И чудеснаго этого нищаго
Каждый день мы встрѣчаемъ съ утра,
На проспектѣ у дома Челищева,
У воротъ проходнаго двора.

Голосъ изъ могилы.

Пускай холодною землею
Засыпанъ я.

(Лермонтовъ).

Пусть схоронили подъ землею
Давно меня, —
Для всѣхъ загадкой роковою,
Откуда я?

Свой край родной, происхожденье,
Жилецъ могиль,
Въ странѣ покоя и забвенья
Я позабыль.

И въ страхъ, въ часъ жестокой муки
Вернувшись всвѣтъ,
Отвѣта ждалъ я отъ науки —
Отвѣта нѣтъ.

Внималъ я спорамъ, преньямъ шумнымъ
 Профессоровъ,
 Но ихъ отвѣтъ былъ въ остроумномъ
 Сближеньѣ словъ.

Я слышалъ диспутъ двухъ ученыхъ,
 И тосковалъ,
 Что образъ свой въ чертахъ мудреныхъ
 Не узнавалъ.

Меня рвали они на части
 Передъ толпой,
 Но разрѣшить не стало власти:
 Кто я такой?

Напрасно ихъ теперь, тоскуя,
 И дряхлѣ и старѣ,
 Одну графу внести молю я
 Въ мой формуляръ.

«Родства не помнящій...» въ молчаньѣ
 Отвѣтъ гремитъ,
 И остовъ мой въ нѣмомъ страданьѣ
 Въ землѣ дрожить.

Кто жъ я такой? загадка снова
 Не рѣшена,
 Знать, съ мертвецомъ святыня слова
 Схоронена.

Кто я такой?... Лежу безроденъ:
 О старинѣ
 Ни Костомаровъ, ни Погодинъ
 Не скажутъ мнѣ!

Юмористамъ.

Юмористы! смѣйтесь всѣ вы,
Только пусть вашъ стихъ,
Какъ улыбка юной дѣвы,
Будетъ чистъ и тихъ.
Будьте скромны, какъ овечка,
Смѣйтесь безъ тревогъ,
Но отъ желчнаго словечка
Сохрани васъ богъ!...

Безъ насмѣшки, безъ иглокъ,
Весело для всѣхъ,
Смѣйтесь такъ, чтобъ не былъ колокъ
Безобидный смѣхъ;
Чтобъ ребенокъ въ колыбели
Улыбнуться могъ...
Отъ иной гражданской цѣли
Сохрани насъ богъ!...

Смѣйтесь... ну хоть надъ природой,
Ей вѣдь нѣтъ вреда —
Надъ визитами, надъ модой,
Смѣйтесь господа;
Надъ ѣздой въ телѣгѣ тряской
Средь большихъ дорогъ...
Отъ знакомства съ свистопляской
Сохрани васъ богъ!..

Пойте пѣснь о стройномъ фронтѣ,
О ханжѣ, хлыщѣ,
Только личностей не троньте,
Смѣйтесь — *вообще...*
И отъ каръ, отъ обличеній
Вдоль и поперегъ,
Отъ новѣйшихъ всѣхъ ученій —
Сохрани васъ богъ!..

Просьба пансіонерокъ.

Ахъ, вы напрасно, *tatai*, не читаете
Русскихъ журналовъ, газетъ,
Даже и намъ ихъ читать запрещаете...
Жалости къ дѣтямъ въ васъ нѣтъ!..

Всей вашей строгости, право, не стало-бы,
Видъ вашъ суровый пропальъ,
Еслибъ взглянули, почтивъ наши жалобы,
Вы хоть въ единый журналъ.

Вы-же намъ книги даете старинныя,
«Странникъ» велите читать...
Нѣтъ, намъ наскучили сказки противныя —
Нужно-же правду сказать!..

Ахъ, ходять слухи, въ запретныхъ изданіяхъ, —
Этѣ по вашему вздоръ? —

Пишетъ о зайчикахъ, милыхъ созданіяхъ,
Нѣжно такъ Бергъ Теодоръ.

Есть тамъ, мы слышали, проза Арсеньева,
(Пишетъ умно, говорятъ),
Повѣсти Нарской, рассказы Весеньева...
Всѣхъ перечтешь-ли наврядъ...

Такъ для чего-жъ на журналы безвредные
Намъ не даютъ и смотрѣть?
Долго терпѣли, терпѣли мы, бѣдныя,—
Больше не можемъ терпѣть.

Что же, тамап, вы? Вѣдь съ вами мы ратуемъ
Не изъ двичьихъ проказъ;
Нынче есть гласность, и мы напечатаемъ
Тоже протестъ свой на васъ.

Грозный актъ.

У редактора газеты
Злой противницы движенья,
Собрались друзья, по зову,
Для совѣта въ воскресенье.

Ужь давно редакторъ смѣлый
И сотрудники газеты
Встрѣчу юнаго прогресса
Слали грозные отвѣты;

Ужь давно они, гдѣ можно,
Порицали дружнымъ хоромъ
Наше время, вѣкъ растлѣнный —
И проклятемъ и позоромъ

Все клеймили; въ ихъ «Бесѣдѣ»
Донъ-Кихоты тьмы кромѣшной

Проповѣдывали съ жаромъ
Аскетизма путь безгрѣшный,

Духъ терпѣнья и молчанья....
Но теоріи прекрасной
Тѣхъ новѣйшихъ публицистовъ
Не внималъ нашъ вѣкъ ужасный.

И къ редактору «Бесѣды»
Приглашенные собратья
Собрались, чтобы услышать
Актъ торжественный проклятья,

Актъ проклятья громогласный
Окаянному прогрессу,
Людемъ новаго развитья,—
Всѣмъ — служащимъ вѣка бѣсу.

Собралоя засѣданье
И внимало съ умиленьемъ,
Какъ редакторъ, жрецъ премудрый,
Имъ читалъ актъ отлученья.

Волоса назадъ отбросивъ,
Ставъ съ приличной сану позой,
Началъ онъ, сверкнувъ глазами,
Распаленными угрозой:

— «Силой правды и закона,
Силой истинъ всемогущихъ —
Всѣхъ — науки и прогресса
Власть открыто признающихъ,

Мы клянемъ, и къ мукамъ вѣчнымъ
Абирона и Дафона

Обрезаемъ ихъ для казни,
Горькихъ мукъ, и слезъ и стона.

Мы клянемъ ихъ именами
Ксенофонта и Фаддея,
И отнынѣ и во вѣки
Проқлинаемъ, не жалѣя:

Всюду, гдѣ бъ ихъ ни застали,
Дома, въ клубѣ, въ балаганѣ.
За перомъ, смычкомъ и кистью
Въ министерствѣ, въ ресторанѣ.

Спящихъ, бодрствующихъ, пьющихъ,
Трапезующихъ, сосando,
Недугующихъ, плѣненныхъ,
Чуть живыхъ... flebotomando.

Проқлинаемъ во всѣхъ членахъ,
Въ сердцѣ, чревѣ и глазницахъ,
Въ волосахъ, ногтяхъ и жилахъ,
Въ бакенбардахъ и рѣсницахъ...

Всюду ихъ найдетъ проклятье
И предасть въ жилище бѣса:
Такъ клянемъ дѣтей мы блудныхъ
«Окаяннаго прогресса»....

И собратья, съ дружнымъ плескомъ:
«Такъ да будетъ», повторили,
И все подиесью формальной
Актъ проклятья закрѣпили.

ВЪ ВАГОНѢ.

(Отрывокъ).

Наконецъ раздается послѣдній звонокъ,
И народъ, перепуганный звономъ,
Въ торопяхъ, волоча и мѣшки и узлы,
Размѣстится спѣшить по вагонамъ.

* *

Я усѣлся къ окошку въ плебейскій вагонъ,
(Всѣ плебеи сидятъ въ третьемъ классѣ),
Потому что я самъ изъ плебейской семьи
И себя причисляю къ ихъ расѣ.

* *

Вотъ машина заныла, свистя и хрипя,
За вагонами дрогнули цѣпи,
И по рельсамъ, гремя, длинный поѣздъ помчалъ
Насъ въ широкія, русскія степи.

Вкругъ меня помѣстился по лавкамъ народъ —
 Человѣкъ полтора ста иль двѣсти;
 Скоро запахъ особый мнѣ тамъ показалъ,
 Что я ѣду съ славянами вмѣстѣ.

* *
 *

Но съ восторгомъ глядѣлъ я на этихъ людей:
 Что-то новое было въ ихъ лицахъ,
 Словно каждый изъ нихъ пропитался насквозь
 Новымъ духомъ въ обѣихъ столицахъ;

* *
 *

Самодурства и рѣзкихъ манеръ — ни слѣда,
 Каждый принялъ смиренную позу.
 Вотъ кондукторъ, явившись со связкой газетъ,
 Продаетъ пассажирамъ «Занозу».

* *
 *

Рыжій купчикъ, съ какимъ-то романомъ въ рукахъ,
 Увѣряетъ сосѣда, что «Диккенсъ
 Пишетъ скучно не много-съ, но лучше его
 Сочинитель родной, Бабарыкинъ-съ!»

* *
 *

И припомнилъ невольно я тѣ времена,
 Времена до рожденья прогресса,
 Дни, когда не тревожили наши мозги
 Свистъ и смѣхъ обличителя бѣса,

* *
 *

Не тревожили — гласность нашъ дѣвственный слухъ
 И статейки въ карательномъ тонѣ,
 И Козляниновъ рыцарь могучей рукой
 Билъ проѣзжую нѣмку въ вагонѣ.

А теперь — посмотрите, какой переломъ!
Позабыты родные скандалы,
И у всѣхъ межъ бровей точно надпись видна:
Мы-де всѣ въ наши дни—либералы!»

* *
*

И кругомъ озирая толпу, — признаюсь,
Испыталъ я щемящую скуку,
Словно, что-то родное въ то время терялъ,
Словно, чувствовалъ съ кровнымъ разлуку.

* *
*

Такъ, вернувшись домой, одинокій бѣднякъ
Плачетъ горько, какъ послѣ утраты,
Если видитъ на мѣстѣ родимой избы
Возведенныя гордо палаты.

Ф р и н а .

(ДВѢ ФРЕСКИ).

(Изъ аѳинскихъ и петербургскихъ хроникъ).

I.

Когда то видѣли Аѳины,
Какъ въ пышный храмъ
Въ покровахъ бѣлыхъ образъ Фрины
Предсталъ жрецамъ.

Въ развратѣ новомъ, какъ блудница
Обличена,
Ей иль топоръ или темница
Присуждена.

Все ждали казни для примѣра...
Палачъ ужь тутъ..
И вотъ аѳинская гетѣра
Явилась въ судъ.

Бѣлѣли мраморные боги
 Изъ-за колоннъ,
 Сошлись жрецы, одѣвшись въ тоги,
 Со всѣхъ сторонъ.

Читали въ ихъ толпѣ безстрастной
 Всѣ приговоръ,
 И надъ блудницею прекрасной
 Висѣлъ позоръ.

Встаютъ жрецы, какъ смерть суровы...
 Толпа ждала...
 Но Фрина вдругъ свои покровы
 Разорвала.

И безъ одеждъ, раскрывъ все тѣло,
 Нѣма, безъ словъ
 Она, съ презрѣньемъ, посмотрѣла
 Въ глаза жрецовъ.

И помнятъ древнія Аѳины,
 Какъ въ оный часъ,
 У всѣхъ судей богини Фрины
 Вся кровь зажглась.

И передъ нею лицемѣры
 Склонились въ-прахъ,
 И палъ и млѣлъ у ногъ гетэры
 Ареопагъ.

 II.

Съ тѣхъ поръ столѣтъя миновали,
 Жрецы тѣ спятъ,

Но въ наши дни мы Фринъ видали
На новый ладъ.

Ихъ жизнь блестящая, безъ пятенъ,
Суровъ ихъ взглядъ,
И Фрины древней непонятенъ
Для нихъ развратъ.

Онѣ и въ мысляхъ неприступны,
Свой помня санъ;
Онѣ для смертныхъ недоступны,
Какъ самъ Монбланъ.

Въ толпѣ людей онѣ актрисы,
И не для насъ,
Но мы заглянемъ за кулисы
На этотъ разъ.

Въ купальню дамскую (такъ было)
Вошла жена,
И торсъ свой пышный погрузила
Въ Неву она.

Но ужъ пора... прошелъ купанья
Урочный часъ, —
Вдругъ слышенъ стукъ и восклицанье:
«Пустите насъ!»

И гостя новая предстала...
Но съ гостьей той
Она, отбросивъ покрывало,
Вступила въ бой.

Раздался крикъ... разбой! покража!
Народъ вопить, —

И вдругъ въ купальню вторглась стража...
Ужасный видъ!

Тамъ безъ одеждъ, безъ кринолина
Дралась жена,
Какъ та плѣнительная Фрина,
Обнажена.

— «За чѣмъ вы здѣсь? вонъ прочь, невѣжды!»
Произнесла,
И облекать себя въ одежды
Тутъ начала.

Донъ-Кихоть и невская Дульцинея.

Вечерь. Невскій залитъ свѣтомъ
Такъ, что видитъ глазъ едва,
Только Дума, въ блескѣ этомъ
Смотритъ мрачно, какъ вдова.

Въ окнахъ бархатъ, бронзы, лампы,
Шелкъ матерій и ковровъ,
Въ окна вставили эстампы
Даціаро и Бегровъ.

Этимъ блескомъ и базаромъ,
Утомленный отъ заботъ,
Пробираясь тротуаромъ,
Любовался Донъ-Кихоть.

Шлемъ надвинувъ, шелъ онъ прямо,
Руки сжаты на груди...

Вдругъ онъ видитъ — въ шляпѣ дама
Появилась впереди.

Молча слѣдуя за нею,
Онъ рѣшилъ, свой стиснувъ мечъ,
Незнакомку-Дульцинею
Отъ нахаловъ убересть.

Онъ готовъ былъ къ страшной драмѣ,
Ужъ когда-бъ пошло на то...
Вотъ подходитъ къ милой дамѣ
Кто-то съ пледомъ и въ пальто,

Что-то шепчетъ... ниже, ниже,
Наклоняется надъ ней...
Донъ-Кихоть подходитъ ближе,
Мрачный, Камбека мрачнѣй.

Незнакомца взявъ за плечи,
Онъ въ глаза ему взглянулъ.
Тутъ не нужно было рѣчи:
Незнакомецъ отпрыгнулъ,

И отъ страха цѣпенѣя,
Вдругъ исчезъ въ тѣни воротъ...
Дульцинея, Дульцинея!
Твой спаситель — Донъ-Кихоть!

Но, увы! блѣдна отъ гнѣва,
(Неожиданный скандалъ!)
Лишь кричитъ свирѣпо дѣва:
— «Кавалеръ зачѣмъ мой гналъ?»

Онъ меня просилъ на ужинъ,
Что же сдѣлалъ ви со мной!...

Пораженъ, обезоруженъ,
Донъ-Кихотъ побрелъ домой,

И, по улицѣ шагая,
Сталъ еще мрачнѣй, мрачнѣй,
Все еще не постигая
Нравъ столичныхъ Дульциней.

Изъ Москвы въ Петербургъ.

(Параллель.)

У васъ Нева
Въ гранитномъ ложѣ,
Рѣка Москва
У насъ есть тоже.
Намъ опытъ данъ,
Дана «царь пушка,»
У васъ — Иванъ,
У насъ — Ванюшка;
Въ васъ — духъ угасъ,
Въ насъ — мощь не гасла,
У васъ — есть газъ
У насъ — есть масло.
На вашу блажь
Москва лѣнива,
У васъ есть пиво,
А квасъ то нашъ?

Вамъ — кукельванъ,
 Намъ — щи, да каша,
 У васъ — канканъ,
 «Присядка» — наша:
 Мы ей вѣрны.
 Вы въ преньяхъ яры,
 А мы скромны,
 У васъ — омары,
 У насъ — блины.
 Невѣ — два вѣка,
 Намъ — шесть вѣковъ,
 У васъ — Громека
 У насъ — Катковъ.
 Счетъ одинаковъ,
 Для всѣхъ одинъ:
 У васъ — Заринъ
 У насъ — Аксаковъ,
 Вамъ, — какъ зюль,
 Скарятинъ вѣренъ,
 Борисъ Чичеринъ
 Намъ тѣмъ же милъ.
 У васъ — Краевскій,
 У васъ — Старчевскій,
 Ихъ нѣтъ у насъ,—
 Мы въ этомъ — пасъ;
 Но для чего же
 Жалѣть о томъ?
 За то мы схожи
 Во всемъ другомъ.
 И здѣсь не рѣже
 Газетъ грѣхи,
 Романы тѣ же
 И тѣ жь стихи,
 Журналы, книги,
 Слова, слова,

И тѣ жь интриги,
И та жь молва,
Тѣ жь драматурги,
Звонъ модныхъ фразъ,
Какъ въ Петербургѣ,
Такъ и у насъ.

Исторія одного пальто.

(Стихотвореніе анонима).

«Все, что есть гуснаго и возмути-
тельнаго внутри и снаружи — все это
предстало мнѣ въ этомъ обществѣ, во
всей своей безстыдной наготѣ, и я бѣ-
жалъ изъ этого омута, *захвативши чу-
жое пальто и разныя палочи.* (Д. Б.
№ 24).

Темный вечеръ гасъ въ туманѣ,
Парь клубился съ невскихъ водъ,
И у пристани Тайвани
Сталъ послѣдній пароходъ.

Лѣтній садъ въ свои аллен
Лишь впускалъ однѣхъ дріадъ,
Съ острововъ, изъ Ассамблен
Экипажей мчится рядъ:

Шарабаны, кэбы, дрожки...
Въ окна зданій смотритъ мракъ,

По панели чьей-то ножки
Слышенъ звонкій, бѣглый шагъ.

Лишь съ посадкою злодѣйской,
На мосту, городской,
Словно шпигъ адмиралтейскій,
Стальъ недвижный и прямой.

Но угрюмо отчего же
Стражъ во слѣдъ за мной глядѣль?
Отчего я самъ, о Боже!
То терялся, то блѣднѣль?

Отъ меня при встрѣчѣ дама
Отшатнулась даже прочь...
Вотъ, со мной какая драма
Приключилась въ эту ночь:

Дѣло, скажете, пустое!
Но узнайте: лишь вчера
Приобрѣлъ себѣ пальто я
Въ магазинѣ у Сарра.

Что за строчка у кармановъ!
Что за выгибъ на спинѣ!
Самъ изящнѣйшій Кирсановъ
Позавидовалъ бы мнѣ.

Но явились неудачи —
И пропалъ я ни за что...
У пріятели на дачѣ
Снялъ я вечеромъ пальто.

Гости... споры... гогель-могель...
Переборка всѣхъ именъ:

Гейне, Павловъ, Фихте, Гоголь,
Небольсинъ, Наполеонъ...

Вотъ всѣ вышли. Я послѣдній
Ухожу, но вдругъ бѣда:
Своего пальто въ передней
Не нашелъ я и слѣда.

Я искать, — увы! найду-ли?
Изъ меня весь вышелъ хмѣль —
Я открылъ въ углу, на стулѣ,
Только ветхую шинель...

Возопилъ я, въ той надеждѣ,
Что могу напасть на слѣдъ:
Изъ гостей ушелъ кто прежде?
— ~~Ассидій!~~ былъ отвѣтъ.

— Онъ? О, стыдъ, о горе въ мірѣ!
Крикнулъ такъ я въ этотъ мигъ,
Что Самойловъ только въ «Дирѣ»
Испускалъ подобный крикъ.

Чтожь сулилъ мнѣ этотъ случай?
Счастья день иль день тоски?
И побрелъ я темной тучей
Въ той хламидѣ на Пески.

Легъ я спать, но сны ходили
Надо мною до утра,
И всю ночь меня давили
А.....кій и Сарра.

Хлопецъ и его дѣти.

Есть у хлопца три сына. Ихъ смущаетъ кручина, —
Старый хлопецъ привелъ ихъ къ порогу:
— Съ вами радъ умирать-бы, по съ родимой усадьбы
Проводить васъ пора и въ дорогу.

Молодцы вы всѣ трое, запорожскаго строя,
Лишь красавицы ахаютъ разомъ...
Русь умна и богата, и вотъ, дѣтки, туда-то
Просвѣтитъ вы поѣдете разумъ.

Русскій толкъ попытайте, русскихъ щей похлебайте,
Да везите въ Украину новинки,
Самъ я старъ для похода, — стану ждать васъ три года.
Трое васъ — вотъ и три вамъ тропинки.

Будуть всё не въ накладѣ. Ты взгляни въ Новѣградѣ
 Монументъ, что недавно сложили,
 Да, развѣдай у пановъ: отъ кого — отъ Нормановъ,
 Мы начало ведемъ, отъ Литвы-ли?

На Москву путь другаго. Тамъ, что шагъ, то обнова.
 Москвичи хлѣбосольны и тихи...
 «Русскій вѣстникъ» и бани, калачи и славяне;
 Тамъ румяны, какъ солнце, купчихи.

Въ Питеръ третья дорога. Денегъ нужно тамъ много,
 Но не даромъ за то проживешься.
 Дурнемъ вступишь въ столицу и несешь небылицу,
 А на хуторъ всезнайкой вернешься.

Былъ я, дѣтки, моложе, въ Питеръ съѣздить я тоже,
 Насмотрѣлся чудесъ тамъ не мало;
 Хоть вернулся безъ денегъ, но за то сталъ умненекъ,
 Только мать ваша ротъ развѣвала.

Вотъ хохлы снарядились и въ дорогу пустились,
 И въ отлучкѣ ужъ три года были,
 Нѣтъ ни вѣсти, ни слуха, плачетъ горько старуха,
 Хлопецъ думаетъ: вѣрно, забыли.

Днѣпръ въ порогахъ крутится, сынъ дорогою мчится,
 Что-то есть подъ полой у сынишки.
 — Чѣмъ тебя наградили? Что везешь? Не рубли-ли?
 — Нѣтъ, отецъ мой, Скавронскаго книжки.

Днѣпръ сердито крутится, сынъ дорогою мчится,
 И отецъ его кликаетъ съ вышки:
 — Съ чѣмъ пріѣхалъ тыкъ мѣсту? Не привезъ-ли невѣсту?
 — Нѣтъ, отецъ мой, Скавронскаго книжки.

Дибирь хлопочетъ и злится, сыпь съ подарками мчится;
Тотъ подарокъ останется-ль въ тайнѣ?
Дѣдъ спроситъ ужь не хочетъ, но прославить хлопочетъ
Онъ Скавронскаго имя въ Украинѣ.

Сонъ публики.

Долго сна я ждала послѣ шумнаго дня,
Кровь стучала въ виски мнѣ и въ темя,
И томило и жгло темной ночью меня
Объявленьемъ заманчивымъ «Время».

Только вдругъ кто-то брякнулъ за дверью коль-
цомъ...

Чу! шаги за моею занавѣскою,
И влетѣлъ ко мнѣ свѣтель, какъ мѣсяць, лицомъ
Журналистъ Михаилъ Достоевскій.

Чудный гость предо мной улыбаясь стоялъ,
Говорилъ онъ, раскрывъ свою тогу:
— «Для тебя, для тебя издаю я журналъ —
Превосходный журнальчикъ, ей Богу!

«Для тебя о кометахъ я поднялъ вопросъ,
Сталь любить я народъ для тебя же,

Для тебя, королева моя, перенесъ
Я пасмѣшки журнальныя даже.

«О, такого журнала—держу я пари—
Не отыщешь нигдѣ ты по свѣту:
Для тебя перевелъ я Notre dame de Paris
И составилъ подписчикамъ смѣту.

«Новый откупъ журнальныхъ рецензій, статей
Разбавлялъ я журнальной водицей;
У меня развлекаютъ «отцовъ» и «дѣтей»
Фуксъ, Григорьевъ и Страховъ съ Косицей.

«О, не вѣрь свистунамъ—нашимъ лютымъ врагамъ,
Отплати же мнѣ лаской за ласку»...
И моля, и кляня, положилъ онъ къ ногамъ
Годового изданія связку.

Отъ молений его мои слезы лились,
Упадая ручьемъ на сорочку;
И звучало въ ушахъ: подпишишь! подпишишь!
Для тебя я готовъ на разсерочку!

Протекали часы... я проснулась... гляжу:
Солица лучъ заигралъ на окошкѣ;
А въ рукѣ своей я очень крѣпко держу
Книжку «Времени» въ свѣтлой обложкѣ.

Египетское утро.

(Концертъ 26 марта 1861).

Чертогъ сіялъ. Оркестра звуки
Слывались въ странный, дикій хоръ;
Самъ концертантъ, подъявши руки,
Его былъ строгій дирижеръ.
Въ его рукахъ—весь ходъ оркестра;
Но вдругъ, подавши знакъ смычкомъ,
Нашъ композиторъ, нашъ маэстро
Всталъ передъ публикой лицомъ...

И залъ концертный чутко внемлетъ:
Безмолвны гости; хоръ молчитъ;
Но снова онъ смычекъ подъяметъ
И громогласно говоритъ:
«Со мною кто въ талантѣ ровень;
Концертъ дослушавъ до конца,
Скажите мнѣ? Я или Бетховенъ

Достойны лавровъ и вѣнца?
 Чье возраженье здѣсь готово?
 Себя на судъ я отдаю...
 Скажите, кто изъ васъ сурово
 Осудить музыку мою?
 Онъ рекъ — и гулъ пошолъ по залѣ,
 И ропотъ смутный росъ и росъ,
 Но онъ, какъ вылитый изъ стали,
 Зловѣщій ропотъ перенесъ,
 И гордымъ взоромъ вкругъ обводитъ
 Мужчинъ и дамъ — столицы цвѣтъ...
 Вдругъ изъ толпы одинъ выходитъ,
 За нимъ другой идетъ во слѣдъ.
 Смѣла ихъ поступь, очи блещутъ,
 И видѣнь въ лицахъ ихъ протестъ;
 Свершилось... въ креслахъ рукоплещуть
 И приветаютъ невольно съ мѣстъ.

Весь кругъ гостей сталъ шумно-весель;
 Смутился духомъ концертантъ.
 Вотъ, взгромоздясь на вышку кресель,
 Явился первый протестантъ.
 Тотъ первый мужъ былъ критикъ смѣлый,
 Сѣровъ, въ концертахъ посѣдѣлый,
 Поклонникъ Вагнера піесъ,
 Сотрудникъ бывший Раппопорта,
 Сказавшій намъ, что *ut-diez*
 Кравцова былъ дурного сорта;
 Сѣровъ, артистовъ люциферъ,
 Вѣщавшій намъ, что Мейерберъ,
 Верди, Беллини, Доницетти,
 Все вмѣстѣ итальянцы эти —
 Творцы безсмысленныхъ химеръ,
 Въ искусствѣ гаеры и дѣти.
 И онъ теперь снести не могъ

Маэстро русскаго презрѣнья;
 Онъ вышелъ съ словомъ осужденья
 И сталь, суровый, какъ пророкъ
 Съ призывомъ въ руки взять камень:
 «Казнить, казнить его!»! взывалъ:
 «Тотъ лютой казни сталь достоинъ,
 Кто скажетъ: я—второй Бетховенъ!»
 Такъ съ кресель топалъ и кричалъ
 Съровъ — театра мѣфистофель,
 И всѣхъ бросать гнилой картофель
 Онъ въ концертнста призывалъ.
 За нимъ еще фигура чья-то
 Явилась сумрачная тамъ,
 Но этотъ имени въкамъ
 Не передалъ. Его утрата
 Укоръ преданью и отцамъ *.
 Но вотъ и самъ маэстро бѣдный,
 Въ поту, дрожащій, сталь на стуль,
 И говорилъ убитый, блѣдный
 Подъ общій крикъ, и шумъ, и гуль:
 «Клянусь... о матеръ Мельпомены,
 Тебѣ неслыханно служу,
 И здѣсь публично въ часъ измѣны
 Своимъ защитникомъ схожу.
 Внемлите-ль голосу призыва!
 Вниманья я не утомлю:
 Прослушать два моихъ мотива
 Тебя, о публика, молю!
 Забудь языкъ иелѣныхъ бредней

* Преданіе, дѣйствительно, изъ именъ двухъ протестантовъ сохранило для насъ имя одного г. Сърова. О другомъ извѣстно только то, что онъ вставалъ на стуль, начиналъ говорить, но при шумѣ общаго говора его рѣчь никто не слышалъ.

И клевету обидныхъ словъ:
Я увертюрою послѣдней
Клянусь, плѣнить тебя готовъ!»!
И вотъ опять оркестръ гудить
Съ какой-то силой исполинской,
И тамъ маэстро абиссинскій
Хлопочеть, вѣется и кричить.
Литавры бьютъ, гремятъ тромбоны,
Басы, дисканты, баритоны —
Въ какой-то дикій вой слились...
На окнахъ стекла задрожали.
И неожиданно по залѣ
Свѣтки и крики раздалсь.
Напрасно, словно звѣрь, рыкая,
Маэстро публику зоветъ,
Но разомъ, уши затыкая,
Къ подъѣзду ринулся народъ.

Глава изъ свѣтской поэмы.

(Во вкусъ новѣйшихъ салонныхъ романистовъ.)

Въ благовошномъ бодуарѣ
Запахъ розъ и poudre de riz,
И разсыпалась волнами
Вкругъ атласныя драпри.

Подъ раскрашеннымъ экраномъ
Съ трескомъ теплится каминъ.
И подъ лампой абажурной
Глазъ не рѣжетъ керасинъ.

На прозрачныхъ этажеркахъ
Бронза, золото, фарфоръ,
И разбросаны небрежно
На каминѣ Presse и Nord.

На стѣнѣ изъ пышныхъ рамокъ
Тамъ глядѣли, какъ свои—

Ликъ Люи-Наполеона
И Друэна де-Люи.

На диванѣ у камина
Чьи-то ножки, чей-то стань...
То маркиза Леонора
Опустилась на диванъ.

Ручка тихо щиплетъ блонды,
Губки сжались, чуть дыша;
Графъ сидитъ и мыслить втайнѣ:
«Какъ маркиза хороша!»

«Вы сегодня очень глуны,
Милый графъ, — нагнали сплинь»...
(Графъ гаванскую сигару,
Вслухъ зѣвнувъ, швырнулъ въ каминъ).

— «Вы, ей-богу, очень странны:
То клянетесь мнѣ въ любви,
То сидите, какъ убитый,
Цѣлый вечеръ vis-à-vis».

«Леонора! вы капризны...
Я дѣйствительно убитъ»...
(Снова новую сигару
Графъ закуривать спѣшитъ.)

«Цѣлый годъ я жду отвѣта.
Что жь, скажите: да иль нѣтъ?»
Но маркиза занялася
Бомбоньеркою конфетъ.

«Вамъ, я знаю, мужъ противенъ,
Я вамъ нравлюсь, я влюбленъ.

Что-жь мѣшаетъ намъ?» (Сигару
Вновь въ каминъ бросаетъ онъ).

— «Мужъ мнѣ точно, что противенъ:
У него несносный нравъ.
Да и старъ онъ, но.. «Но, что же?»
Развалившись, молвилъ графъ.

— «Я люблю васъ.. не хотите-ль,
Милый графъ, моихъ конфетъ?..
Я люблю васъ, но рѣшилась
Все же вамъ отвѣтить: *нѣтъ!*..»

Тутъ маркиза граціозно
Вдругъ зѣвнула:—«Ахъ, тоска!»..
Графъ, потягиваясь, сдѣлалъ
Два отличные зѣвка.

Я люблю васъ, графъ Евгений,
Но вы—видите-ль—умны,
А мы, женщины, въ мужчинѣ
Избѣгать ума должны.

Умъ мужчинъ для насъ опасенъ,
Страсть нужна намъ, сердца жаръ...
(Графъ небрежно изъ кармана
Вынимаетъ портъ-сигаръ).

— «Люди умные болтливы,
(Два протяжные зѣвка)
Потому себѣ нищу я, —
Графъ, не злитесь, — дурака».

«Вы безумны, Леонора!»
«Что жь! во вкусахъ всякій нравъ...»

(Портъ-сигаръ слоновою костью
Изъ руки роиаетъ графъ).

«Но, вѣдь такъ шутить безбожно!»
— «Я шучу? О, нѣтъ, никакъ.»
(Графъ беретъ со стула шляпу
И застегиваетъ фракъ).

— «Что жь мнѣ дѣлать?» — Если можно,
Превратитесь въ дурака». —
(Графъ зѣвнулъ, маркиза то же
Начала зѣвать слегка).

«Такъ прощайте!» Графъ съ зѣвотой
Покидаетъ бодуаръ;
А она зѣвнула то же,
Крикнувъ вельдъ: — Au revoir!»!

Листки изъ альбома свѣтскаго человѣка.

(Посвящ. «Кетти».)

I.

Вчера годъ новый встрѣтилъ дома,
Матанъ больна, рара игралъ,
А я съ кузиной у альбома
До самой полночи зѣвалъ.
Тоска!... Поужиналъ отлично,
Всѣ разошлись, лишь пробилъ часъ...
Когда бъ хоть нѣсколько прилично,
Ей-Богу, радъ бы былъ — въ танцклассъ.

II.

У князя Б. А. Д. на балѣ
Я былъ представленъ Мери Н—а.
О ней ужъ много толковали,
А Мери только недурна.
Былъ мужъ, слѣдилъ за нею зорко —

И ревноваль, какъ гимназистъ.
 Тамъ былъ еще федералистъ,
 Посланикъ Грей изъ Нью-Йорка.
 За ужиномъ сѣлъ рядомъ съ К.,
 Она, пока вокругъ шумѣли:
 — Вы будете въ Вильгельмъ-Телль?
 Спросила, вспыхнувши слегка.
 — А вы? — «Мы будемъ» — Буду тоже!
 Она же (право не глупа):
 — «Зайдите къ намъ — и вамъ *rara*
 Предложитъ вѣрно мѣсто въ ложѣ.

III.

Признаться, наши демократы
 Меня бросаютъ въ жаръ и потъ:
 Не бриты, грязны, бородаты,
 Не слушая законовъ модъ,
 Они, — имъ только бы смѣяться, —
 Все отрицаютъ свысока,
 И грубость наглая сорваться
 Всегда готова съ языка.
 Въ костюмѣ ихъ, въ глазахъ, въ лицѣ и
 Читалъ одно лишь: мужики!...
 И тотъ, кто вышелъ изъ Лицея,
 Ужь вѣрно имъ не дастъ руки.

IV.

Изъ «Взбаламученнаго моря»
 Узналъ я новый типъ одинъ,
 И соглашусь теперь, не споря,
 Что списанъ вѣрно Басардинъ.

Всѣ наши «новые» мальчишки
 Однимъ лишь только высоки,
 Что, начитавшись модной книжки,
 Крадутъ карманные мыслишки,
 Крадутъ карманные платки.

V.

Шестаго. Былъ въ салонѣ О—вой.
 Мужъ какъ ни хмурься, ни юли,
 Но рожки будутъ: той обновой
 Мы наградимъ его съ Жюли.
 Такихъ плечей, такого бюста,
 Какъ у Жюли, я не встрѣчалъ...
 На тройкѣ нынче до Огюста
 Я съ ней катаюсь и болталъ.

VI.

Смотрѣлъ Островскаго... ту пьесу...
 Забылъ названье. Такъ пошла!...
 Не понимаю нашу прессу:
 Что въ тѣхъ комедіяхъ наша?
 Иныхъ — такъ любо придавить ей,
 Иныхъ же хвалить имъ въ замѣнъ...
 Я жь нахожу, что даровитѣй
 Островскихъ всѣхъ Потѣхинъ Н.

VII.

Кто мной любима захотѣла
 Узнать вчера старуха Ш.

— «Любимы мной: Надины — тѣло
И Мери А-гиной — душа»...

VIII.

Съ Мишелемъ былъ у фотографа,
Снимали вмѣстѣ свой портретъ.
Тамъ повстрѣчали фата-графа:
— Какъ старъ, а все-таки брюнеть.
Онъ былъ блондиномъ прежде, это
На сѣдину смѣнилъ старикъ,
Потомъ, купивъ себѣ парикъ,
Преобразился вдругъ въ брюнета.

IX.

Пѣвцы съ лирическимъ сумбуромъ
Ведутъ насъ частó къ скаламъ бурнымъ
Съ луной и нимфой темныхъ водъ,
Но съ тонкой шуткой, съ каламбуромъ
Не появляются въ народъ.
Въ салонѣ избранной графини
Они, старая отъ стыда,
Все сожалѣли бы тогда,
Что у графини той въ графинѣ
Стоить не водка, а вода.
Hélas!...

X.

На балѣ Д. Надина О—ки,
Была мила. Что за уборъ!..

Она явилась въ новомъ *токтъ*
A la Lucie de Lammermoor.
Мы танцовали vis-a vis съ ней.
Съ ней рядомъ ставшій дипломатъ
Былъ всѣхъ людей мнѣ несравнѣнѣй,
А опъ-то, опъ-то былъ какъ радъ!...

•

Голосъ изъ захолустья.

(Стихи, отданные городничему).

1.

Въ нашемъ городѣ жизнь улыбается
Прощалыгамъ однимъ, да ворами;
Что ни шагъ — то душа возмущается,
Какъ пойдешь по уѣзднымъ дворамъ.

2.

Залита грязью площадь базарная
И разбитый гниетъ тротуаръ;
Здѣсь не рѣдко команда пожарная
Прикатить безъ воды на пожаръ.

3.

Все начальство пропахло здѣсь взятками,
Всѣмъ берутъ — что кладутъ на вѣсы:

Ситцемъ, сахаромъ, чаемъ, лошадами
И, пожалуй, кускомъ колбасы.

4.

Здѣсь обычай такой городничаго:
Если въ лавку поѣдетъ жена —
Говорить: «ты, смотри, не купи чего —
Лавка даромъ давать миѣ должна».

5.

Нашъ неправникъ, стариннаго порева,
Пьетъ за двухъ онъ тринадцатый годъ,
А ужь грабитъ — такъ грабитъ онъ здорово
Да и ухомъ себѣ не ведетъ.

6.

Не боюсь обличенья столичнаго,
Лихоимствомъ живеть нашъ судья;
По словамъ стихотворца отличнаго:
«При колодцѣ пустынь онъ бадья».

7.

Сплетни, карты, баталіи съ женами,
Вотъ и все, что встрѣчаешь у насъ;
Съ крючокотворами тѣми прожженными
Не зѣвай, попадешься какъ разъ.

8.

Въ нашемъ городѣ жизнь улыбаются
Прощалыгамъ однимъ, да ворамъ;
Что ни шагъ, то душа возмущается,
Какъ пойдешь по уѣзднымъ дворамъ.

Мирный уголокъ.

1.

Въ нашемъ городѣ жизнь улыбается
Всѣмъ, кто въ городѣ только живетъ;
И невольно слеза проливается,
Если спустишь ногой изъ воротъ.

2.

Мостовой крыта площадь базарная,
Тротуаръ, какъ картинка на видъ,
Аккуратна команда пожарная,
Въ фонаряхъ керасинъ здѣсь горитъ.

3.

Здѣсь начальство гнушается взятками,
И привычки такія давно

Называетъ привычками гадкими:
«Братъ-де стыдно теперь и грѣшно».

4.

Городничій у насъ... городничаго
Мы такого не сыщемъ нигдѣ
(Не всегда лишь умѣютъ постичь его),
Онъ любому поможетъ въ бѣдѣ.

5.

Нашъ исправникъ безъ всякаго порока,
Вѣдь хмѣльного и въ ротъ не беретъ,
А поймаетъ онъ вора котораго —
То его со слезами деретъ.

6.

Нашъ судья же не тронетъ и волоса,
Если видитъ, что правъ человѣкъ,
И въ статейкахъ изданія «Голоса»
Одобряетъ онъ нынѣшній вѣкъ.

7.

Сплетни, пьянство, съ семействомъ баталін —
Ихъ не знаетъ у насъ гражданинъ;
Здѣсь у женщинъ высокія талін,
И высокая честь у мужчинъ.

8.

Въ нашемъ городѣ жизнь улыбается
Всѣмъ, кто въ городѣ только живетъ,
И невольно слеза проливается,
Если ступишь ногой изъ воротъ.

III.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВАРЬЯЦІИ.

Лирическія пѣсни съ гражданскимъ
отливомъ.

(Посвящ. А. Фету).

I.

— Сядемъ здѣсь, подъ этимъ вѣномъ!
Говорить моя подруга:
Посмотри: надъ небосклономъ
Брызжетъ свѣтомъ солнце юга...
Позабыть пора давно намъ,
Что груба теперь прислуга.

* *
*

Посмотри, какъ эта ива,
Точно море, колыхаетъ;
Какъ, къ рѣкѣ склоняясь лѣниво,
Зеленѣющая ива
Въ струйкахъ вѣтви обмываетъ, —
И забудь, что такъ лѣниво
Дворня шапки намъ снимаетъ.

Посмотри, какъ вся поляна
 Задымилася отъ жара,
 А за лѣсомъ даль румяна,
 Точно въ заревѣ пожара...
 Такъ оставь бранить Ивана,
 Что не чистилъ самовара.

* *
 *

— Иѣтъ, ни волны аромата,
 Ни сіяніе дешицы,
 Мной воспѣтыя когда-то,
 Не разбудятъ струнъ цѣвницы,
 Оттого, что гусенята
 Съѣли пукъ моей пшеницы.

II.

Когда наплывъ противныхъ мнѣ идей
 Къ намъ ворвался, — смирить не въ силахъ стоа,
 Сталъ плакать я, какъ плакалъ Іудей,
 Лишенный стѣнъ родимаго Сіона.

* *
 *

Когда меня журнальный асмодей
 Преслѣдовалъ, какъ лирика салона,
 Сталъ плакать я, какъ плакалъ Іудей,
 Лишенный стѣнъ родимаго Сіона.

* *
 *

Когда табуиъ сесѣднихъ лошадей
 Тотталъ мой хлѣбъ, — увидя то съ балкона,
 Сталъ плакать я, какъ плакалъ Іудей
 Лишенный стѣнъ родимаго Сіона.

Когда одинъ изъ пылѣшнихъ судей
 Оправдывалъ работника Семена, —
 Сталъ плакать я, какъ плакалъ Иудей,
 Лишенный стѣнъ родимаго Сіона.

* *
 *

Когда въ мой садъ явился гусь-злодѣй
 Для похоти гусинаго мамона, —
 Сталъ плакать я, какъ плакалъ Иудей,
 Лишенный стѣнъ родимаго Сіона.

* *
 *

И вотъ теперь, бродя между людей,
 Я не пою, какъ пѣлъ во время оно, —
 Но плачу все, какъ плакалъ Иудей,
 Лишенный стѣнъ родимаго Сіона.

III.

Лежу я на скошенномъ сѣнѣ,
 Надрѣзавъ два сѣльныхъ арбуза,
 Лежу я — и въ сладостной лѣни
 Зову тебя, вѣрная муза.

* *
 *

Явился предо мной на полянѣ!
 Мнѣ хочется пѣсенъ и ласки!
 Такъ проситъ ребенокъ у няни
 Любимой общанной сказки.

* *
 *

Я счастливъ, и пѣсня готова
 Въ мелодію звуковъ сложиться;

Но дума мелькнула — и снова
Вопросъ въ головѣ шевелится.

* *
*

Зачѣмъ это южные штаты
Торгуютъ рабами до-нынѣ?
О, гнусное рабство, когда ты
Угла не найдешь и въ пустынѣ?...

IV.

Холодъ, грязныя селенья,
Лужи и туманъ,
Крѣпостное разрушенье,
Говоръ поселянъ.
Отъ дворовыхъ нѣтъ поклона,
Шапки на-бекрень,
И работника Семена
Плутводство и лѣнь.
На поляхъ—чужіе гуси,
Дерзость гусенятъ, —
Посрамленье, гибель Руси,
И развратъ, развратъ!...

V.

Солице спряталось въ туманѣ.
Тамъ, въ тиши долины
Сладко спать мои крестьяне —
Я не сплю одинъ.
Лѣтній вечеръ догораеть,
Въ избахъ огоньки,
Майскій воздухъ холодаеть —
Сните! мужички,

Этой ночью благовонной,
 Не смыкая глазъ,
 Я придумалъ штрафъ законный
 Наложить на васъ.
 Если вдругъ чужое стадо
 Забредеть ко мнѣ, —
 Штрафъ платить вамъ будетъ надо...
 Спите въ тишинѣ!

* *
 *

Если въ полѣ встрѣчу гуся,
 То (и буду правъ)
 Я къ закону обращаюся
 И возьму съ васъ штрафъ;
 Буду съ каждой я коровы
 Брать четвертаки,
 Чтобъ стеречь свое добрò вы
 Стали, мужички...

VI.

НА НИВѢ.

Тучной нивой иду; колосистая рожь,
 Словно волны, кругомъ колыхается;
 Въ каждомъ колосѣ ржи мой хозяйственный грошъ,
 Точно въ банкѣ — въ рубли обращается.
 На зеленой травѣ засверкала роса,
 Вспыхнулъ пурпуромъ западъ пылающій,
 Мглистой дымкой одѣлись кругомъ небеса...
 Вдругъ ко мнѣ прибѣжалъ управляющій.
 Обтирая свой потъ, показалъ мнѣ Оадей,
 Какъ роскошною нашею нивою
 Изъ сосѣдней деревни табуиъ лошадей
 Мчался быстро, взмахнувъ своею гривой.

— Изловить весь табунъ! я въ волненьѣ кричалъ:
И держать его впредь до взысканія!...
Мой болѣзненный слухъ не шутя возмущалъ
Конскій топотъ и конское ржаніе.

Лирическія пѣсни безъ гражданскаго
отлива.

VII.

На дворѣ мычить корова,
Ждетъ на крышѣ кошку котъ,
Небо темно и сурово,
Буря плачетъ и реветъ.
— «Что валяешься въ прихожей!
Самоваръ нести пора...
Наказанье съ этой рожей:
Дрыхнетъ съ самаго утра».
Козачокъ вскочилъ. Сурово
Буря рвется въ ворота,
Но молчитъ въ хлѣву корова,
И на крышѣ нѣтъ кота.

VIII.

Ты предо мною сидишь;
 Весь я горю отъ любви:
 Умъ я теряю всегда,
 Если сидимъ vis-a-vis.

* *
 *

Сядь же напротивъ меня,
 Или къ себѣ подзови:
 Будемъ мы молча сидѣть
 Цѣлую ночь vis-a-vis.

IX.

Я — на диванѣ сидѣлъ,
 Ты же — къ огню подошла;
 Мѣсяцъ въ окошко глядѣлъ,
 Полночь томила и жгла.
 Вдругъ я съ дивана прыгнулъ,
 Ты — отошла отъ окна,
 Я на луну заглянулъ —
 Сироталась въ тучи луна.

X.

Что это: ночь или день?
 Дай мнѣ, мой ангелъ, отвѣтъ!
 Свѣтъ, прогоняющій тѣнь,
 Тѣнь, заставляющая свѣтъ.

Тучки нигдѣ ни слѣда,
 Ярко зардѣлся востокъ...
 Шепчешь ты мнѣ — *среда*,
 Я жь говорю — *четвертокъ*.

XI.

Тихая звѣздная ночь.
 Другъ мой, чего я хочу?
 Сладки въ сметанѣ грибы
 Въ тихую звѣздную ночь.

* *
 *

Другъ мой, тебя я люблю,
 Чѣмъ же мнѣ горю помочь?
 Будемъ играть въ дурачки
 Въ тихую звѣздную ночь.

* *
 *

Другъ мой! Умень я всегда,
 Днемъ я — отъ смысла не прочь.
 Лѣзетъ въ меня ерунда
 Въ теплую звѣздную ночь.

Дайте мнѣ женщину, женщину дикую!...

Въ бытность мою на Кавказѣ
я на самомъ себѣ испыталъ страсть
къ *полу-дикой* женщинѣ.

И. Полонскій.

Сплю и не сплю я, а ночь ароматная
Въ звѣздной коронѣ всплыла;
Вспрыснута росами даль необъятная,
Съ свѣтомъ цѣлуется мгла...
Очи сковала дремота пріятная...
Сладкая греза, лишь сердцу понятная,
Цѣлую ночь на пролетѣ
Тихо мнѣ пѣсню поеть.

* *
*

Странныя мысли... желанія странныя!...
Сталъ мнѣ противенъ весь свѣтъ,
Всѣхъ пшгилетовъ ученья туманныя,
Цивилизаціи бредъ,

Новаго вѣка идеи гуманныя...
Только лобзанія благоуханныя,
Полныя страсти, огни,
Могутъ разсѣять меня.

* *
*

Чѣмъ утолю свою жажду великую?
Рвется душа на просторъ...
Дайте мнѣ женщину, женщину дикую,
Дочь первобытную горь,
Жарко я къ сердцу прижму смуглолицую,
И обовьюсь вокругъ нея павиликою...
Страстию дикой горя,
Самъ обращусь въ дикаря.

Милая дѣвушка...

Милая дѣвушка! все въ тебѣ грація,
Каждый тобой поражается;
Все, чѣмъ сильна наша славная нація —
Все на тебѣ отражается.

* *
*

Локоны вьются душистыми змѣями,
Зноенъ такъ взглядъ твой магическій,
Только сравню я съ одиѣми камнями
Профиль твой строго-классическій.

* *
*

Милая дѣвушка! знаешь ты Овэна,
Бюхперомъ вся проникаешься,
Знаешь на память сонаты Бетховена,
Съ буквою *н* ты справляешься;

Но не съ тобой свое горе размыкаю.

Всѣхъ ты плѣнишь, — тѣмъ не менѣе
Только подъ саклей, съ черкешенкой дикою
Чувствую я вдохновеніе.

* * *

(Подражаніе Кн. Вяземскому).

При васъ и Скутари, и Пера,
И поэтической Стамбуль,
Вамъ дѣлали, княгиня Вѣра,
На карауль.

Кн. Вяземскій.

Когда въ любви однажды Полька

Клялася мнѣ,

Я эту ночь лишь вспомню только —

Вся кровь въ огнѣ.

Команды иѣжной чую звуки...

Глаза горять...

Мои опущенныя руки

По швамъ лежать.

Я помню садъ и вечеръ лѣта

Далекихъ мѣсть,

Гдѣ посадила сердце это
Ты подѣ арестъ.
— «О, я любви твоей достоинъ»,
Я дѣвѣ рѣкъ,
И сдѣлалъ ей, какъ честный воинъ,
Подѣ козырекъ.

Когда жь коснулся къ губкамъ алымъ, —
Какой афронтъ! —
Какъ предѣ бригаднымъ генераломъ,
Я сталъ во фронтъ.
— «Я хороша?» ты мнѣ шептала:
«Я не стара»,
И небо самое кричало
Тебѣ: ура!

Надъ трупомъ.

Вдругъ выносить на берегъ волна
Бѣлоснѣжный красавицы трупъ
И дышалъ въ ней улыбкою сна,
Тонкій очертъ несожнутыхъ губъ...

И приникъ я къ усопшей на грудь,
И лобзалъ я ее, и сжималъ,
И хотѣлъ въ нее душу вдохнуть,
И дыханьемъ уста согрѣвалъ.

Вс. Крестовскій.

Я лежалъ въ камышахъ на спинѣ,
Надъ рѣкою туманъ выплывалъ,
Сладострастныя пѣсни луиѣ
Гдѣ-то тамъ соловей распѣвалъ.

Этой пѣсни томительный звукъ
Жегъ и нѣжилъ, какъ женскій привѣтъ,
То Крестовскій въ немъ слышался вдругъ,
То съ мотивами вешними Феть.

Вдругъ я вижу—по зеркалу водъ,
Гдѣ хрустальная таетъ волна,
Трупъ красавицы мертвой плыветъ,
И его озаряетъ луна.

Разступается въ брызгахъ струя
И круги по рѣкѣ понеслись;
Сзади вьется коса, какъ змѣя,
Въ груди — черные раки впились.

Разодвинувъ рукой камыши
Въ непонятной, безмолвной тоскѣ,
Я слѣдилъ, какъ въ полночной тиши
Трупъ скользилъ и дрожалъ на рѣкѣ.

Но холоднаго трупа не смѣлъ,
Какъ Крестовскій, я жадно обнять,
Каюсь: плавать притомъ не умѣлъ,
А пошелъ мужиковъ я искать.

И, созвавъ понятыхъ на совѣтъ,
Я привелъ становаго съ собой:
Гдѣ есть трупъ — тутъ не нуженъ поэтъ,
Нуженъ тутъ лишь одинъ становой.

Еврейская мелодія.

Я приду къ тебѣ съ цѣвницею
Въ твой далекій вертоградъ,
Лишь за тающей денницею,
Вмѣстѣ съ трепетною зарницею,
Тѣши ночи излетятъ.

Въ пору темную, туманную
Не узнаютъ Ноя дочь.
Я походкой неустанною
Подъ одеждой легкотканною
Проберусь къ тебѣ въ полночь;

Я приникну голубницею
Ко щекѣ твоей лицомъ,
И подъ темною ложницею
Буду жечь тебя сторицею
Поцѣлуемъ, какъ огнемъ.

Весенняя пѣсня.

Забывались мы съ нею вдвоемъ
Надъ весенней страницю Фета.

В. Крестовскій.

Часто ночью, весной, когда Муза молчитъ
И перо я грызу до разсвѣта,
Вдохновеніе вновь у меня закипитъ
Надъ весенней страницю Фета.

И весеннія пѣсни растутъ и звенять
И щекочать подъ мышки поэта.
Вотъ за образомъ образовъ всталъ цѣлый рядъ
Надъ весенней страницю Фета.

И испанскій мотивъ, и еврейскій напѣвъ
Такъ и просятся въ формы куплета;
Я румянецъ у розъ похищаю для дѣвъ
Надъ весенней страницю Фета.

«Ты поэтъ! Ты поэтъ!» Мнѣ природа кричитъ,
И я слушаю съ трепетомъ это;
А въ груди сердце бьется и нойно стучить
Надъ весенней страницю Фета.

Подбоченясь, ходитъ мѣсяць...

Ходитъ вѣтеръ избочаеь
Вдоль Невы широкой.
К. Случевскій.

Подбоченясь, ходитъ мѣсяць
Голубой, лазурной выею,
Отъ востока и на западь
Пробѣгая плавной рыею.

И, прищуря томно глазки,
Со звѣздой звѣзда болтаеь,
А Меркурію Венера
Подозрительно мигаеь.

И надъ міромъ усыпленнымъ,
Гдѣ не спятъ жуки да блохи,
Рѣя плаваютъ въ туманѣ
Лишь одни людегіе вздохи.

Вдемъ мы лѣсомъ...

—

Вдемъ мы лѣсомъ песками сыпучими:
Солнышка близокъ закатъ;
Сосны вокругъ насъ иглами колючими,
Какъ исполины грозятъ.

Тянетъ ямщикъ свою пѣсню унылую...
Камень, песокъ да сосна...
Такъ бы все плакалъ подъ пѣсню тоскливую.
Родной вѣсть она.

Господа! Вы только Донъ-Кихоты.

Господа! Вы только Донъ-Кихоты,
Право!
Что миѣ ваши толки, бой, заботы,
Слава?
Бьетесь вы всю жизнь за идеалы
Смѣло,
Только то, что скажутъ вамъ журналы —
Дѣло.
Если жь васъ, преслѣдуя дозоромъ,
Спросимъ:
Сколько дважды-два? Вы хоромъ—
«Восемь.»
Миѣ давно наскучили всѣ споры
Эти,
Я пойду отъ васъ на лѣто въ горы,
Дѣти;

Тамъ, гдѣ въ яркихъ звукахъ моря льется
Грохотъ,
Съ плескомъ волнъ мой искренній сольется
Хохотъ;
Заболтавшись что есть только мочи
Съ эхомъ,
Заиграюсъ съ нѣжной трелью ночи
Съ смѣхомъ,
И набравши ракушекъ большую
Грудю,
Сыпать ихъ съ одной руки въ другую
Буду.
Что жъ мнѣ Дошъ-Кихоты, ваша слава,
Сила!
Вѣрьте: быть поэтомъ очень, право,
Мило.

К у к у...

(Посвя. «Куку», стихотворцу «Отсутств. записок»).

Избавь насъ, Боже,
Отъ элегическихъ Куку!..

Въ лѣсу, подъ зеленымъ навѣсомъ,
Кукушка поетъ на суку;
Она недовольна прогрессомъ —
Куку!

Все плачетъ кукушка о мѣрѣ:
Пора, дескать, въ гробъ старику...
А кто-то ей вторитъ на лѣрѣ —
Куку!

Все вторитъ, что свѣтъ безотраденъ,
Безцвѣтенъ, какъ глыба песку,
Что много червей въ немъ и гадинъ —
Куку!

Надъ жизнию глухо хохочеть,
 Въщуеть всеѣмъ смерть и тоску,
 И въ тишу запрятаться хочетъ —
 Куку!

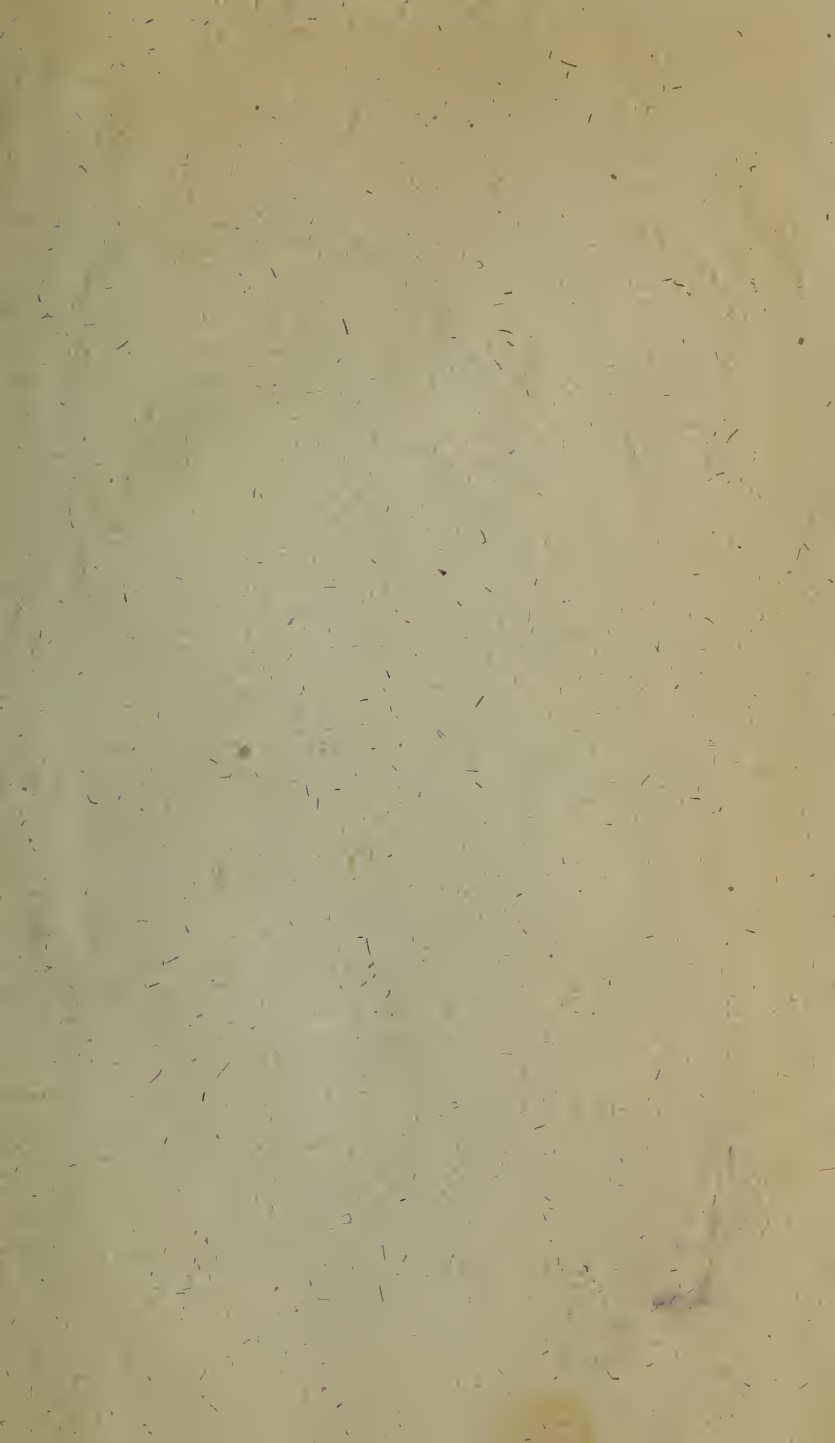
Уйду — говоритъ! — о, народы,
 Отъ васъ я одинъ за рѣку
 Сбирать насѣкомыхъ породы —
 Куку!

Такъ долго рыдала о мѣрѣ
 Кукушка въ лѣсу, на суку,
 А кто-то ей вторилъ на лирѣ —
 Куку!

Поэты! забудьте жь кручину
 И брешаго мѣра тоску,
 Но пойте, зарывища въ тишу —
 Куку!

Межвузовская Научная
 Библиотека
 при Уральскомъ Государственномъ
 Институтѣ им. С. М. Кирова

62207

PG
3467
M484A17
1864

Mnaev, Dmitrii Dmitrievich
Dumy i piesni

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW

D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 15 11 05 16 030 9